НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Е.А. ШИНАКОВ

ОТ ЧЕРНИГОВА ДО СМОЛЕНСКА

Военная история
юго-западного русского порубежья
с древнейших времен до XVII в.

Выпуск 10

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®

Новейшие исследования
по истории России

Е.А. ШИНАКОВ

ОТ ЧЕРНИГОВА ДО СМОЛЕНСКА

Военная история юго-западного русского порубежья с древнейших времен до XVII в.

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

УДК 947(471.333)(075)
ББК 63.3(2Р-4Бр)
Ш62

16+

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Новейшие исследования по истории России» основана в 2016 г.

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ/РФФИ (проект № 16-41-93576 «к(ф)»)

Шинаков Е.А.

Ш62 От Чернигова до Смоленска. Военная история юго-западного русского порубежья с древнейших времен до XVII в. — М.: Центрполиграф, 2018. — 351 с. — (Новейшие исследования по истории России).

ISBN 978-5-227-08031-8

В работе профессора Брянского государственного университета им. академика И.Г Петровского, доктора исторических наук Е.А. Шинакова на основе анализа широкого круга археологических и письменных источников рассматривается история вооружения и воинской культуры одного из самых «беспокойных» регионов России, всегда находившегося в пограничье различных этнокультурных и государственных ареалов и даже сейчас остающегося на стыке сразу трех стран. Российскую часть этого большого исторического региона сейчас занимает Брянская и частично — Смоленская и Калужская области, украинскую — Черниговская и Сумская, белорусскую — Гомельская и Могилевская области. Своеобразной осью этого региона от Смоленщины до Черниговщины является река Десна с ее притоками, поэтому его называют «Подесенье». Хронологические рамки работы — от древности, момента зарождения оружия и военных конфликтов, до конца XVII в., когда Подесенье фактически перестало быть беспокойным военным пограничьем.

Издание предназначено не только для специалистов и студентов, но и широкого круга читателей, интересующихся военной историей Отечества и отдельных регионов.

УДК 947(471.333)(075)
ББК 63.3(2Р-4Бр)

© Шинаков А.Е., 2018
© «Центрполиграф», 2018
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

ISBN 978-5-227-08031-8

ОТ ЧЕРНИГОВА ДО СМОЛЕНСКА

Военная история юго-западного русского порубежья с древнейших времен до XVII в.

Оглавление

Введение. .8

Часть I. ПРЕДЫСТОРИЯ И ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ПОДЕСЕНЬЯ В ПЕРИОД ДРЕВНЕЙ РУСИ

Глава I. От первобытности — к славянам .14
1. Топоры против стрел: свидетельствует археология .14
2. За стенами городищ .21
3. На «обочине» Великого переселения народов .32
4. В конце Великого переселения народов: славяне и тюрки. 50
Глава II. Между Черниговом и Смоленском: в составе Древнерусского государства (IX — начало XII века). .63
1. Предыстория: на пути к державе Рюриковичей .63
2. В составе Древнерусского государства .73
Глава III. Междоусобные войны в Брянско-Деснинском крае в эпоху феодальной раздробленности. .75
1. Сражение под Карачевом. Войны 1146—1155 годов .76
2. Вщижские войны .85
3. Стародубские войны 1167 и 1176 годов .94
4. Региональный аспект похода на половцев в 1185 году и съезд в селе Рогово в 1193 году .101
5. Вооружение XII — начала XIII века .114

Часть III. МЕЖДУ ОРДОЙ И ЛИТВОЙ

Глава I. Придеснинский край и монголо-татары в XIII — начале XIV века .121
1. Брянщина и монголо-татарские походы начала — середины XIII века: Калка и Северный поход Батыя .121
2. Юг Черниговской земли и монголы в 1238—1240 годах .... .128

3. Установление зависимости от Орды, изменение положения чернигово-брянских земель во второй половине XIII века .129
4. «Ахматова замятня» и ее последствия. .132
5. Литовский поход 1263 года и иные направления военных действий .133
6. Взятие Брянска татарами в 1310 году, его причины и последствия. .137
Глава V В эпоху великих битв (вторая половина XIV — первая половина XV века). .143
Раздел первый. От Синих Вод до Ворсклы. .143
1. От Орды — к Литве .144
2. Куликово поле и Брянский край. .150
3. Завершение присоединения всего Брянско-Деснинского региона к Великому княжеству Литовскому и катастрофа на Ворскле. .160
Раздел второй. В составе Великого княжества Литовского. Набат Грюнвальда. .170
1. Грюнвальд и Швентойя .170
2. Грюнвальд .177
3. После Грюнвальда: на периферии великих событий. Брянский край и гражданские войны в Литовском и Московском государствах в XV веке. .185
4. Организация и вооружение войск русско-литовско-татарского пограничья в середине XIV — середине XV века .215

Часть III. НА РУБЕЖАХ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ .221

Глава VI. Московско-литовские войны конца XV — первой трети XVI века. Стародубская трагедия .221
1. Подесенье в середине — второй половине XV века: «предвоенный период» .221
2. Войны за присоединение русских земель Литвы к России: конец XV — начало XVI века .226
3. Игры судеб .228
Глава VII. На крымской украйне. .235
1. Укрепление новых границ, крымско-татарские набеги .235
2. Ответ России. .240
3. Казаки .241
4. Организация обороны .242
5. Почему было нельзя взять Крым? .244
6. Стародубская война (1534—1536). Состав и вооружение армии .246
7 Организация и вооружение русских войск в конце XV — первой половине XVI века ..... .251

Глава VIII. Смута в Брянском крае (1603—1618) .254
1. Начало военных событий Смуты .254
2. Добрыничи (Добрунь). .255
3. Восстание Болотникова. Лжедмитрий II в Подесенье .262
4. Казаки во время Смуты. Рейд Лисовского и Брянский край .264
Глава IX. От Смуты до Андрусова. Раздел гетманства, примирение с Речью Посполитой .273
1. Брянский край после Деулинского перемирия: российская часть. .273
2. Польская часть Брянского края после Деулинского перемирия .277
3. Смоленская война — южный фронт .279
4. «Балашовщина» и чертопрудовцы .281
5. Оборонительные действия на юге Подесенья в ходе Смоленской войны .283
6. От Поляновского мира к Переяславской раде. Севский «укрепрайон» и крымская угроза .286
7 Подесенье в российско-польской войне 1654—1667 годов. Конотопская трагедия (1658). Оборона Глухова и Севска (1664), отступление Яна-Казимира. .295
8. Андрусово: итоги и последствия российско-польской войны. Изменение военно-политических доминант. Судьбы Украины и земель региона. .311

Список литературы .317

Персоналии .335

Список сражений и войн, связанных с территорией Подесенья. .342

Введение

Война... в этом слове для большинства людей сосредоточен исключительно отрицательный смысл. В то же время не пустыми словами являются и такие понятия, как воинская доблесть и честь, военная культура и искусство, гениальность полководца, вошедшая в поговорку солдатская смекалка, справедливая и освободительная война, боевое братство. Это и блестящая атака кавалергардов, и воодушевляющие, будоражащие душу, победные парады, яркие мундиры и награды. В общем, если не война, то военная история, ее антураж, атрибуты имеют несомненную привлекательность для десятков тысяч людей по всей Европе — иначе никак не объяснишь столь массовый характер движения исторических реконструкторов.

Есть те, кто говорит о естественности, имманентности («присущности») войн человеческому обществу. Они даже находят в них положительные, «полезные» свойства. С точки зрения психологии «больших масс» войны дают выход естественной агрессивности некоторой части людей, которая в противном случае обратилась бы внутрь общества. Война содействует научно-техническому прогрессу. Есть политологические теории, в соответствии с которыми именно войны, как частный случай насилия или сопротивления насилию, борьбы между группами людей, разными социумами, являются одной из главных причин социально-политического прогресса, приводящего в итоге к возникновению

цивилизации и образованию государств. Без войн нечем было бы заняться и нечем оправдать существование таких слоев населения, как рыцарство и дворянство, для которых война — «стезя чести и славы», а сами они (в идеале, конечно) — образец поведения, морали для остальных, «подлого состояния», людей. Сами же феодалы, да и многие другие авантюристы-наемники боготворили войну, так как только благодаря ей могли приобрести богатство и положение в обществе (а не как другие — эксплуатацией труда мастеровых, торговлей или ростовщичеством, хорошо подвешенным языком, а не шпагой, а то и вообще спекуляцией, мошенничеством или казнокрадством). Вспомним хотя бы поднявшихся из низов маршалов Наполеона.

Однако все эти теории создают либо профессиональные военные, либо ученые-политологи и политикоантропологи, явно не «призывного» возраста и в войнах не участвовавшие, либо политики, стремящиеся к власти над своим и чужими народами и использующие идеи некоторых «психологов толпы» и философов, таких, как автор психоанализа З. Фрейд и философов типа Ф. Ницше. Для них, как сказал О. Бисмарк, война есть просто «продолжение политики иными средствами». Впрочем, представления о необходимости периодической «встряски» и обновления сил людей, особенно при переходе в иной «возрастной класс, либо при вступлении в брак, есть и у некоторых «варварских» (по уровню социального развития) народов — папуасов, маори, кельтов, ацтеков, зулусов и др.

В то же время большинство людей считают, что любая война несет в первую очередь смерть и разорение. Что касается научно-технического прогресса, то, во-первых, он есть далеко не во всех областях жизни людей, война несет и регресс, разрушение производительных сил, а во-вторых, были периоды прогрессивных сдвигов в науке и технике, с войной первоначально никак не связанные — промышленные и научно-технические революции в Европе в конце XVIII и в конце XIX — начале XX века, да и в настоящий период. Что касается естественного отбора, то в войнах как раз в первую очередь гибнут самые честные, бесстрашные, да и просто — молодые люди, еще не давшие потом-

ства, а хитрые, изворотливые, да и просто больные и слабые выживают и дают потомство. Кроме того, в них вынуждена принимать участие не только заинтересованная в них военная элита, но и абсолютно невоинственные и выгод от войны не имеющие, рядовые солдаты, а то и просто мирные люди, женщины и дети — будущее нации. С психологической точки зрения война, как и любое убийство себе подобных, противна естественной человеческой природе и является абсолютной глупостью. В аспекте культуры и идеологии — война, конечно, добавляет сюжетов и для той, и для другой, создаются целые эпосы и эпопеи (хотя бы Махабхарата и Илиада, русский былинный и осетинский нартский эпос, киргизский эпос «Манас», армянский «Давид Сасунский», германский «Песнь о нибелунгах»), на примерах успешных войн воспитывается патриотизм, но в ходе тех же войн безвозвратно уничтожаются культурные ценности, рождается труднопреодолимая вражда между народами (хотя, наоборот, бывшие противники, если войны велись относительно «благородно», испытывают уважение и интерес друг к другу). С точки зрения навязывания идеологии насильно это может иметь место (исламизация завоеванных арабами и турками народов или христианизация завоеванных немцами народов Прибалтики), но это результат скорее не самой войны, а следующих за ней весьма длительных процессов.

Не всегда победа достается более культурным народам и странам, нередко ее достигают более отсталые в культурном плане, но более воинственные, беспощадные к врагу и «зацикленные» на одной цели, все ей подчинившие и организованные общности. Так, кочевники часто завоевывали гораздо более «цивилизованные» государства Китая, Передней и Южной Азии, Юго-Восточной Европы, что тормозило развитие последних. В этой же связи — далеко не всегда побеждают более храбрые, умные, а уж тем более — честные. Часто победа достается более хитрым, беспринципным, жестоким. Другое дело, что затем завоеватели попадают под воздействие культуры и даже языка завоеванных, но это случается далеко не всегда, бывает и наоборот.

Россия — геополитическое по масштабам пограничье Запада и Востока — совокупность не только народов, часто разных по своему происхождению, языковой принадлежности и этнокультурному облику, но и весьма непохожих друг на друга регионов. Есть регионы полиэтичные, хотя и находящиеся в глубинах России — Среднее Поволжье, Урал, например. А есть такие, которые в настоящее время обладают относительным этническим единообразием, но при этом имеют большие традиционные исторические и культурные связи с пограничными регионами соседних государств, с которыми некогда составляли единое целое ряда археологических культур, Древней Руси, некоторых русских княжеств, Великого княжества Литовского и Русского, Речи Посполитой, Российского централизованного государства. В связи с этим история, особенно военная, этих регионов, как в зеркале, отражает историю не только России и сопредельных с этими регионами государств, но и достаточно отдаленных от них стран — Польши, Болгарии, Чехии, Литвы. Недаром в начале XXI века (в 2003 году) в рамках евроинтеграции был создан трансграничный еврорегион «Днепр» в составе вначале Черниговской, Брянской и Гомельской областей, к которым вскоре присоединились Сумская, Могилевская, Курская, Калужская и Орловская области. Такой выбор не случаен, а исторически обусловлен общими судьбами в предыдущие столетия и даже тысячелетия. Географическим стержнем этих территорий является река Десна с ее притоками, протянувшаяся с севера на юг почти от верховий Днепра и Смоленска (Ельня) до Чернигова, где Десна вновь сближается с Днепром и сливается с ним под Киевом, на востоке ее притоки вплотную подходят к Поочью и степям за Курском в верховьях ее главного притока — Сейма, на западе — к Радимичско-Белорусскому Посожью. Это вечное пограничье, в котором менялся только его характер (через него проходили рубежи этнические, военно-политические, даже геополитические, но никогда — цивилизационно-культурные).

При этом всегда сохранялись внутрирегиональные, «межграничные» связи и контакты. Сейчас этот процесс

несколько нарушен, но, с учетом исторической ретроспективы, вряд ли надолго. В настоящее время ядром данного межграничного региона является Брянская область — единственный регион России, порубежный одновременно и с Беларусью, и с Украиной. Она не только в настоящее время находится на перекрестке народов и государств. Само ее физико-географическое расположение вдоль главного ландшафтного рубежа Русской равнины — границы леса и лесостепи — предопределило еще с бронзового века (примерно четыре с половиной тысячи лет назад) противостояние скотоводов Юга и земледельцев Севера. Не раз орды кочевников разных племен и народов поднимались вдоль долин Десны и Судости, круша и сжигая расположенные по их берегам поселения. Этим же путем пришли в первом тысячелетии нашей эры и славянские переселенцы, отношения которых с местным населением также далеко не всегда были мирными. В эпоху Киевской Руси (IX—XIII века) Брянщина сначала явилась пограничьем четырех восточнославянских племенных союзов с Древнерусским государством, процесс включения которых в его состав проходил длительно и сложно, был чреват военными конфликтами. Затем Среднее Подесенье явилось ареной борьбы и перекройки границ трех: Черниговского, Смоленского и Новгород-Северского великих и ряда более мелких удельных княжеств. Татаро-монгольское нашествие лишь вскользь затронуло территорию современной Брянской области, но зато позднее, вплоть до Северной войны 1700—1721 годов, Брянщина почти непрерывно была театром военных действий для ряда соперничавших государств Восточной и Северной Европы: Брянское, Смоленское, Рязанское и Московское великие княжества, Великое княжество Литовское, позднее — Речь Посполитая и Русское централизованное государство, Россия и Швеция. Добавим сюда набеги крымских ханов, непростые отношения с украинским гетманством, ряд гражданских войн и восстаний, сотрясавших и Литву, и объединенное Польско-Литовское государство, и Россию, вплоть до 1919 года (поход Добровольческой армии на Москву). Отдельная страница — Великая Отечественная война, когда военные

действия четырежды (имеются в виду события середины августа — начала сентября и начала октября 1941 года, затем марта и середины августа—сентября 1943 года) прокатывались по Брянщине, а в промежутках шли бои между оккупантами, партизанами и полицейскими формированиями коллаборационистов. Даже в относительно спокойный для нее период с 1709 по 1918 год, как, впрочем, и раньше и позже его, жители современной Брянской области принимали участие в ряде исторических сражений и войн, не затрагивавших непосредственно ее территорию. Война стала многотысячелетним фактором политического, экономического и социального развития этой извечно пограничной земли — Брянского края.

В этой книге вы найдете подробную историю войн и наиболее знаменитых сражений, прогремевших на территории современного российско-украино-белорусского пограничья с древнейших времен до конца XVII столетия, описание и реконструкцию вооружения, оборонительных сооружений, тактики и способов комплектования, противоборствовавших в них войск, а также участия в крупнейших сражениях и средневековых войнах Восточной и Центральной Европы воинских формирований, укомплектованных и сформированных на брянских и в целом на придеснинских землях.

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке книги к изданию А.А. Чубуру, Ю.М. Павлову, И.В. Мельникову, О. А. Головачевой, Н.Г Рябчевскому, А.А.Басову.

Часть I
ПРЕДЫСТОРИЯ И ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ПОДЕСЕНЬЯ В ПЕРИОД ДРЕВНЕЙ РУСИ

Глава I
ОТ ПЕРВОБЫТНОСТИ — К СЛАВЯНАМ

1. Топоры против стрел: свидетельствует археология

В воздухе просвистели вылетевшие из густого ельника короткие деревянные стрелы с маленькими кремневыми и костяными наконечниками. Несколько рослых светловолосых воинов в мгновение ока были сражены ими. Нападение произошло неожиданно — из засады. Невзрачные на вид наконечники оставили на их теле малозаметные отверстия. Наконечники имели с обратной стороны два острых шипа, которые затрудняли их извлечение из небольшой ранки и превращали ее в долго не заживающую и гноящуюся рваную язву. Такие наконечники обнаружены на стоянках эпохи неолита на Судости (Борки, Курово) и Десне (Сагутьево) в юго-восточной части Брянской области. Некоторые из таких наконечников, особенно в боевых условиях, а не для охоты, обмакивались в трупный яд. Это приводило к тому, что и раненый воин вскоре умирал. И все же, предохраняя себя от смертельной опасности, большая часть воинов, вслед за которыми двигались повозки со скарбом и домочадцами, успевала заслониться деревянными или плетеными, сделанными из ивняка и обтянутыми бычьими шкурами щитами. Кое у кого были и привезенные из далекой Британии целиком бронзовые щиты.

Военный вождь, издав гортанный крик и указав булавой с дорогим нефритовым наконечником на лесные заросли, призвал к действию. Озверевшие от неожиданного нападения и потери своих соплеменников воины, головы которых украшали скальпы туров с рогами, а на шеях бряцали ожерелья из клыков кабана, выхватив из-за щитов и поясов копья и топоры с медными, а большей частью каменными сверленными лезвиями, бросились, невзирая на повторный залп, на невидимого врага. В ближнем бою их боевые топоры доказали свое полное превосходство над кремневым и костяным оружием противника, большая часть которого не ушла от возмездия — была перебита, а остальная обращена в бегство.

Подобного рода топоры изготовлялись с помощью шлифовки мягких пород камня сырым песком, а сверлились полыми круглыми костями с песком в качестве абразива. Подобными топорами были вооружены пришельцы из Центральной Европы, знавшие уже и медную металлургию, но вынужденные из-за нехватки сырья на равнинах Украины вернуться к прадедовскому материалу.

Их путь был долгим, но в конце третьего тысячелетия до нашей эры эти скотоводческие племена с юга, вдоль долин Десны и Судости, вторглись в ополья и полесья современной Брянской области, «открыв» тем самым первую страницу ее военной истории; и оставив на ее территории материальные следы своего военного присутствия — сверленые боевые топоры. Особенно много их обнаружено на лесистом юго-востоке области, в Суземском и Севском районах. Здесь же при раскопках автора в 1988 году на поселении Уль-1 было исследовано и захоронение воина среднеднепровской культуры рубежа третьего—второго тысячелетий до нашей эры.

Начинать военную историю Брянщины (Среднего Подесенья) вряд ли целесообразно с более раннего периода. В палеолите (древнекаменный век), в котором 60 тысяч лет назад началось заселение этих территорий человеком, население было слишком редким — два-три, а ранее — и один-два поселка или родовых коллектива. Мамонтов и других крупных животных хватало на всех, а потребностей

в роскоши тогда у человека еще не выработалось, да и брать было нечего (рис. 1).

Многие исследователи считают пришельцев одной из ветвей индоевропейских племен — предшественниками современных славян, балтов и германцев, частично уничтоживших, частично «раздвинувших» местное охотничье-рыболовческое население (предков современных финно-угорских народов, к которым относятся финны, карелы, эстонцы, коми, мордва, мари, венгры, ханты, манси), не знавшее ни металла, ни крепостей. Роль последних, впрочем, могли играть свайные поселения, которые строились в основном для защиты от хищных животных, но могли на первых порах защищать и от хищников «людской породы».

Пришельцы же, имевшие безусловное военное и культурное превосходство над аборигенами и не имевшие пока внутренних противоречий, в крепостях не нуждались. Позднее, в эпоху сосницкой археологической культуры, стал расширяться ассортимент предметов вооружения, изготовленных из сплавов на медной основе — бронзы, в основном кавказского происхождения. Это наконечники стрел, ножи, острия копий, кинжал с прорезной рукоятью, выявленные при раскопках стоянок Кветунь и Юдиново. Особенно интересен бронзовый наконечник копья лавролистной формы с рельефным орнаментом и петелькой для привязывания к древку, найденный на крайнем западе региона, на реке Ипуть и принадлежащий приуральской по происхождению сейминско-турбинской культуре (рис. 2). Наконечник относится к редкому типу, которых даже на родине турбинцев пока найдено всего семь. Этот — восьмой, и он свидетельствует либо о зарождении дальних торговых связей, либо о дальних военных походах из Приуралья в Подесенье. Кто был его создателем — до сих пор вопрос дискуссионный: называют и финно-угров, и индоиранцев, и индоариев, и тюрок.

За последние годы пополнилась и коллекция таких специфических предметов вооружения, как бронзовые обоюдоострые кинжалы. К «парадному» экземпляру из Кветуни с прорезной рукоятью (Трубчевский музей) добавилось еще пять находок «повседневных» экземпляров с прос-

тыми черешковыми рукоятками, происходящих с востока Брянской области — от Брянска и Карачева на севере до Комаричей и Севска на юге. Все они относятся к финальному этапу эпохи бронзы — второму тысячелетию до нашей эры (сосницкая культура при влиянии более южной — бондарихинской) и могут датироваться концом первого тысячелетия до нашей эры, как, например, бронзовый кинжал с поселения Курово-6 под Погаром (раскопки автора, В.Н. Гурьянова, В.В. Миненко, А.А.Чубура). Он имеет аналогии также в кочевнических катакомбной и срубной культурах степей Украины и России, связанных с историческими киммерийцами.

Что же можно сказать о целях и характере войн, ведшихся в эту эпоху, а также вооружении, составе войск и тактике противоборствующих сторон? Судя по археологическим раскопкам, целью войн не был грабеж и захват поселений. Ведь «оккупанты» явно обладали большими богатствами (скот, медь, например), чем местные жители, тем более на захваченных ими поселениях присутствуют их могильники, то есть захоронения либо убитых в сражениях, либо умерших своей смертью людей.

Новому населению культур «боевых топоров» необходимы были свободные от местного населения (рыболовов и охотников) земли, которые можно было бы использовать под пастбища для крупного рогатого скота и свиней. Условия Подесенья с его обширными пойменными лугами и дубравами ополий были для этого как нельзя более подходящими. В соседних районах хвойных полесий уцелело, вероятно, старое «неолитическое» население и способ хозяйства.

Военные столкновения были не межродовыми и даже не межплеменными, а скорее «международными», ибо происходили между группами (а возможно, и союзами) разноязычных племен друг против друга.

Для одной из этих групп — скотоводов, пришедших со степного юга, с Украины, — они имели явно захватнический характер, для других — лесных рыболовов и охотников — оборонительный; завоеватели принесли более высокий уровень хозяйства и культуры (хозяйственно-культурный тип по этнографической терминологии).

Об основных видах наступательного вооружения как аборигенов, так и пришельцев свидетельствуют археологические материалы: у первых преобладало метательное оружие универсального назначения (оно могло использоваться как для охоты, так и для боя) — лук и стрелы, а также небольшие метательные копья — дротики, у последних — специализированное оружие ближнего боя — боевые топоры с каменными и бронзовыми лезвиями, и несколько позднее — копья с широкими наконечниками, кинжалы и булавы (у вождей).

На первый взгляд, степень вооруженности бронзовиков намного превосходила неолитчиков. Нельзя, однако, преуменьшать пробойную силу простого кремневого наконечника. Например, в XVI веке пленный индеец из Флориды на расстоянии 150 шагов (правда, в обмен на жизнь и свободу) пробил тростниковой стрелой с кремневым наконечником стальную испанскую кольчугу. У неолитчиков, правда, был еще простой, из одного куска дерева лук, обладавший меньшей «убойной силой». Кроме того, пришельцы, судя по инвентарю их захоронений, почти не располагали оружием дальнего боя, а ближайшие родственники местных племен ямочно-гребенчатой керамики (названы по орнаменту на глиняной посуде, ибо имя их кануло в Лету), жившие на берегах Онежского озера, знали даже бумеранг. Могли использовать его и древние жители Подесенья.

Превосходство (а оно было, ведь победили бронзовики), вероятно, следует искать в ином — в воинской организации. Мирные рыболовы и охотники не имели не только специализированного боевого, а также охотничьего оружия, но и воинов-«профессионалов», организованных в дружины во главе с военным вождем. Племена шнуровой керамики (так еще называют племена боевых топоров), планируя завоевательные походы, да и просто переселение в незнаемые территории, ее, безусловно, имели. Воины-профессионалы (или хотя бы «совместители» — скотоводы, ставшие воинами на период переселения), безусловно, заботились о сохранности своего здоровья и жизни, то есть имели защитное вооружение. То, что в захоронениях воинов нет бронзовых шлемов, панцирей, щитов, не говорит об отсутствии доспехов вообще. История свидетельствует, что наиболее ранние

доспехи изготовлялись из кожи, были также и веревочные (у египтян), и деревянные, и полотняные, пропитанные солью (у критян). Кожа же в земле сохраняется очень редко (только при «консервации» ее окисями меди или в очень влажной почве). Кстати, современные эксперименты доказывают, что и кожаные доспехи, оказывается, прочнее бронзовых! Вот что пишут авторы книги об археологических экспериментах «Прыжок в прошлое»: «Джо́н Коулз испытал прочность копий круглых кожаных и бронзовых щитов. На металлическом щите толщиной 3 мм он в центре сделал выпуклость, а также укрепил щит гибкими ребрами, в результате чего прочность его соответствовала оригиналу. В загнутый обод одного из щитов для прочности он вложил еще и проволоку. Дротик с бронзовым наконечником пробил этот щит насквозь, а меч эпохи бронзы с первого же удара рассек его пополам. Только проволока в ободе не дала щиту развалиться на части. Таким же испытаниям ученый подверг и кожаный щит. Дротик с трудом его пробил. А после пятнадцати сильных ударов мечом на внешней стороне кожаного щита появились только легкие порезы. Результаты эксперимента показали, что кожаные щиты с успехом могли использоваться для защиты. Бронзовые же щиты, по всей вероятности, служили для каких-то культовых целей, так как полагаться на них в бою было слишком рискованно. Это же относится и к бронзовым доспехам той отдаленной эпохи». Недаром такие лучшие в мире воины, к тому же располагавшие неограниченной металлургической базой, как римляне, имели или кожаные, или железные доспехи! Что же говорить о скотоводах, заброшенных в далекий лесной край и вынужденных получать драгоценную бронзу за тридевять земель, с Кавказа!

Для устрашения противника завоеватели могли носить на голове вместо шлемов скальпы быков и кабанов — вероятно, их возможных тотемов.

Что касается тактики, то у местных жителей (кроме нападения из засады) она отсутствовала вовсе, о способах боя пришельцев сказать сложно. Конечно, уже в третьем тысячелетии до нашей эры такой народ, как шумеры, знали строй сомкнутой фаланги тяжеловооруженной пехоты и

четырехколесные боевые колесницы, запряженные ослами, но это — высокоразвитые восточные города-государства, колыбель мировой цивилизации. Для наших же бронзовиков можно предположить такой способ ведения боя, как нападение не очень организованными и, в общем, руководимыми толпами. Ни конницы, ни колесниц они не знали, ибо не знали ни лошадей, ни ослов, ни тем более верблюдов или слонов, которых могли бы использовать как верховых или упряжных животных.

На Брянщине ни месторождений меди, ни олова нет. Поэтому, хотя среднеднепровские племена и относятся уже к бронзовому веку, однако у них еще преобладают каменные орудия, правда, обработанные новыми методами (сверление, шлифовка, полировка). Хотя к концу второго тысячелетия до нашей эры появляются и крупные бронзовые изделия — наконечники стрел и копий, ножи, кинжалы, в том числе со сложной в производстве прорезной рукоятью, но они составляют все же ничтожный процент по сравнению с каменными орудиями и встречены в несколько более поздний период (рис. 3). В эпоху бронзы на Брянщине появляются первые захоронения — трупоположения в скорченном виде, на боку, посыпанные символом огня, жизненной энергии, солнца — красной краской минерального происхождения — охрой. В конце эпохи бронзы (в сосницкой культуре) культ огня проявился еще более явно — от трупоположения перешли к трупосожжению — кремации покойных. Подобные культы характерны для первых индоевропейцев. И действительно, новые насельники Брянщины (судя по захоронению на поселении Уль-1 и по сохранившимся под первыми курганами скелетам) имели чисто европеоидный облик, без всякой примеси монголоидности, как в предыдущую эпоху неолита.

К юго-востоку от сосницкой культуры в эпоху поздней бронзы распространяются также племена марьяновско-бондарихинской культуры, расселившиеся в курском и украинском Посеймье, лесостепном днепровском левобережье и верховьях Северского Донца. Под ударом воинственных скифов, точнее, скифского племени гелонов, часть бондарихинцев ушла на север, в том числе и в брянское Подe-

сенье, смешавшись с племенами сосницкой культуры и породив, таким образом, новый народ, живший уже в железном веке. Часть же бондарихинцев осталась к югу от Сейма и была ассимилирована гелонами. С этого момента мы можем говорить не только об археологической культуре, но и о названиях (этнонимах) создавших их народов.

С востока, навстречу распространявшимся с запада индоевропейским племенам боевых топоров, но несколько позднее (в середине — второй половине второго тысячелетия до нашей эры) продвигаются из бассейнов Дона и Оки носители сначала абашевской, затем поздняковской культуры, потесненные на запад другими народами (кстати, возможно, и теми же турбинцами). Движение проходило вверх по течению левых притоков Десны — Навли и Неруссы. Население поздняковской культуры являлось самым юго-западным «языком» финно-угорского мира, а территория Брянщины и сопр — воинственных индоевропейцев (среднеднепровская, затем сосницкая культуры) и более мирных лесовиков — финнов (поздняковская, возможно, более поздняя бондарихинская культуры). Первые явились предками балтов и славян, вторые частично растворились в веках без следа, частично послужили основой формирования западной ветви марийского народа Поволжья. В состав воинов этих племен входили уже и колесничие.

Предметы вооружения этих культур эпохи бронзы гораздо более разнообразны: встречены кинжалы различных форм, лавролистные втульчатые наконечники копий, а в поздняковской и ее преемнице бондарихинской культуре — особый вид боевого топора — кельта, с проушным отверстием с торца обуха, надевавшийся на коленчатую, в виде буквы «Г» рукоять. Впрочем, наконечники наиболее массового вида вооружения — стрел и дротиков — все еще изготовляются из кремня.

2. За стенами городищ

К середине первого тысячелетия до нашей эры на Брянщине и сопредельных территориях лесной зоны наступает железный век. Греческий поэт Гесиод (рубеж VIII—VII

веков до нашей эры) характеризует его как эпоху черезвычайной жестокости нравов, коварства, чуть ли не преддверие конца света.

На Брянщине, однако, судя по данным археологии, наступает сравнительно мирная эпоха стабильного развития одних и тех же народов и культур, без крупных их перемещений.

К середине первого тысячелетия до нашей эры (в VIII—VI веках) в среднем течении Десны сложилась юхновская археологическая культура, получившая название от села Юхново под Новгородом-Северским. Северо-запад Брянской области (верховья Десны и Ипути) к этому времени занимают близкородственные юхновцам днепро-двинские (или верхнеднепровские) племена, а юго-запад (бассейн реки Снов и низовья Ипути) — милоградские. Впервые территория области оказалась разделенной на три части тремя племенными группировками, главные центры которых находились за ее пределами. В дальнейшем эта ситуация будет повторяться довольно часто, а пережитки ее сохраняются до сих пор в этнографическом и диалектном делении территории Брянской области.

В настоящее время с достаточной долей вероятности определены имена носителей всех этих культур: милоградцы — невры, юхновцы — будины, днепродвинцы — андрофаги («людоеды», точнее, «мужееды»). В неврах некоторые исследователи (Б.А. Рыбаков) видят одних из предков славян, потесненных в середине VI века до нашей эры змеепоклонниками — балтами («змеями», по сообщению Геродота). Этот историк дает следующее описание внешности и быта данных народов: «Будины — народ многолюдный; у них всех светло-голубые глаза и светлые (рыжие) волосы. Будины — коренные жители этой страны, они ведут кочевой образ жизни», хотя «земля их покрыта густым лесом разных пород. В обширнейшем из лесов находится большое озеро, окруженное болотами и зарослями тростника. В этом озере ловят выдр, бобров и других животных с четырехугольной мордой». Как видим, описание Геродота как нельзя более подходит к юхновской культуре и лесной Брянщине. «Кочевой» же образ жизни

в «густых лесах» может означать не что иное, как занятие подсечно-огневым земледелием, требующим частой смены возделываемых участков и мест обитания. В этой связи вызывает известное сомнение сообщение этого, в общем-то, объективного и сведущего историка о том, что основным продуктом питания будинов (то есть возможных древних предков брянцев) явились «сосновые шишки». «У невров обычаи скифские... Эти люди, по-видимому, колдуны. Скифы и живущие среди них эллины, по крайней мере, утверждают, что каждый невр однажды в год на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик».

«Из всех народов андрофаги имеют самые дикие нравы; нет у них ни суда, ни законов; андрофаги — кочевники. Одежду носит подобную скифской, но язык у них особый. Это единственное племя людоедов в той стране». Судя по данным топонимики (наука о названиях мест), эти три культуры и три народа принадлежали к прабалтам — индоевропейским народам, близким к современным литовцам и латышам, и, возможно, являлись предками жившей на территории Руси, в том числе и брянской ее части, и известной по летописям голяди. Так, на поверку оказываются балтскими по происхождению на первый взгляд так «по-славянски» звучащие названия, как Дорунь (Добрынь), Радутино, Столбянка, Немолодва, Десна, а некоторые имена рек — Болва, Надва — восходят, вероятно, еще к более глубокой (финно-угорской) древности. Происхождение же названия голядь, которое предположительно связывается с уже упомянутыми гелонами Геродота, некоторые исследователи (например, О.С. Стрижак) предлагают искать не в балтских, а в кельтских языках, возводя его к кельтскому племени галатам, жившим в Центральной и Восточной Европе и Малой Азии, или даже к французским галлам, или связывают их с гэлами (каледонцами, или шотландцами). Однако столь дальние сопоставления вряд ли будут являться научно обоснованными, ибо предметов кельтского происхождения на Брянщине не обнаружено. Впрочем, название «невры» с кельтского может переводиться как «мужественные», «отважные»; «буди-

ны» — «победоносные», а само размещение этих народов в Подесенье является хоть и возможным, но отнюдь не единственно возможным.

Военные действия, зафиксированные письменными источниками (Геродотом в первую очередь), относятся только к началу раннего железного века, точнее — к 512 году до нашей эры. Будины (точнее, их южная часть — будино-гелоны) подверглись нападению персов, так как выставили воинов в поддержку скифов, а их соседи невры и андрофаги — карательному набегу степных кочевников за отказ помочь им в критическую минуту в борьбе против персов Дария I. Будины и гелоны входили в состав третьего скифского войска (царя Таксакиса), целью которого было не допустить вторжения персов на север.

«Когда скифы перешли реку Танаис, в погоню за ними последовали немедленно и персы, пока наконец не прошли землю савроматов и не достигли владений будинов». «...Вторгшись в землю будинов, персы напали на деревянное укрепление, которое было покинуто будинами, и сожгли его». После отступления персов скифы, решив наказать отказавшие им в помощи лесные племена, «двинулись во владения андрофагов; разорив и этот народ, они отступили к Невриде. По разорении этой страны скифы бежали к агафирсам». Есть, впрочем, данные, что вторжение скифов и невров носило превентивный характер и относится к 515 году до н. э. Под воздействием возросшей опасности с юга (персы, затем скифы) андрофаги «не взялись за оружие... а, объятые страхом, бежали все дальше к северу в пустыню». Таким образом, кроме прямых вторжений, к видам военных действий VI века до н. э., точнее их последствиям, относятся массовые переселения народов — миграции. Так, «за одно поколение до похода Дария им (неврам) пришлось покинуть всю свою страну из-за змей. Ибо не только их собственная земля произвела множество змей, но еще больше их напало из пустыни внутри страны. Потому-то невры были вынуждены покинуть свою землю и поселиться среди будинов». Примерно в это же время, но уже с юга, а не с запада в землю будинов вторглись гелоны, построившие в их земле свой город. Харак-

тер переселения (мирный, военный) письменные источники не освещают, однако, по данным археологии, отношения пришельцев с местным населением (по крайней мере, милоградцев-невров с юхновцами-будинами) далеко не всегда были мирными. Крупнейшие исследователи этих культур О.Н. Мельниковская и Б.А. Рыбаков так доказывают это положение: «Вновь создающиеся на востоке (в соседстве с будинами или уже на будинской земле) милоградские поселки возникают сразу как укрепленные поселения. Количество городищ очень велико, под городище занимался буквально каждый удобный мыс» (Б.А. Рыбаков). Недаром так различались позиции невров и будинов по отношению к персидско-скифскому конфликту.

Что касается различных видов военного дела милоградцев, юхновцев, днепро-двинцев, то как раз о фортификации мы можем судить наиболее полно.

Все три культуры (милоградская, юхновская и днепро-двинская) представлены маленькими укрепленными поселениями диаметром в несколько десятков метров и с населением не больше сотни человек. В этих поселках жили отдельные роды или большие патриархальные семьи. В археологии эти укрепленные поселения называют «городищами», а местные жители величают их «городцами», «городками», «кудеярками» (по имени легендарного разбойника Кудеяра, который хранил якобы на таких городищах свои сокровища), «тарелочками». Для безопасности от различных набегов и нападений врагов они строились на высоком обрывистом мысу либо у реки, либо в окружении лесов и болот, то есть в недоступных для внезапного вторжения местах. Городища обязательно укреплялись с напольной стороны валами и рвами, расположенными иногда (особенно у днепро-двинцев) в два-три ряда. Часто строители усиливали естественную крутизну склонов эскарпами, а по краю площадки ставили частокол или бревенчатые стены. У милоградцев же городища часто имеют правильную геометрическую форму, расположены на ровной местности и имеют несколько укрепленных площадок, причем внешние часто не имели следов жилого использования и могли использоваться, например, в качестве загонов для скота.

Иногда применялись еще более оригинальные конструкции — длинные жилые дома столбовой конструкции по всему внешнему периметру площадки (рис. 4). От столбов этих домов до сих пор сохраняются круглые в сечении «трубы» диаметром свыше 20 сантиметров, а глубиной зачастую свыше двух метров, исследованные при археологических раскопках на городищах у сел Случевск и Синино Погарского района. Столбы располагались в три ряда, на центральный ряд, вероятно, опирался конек двускатной крыши. Ширина подобных «жилых стен» в Случевске достигала пяти метров, а в высоту они, возможно, равнялись двухэтажному дому и имели также два яруса — жилой и боевой. С напольной стороны, однако, и после строительства нового типа укреплений по периметру сохранялись старые, «испытанные» рвы и валы, только где-то в IV веке до нашей эры их глубина и, соответственно, высота (земля для вала бралась изо рва) увеличивается. Со стороны рва находился въезд на площадку городища и располагались ворота в валу (рис. 4).

Подобная планировка укрепленных поселений была очень удобной при отсутствии постоянного войска в небольшом родовом коллективе — глава каждой небольшой, «парной» семьи нес, вероятно, ответственность за «собственный» участок жилой стены, который он и должен был защищать в случае внезапного нападения, поднявшись на нее непосредственно из своей «квартиры». Кроме того, подобное устройство было выгодно и с точки зрения хозяйства, основу которого составляло стойлово-пастбищное скотоводство: незастроенный центр поселения представлял собой загон для скота.

От кого же готовились защищаться мирные землепашцы и скотоводы? Первоначально, когда внешней опасности фактически не было, опасаться следовало ближайших соседей и соплеменников. Все поселения являются небольшими крепостями с одинаковой по мощности системой укреплений. Данный факт свидетельствует в пользу отсутствия развитой племенной организации и постоянного войска — «дружины», которое могло составлять «гарнизоны» крепостей на племенных границах, что позволяло осталь-

ному населению во внутренних районах племенного расселения не сооружать укреплений на поселениях. Не было тогда и достаточно сильной и авторитетной власти, стоявшей над отдельными родами и могущей пресекать межродовые столкновения. Именно последние и были единственным видом военных действий вплоть до рубежа нашей эры.

Хорошей иллюстрацией для этой эпохи могла бы стать картина Н. Рериха «Встал род на род». Причиной же столкновений мог быть или неурожай, или падеж скота, но могли быть и не только такие меркантильные цели, как захват чужих «богатств», а также, например, месть за попранные честь и жизнь сородича, случайная ссора, убийство или игра личных амбиций.

Более мощные укрепления на некоторых городищах поздней юхновской культуры не под силу было сооружать отдельному роду или патриархальной семье, да и к чему им это было? Неужели для защиты от такого же рода? Вероятно, что к этому времени появляется какая-то общая опасность, которая сплачивала роды и заставляла объединять их усилия для строительства более мощных укреплений в тех поселениях, которые находились на возможных путях подхода врагов. Случевское городище, во всяком случае, явно этому соответствует: оно располагается на высоком правом берегу Судости, буквально в нескольких километрах от ее впадения в Десну. Учитывая, что наиболее удобным, а зачастую и единственным путем степных кочевников была действительно ровная, как скатерть, гладкая лента замерзших зимних рек, миновать Случевское городище пришельцы с юга просто не могли: недаром оно минимум дважды подвергалось нападению врагов.

Реже, там, где не было естественных укреплений, а место было стратегически важным, строились кольцевые валы и рвы в несколько рядов, концы которых примыкали к береговому обрыву или выходили в овраги. Таким было городище Левенка-II, прикрывавшее место слияния Бабинца и Вабли (Стародубский район). Появляется и новый тип городищ — «останцовые», расположенные на отдельно стоящих холмах, имеющих крутые склоны со всех сторон, что делало их укрепление наиболее экономичным с

точки зрения трудозатрат. Поскольку по краю они со всех сторон были окружены земляными валами, с течением времени заплывшими к центру, то по внешнему виду стали напоминать чашу, блюдце или тарелочку — под последним названием чаще всего фигурируют в народной топонимике. Так называется и лучшее из них, под Бакланью, перекрывавшее путь вверх по Судости выше устья Вабли. Существовали и так называемые «болотные» городища-убежища, со всех сторон окруженные валом, спрятанные на островках болотистых пойм рек. Они имеют круглую или (у милоградцев) квадратную в плане форму.

Оружие этой эпохи (рис. 5) изготовлялось уже в основном из железа, добытого из местных болотных руд с помощью сыродутного процесса, хотя встречаются еще изделия из бронзы (в основном импортные, скифские) и из кости. Это наконечники стрел позднескифских типов (в виде пирамидки со скрытой втулкой), датируемые обычно IV веком до нашей эры и найденные на городищах Случевск (рис. 5: 2) и Левенка-II экспедицией БГПИ и Института археологии АН СССР под руководством автора в 1982 и 1986 годах. Встречаются и костяные одно- и двушипные наконечники стрел (рис. 5: 4—6), использовавшиеся, скорее всего, для охоты. Впрочем, и скифские наконечники настолько малы, что удивляешься, как с их помощью скифам удалось разбить полчища Дария I в степях Причерноморья и остановить фалангу Александра Македонского на берегах Яксарта (Сырдарьи). В лесную Брянщину они могли попасть как путем торговли, так и вместе со скифским отрядом, совершившим набег на земли невров.

Из железа изготовлялись и наконечники копий, известные в древностях милоградской культуры (рис. 5: 7, 8). Есть сведения об использовании здесь скифских коротких мечей-акинаков, что косвенно подтверждает фразу Геродота о «скифских обычаях» невров. Встречен и железный нож-кинжал (рис. 6), принадлежавший, скорее всего, вождю племени, так как аналогичные предметы вооружения обнаруживаются и на соседних с Брянщиной землях, но всегда — в единичных экземплярах и являющиеся уникальными, штучными и престижными атрибутами власти.

На милоградско-юхновском пограничье, на городище у села Рябцево Стародубского района был обнаружен в 1981 году во время раскопок Новгород-Северской экспедиции Институтов археологии АН СССР и УССР, БГПИ и ЧГПИ железный проушной топор (рис. 5: 9) универсального назначения (автор находки — В.П. Коваленко, черниговский ученый-археолог). Он мог использоваться как для рубки деревьев (что было остро необходимо не только для строительства домов и крепостей, но и развития земледелия в лесной зоне), так и для действий против врага, одетого в металлические шлемы (что, правда, в то время было большой редкостью).

Особым родом оружия, присущим населению именно этих трех культур, чьи границы перекрещивались на Брянщине, была праща. Ядра от нее (рис. 5: 1) обнаружены практически на всех исследованных городищах, причем в наибольшем количестве — на юхновских. У милоградцев, заселявших юго-запад современной Брянской области, использовались обточенные каменные ядра, а у юхновцев и днепро-двинцев (у последних, впрочем, очень редко) — из обожженой глины круглой или чаще всего округло-веретенообразной формы. Праща (рис. 5: 14) являлась изобретением очень древним. Еще библейский пастушок Давид победил с ее помощью одетого в железные доспехи великана Голиафа. В римской армии, например, заслуженной славой пользовались балеарские пращники. В сложенный вдвое кожаный ремень, или ремень с особой петлей на конце, вкладывался камень, затем ремень раскручивался над головой, один конец его отпускался, и камень (или ядро) с силой устремлялся в противника. Дальность действенного полета ядра равнялась приблизительно 100 метрам (у лука — до трехсот шагов у английских стрелков времен Столетней войны), точность была меньшей, чем у лука, однако праща имела преимущество в простоте изготовления как самого оружия, так и метательных снарядов. Использовалась праща при обороне крепостей. У валов некоторых юхновских городищ (Случевск, Синино) обнаружены целые арсеналы заранее заготовленных глиняных ядер, что однозначно свидетельствует об их предна-

значении. Интересно, что подобные же запасы камней для пращи были сделаны защитниками британских крепостей на юге современной Англии в преддверии римского завоевания Британии. Характерно то, что аналогичные склады эти были созданы на поселениях юга Брянской области, которые в первую очередь могли подвергнуться нашествию скифской или сарматской конницы, а также и иных иноплеменных войск.

Что касается организации войска самих этих прабалтских племен и их тактики, то они вряд ли намного продвинулись вперед по сравнению со своими предками эпохи бронзы. Господствовавшей силой была пехота, состоявшая из всех вооруженных мужчин (а может, даже и женщин) рода или большой семьи. Специфически дружинного оружия (мечи, боевые топоры) фактически не существовало, да и то немногое, что имелось, было скифского происхождения. Лук и стрелы также не пользовались большим почетом — они были в основном охотничьим оружием, хотя и употреблялись стрелы со скифскими бронзовыми наконечниками. Стрелы у самих скифов имели 60—70 сантиметров длины, делались из ясеня, тополя, тростника, были и составные — верхние и нижние части из дерева, середина — из тростника. Это делало стрелу более легкой при достаточном запасе прочности. Стрелы оперялись и красились в черный или красный цвет — для устрашения противника. Для этой же цели, но не для воинов, а их коней служили отверстия в лопастях ранних типов наконечников стрел, издававших при вращении в полете зловещий свист. У одного воина обычно было от 50—60 до 200—300 стрел с разного типа наконечниками простыми и широкими, часто с шипом, дающими широкие рваные раны, и пирамидальные бронебойные, как найденные в Случевске и Левенке. «Цари» имели три символических стрелы в горите, обложенном золотыми пластинами.

Горит — очень оригинальное, типично скифское приспособление для ношения лука и стрел — объединял в себе функции колчана для стрел и саадака (футляра для лука). Крепился горит на левой стороне пояса, ибо на правой висели ножны для акинака. Гориты изготовлялись

из дерева и кожи, а у знати украшались золотыми пластинами, представляющими собой настоящие произведения искусства. Стрелы вкладывались в специальный «кармашек» с наружной стороны горита, за спиной воина или у «седла» (точнее, его имитации — седел с твердым каркасом еще не было) были запасные колчаны со стрелами. Луки в них вкладывались в натянутом состоянии, чтобы в скоротечной конной схватке можно было их быстро выхватить и первым послать стрелу в противника. Луки были небольшие — от 0,6 до 1 метра, двояковыгнутые (рис. 5: 12, 13), составные из разных пород дерева, трубчатых костей и сухожилий животных, в ненатянутом состоянии напоминающие обратно выгнутый «лунный серп во время ущерба» (по образному выражению Аммиана Марцеллина). Благодаря этому небольшие луки придавали стрелам большую дальность полета, а на близком расстоянии — и существенную пробивную силу. Впрочем, длина лука не всегда прямо пропорциональна дальности стрельбы — полинезийский лук при длине в 200 сантиметров стрелял на 149 метров, а турецкий, чья длина равнялась 122 сантиметрам, посылал стрелы на 229—257 метров. Для скифских луков такие испытания не проводились, но, судя по легенде о прародителе скифов царе Таргитае, лишь один из сыновей которого смог натянуть отцовский лук, и втором мифе о Геракле, оставившем своему сыну — первому скифу — свой лук, они были также неплохим оружием.

Сравнительно малое распространение лука неудивительно, ведь жители деснинских городищ первого тысячелетия до нашей эры не были ни охотниками, ни кочевниками (у которых сам образ жизни и хозяйства вырабатывает необходимые навыки), а мирными земледельцами и скотоводами. Юхновская «пехота» вообще не была предназначена для военных действий в поле, а использовалась лишь для защиты своих или неожиданных нападений на «вражеские» укрепленные поселения.

Нет никаких признаков наличия у них профессиональных военачальников — «офицеров» или военных вождей, за исключением уже упомянутого железного кинжала, как не наблюдается, впрочем, и вообще социального расслое-

ния, по крайней мере отраженного в имущественном неравенстве. Нет кладов с «импортными» вещами (хотя клады местных изделий имеются, что свидетельствует об обороне), которые могли бы быть добыты во время «зарубежных» грабительских походов, и связанной с их осуществлением воинской организации. В эпоху же варварства такая организация создавалась в первую очередь именно для ведения такого рода военных действий, а затем уже — для охраны племенных границ.

Впрочем, материальные условия для осуществления дальних походов были: местные племена, особенно юхновцы и милоградцы, уже умели использовать лошадь как верховое животное, о чем свидетельствуют находки металлических деталей конской упряжи, в частности — бронзовых ворворок и блях, а также бронзовых литых фигурок самих этих животных. Была ли у населения Брянщины эпохи раннего железного века конница как род войск — вопрос остается открытым. Если она и была, то немногочисленная и низкого качества, а основу войска составляло пешее ополчение всех способных носить оружие жителей, возможно включая и молодых женщин.

3. На «обочине» Великого переселения народов

Скифские вторжения мало затронули Брянский край да Подесенье в целом. Однако на рубеже IV и III веков до нашей эры донской державе скифов (сколотов по самоназванию) в степях Северного Причерноморья сменяют также скифские по языку и культуре, но все же иные племена, имеющие собирательное название «сарматы». Их тяжелая панцирная кавалерия, в которой даже кони были одеты в «катафракты» — пластинчатые или чешуйчатые доспехи на кожаной или войлочной основе — без труда опрокинула легкую скифскую конницу, перейдя Танаис (Дон) и быстро достигнув Дуная и Перекопа. Скифы отошли в Крым и укрепились там. За Дунай сарматы первоначально тоже не пошли — там находилась Фракия, подчиненная Македонской державе, царь которой Филипп II и созданная им

фаланга и тяжелая кавалерия гетайров за полвека до этого остановили и разгромили армию кочевников самого сильного из скифских «царей» Атея.

Сарматы, которые с IV века стали называться преимущественно аланами (отсюда и Северная Осетия — Алания, республика, основанная их потомками), свыше 500 лет полностью господствовали в Северном Причерноморье, Предкавказье, на Нижней и Средней Волге — до середины III века нашей эры, после чего стали делить власть здесь с пришедшими с севера и запада германцами, распространив господство и на непосредственных предков славян — венедов. Еще в середине сарматской эпохи, во второй половине I века до нашей эры вождь фракийского племенного объединения гето-даков Буребиста создает на территории Трансильвании и Молдавии свою «варварскую» державу и совершает походы на восток и север, эхо которых докатилось и до Брянского края. По принципу снежного кома сюда отходят с юго-запада теснимые воинами как Буребисты, так и Рима (который в 29 году до нашей эры нанес удар по бастарнам-певкинам) народы, подчинявшиеся сарматам, — бастарны-певкины и (по теории Ю.Ю. Шевченко) россомоны («отколовшаяся» часть бастарнов). Последние, прихватив по дороге в Киевском Поднепровье часть зарубинецкого населения, образуют в бассейне Десны и Судости почепскую археологическую культуру. Их считают как частью сарматов, так и одним из германских племен, а также первыми славянами на Брянщине. Впрочем, для той бурной эпохи, когда старые племенные связи, язык и даже религия потеряли свое значение, вполне мог образоваться и разноэтничный племенной союз с общими целями — обороны от захватчиков и организации переселения на новую родину.

Миграции народов с севера начались несколько позднее. Во II веке нашей эры восточногерманские племена готов, высадившись в устье Вислы, двинулись на юг. Пройдя сквозь славянские, прабалтские и венедские земли современной Польши и Западной Украины, они в середине III века нашей эры вышли к северному побережью Черного моря, частично разрушив, частично покорив существо-

вавшие там греческие города-государства. В созданную их вождем Германарихом, по преданию жившим 120 лет, державу вошли не только германцы-готы, но и еще кочевавшие в степях Крыма скифы и сарматы Северного Причерноморья. В конце своего правления Германарих завоевывает некоторые племена Среднего Поволжья, присоединяет живших на восточном побережье Меотиды (Азовского моря) и на Тамани германцев-герулов и покоряет венедов — предков славян.

Готский (по национальности), византийский (по должности) историк Иордан, секретарь полководца аланского происхождения Гунтипеса Базы, воевавшего с готами в Италии в середине VI века нашей эры, оставил подробное описание истории своего народа, в том числе его одиссеи из Балтийского региона в Северное Причерноморье и далее, до Италии и Испании. Там имеется интересное свидетельство не только о маршруте продвижения готов, затронувшем в начале III века Среднее Поднепровье, но и о последующих их походах из своей очередной «родины» в степях Украины на север, в земли венедов. «После поражения герулов Германарих двинул войско против венетов, которые, хотя и были достойны презрения из-за слабости их оружия, были, однако, могущественны благодаря своей многочисленности и пробовали сначала сопротивляться. Но ничего не стоит великое число негодных для войны, особенно в том случае, когда и Бог попускает, и множество вооруженных подступает. Эти (венеты)... происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов. Хотя теперь... они свирепствуют повсеместно, но тогда все они подчинялись власти Германариха». Археологически готы присутствуют вблизи границ Брянского региона дважды — в первой трети III века, когда они на время остановились в Среднем Поднепровье перед вторжением в Северное Причерноморье, находившееся еще под защитой римских легионеров (до 40-х годов этого века), и в середине IV века, что можно связать с походом Германариха и дальнейшем расселением населения его державы (не только готов), идентифицируемой с черняховской культурой, на север вплоть до Сейма. Первый

готский импульс хорошо стыкуется с кладами характерных для киевской культуры «венетов» предметов с эмалями, в одном из которых, происходящем с юго-востока Брянской области, были обнаружены римские серебряные денарии с последней датой 210 год. Ранее выделялось (Г.Ф. Корзухиной) три основных центра распространения этих предметов: Юго-Восточная Прибалтика (Литва и Мазовия); Среднее (Киевское) Поднепровье; Верхнее Поочье (Мощинская культура), а Подесенье было лакуной в их распространении. За последние десять лет ситуация кардинально изменилась — Среднее Подесенье с Посемьем стало «мостом», соединяющим два «старых» центра — Среднее Поднепровье и Поочье, а также и с «появившимся» новым их ареалом — Подоньем.

С точки зрения истории воинской культуры региона наиболее интересен клад предметов с эмалями и сопровождающего инвентаря, обнаруженный поисковиками у села Усух Суземского района и переданный в Государственный исторический музей (Москва) в 2012 году. Он был закопан рядом с поселением киевской культуры, расположенным на пересечении путей из Посемья в Подесенье и из Среднего Поднепровья в Поочье и вообще на север. Кладов украшений много, а вот предметов вооружения и даже специализированно воинского быта — практически нет. Единственно в кладе у села Усух встречена дорогая рукоять плети и детали металлических оковок рога для питья — ритона. Все это — элементы интернациональной, «всаднической» воинской культуры элиты местных племен, включая так называемую «пиршественную» культуру. Ни индикаторов мест сражений, ни следов разгрома на поселениях нет. Впечатление такое, что военная угроза имела место, но до реальных столкновений не дошло, либо они происходили не на этих землях. Возможно, местная военная элита либо погибла при защите «дальних подступов» к своим владениям, либо присоединилась к готам в их походе на богатые города Причерноморья. Что касается документированного вторжения воинов Германариха на земли венедов, то оно нашло отражение в несколько более поздних — конца III—IV века — находках предметов

вооружения предположительно противоборствовавших сторон в одном пункте — на реке Коломина, притоке реки Навля, в лесах левобережья Десны. В нескольких десятках метров друг от друга здесь был найден относительно длинный (лезвие — 67 сантиметров, черешок — 11 сантиметров) и широкий (до 4,2 сантиметра) рубящий меч-спата (рис. 8) и узколезвийный боевой топор.

Такие мечи проникают в римскую кавалерию в середине II века нашей эры от служивших там галлов или сарматов и имеют прототипы в их наступательном вооружении. В отличие от пехотных гладиусов спаты первоначально не имели ребра (чаще двух ребер) жесткости, появляющихся у них лишь к концу IV — началу V века, причем почти одновременно. Уже в III веке, а то и раньше спаты проникают к некоторым германским племенам, в частности к вандалам — носителям (наряду со славянами) пшеворской культуры на территории Польши. Не исключено попадание спаты и к военной элите готов — или от вандалов, или от римлян в качестве трофея. Лезвие брянской спаты абсолютно плоское, конец, в отличие от самых ранних образцов, слегка заострен. Сочетание этих признаков позволяет датировать данный образец III—IV веками. Топоры же таких типов были распространены в северных лесах от Восточной Литвы до рязанского Поочья, с географическим центром в мощинской культуре на верхней Оке. Это территории балтов на западе и финно-угров на востоке, при влиянии на последних германской воинской культуры (рязанско-окские могильники V—VI веков). Наиболее близкая к Брянщине мощинская культура принадлежала либо балтам (есть точка зрения В.В. Седова, что конкретно «голяди»), либо прабалто-славянам (венедам), и данный тип топоров в ней датируется концом IV — первой половиной V века. В итоге, если допустить одновременное «выпадение» обоих предметов в землю, то это, скорее всего, могло произойти именно в конце IV века нашей эры и может быть связано с «венедским» походом Германариха.

V—VI века нашей эры представляют, вероятно, самый «темный» период в истории Подесенья, и не только Брянского. В данном регионе они знаменуют собой не только

переход от киевской к колочинской культуре, но и хронологическую лакуну между эпохами «вещей с эмалями» и «пальчатых фибул», или так называемых «древностей антов». Любая датируемая находка этих «темных веков», а тем более — их комплекс имеет несомненное значение для заполнения данной лакуны.

В Климовском районе местные жители обнаружили комплекс предметов, состоящих из фрагментов шлема типа «spangenhelm» (рис. 9), удил, псалий и иных деталей упряжи верхового коня, а также обрывков кольчуги. Предметы были рассеяны на нескольких десятках квадратных метров ранее распахиваемого поля, следов погребения или культурного слоя поселения на нем пока не обнаружено.

Первой частью комплекса являются железные двусоставные удила с фигурными бронзовыми псалиями. Удила — традиционные, имеющие аналоги как в скифо-сарматском мире, так и в средневековом, причем не только кочевническом. А вот псалии — уникальны, полных аналогов пока не имеют. Они представляют собой с одной стороны восьмигранный стержень, завершающийся отогнутой под прямым, но скругленным углом, стилизованной головой хищной птицы с большими глазами, представленными кольцевидным вертикальным бордюром. С другой стороны стержень переходит в пластинку, расширяющуюся к краю. Между этими двумя частями псалий находится округлое в сечении сужение, отделенное уступами и от стержневой, и от пластинчатой части псалий. На это сужение-перемычку надето железное, пластинчатое в сечении кольцо от грызла удил. С той стороны псалий, куда повернута голова птицы на их конце, находится прямоугольно-овальная в плане петля, представляющая собой стоящую лошадь, «ноги» которой соединены с уступами в основаниях стержневой и пластинчатой частей псалий. В сечении туловище, шея и голова лошади шестигранные, задняя часть скруглена, грудь слегка выступает вперед. На голове точка в круге, имитирующая глаза, и небольшой уступ, напоминающий уши.

К крупу лошади на плоских бронзовых колечках прикреплены две бронзовые пластины — скрепы для ремней

узды, каждая из них своей формы. Одна из них представляет собой округленный на конце язычок с рубчатым бордюром по краю и рельефным ребром по центру пластины. Вторая пластина, тех же размеров, что и первая, имеет совершенно иную конфигурацию. При взгляде с одной стороны она напоминает собой сапог с расширяющимся кверху голенищем, выделенным высоким треугольно-округлым каблуком и загнутым кверху острым носком. Если же посмотреть с другой стороны, то пластина представляет собой сильно стилизованную хищную птицу с расширяющимся книзу хвостом, короткими треугольно-округлыми крыльями, дугообразной шеей и изогнутым клювом.

Их можно датировать V веком нашей эры, а наиболее близкую аналогию видеть в псалиях из Унтерзибенбрунна (Восточная Австрия, запад исторической Паннонии), где в тот период проживало германское племя ругиев под властью (до 453 года) каганата гуннов. Аналогичные псалии имеются и на другом конце Европы — на Северо-Западном Кавказе, также в этот каганат входившем.

Таким образом, если наложить тип общей формы псалий на карту V века, то их находки будут оконтуривать северо-западный (Австрия) и юго-восточный (Кавказ) край зоны гуннского владычества в Европе. Однако, во-первых, держава гуннов была чрезвычайно многонациональной и включала, кроме самих гуннов, как минимум еще и ираноязычные (алано-сарматские) и германские племена, а также группы романизированного и эллинизированного населения различного этнического происхождения. Кроме того, для самих этнических гуннов был более характерен, в первую очередь, геометрический с инкрустацией красными камнями (в основном альмандинами) орнамент. Здесь же мы видим стилизованных хищных птиц и лошадь. Что касается голов хищных птиц, орлов, то они для V—VI веков достаточно многочисленны в германских древностях прежде всего франков, остроготов (остготов), гепидов, правда, не на псалиях, а на поясных пряжках или фибулах. При этом «законодателями мод» в этой сфере выступают гепиды в Паннонии, а остроготы, по крайней мере крымские, заимствовали орлиноголовые пряжки лишь на рубеже V—

VI веков. С двумя последними племенными объединениями гунны тесно контактировали в V веке, причем с остроготами в двух местах Европы — в Трансильвании — Паннонии и в Крыму, а возможно, и на Северо-Западном Кавказе. Этим, вероятно, объясняется появление орлиноголовых мотивов в прикладном искусстве VI века не только Северо-Западного Кавказа, у адыгов в первую очередь, но и Центрального, у аланов Северной Осетии. Присутствуют на Западном Кавказе и такие типично франкские предметы вооружения, как метательные топоры — франциски.

Что касается фигурки лошади, то среди древностей V—VI веков нашей эры, которые могли оказать влияние на семантику и стиль декоративного оформления «климовских» псалий, наиболее вероятно назвать Западную Паннонию V века нашей эры вместе с лангобардской Италией VI века нашей эры. В этническом плане Западная Паннония V века и Италия VI века являются остроготской и лангобардской, то есть германской. Последнее обстоятельство хорошо коррелируется с германским происхождением орнаментальных голов хищных птиц, а «гуннские» удила из Унтерзибенбрунна находятся в этом же регионе (хотя и на территории племени ругиев, но они также германцы) и вполне могли подвергнуться германскому культурному влиянию. Более тщательное рассмотрение скрепы-держателя в форме хищной птицы позволяет стилистически сблизить его с франкскими фибулами в виде фигурок орлов с треугольным, как на «климовских» псалиях, выступом-крылом, датируемым первой половиной VI века нашей эры. Интересно, что на территории Брянской области, то есть в Восточной Европе, была обнаружена в 2013 году еще одна накладка на ремень, возможно, уздечки, сделанная из бронзы и оформленная в виде очень стилизованной шеи, головы и клюва хищной птицы.

Вторая скрепа ремня уздечки в форме простого вытянутого язычка со скругленным концом, рубчатым бордюром по краю и ребром по центру имеет несколько аналогий в степных древностях Северного Причерноморья. Датируются эти аналогии первой половиной V века и позднее. С учетом же возможности не вообще германских, а кон-

кретно франкских влияний на детали формы и семантику изображения одной из скреп (зажимов) для ремней узды с «климовских» псалий, важным является наличие псалий с орнитоморфными изображениями в Северо-Восточной Франции (могильник Шарлевиль-Мезье в Арденнах), период бытования которых датируется или второй половиной — концом V века, или 480—520 годами. Очень похожие накладки (скрепы, зажимы) со звериными головами встречены также в двух «княжеских» захоронениях в Натангии (Пруссия) и Трансильвании — Семигрядье (Румыния). Первое принадлежит одному из вождей местных пруссов, но с сильно «германизированным» инвентарем, второе — вождю гепидов. Последнее датируется третьей четвертью V века и в связи с этим может служить исходным материалом и для прусских находок, и, возможно, даже для «франкских» изделий. Устойчивые связи земли гепидов с Юго-Восточной Прибалтикой по янтарному пути документируются таким массовым материалом, как керамика с «гепидским» орнаментом. С другой стороны, в германской части Юго-Восточной Прибалтики (германо-мазурской культуре) встречены ранговые принадлежности элиты гепидского или крымско-готского происхождения VI—VII веков — орлиноголовые пряжки. Кстати, существует мнение именно о понтийско-кавказской культурной принадлежности данного уздечного набора (О.В. Радюш). С учетом предположительных франкских или гепидских влияний на иконографию декоративно-функциональных деталей «климовских» псалий их вряд ли можно датировать ранее начала VI века нашей эры. Об этом же говорит и время бытования изображений лошадок у лангобардов (VI век нашей эры).

О рейнских корнях климовского комплекса находок свидетельствует еще один его предмет — топоровидная привеска к ремню сбруи. Эта пластинчатая привеска имеет ближайшие аналогии в Качине на Волыни, а «качинской» комплект предметов конской упряжи в сочетании с женскими украшениями, в свою очередь, имеет аналогии в Унтерзибенбрунне (как и псалии).

При сопоставлении этих, а также иных сходных предметов сбруи в литературе был сделан вывод о том, что

здесь речь идет об отголосках позднепровинциальных римских изделий, изготовлявшихся, по-видимому, в мастерских Рейна и Северной Галлии. В этой связи объяснимо франкское влияние, так как именно это германское племенное объединение владело в позднеримский и постримский период регионом Рейна — Северной Галлии. Вполне возможно, что римские мастерские работали уже по заказу или даже при дворах варварских правителей. Другое дело, что изделия этих мастерских распространялись не только среди франков. Регион Унтерзибенбрунна мог принадлежать ругиям, развитие предметов из Качина на Волыни «связано преимущественно с готами и гепидами».

С ареалами остроготов (остготов), но не в Польше и Волыни, а в Западной Паннонии, Далмации, Иллирии, Италии, гепидов в Восточной Паннонии, франков на Рейне, но также и алеманнов, бургундов, в меньшей степени свевов (или уже герулов) в Словакии, вандалов в Северной Африке, тюрингов в Центральной Германии связан еще ряд элементов климовского комплекса находок. Это детали шпангенхельма (пластинчатого составного шлема), о происхождении типа которого до сих пор нет единого мнения. Ясно, что генетически он связан с позднеримскими шлемами (а те, в свою очередь, с иранскими ламиллярными IV века), но римским или византийским не является. Возможно, он и изготовлялся (как детали упряжи и украшения) в мастерских бывшей Римской империи, но по заказу племенных вождей или даже «королей» германских племенных объединений.

Внутренней типологии шпангенхельмов «бальденхаймского» типа до сих пор не проведено, хотя их изучение началось еще в начале XX века и было создано несколько карт их распространения. На карту 1971 года нанесены 17 шлемов из 15 местонахождений, на карте 1987 года их число повысилось до 31 (27), в основном за счет Скандинавии, земель франков и алеманнов, Македонии и Северной Африки. С учетом новых данных (Великобритания, Болгария), а также находки в Климовском районе Брянской области число местонахождений шпангенхельмов может быть увеличено до 30—31, а количество шлемов до

32—33, а по мнению некоторых современных зарубежных исследователей — и до 35.

Что касается внутренней типологии шпангенхельмов именно «бальденхаймского» типа (рис. 10), как климовско-навлинский экземпляр, то они имеют пять обязательных элементов, которые в комплексе объединяют их в один тип и отделяют от схожих с ними иранских и позднесарматских; позднеримских и ранневизантийских; прикамских IV—V веков; скандинавских вендельских шлемов VI—VII веков.

Это: 1. Четырех- или шестичастность купола шлема, состоящего из чередующихся Т-образных ребер, скрепляющих и частично перекрывающих четыре или шесть железных пластин подтреугольной или миндалевидной формы. 2. Перекрытие и скрепление нижних концов ребер и пластин медной позолоченной лентой с растительно-зооморфным тисненым рельефным орнаментом (редко — без него). 3. Соединение верхних концов ребер и пластин круглым с вертикальной трубочкой (для султана) — шишакомнавершием. 4. Наличие на ребрах и шишаке гравированного или пунсонного орнамента в геометрическом стиле. 5. Отсутствие переносья или лицевой маски.

Исключение из этих правил составляют всего несколько шлемов, но и те были найдены на одних памятниках и «классическими» экземплярами.

Варианты: шлемы могут быть либо четырех-, либо (чаще) шестичастными. Форма их тульи может быть либо полусферической, либо (чаще) сфероконической (рис. 10).

Более чем у половины шлемов имеются нащечники, у некоторых сохранились кольчужные бармицы на затылке. Очень редко на передней части ленты-очелья имеются две закругленные выемки над глазами. Не менее чем у шести экземпляров железные пластины шлемов покрыты позолоченной медью с гравированными орнаментами и изображениями.

По богатству отделки отличаются шлемы из Монте-Пагано в остготской Италии и Битоля (Гераклея Линцестис), также в остготской Македонии. На первом присутствуют сцены охоты или травли зверей, рыбы, лошади, хищники

кошачьей породы, человек с двумя рыбами, птицы, клюющие рыб, и т. д. На шлеме из Гераклеи помещены христианские сюжеты (Христос, благословляющий две фронтально стоящие человеческие фигуры), надписи на греческом языке — просьбы к Господу о здоровье и безопасном возвращении с поля боя владельца шлема. По мнению македонских исследователей, этот шлем мог быть изготовлен в мастерских Константинополя специально для короля осготов Теодориха не ранее 494 и не позже 523 года нашей эры. На золоченых пластинах шлемов из Словакии и с Рейна присутствует чешуйчатый орнамент в сочетании с крестами и ромбами. Тот же и в той же технике орнамент нанесен и на Т-образные ребра шлема. Точно такой же орнамент украшает нащечник шпангенхельма из музея в Добруни, явно связанного с климовским экземпляром, хотя, по непроверенным данным, обнаруженным в междуречье Навли и Неруссы.

Если для псалий и иных деталей узды можно предположить позднеримское производство и распространение готовых синтезных (гунно-германских, точнее, гепидо-франкских) изделий с запада (Паннония, а то и Рейн) на восток, то для шпангенхельмов вырисовывается византийско-остготский источник. Перекрестком влияний опять же оказывается Паннония и Северо-Восточная Италия, земли гепидов и ост(остро)готов.

С точки зрения датировки важен четырехчастный шлем из Торричеллы Пелигны в Италии, найденный на месте битвы остготов с византийцами в 537 году и, значит, изготовленный до этой даты. Шлем из Климовского района Брянской области также имеет, судя по четырем сохранившимся Т-образным ребрам, редкое для шпангенхельмов четырехчастное членение и похож на него. Поверхность его четырех Т-образных ребер позолочена и орнаментирована трубчатыми пунсонами двух разных диаметров. Одним, более крупным, нанесены треугольники между заклепками, другим, меньшим, равноконечные кресты, расположенные в ромбовидном пространстве между треугольниками. Число крестов доходит до пяти на самом длинном ребре. На этом ребре нижний крест имеет короткие поперечные перекре-

стья на каждом луче, напоминая крест тамплиеров. Еще на одном луче вместо нижнего креста помещен знак, наиболее напоминающий либо обратно натянутый лук со стрелой, либо неумело исполненные и наложенные друг на друга греческие буквы «Т» и «Ф». Неравный, на одном, наиболее длинном ребре (с особым крестом) более сильный изгиб нижней грани основания говорит о несимметричности купола шлема — один ее бок был более наклонен, чем остальные. Верхняя круглая бляха шлема сделана из позолоченной бронзы, имеет четыре отверстия для крепления к железным пластинам. Между отверстиями крупным пунсоном нанесены по два треугольника из семнадцати кружков каждый. Вокруг трубчатого шишака в центре кружка также нанесены треугольники, но меньшего размера — из шести кружков, обращенные вершинами в промежутки между треугольниками на внешнем крае кружка. Основание трубчатого шишака оконтурено рельефным рубчатым бордюром. Верхний край трубочки также окружен бордюром, но гладким. В верхнем торце трубочки — щелевидное отверстие, вероятно для крепления плюмажа. На медной позолоченной оковке нижней части шлема, сохранившейся на общую длину 40 сантиметров, находится рельефный тисненый фриз, состоящий из отдельных прямоугольных фрагментов, оконтуренных «жемчужным» бордюром. По краям каждого такого участка расположены деревья типа кипарисов или фиговых деревьев с десятью ветками, которые, впрочем, могут быть и колосьями злаков. Внутреннее пространство занято повторяющимися двухчастными арками, внутри которых помещены цветы-розетки с пятью лепестками и рыбками, и птичками с длиной шеей под ними. Между арками и над ними — орнамент в виде точек в круге и тех же птичек-рыбок. И виноградная лоза, и дерево (особенно если оно фиговое), и колос, и рыбы, и птицы, напоминающие павлинов, являются органичной частью христианской символики. По нижнему краю оковки — «околыша» проходит рельефный рубчатый валик, ниже его, не только в оковке, но и в железной основе под ней — отверстия для крепления бармицы и нащечников (один из которых хранится в музее Добруни). Наиболее

близки изображения на самом «роскошном» остготском шлеме из Монте-Пагано (Джилановы) и, частично (цветки под арками, валик под фризом), — на «классическом» четырехчастном шлеме из Дольних Семеровиц (рис. 10: 1, 2) (Словакия, свевы или герулы).

Христианская символика, особенно кресты со всех сторон шлема, могла служить оберегом во время битвы, о чем, в частности, свидетельствуют греческие надписи на шлеме из Гераклеи Линцестис. Однако они могли иметь и другое значение, такое же, как сарматские тамги на германском оружии. «...Германцы как победители начали использовать тамги побежденных иранцев». «Одержав победу над спадами (во II веке нашей эры. — *Е. Ш.*), готы и вандалы наносили их знаки на свое оружие, возможно, не только для того, чтобы они служили новым хозяевам победителям, но и для демонстрации... в качестве трофеев». В таком случае кресты на шлемах должны были означать торжество германцев над христианами. Однако, если принять в качестве нижней грани существования шпангенхельмов такого типа самый конец V века нашей эры, о чем свидетельствует, в частности, шлем из Гераклеи, эта версия вряд ли является приемлемой, ибо к тому времени большая часть германских племен, на территории которых были обнаружены шпангенхельмы (кроме саксов и англосаксов, а также скандинавов), были христианами.

Впрочем, алеманны и тюринги, на землях которых были обнаружены такие шпангенхельмы, причем именно с крестами, к моменту создания этого типа шлемов вряд ли также были христианами, и кресты на шлемах могли быть свидетельством побед над арианами, а то и просто военными трофеями.

Тамгообразный знак, напоминающий греческие буквы «Т» и «Ф», на «климовском» шлеме, скорее всего, ими и является, так как не находит даже близких соответствий, не то что полных аналогий, среди знаков кочевого мира, причем не только иранского, но и тюркского, за исключением протоболгарской руны или тамги «Ф» из Мурфатлара и Плиски, изображение которой, однако, не может здесь датироваться ранее конца VII века, хотя сами протобол-

гарские руны и возникают раньше. Однако, по аналогии с греческими надписями на шлеме из Гераклеи Линцестис, наиболее вероятным представляется, что буквы на ребре «климовского» шлема являются аббревиатурой какого-нибудь христианского понятия или высказывания на греческом языке. Например, «Теофания» — «Бог явился» Однако на тисненой оковке — «околыше» нижней части «климовского» шлема находится изображение дерева с десятью ветвями или колоса, почти идентичное одному из сарматских знаков на германском оружии. «Сарматский» элемент, однако, является первичным, а не нанесенным впоследствии как знак или принадлежности, или трофея победы. Поэтому вряд ли он является таковым, а просто представляет собой случайное совпадение весьма распространенного орнаментального мотива типа «древа жизни» или христианской символики — фигового дерева или хлебного колоса, что в сочетании с виноградной лозой имеет евхаристическое значение.

В итоге можно констатировать, что «климовский» шпангенхельм относится к ранним, четырехчастным вариантам типа (рис. 10), скорее всего, византийского производства и какой-то восточногерманской (остроготской, герульской или гепидской) принадлежности. По аналогии с гераклейским экземпляром и шлемами из Монте-Пагано и Торричеллы Пелигны, он мог быть изготовлен в самом конце V — начале VI века нашей эры и принадлежать одному из остготских (остроготских) или, скорее, герульских или гепидских вождей. О «вождеской» их принадлежности косвенно свидетельствует «виноградный» орнамент на оковках многих шпангенхельмов, в христианской символике свидетельствующий о Богоизбранности. Шлем этот имел несимметричный купол, кольчужную бармицу. Позднее в частной коллекции (хранится в школьном музее Добруни) были обнаружен и нащечник, медная позолоченная пластина которого покрыта орнаментом в виде чешуи — полукружий. Степень редкости таких предметов для одного региона, хотя и найденных, по непроверенным данным, в разных его концах, а также совпадения диаметра отверстий на нижней оковке шлема и нащечнике позволяет

предположить их принадлежность одному шпангенхельму. Он, скорее всего, был собственностью вождя — христианина, причем неофита, судя по количеству и расположению нанесенных пунсоном крестов на его ребрах, а также позже создания шлема нанесенным буквам «ТФ» в случае их прочтения как аббревиатуры слова «теофания» — «Бог явился», связанного с крещением.

Кроме псалий, подвески к упряжи и деталей шлема, в состав комплекса входят еще две бронзовые пряжки — прямоугольная и овальная, которые могли быть частью как упряжи, так и подбородочного ремня шлема. Впрочем, последнее маловероятно как в силу массивности пряжек, так и их отсутствия у всех остальных шпангенхельмов Европы.

Что же касается времени и обстоятельств попадания этих предметов вооружения и конской упряжи в Климовский и Навлинский районы современной Брянской области, то можно рассмотреть несколько возможных вариантов.

Первый — отдаленные последствия еще готских миграций в Восточной Европе, когда часть германцев двинулась в V веке из Юго-Восточной Прибалтики на Оку и Среднюю Волгу, что привело к образованию там рязано-окской и именьковской культур. Южный фланг этого движения мог проходить и через Подесенье. Слабое место этой гипотезы — предполагаемое движение германцев с запада на восток проходило на несколько десятилетий раньше того времени, которым датируются предметы климовского комплекса.

Второй — обратное движение гуннов и части их германских и аланских подданных и союзников из Паннонии в Восточную Европу после «битвы народов» на Каталаунских полях под Парижем в 451 году, смерти Аттилы в 453-м и сражения при Недао (455 год нашей эры), повлекших распад гуннского каганата. Гунно-германские древности прослеживаются для конца V — начала VI века нашей эры на Верхнем Дону и Северном Кавказе. Дорога туда могла проходить и через Подесенье, а часть «мигрантов» могли подняться от нижней Десны на север, где и окончили свою жизнь в землях венедов, носителей колочинской культуры. «Серия культурных импульсов второй

половины V — начала VI века, которые в среднем течении Оки были восприняты населением, уже во многом знакомым с воинской культурой гуннов и их союзников» (И.Р Ахмедов) могла затронуть и иные регионы Восточной Европы. Однако для шпангенхельма «баденхаймского» типа эти даты слишком ранние, если только тот вождь, что носил этот шлем, не повел свое племя на восток на пятьдесят лет позже.

Третий мог бы контаминировать брянский комплекс находок (если бы не его датировка) и с «первым импульсом», отразившимся и в поволжских, и в посеймских древностях IV—V веков, который был связан с разгромом гуннами державы Германариха в 375 году нашей эры и отходом части германских и сарматских племен на север, вверх по Дону, Волге и, возможно, Десне. В частности, именно этим процессом исследователи (О.А. Щеглова, О.А. Радюш) объясняют захоронение в Большом Каменце в Курском Посемье и Волниковский «клад» там же, связывая их с готскими «царьками» под верховной властью гуннов. Об этих событиях пишет Иордан: «Долго они бились; в первом и во втором сражениях победил Винитарий. Едва ли кто в силах припомнить побоище, подобное тому, которое устроил Винитарий в войске гуннов! Но в третьем сражении... Баламбер, подкравшись... пустил стрелу и, ранив Винитария в голову, убил его; затем он взял в жены племянницу его Вадамерку и с тех пор властвовал в мире над всем покоренным племенем готов (только остготов. — *Е. Ш.*), но, однако, так, что готским племенем всегда управлял его собственный царек, хотя и соответственно решению гуннов».

Четвертый вариант является наиболее соответствующим периоду «выпадения из обращения» предметов климовско-навлинского комплекса (первая половина VI века нашей эры), но в то же время пока очень мало изученным и по письменным, и по археологическим данным. Это — возможный поход гепидов из Паннонии на славянские (венедские) земли к востоку от Карпат. Косвенно об этом свидетельствует случайная находка свернутого в клубок боевого пояса с десятью серебряными позолоченными

бляшками (рис. 7), обнаруженного на прибрежном всхолмлении в пойме верховий реки Навля. Две плоские вытянутые пластины наклепывались на конец ремня, продевавшегося через отверстие в прямоугольной пряжке сложной формы. Еще две прямоугольные пластины, украшенные S-видным орнаментом и повернутыми друг к другу клювами головами хищных птиц, также служили для крепления к ремню какого-то предмета, скорее всего, ножен меча (той же спаты). Еще пять бляшек трех разных форм, в том числе стилизованной буквы «Ж», прямоугольных пластин с пирамидальным орнаментом и отходящими от них стилизованными головами животных нашивались на сам ремень, скорее всего, от портупеи. По форме и стилю подобная ременная гарнитура имеет аналогии в нескольких регионах Европы, в том числе близлежащих: Киевском Поднепровье, на Смоленщине, в Курском Посемье и Восточной Беларуси. Но везде — единичные и случайные находки. Только в двух регионах: гепидско-лангобардские древности Паннонии и Трансильвании и рязано-окские могильники — этих находок много и они происходят из захоронений. Последний ареал — наиболее представительный, однако именно здесь встречаются и грубые дериваты более совершенных образцов, что позволяет говорить скорее о переселении из Центральной Европы на Оку, чем наоборот. Река Навля и Подесенье в целом, как, впрочем, и Среднее Поднепровье, в этом случае могут выступать в качестве своеобразного «моста». Могли по этому «мосту» промаршировать и воины другого германского племенного объединения — герулов, которые в начале VI века нашей эры, «когда они были побеждены в бою с лангобардами и они должны были уйти, покинув места жительства отцов, некоторые из них» обосновались на самом краю «обитаемой земли», для чего «...они прежде всего прошли через все славянские племена...».

Пятый вариант был озвучен одним из исследователей климовско-навлинского комплекса О.А. Радюшем, который увязывает появление здесь и шпангенхельма «баденхаймского» типа, и гунно-германскую конскую упряжь с развитием военного дела «местных раннеславянских куль-

тур» (колочинской), то есть, по сути, с появлением у них военной элиты с интернациональным престижным вооружением, взятым, вероятно, или в качестве подарков, или трофеев у тех же германцев или гуннов. О наличии у славян правящей верхушки действительно есть письменные свидетельства — на рубеже IV—V веков нашей эры внучатый племянник Германариха Амал Винитарий, «пробуя проявить свои силы, двинул войско в пределы антов (восточная ветвь славян того времени) и, когда вступил туда, в первом сражении был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распял короля их Божа с сыновьями его и с семьюдесятью старейшинами для устрашения, чтобы трупы распятых удвоили страх живых».

4. В конце Великого переселения народов: славяне и тюрки

В связи с новым комплексом военных артефактов германского происхождения в Климовском районе в ином свете предстают до этого редкие и изолированные находки предположительно германских «мечевидных» наконечников копий из Красных Двориков Брянского района и Кветуни под Трубчевском. Они имеют ближайшие аналогии в алеманнском захоронении из Трухтельфингена (земля Баден-Вюртемберг), несколько иных пропорций наконечник происходит из остготских или лангобардских древностей в Италии (Бергамо), где датируются концом VI века нашей эры. В этой связи интересно еще одно из известных в литературе названий шпангенхельмов «баденхаймского» типа — «алеманнские». «Германские» наконечники копий, в свою очередь, имеют территориальные промежуточные аналогии в Восточной Литве и Восточном (остготском) Крыму. В этой связи можно предположить и еще одну, более позднюю (вторая половина VI—VII век, именно так датируются наконечники) миграцию небольшой группы германцев через Восточную Литву или из остготского Крыма в Подесенье или если и не прямую миграцию или вторжение, то наличие культурных и торговых контактов По-

десенья с этими регионам и прямой военный импорт для формирующейся славянской (антской или прабалто-славянской) военной верхушки Подесенья, связанной с древностями круга Мартыновского клада.

После того как кочевники-гунны уничтожают готскую державу и вторгаются в Европу, начинается цепная реакция Великого переселения народов. Почти одновременно в нее включаются и вестготы, гонимые гуннами, разбив по дороге римские войска императора Валента (первое сражение под Адрианополем, 378), и вандалы, ушедшие в длительное переселение, никем не гонимые, кроме своей жажды новых земель, богатств, славы и приключений. Последние по дороге увлекают и часть аланов, и, ненадолго остановившись в Испании, они в 429 году переправляются в Африку, где и образуют второе «варварское королевство» со столицей в Карфагене — Алано-Вандальское. Еще ранее, в 410 году, вестготы Алариха впервые берут Рим, а затем обосновываются в Южной Галлии и Северной Иберии, образовав первое «королевство» — федерат Римской империи. Магистральные пути переселений не задели Брянской земли, но отраженные волны этой гигантской «перетряски народов» прошлись и по ее лесам.

Круты и неприступны на первый взгляд зеленые склоны древнего городища у села Случевск на реке Судость на юге Брянской области, у самой ее границы с Украиной. Тайны двух с половиной тысячелетий хранит четырехметровая толща остатков деятельности человека — так называемый культурный слой.

Спокойная жизнь на поселении была прервана в первые века или в середине первого тысячелетия нашей эры. В слое этого времени на глубине полутора — двух с половиной метров от современной «дневной поверхности» лопата археологов обнаружила следы трагедии, произошедшей здесь полторы тысячи лет назад. На площади раскопа в 62 квадратных метра — скелеты одиннадцати набросанных друг на друга людей. Это не захоронение умерших естественной смертью — во-первых, в те времена на этих землях господствовал обряд трупосожжения, во-вторых, могильники не устраивались на поселении. Кроме того,

многие черепа раздроблены или пробиты, а один даже отделен от скелета и брошен в глиняный сосуд. Определения скелетов, проведенные в антропологической лаборатории Института археологии АН СССР Г.П. Романовой, позволили установить возраст, пол и расовый тип погибших. Самому младшему 3—4 года, самый старший был в преклонных годах. Всего восемь скелетов из одиннадцати принадлежали детям, подросткам, юношам и девушкам в возрасте от 6 до 18 лет. По одному из скелетов (мужчины зрелого возраста), кости которого сохранились в относительном анатомическом порядке, удалось определить рост одного из погибших жителей — около двух метров. Череп другого, мальчика 10—12 лет, имеет четко выраженные балтские признаки, в частности долихокранию.

Три скелета были обнаружены на глубине до полутора метров, а восемь в яме, выкопанной в слое заполнения «длинного жилища» более раннего периода. Они могут быть несколько разновременны, что является свидетельством двух нападений на поселение. По крайней мере один из двух предполагаемых штурмов (более ранний) был произведен внезапно — защитники даже не успели израсходовать запас глиняных ядер для пращи, сложенных около оборотельного вала городища. В обоих (или все-таки в одном) случаях победители беспощадно расправились с побежденными, не жалея ни женщин, ни детей.

Что же послужило причиной трагедии, к какому народу могли принадлежать защитники, кто совершил нападение на городище? Письменные источники молчат. Обратимся к топонимике, антропологии и археологии.

В первые века нашей эры на основе местных племен — балто-юхновцев и пришедших с юго-запада таинственных жителей зарубинецкой культуры — формируется так называемая почепская археологическая культура, распространенная не только в Подесенье, но и в среднем Поднепровье под Киевом и на востоке, в Курском Посемье. Отдельные предметы этой культуры, в носителях которой можно видеть разные индоевропейские народы (о чем уже говорилось выше), в том числе древнейших на Брянщине славян, встречены и на Случевском поселении. Возможно,

они принадлежали тем жителям, восемь скелетов которых были обнаружены в нижнем «захоронении». Их гибель можно связать либо с продвижением в III веке нашей эры германского племени готов на юг, в Причерноморье, либо, наоборот, с набегом оттуда одного из кочевых сарматоаланских племен. Второе более вероятно; ибо основной маршрут переселения готов проходил намного западнее. Кроме того, поголовное уничтожение жителей, в том числе, безусловно, «ценных» и не опасных для победителей молодых женщин, юношей и подростков, не вяжется с планомерным постепенным переселением, когда можно прихватить с собой и рабов-военнопленных. Видимо, это связано с быстрым и, возможно, скрытным рейдом (об этом говорит отсутствие следов обороны), или же для «освобождения» места для переселяющегося народа. Но готы сюда не переселялись. В одном из скелетов (взрослого мужчины) был найден небольшой, сильно заржавевший железный предмет, напоминающий трехлопастной наконечник стрелы. Сам по себе этот кусок металла мог бы быть случайностью, если бы в 1988 году несколько таких же, но уже хорошо сохранившихся наконечников не было обнаружено металлоискателем на уничтоженном распашкой селище у села Бобрик Погарского района на притоке Судости — реке Вабле. Подобные стрелы в Европе были на вооружении лишь двух народов — ираноязычных кочевников-сарматов и более поздних (пришедших в степи Причерноморья в V—VII веках нашей эры) тюркских племенных союзов болгар и аваров. Болгары в 682 году разбили византийского императора Константина Пагоната и основали первое славянское государство — Дунайскую Болгарию со столицей в Плиске. Авары наводили ужас на европейские народы, в том числе на славян, — русская летопись Повесть временных лет так говорит об этом эпизоде «Си же (обри) добре воеваху на Словене, и примучища Дулебов, сущих Словен, и насилье твориху женам дулебским. Если нужно было поехать в Обрину, он не давал впрячь ни коня, ни вола, но велел впрячь 3 или 4 или 5 жен в телегу и везти его, Обрина. И тако мучаху Дулебы» в VII—VIII веках, а затем были разгромлены франк-

ским императором Карлом Великим и сгинули в веках без следа.

Но каким же образом могла конница степняков проникнуть на лесную Брянщину? Брянская, как Орловская и Черниговская области, находится на границе двух ландшафтных зон — лесостепи и леса. «Островками» степи в лесной зоне являются так называемые ополья, языками врезающиеся в большие лесные массивы. В двух таких опольях — Вара-Судостьском и Стародубском — и встречены наконечники стрел степняков (кстати, здесь же были найдены и наконечники стрел их предшественников скифов). По этим-то степным коридорам и могли пробраться к деревянным стенам славяно-балтских крепостиц конные отряды кочевников. Письменных источников не только по Брянщине, но и по всей лесной России того времени не сохранилось, однако память о сарматах сохранилась в ираноязычных названиях Сев, Сейм, возможно, и в самом названии ближайших соседей алан (потомков сарматов) — славянского племенного союза северов. Рейды в несколько сот километров не могут вызвать удивления, если знать, что одетая в чешуйчатые доспехи-катафракты, закрывавшие все тело, а иногда и коня, сармато-аланская конница проникала из причерноморских степей вместе с ордами гуннов, готов и вандалов во Францию, Испанию, Северную Африку... Но... отношения аланов (ясов или асов русских летописей) со славянами сводились в основном не к войнам, а взаимообогащающим культурным, а с некоторыми их племенами (северянскими) — и военно-политическим контактам. Хорошие отношения со славянами складывались и у тюрок-болгар, причем как на Дунае, куда их часть во главе с ханом Аспарухом ушла в 70-х годах VII века, не желая покоряться хазарам, так и у тех, кто вместе с аланами остался в степях Восточной Европы и вошел в состав Хазарского каганата (салтово-маяцкая культура), так и тех, кто, спасаясь от хазар, ушел на север, в славянские земли Подесенья и даже перенял здесь некоторые славянские обычаи и обряды (погребальные, в частности) — первые носители волынцевской культуры, преемницы болгарской кочевнической — пастырской и

антской-пеньковской. Некоторые особенности этой культуры, возникшей на рубеже VII—VIII веков, продолжают сказываться в Подесенье, наряду с местной колочинской, вплоть до начала X века, а в отдельных элементах — до начала XI века. Болгаро-аланы приносят в славянскую воинскую культуру наборные боевые пояса, которые служили не только для привешивания основного оружия этих кочевников — палашей, затем сабель, но и символизировали заслуги воина. «Право на ношение поясов любых составов определялось не экономическим положением воинов и не их возрастом, только военная слава давала воину наивысший ранг», пояса с бляшками имели значение «важнейшего атрибута рыцарского достоинства воина-степняка» (С.А. Плетнева, Г Ласло). Конечно, уже в конце IX — X веке моду на этот атрибут воинского достоинства перенимают славянские и варяжские дружинники, однако у степняков остается один характерный признак — только у них остается круглая форма бляшек. Именно такая (рис. 11) и была найдена на одном из нескольких роменско-древнерусских селищ в селе Хотылево Брянского района, знаменитом на весь мир своими стоянками древнего каменного века.

Конечно, бляшка только одна — но ими и не разбрасывались. Но гораздо интереснее другое — на ней помещена характерная для болгар геральдическая эмблема — тамга рода (коша у тюрок) или «большой семьи» (аила). Эти тамги, означавшие принадлежность к родам военной аристократии, болгарские беки (боилы, боляре) продолжали с гордостью носить и после перехода от веры предков — тенгрианства — к исламу или христианству. Они сохранились на круглых печатях волжских болгар, помещались они на перстнях тюрко-болгарской («протоболгарской») знати и Дунайской Болгарии. Этих тамг первоначально — несколько десятков типов в захоронениях тенгрианцев до середины IX века. А вот на стенах древнейшей церкви Преслава их уже только пятнадцать! И это не случайно: не вся военная элита приняла христианство, часть ее (пятьдесят две семьи) подняла мятеж и была уничтожена крестителем Болгарии Борисом Святым в 965 году. Но инте-

ресна семантика эмблем: ни в салтово-маяцкой культуре, ни у волжских болгар, ни на Руси, при нескольких десятках типов в основном геометрических изображений нет ни одного типа пятиконечной звезды, или пентаграммы, а в Дунайской Болгарии она встречается в сорока пунктах (включая современные Македонию и Сербию), при этом одно граффити с этим изображением есть и на стенах «Круглой церкви» Преслава, то есть среди тех бояр, кто принял христианство и уцелел в резне, предпринятой Борисом. Эта тамга встречается и позже, на перстнях уже явно христианских боляр — потомков одного рода. Не встречается пятиконечная звезда как воинская эмблема (шестиконечные — редко, но помещаются на круглых бляшках боевых поясов кочевников Руси и Венгрии) ни в языческой, ни в христианской Руси, кроме одной, из Хотылева. Это не пентаграмма, а звезда со «сплошным» полем, в центре ее помещен круг с точкой («жемчужиной», или безансой по геральдической терминологии) в центре. Ее болгарское происхождение вряд ли подлежит сомнению, тем более рядом с Хотылевом, в устье реки Гасома находится большое селище волынцевской культуры, а в самом Хотылеве обнаружен бронзовый косметический пинцет алано-болгарской салтово-маяцкой культуры. Точно таких изображений звезд нет и в самой Болгарии — там только пентаграммы.

Можно предположить, что хотылевская эмблема — отличительный знак какого-то знатного болгарского рода, который не ушел с Аспарухом на Дунай или на Волгу, а переселился на северянские земли, а затем вошел в состав гарнизона самой северо-западной крепости Хазарского каганата, которой и было одно из хотылевских городищ. Во всяком случае, существование в этом регионе болгаро-аланской конницы (рис. 14), служившей сначала каганату, затем одному из славянских военно-политических объединений, а затем и Руси, — вполне возможное допущение. А ведь именно болгаро-аланы передали славянам такие важные атрибуты всаднической культуры, как жесткое седло, стремена, шпоры (для славян западных и остальных европейцев эту миссию выполнили авары) и, наконец, однолезвийный меч-палаш и производную от него саблю.

Только эти атрибуты делали возможным ближний бой всадников за счет управления конем только ногами, использование щита (недаром более ранние сарматские катафрактарии и конные лучники их не имели), эффективные повороты и вообще маневры в ходе боя, в том числе с пехотой. Интересно, что два перстня с пентаграммами были обнаружены в крепости-погосте, затем княжеском селе XI—XII века Кветунь под Трубчевском — как свидетельство, скорее всего, переезда сюда нескольких болгарских «боляр» — высших военных из одного рода после захвата Болгарии Византией в начале XI и подавления византийцами при участии варяго-русской гвардии восстаний 40-х и 70-х годов XI века.

Более вероятный виновник случевской трагедии (и по характеру отношений со славянами, и по времени: в слое верхних погребений — предметы VI—VII веков нашей эры) — авары.

Мы уже приводили описание славяно-аварских отношений в русской летописи. Правда, речь там идет о самом западном из восточнославянских племенных союзов — о дулебах, живших на Волыни, на реке Западный Буг. Но вот византийские авторы пишут о военных походах аваров в начале VII века на народ славянского корня — антов, проживавших именно в Среднем Поднепровье, в том числе и в Подесенье вплоть до Трубчевска (где был найден богатый клад антских украшений этого времени). Клад одновременен горизонту случевских скелетов, и, возможно, оба этих факта имели одно объяснение — аварское вторжение в антские земли. Этим же фактам можно найти и иное объяснение, если вспомнить, что и сами антские древности появляются на Брянщине (да и только на ее крайнем юге — в Трубчевском, Вара-Судостьском отчасти Стародубском опольях) также в середине первого тысячелетия нашей эры. Вспомним, что один из случевских скелетов имел ярко выраженные балтские антропологические признаки. И неудивительно — ведь вся Брянщина к этому времени была заселена балтскими племенами, родственными современным литовцам и латышам. Об этом свидетельствуют и многочисленные балтские топонимы, напри-

мер Вабля, Гостомля, Навля и даже... сама Десна. У виска одного из черепов верхнего яруса скелетов было обнаружено бронзовое спиралевидное височное кольцо, какие встречаются и у антов (так называемые «древности круга Мартыновского клада» или пеньковская культура), и у балтов (у которых спираль — вообще самый любимый орнаментальный мотив в первом тысячелетии нашей эры). Оружие же в эпоху раннего Средневековья зачастую имело «интернациональный» характер, являясь объектом купли-продажи, и те же трехлопастные наконечники стрел «аварского тапа» встречаются частенько и раннеславянских древностях Европы.

В этой связи несколько иное осмысление приобретают и случевские события полуторатысячелетней давности. Под давлением готов (для первого, нижнего яруса скелетов) или аваров (для верхнего, второго) поток славянских переселенцев мог двигаться с юга на север, идя по течению рек Десны и Судости. Здесь на их пути могло встать Случевское укрепление. Традиционно считается, что славянское расселение в балтские земли проходило мирно — в слабозаселенных лесных районах земли хватало на всех. Но плодородные ополья были более всего привлекательны для юго-восточного, знавшего пашенное земледелие потока славянских переселенцев. Случевский пример, во всяком случае, показывает, что ответ на вопрос, всегда ли славянская «колонизация» проходила мирно, — далеко не всегда должен быть положительным.

Вот как, например, описывают переселение славян в пределы империи византийские историки — очевидцы событий VI века нашей эры: «Приблизительно в это время (547—548 годы) войско славян, перейдя реку Истр, произвело ужасающее опустошение всей Иллирии (территория современной Югославии) вплоть до Эпидамна, убивая и обращая в рабство всех попадавшихся навстречу, не разбирая пола и возраста и грабя ценности».

Находят объяснение даже проломленные черепа — это могут быть следы от ударов деревянными палками, так славяне расправлялись с пленными. Впрочем, в кровавых нападениях на Византию (если только Прокопий Кесарий-

ский не сгущает краски) участвовали именно славяне, а не анты, выступавшие союзниками империи и которые, собственно, могли переселяться в Среднее Подесенье с юга в VI—VII веках нашей эры.

Войско всех «варварских» народов эпохи «военной демократии» (и славян, и ангов, и германцев) состояло из двух неравных по численности — нестройной, не знающей военного строя массы (если не сказать толпы) пешего племенного, или народного, ополчения и немногочисленных отборных конных и пеших воинов-дружинников (рис. 14), для которых ведение постоянных войн стало профессией до такой степени, что занятие трудовой деятельностью считалось для них позором, а у некоторых народов и прямо запрещалось (иногда они не могли даже жениться или, по крайней мере, иметь официальных детей). Возможно, именно представителям дружинной элиты антов принадлежит Первый трубчевский клад (1989 год), датируемый первой половиной VII века, в составе которого, кроме престижных женских и мужских украшений, деталей боевого пояса и конской узды, встречены и бронзовые посеребренные накладки (рис. 12) на круглый щит либо деревянные части редких тогда и «статусных» жестких седел. Такие «львиные» и иной формы накладки — именно на щиты — встречены и у военной элиты некоторых германских земель — остроготской части Италии, в Баварии и Дании. Схожий клад дружинных славяно-германо-кочевнических (тогда — алано-болгарских, чуть ранее — гунно-сарматских) древностей, правда без упомянутых накладок, был встречен и у села Волниковцы также в Подесенье — на Сейме. Это свидетельство формирования к концу эпохи Великого переселения народов интернациональной по внешнему облику «дружинной культуры» в Европе, в состав которой, по крайней мере в VII веке, входило и Подесенье.

Характер ведения боевых действий и воинские качества славянских ополченцев подробно описывает византийский император и полководец Маврикий Стратег (582—602 годы). «Пусть даже этих варваров много, но они не имеют военного строя и единого начальника; таковы сла-

вяне и анты, равно и другие славянские племена, не умеющие ни подчиняться, ни сражаться в строю...» И далее: «Не имея над собой главы... они не признают военного строя, не способны сражаться в правильной битве, показываться на открытых и ровных местах. Если и случится, что они отважились идти на бой, то они во время его с криком слегка продвигаются вперед все вместе, и если противники не выдержат их крика и дрогнут, то они сильно наступают; в противном случае обращаются в бегство, не спеша померяться с силами неприятелей в рукопашной схватке. Имея большую помощь в лесах, они направляются к ним, так как среди теснин умеют отлично сражаться».

Этим сведениям можно доверять, во-первых, потому, что они почерпнуты из произведения («Стратегикон»), служившего практическим наставлением для византийских офицеров, в том числе и по борьбе со славянами, во-вторых, они подтверждаются многими сообщениями иных авторов об «избиениях толп славян» менее многочисленными, но лучше организованными и вооруженными «ромейскими» войсками. «Александр (византийский стратег)... встретил славда. Варвары, увидев военный строй ромеев, бежали в ближайшие болота и дикие леса».

Низкие боевые качества ополчения обуславливались также его слабым вооружением: «Каждый вооружен двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты, прочные, но трудно переносимые (с места на место). Они пользуются также деревянными луками и небольшими стрелами, намоченными особым для стрел ядом, сильно действующим...» «Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают; иные не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, подтянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут на сражение с врагами». Интересно, что подобные широкие кожаные пояса до сих пор являются важной деталью этнографического костюма некоторых карпатских и балканских славян (гуцулов, словаков, болгар) и могли в какой-то степени выполнять защитную функцию, прикрывая живот воина.

Наконечники небольших метательных копий-дротиков, или, по-славянски, сулиц, времен заселения Брянщины антами и чуть более позднего времени встречены на пути их переселения — на Десне (Пушкари в Новгород-Северском районе Черниговской области) и в 40 километрах к северу от них, уже на Судости — в урочище Борок напротив Погара.

Доблести, однако, ни славянам, ни антам было не занимать, в плен они сдавались редко, что отмечали те же византийские авторы. Были они очень высокого роста и огромной силы. Поэтому для борьбы с ними Маврикий рекомендует использовать тяжеловооруженную конницу и лучников — то есть именно тех воинов, которые могли поражать противников, не вступая с ними в ближний бой — рукопашную, где «варвары», особенно дружинники, имели явное преимущество.

Прямого упоминания об этой категории войск нет, однако сведения о победах небольших славянских отрядов (в 300, 600, 3000 воинов) над противниками, в том числе отборными частями регулярной византийской и иранской армий — телохранителями императора и персидскими катафрактариями, говорят об особом, отличном от основной массы славянского войска качестве этих отрядов. Таких эпизодов четыре, в двух из них небольшие антские отряды выступали союзниками или наемниками империи в борьбе с готами в Италии, а с персами в Междуречье, оба раза одержав победы (причем во втором случае командир «интернационального» отряда варваров-наемников ант Дабрагаст имел высокий военный чин военного трибуна — ранга полковника или генерал-майора).

Славянские отряды, наоборот, отличились в войнах с Византией. «Около этого же времени (549—550 годы) войско славян, собравшись не больше чем в три тысячи человек, перешло через реку Истр», затем «разделилось (еще) на две части». «Начальники римского (византийского) войска в Иллирии и Фракии вступили с этими войсками в открытое сражение, но, хотя эти части и были разъединены, однако римляне были разбиты благодаря их внезапному нападению, одни из них были убиты, другие в беспорядке бежали», «...хотя варвары по численности были намного слабее рим-

лян». Далее один из этих отрядов обратил в бегство и частично перебил «регулярную конницу, состоявшую из многочисленных отличных всадников» во главе с Асбадом «из отряда телохранителей императора Юстиниана». Кроме побед в полевых сражениях на открытой местности над регулярными войсками «много крепостей и тот и другой отряд славян взял осадой. Отличались воины особым бесстрашием, а также и особой безжалостностью».

Бросается в глаза разительный контраст между результатами столкновения с противником (одним и тем же в обоих случаях) для «огромных толп славян», описанных ранее, и этих небольших отрядов. Контраст этот объясняется не вооружением — оно фактически одинаково и для ополченцев, и для дружинников, есть только косвенные свидетельства в пользу существования среди последних конных воинов и наличия мечей. Причина в ином — в привычке к войне, воинских навыках. Эти воины умеют хорошо маскироваться на местности, устраивать засады, прибегать к различным военным хитростям. Они «с выгодой для себя пользуются засадами, внезапными атаками, хитростями, и днем и ночью, изобретая много разнообразных способов. Опытны они также и в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей».

Способны эти воины и быстро ориентироваться в обстановке, перестраиваться, не поддаваться панике, в отличие от ополченцев. Так, отряд в 600 дружинников, обремененных огромной добычей и обозом, подвергся внезапному нападению византийских катафрактариев, но успел поставить повозки в круг, в подобие укрепленного лагеря. Конники вынуждены были спешиться и лишь после тяжелого боя смогли одолеть уступавшего им в численности и вооружении противника. Таким образом, дружинники нашли способ успешно воевать и с тяжелой кавалерией. Наиболее же подходящим родом войск для борьбы с ними самими оказалась тяжелая пехота (гоплиты) или спешенные катафрактарии.

Учитывая военно-политическую обстановку на востоке Европы в конце VI — начале VII века нашей эры, союзнические отношения Византии и антов, противниками которых являлись авары и подчиненные им славянские

племена, проникновение антских вещей на юг Брянщины (в Трубчевское и Вара-Судостьское ополье), следы военного разгрома Случевского городища и стрелы «аварского типа» можно связать или с походом Апсиха на антов в 601 году или, скорее, с его последствиями. На антскую территорию в начале VII века нашей эры могла вторгнуться не только собственно аварская тяжёловооруженная конница, но и многочисленная славянская легковооруженная пехота, так как славяне (в данном случае речь идет об их юго-западной, балканской ветви), хотя и находились с антами в родстве по языку и происхождению, чаще были их врагами. В таком случае в Подесенье могли вторгнуться не только отступавшие анты, но и их преследователи — славяне, в том числе и из придунайского племени севернее. Аварам в далеком лесном краю после полного уничтожения антов (если оно имело место, по этому поводу есть сомнения) задерживаться надолго было незачем, а вот славяне-северы из их войска могли здесь и «осесть». Отдельные же группы антов могли бежать и дальше на север — их бронзовые «пальчатые» фибулы (застежки для плаща) были найдены в лесной глухомани Клетнянского района и даже верховьях Болвы, в Калужской области.

Так это было или нет, но северяне действительно древнейшее из достоверно известных по названию славянских племенных союзов, заселивших Брянщину во второй половине первого тысячелетия нашей эры. Их древности (так называемая роменская культура) известны на юго-востоке области, по Судости и Десне вплоть до Брянска с VIII века нашей эры.

Глава II

МЕЖДУ ЧЕРНИГОВОМ И СМОЛЕНСКОМ: В СОСТАВЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА (IX — НАЧАЛО XII ВЕКА)

1. Предыстория: на пути к державе Рюриковичей

Политическим и культурным центром славянского племенного союза северян стало Кветуньское городище под Трубчевском, где, в плодородном ополье, поселения рас-

полагались особенно густо. Есть они и западнее, и севернее — в Погарском, Почепском и Выгоничском районах (Посудичи, Юдиново, Случевск, Погар, Рогово, Почеп, Полужье). Немного позднее северяне расселяются и восточнее, в пределах современных Суземского, Севского, Комаричского, Брасовского, возможно, Навлинского районов Брянской области, а в целом их культура достигает Курска и Полтавы на востоке и юге, а отдельные поселения северян родственных им вятичей есть на Северском Донце и Дону. Здесь северяне вступали в активное культурное и военно-политическое взаимодействие с аланоболгарскими полукочевыми племенами, наложившими серьезный отпечаток на их культуру, в том числе военное искусство и вооружение (стремена, однолезвийный меч-палаш, затем сабля, топорик-чекан, наборные воинские пояса).

Карачевский, часть Брянского, Дятьковского и Навлинского районов представляют собой юго-западную окраину земли вятичей лесистого верхнего Подесенья. В пределах Рогнединского, Дятьковского, части Дубровского и Жуковского районов заселяются в IX—XI веках кривичи из Смоленского Поднепровья.

На западе области, в полесьях (Красногорский, Гордеевский, Злынковский, Новозыбковский, Суражский, Клетнянский, Клинцовский, часть Климовского, Мглинского, Унечского, Дубровского районов) в это же время появляются поселения радимичей, чьи земли занимают также Белорусское и Смоленское Посожье, где шел интенсивный процесс ассимиляции древнего балтского населения. С юга вверх по реке Снов от Чернигова, в конце IX — начале X века начали проникать дружины киевских князей, к середине X века закрепившиеся в южной части «нейтральной зоны» между северянами и балтами (позднее — радимичами) (Стародубский, частично Климовский, Унечский, Погарский, Почепский районы). Вслед за дружинниками двигался поток поляно-русских переселенцев-колонистов, осваивавших плодородные земли.

Как бы ни проходили конкретные процессы переселения народов на Брянщине в первом тысячелетии нашей

эры, в итоге к концу этого тысячелетия ее территория была поделена между пятью (из двенадцати существовавших) восточнославянскими военно-племенными союзами, между которыми (и внутри которых) еще оставались островки балтского населения и незаселенные пространства. Уже сам этот факт говорит о многоэтапности и различных направлениях славянского заселения Брянщины. Четыре этих союза до 882—884 годов находились под властью Хазарского каганата.

Вообще же в IX—X веках Брянский край населяли пять славянских племенных объединений: поляне, радимичи, вятичи, северяне, кривичи (рис. 15). В таком же крупном межплеменном центре, как Кветунь под Трубчевском и сам Трубчевск, встречены также и захоронения, и отдельные украшения дреговичей и волынян. В итоге из двенадцати упомянутых летописью восточнославянских племенных объединений на Брянщине присутствуют восемь. На Болве же кроме северян, кривичей и вятичей есть и древности словен новгородских. В глухих лесах между Болвой и Ветьмой, а также на западе современной Брянщины, на границе с Белоруссией, продолжали существовать и остатки или балтских, или протобалто-славянских (венедских) племен. О столкновениях между племенами ни письменных, ни археологических свидетельств нет, но вот процесс их включения в состав Древнерусской державы без военных конфликтов уже не обошелся. Еще Вещий Олег включил эти племена в состав своей державы — кривичей смоленских по пути из Новгорода в Киев в 882 году, затем, утвердясь в новой столице, — и остальных.

При Олеге северяне и радимичи стали платить дань русам, сохраняя внутреннюю автономию, а местные княжеские династии поставляли свое войско, которое должно было принимать участие в походах русов на Царьград — Византию. Стародубское ополье вошло в состав «Русской земли» — домениальных владений киевских князей. Северные районы еще только заселялись смоленскими кривичами, подчинявшимися Руси с 882 года, вятичи сохраняли независимость или еще платили дань хазарам. По Десне, Судости, Вабле проходил путь полюдья — зимнего сбора

дани киевскими князьями и «всеми русами» (рис. 15), вдоль которого располагалась цепочка редких русских временных станов-крепостей, таких как Синин Мост, например (рис. 19), завершавшаяся «дружинным лагерем» — погостом у села Левенка под Стародубом, при впадении Бабинца в Ваблю (рис. 20). Впрочем, военные столкновения по летописи у Олега были только с северянами (на полян-русов, как и на варягов, он опирался), а радимичи покорились без боя. Радимичи, привыкшие уже платить дань хазарам, судя по Повести временных лет, не только сдались без боя, но и участвовали в походе Олега на Царьград (Константинополь) в 907 году, наряду с кривичами, северянами и даже вятичами, о покорении которых Олегом летописец не говорит ничего.

И это неудивительно — наряду с добычей и дарами (откупом) воины Олега получили по 12 гривен «на ключ» (уключину лодьи — насада), или «на человека». А воинов было, по данным летописи, 80 тысяч (2000 кораблей по 40 «мужей» в каждом)! В одиночку ни одно племя, его военная элита и князья такой подвиг совершить были не в силах, даже объединившись с соседями. Войны с такими результатами были хорошим мотивом и для объединения племен и княжеств, и для того, чтобы их правящие элиты поступились частью власти и доходов в пользу надплеменной верхушки — русов, или «руси».

Впрочем, не все русские князья были так удачливы в войне с мощной, хотя и изрядно одряхлевшей, империей ромеев (именно так, «римлянами» на греческом языке, называли себя ее жители). Впрочем, проведя военную реформу и сделав упор не на пешее стратиотское ополчение, а на тяжелую профессиональную кавалерию катафрактариев («сановници боярстии» по русской летописи), империя начала выходить из кризиса. Уже преемник Олега Игорь потерпел в войне с ней поражение на суше и на море (941 год), что повлекло в итоге его гибель (впрочем, не от византийской армии, а от одного из своих племен — древлян) и частичный распад государства.

В итоге Владимиру снова пришлось покорять северян (по данным археологии), радимичей и вятичей (по летопи-

си) (рис. 15). Последняя описывает битву с радимичами, которая по двум научным версиям из трех произошла непосредственно на территории Брянского края — сражение на реке Пищана (Песчань). А вот и первое имя полководца, с этим краем связанного: Волчий Хвост. Дружинники, как славяне, так и варяги, любили сравнивать себя с волками и могли носить хвосты этого зверя как плюмаж на шлеме (рис. 14), переняв этот обычай от тюрок-хазар, для которых волк считается прародителем — тотемом.

Структура войск и их тактика взаимосвязаны и изменяются одновременно, но что было причиной, а что следствием — в разных обстоятельствах это соотношение менялось. Вооружение в силу технологических и психологических причин несколько отставало в своих изменениях, на «переходный» период часто брались иностранные образцы.

Эти изменения внутри периода конца IX — середины XI века в основном происходят во время военной реформы Владимира Святого, но стимулом для нее были неудачные походы Игоря и (в итоге) Святослава на Византию, главным же образом — печенежская агрессия, ставшая постоянным фактором после 993 года (присоединение к Руси белых хорватов и «выход» из нее на границы Византийской империи). Кстати, именно после этого события редкие до этого набеги печенегов почему-то (не политика ли Византии — «разделяй и властвуй»?) стали ежегодными и массированными, вплоть до взятия предградья столицы, что вызвало строительство в Киеве новых, более мощных укреплений (рис. 16: 1; 16: 2) и сооружение оборонительных линий на границе со степью — по Стугне, Суле и низовьям Десны.

Завершаются же трансформации воинской культуры в целом (включая, кстати, уже и новую, христианскую воинскую психологию — этос) только к середине XI века. Последнее использование пеших варягов-наемников (рис. 18) происходит в 1036 году, финальный «викингский поход» на Царьград датируется 1043 годом, а «своя», хотя и «кавказско-хазарская» в основном, кавалерия эффективно использовалась против профессиональной тяжелой пехоты варягов уже в 1024 году (Лиственская битва). Далее ос-

новную роль в войнах середины — второй половины XI века играет в основном дружинная кавалерия.

В период крупных изменений государственного устройства, постоянной борьбы с печенегами (конец X века) существует так называемая «большая дружина», которая делится на несколько рангов: «лучшие мужи» (позднее их заменяет болгарский термин «болярин»); «гриди» (от скандинавского «хирд», «гирд» — королевский дружинник) — личная гвардия князя; «отроки» (основной состав); «детские» (гарнизон крепостей — детинцев); по мнению некоторых авторов, самыми низшими членами дружины до начала XII века были и смерды — военные поселенцы, крестьяне — пограничники, типа византийских «акритов».

В дружине, в связи с ее главными задачами — борьбой с кочевниками, преобладали кавалеристы (рис. 14), обученные «инструкторами» из бывшей Хазарии, Византии, а по мнению некоторых ученых — и из балтской Пруссии. Пехота была, но использовалась в основном в качестве гарнизонов или «судовой рати» — своеобразной «морской пехоты». До середины XI века периодически нанимали и варягов (рис. 21). Наименьшую роль, как и в Европе, пехота стала играть в середине XI — начале XII века.

Вооружение до конца X века различалось у трех составных частей русского войска: «тяжелой пехоты» (первоначально — «морской») — «руси», «росов» и «русов»; славянских, финно-угорских и иных ополченцев, составлявших легкую и «среднюю» по вооружению пехоту; самой немногочисленной была славянская тяжелая или «средневооруженная» дружинная кавалерия (рис. 14).

Типовым оружием «Руси» были тяжелые рубящие, первоначально импортные «каролингские» или франкские мечи, клинки которых первоначально изготовлялись только на Рейне в технике пакетной сварки, которую позднее назовут булатом, а рукояти делались в национальных традициях стран — приобретателей этого стратегического товара (рис. 17). Каролинги наложили эмбарго на продажу этого оружия славянам, и оно поступало к ним через скандинавов, ибо викингам чьи бы то ни было запреты были

не указ! Имелись на вооружении также боевые топоры трех типов: скандинавские тяжелые абордажные секиры, более легкие славянские топоры с оттянутым вниз лезвием и легкие кочевнические чеканы. Копья имели либо скандинавские «ланцетовидные» наконечники, либо более широкие славянские, и они имели универсальный характер.

Оружием ближнего боя были боевые ножи — скандинавские скрамасаксы, носимые на поясе, или славянские ножи-засапожники. Оборонительное вооружение для головы состояло из полукруглых скандинавских «викингских» шлемов с полумасками, округло-конических центрально-европейских либо, реже, из более дорогих сфероконических «восточных» с прикрепленной сзади кольчужной сеткой-бармицей. Кожаные панцири с нашитыми железными пластинами (ламинарный доспех) или чешуйками (последние часто византийского или франкского происхождения) покрывали туловище воинов. Кожаные наручи или металлические браслеты защищали предплечья. Щиты были деревянные, круглые, с железной оковкой по краю и выпуклой пластиной-умбоном в центре. Внутри умбона была рукоять для держания щита кистью (ремнями к руке щит не крепили, чтобы от него легко было избавиться в морском бою). Умбон можно было использовать и для удара.

В качестве престижной ранговой детали одежды известны кочевнические (алано-болгарского, хазарского или венгерского происхождения) узкие наборные пояса с многочисленными орнаментированными серебряными или биллоновыми бляшками и шейные гривны, в том числе и железные, с «молоточками» Тора или Перуна.

О вооружении славянского и финно-угорского ополчения известно мало. Это метательные копья-сулицы (по два-три на воина), боевые топоры второго типа, чуть более тяжелые, чем у дружинников (они использовались и в хозяйстве), ножи-засапожники, луки и стрелы, наконечники которых чаще широкие и плоские, дающие кровоточащие раны.

Оборонительное вооружение, кроме больших щитов точно не известной формы, или отсутствовало, или не сохранилось (было кожаным с нашитыми редкими, не сплошными железными бляшками.

Конные дружинники имели на вооружении не столько тяжелые мечи, сколько более легкие рубяще-режущие слабоизогнутые сабли-палаши кочевнического происхождения или подражания им. Копья были ударными, но еще короткими, с широкими, как у пехоты, наконечниками. Из топоров использовались кавалерией только легкие, с лезвием весом 150—200 граммов, но на длинной рукояти топорики-чеканы, реже — булавы. У русской кавалерии, в отличие от рыцарей, имелись лук и стрелы. Шлемы были в основном сфероконические с бармицами и султанами «восточного» типа и происхождения и собственно «славянские» округло-конические, с переносьем, имевшие центральноевропейские (чешские, польские, болгарские), да и местные истоки (рис. 21). Тело воина покрывали кольчуги, «прочные и драгоценные» (как писали восточные авторы о славянах), состоявшие из нескольких тысяч железных колец.

Ноги были защищены высокими кожаными («табаристанскими», по терминологии восточных авторов) сапогами. На кисти рук и предплечья надевались кожаные рукавицы с раструбообразными крагами.

Из престижно-ранговых деталей одежды следует отметить плащи ярких расцветок, типа княжеского корзна или походного плаща-вотолы. Для этого рода войск характерно также наличие предметов снаряжения верхового коня и всадника ранних типов, в том числе шпоры с прямыми дужками и слабо выраженным шипом.

Из всех этих предметов вооружения и воинского снаряжения в Брянской области обнаружен один «каролингский» меч с рукоятью, украшенной в датском зверином еллинг-стиле конца X века (тип «Т» по А.Н. Кирпичникову) (рис. 17), ланцетовидный скандинавский (шведский) наконечник копья, несколько втульчатых и черешковых наконечников сулиц с пером разных типов (лавролистные восточнославянские, двушипные западнославянские). Среди наконечников стрел есть и типично восточнославянские ромбовидные, и скандинавские ланцетовидные черешковые, и ранние бронебойные втульчатые. Всего стрел этого периода обнаружено несколько десятков. Ранние (до сере-

дины XI века) типы топоров обнаружены только в двух дружинных некрополях — у сел Левенка под Стародубом и Кветунь под Трубчевском. Это, прежде всего, топорики-чеканы и «универсальные» топоры с оттянутым вниз лезвием и щекавицами, в том числе очень миниатюрный, «детский». В одном из камерных погребений Левенки есть топорик, переходный между чеканом и «универсальным» — с широким лезвием и вытянутым обухом. Часто этот тип связывают с Прибалтикой. Кроме этого топора, на Брянщине известно еще три чекана и четыре «универсально-походных» топора, которые могут датироваться ранним периодом, но могут встречаться и после середины XI века. Из предметов воинского снаряжения и быта X — начала XI века в Брянской области встречены серебряные и биллоновые бляшки от боевых поясов и конской сбруи, рангово-сакральные шейные гривны, в том числе и типично воинские железные. Обнаружены, часто рядом с ними, железные подковные гвозди, с отогнутой в петлю дужкой, по форме напоминающие молоточки. По мнению некоторых исследователей скандинавских древностей, на Руси их могли присваивать в качестве замены амулетов — специально изготовленных «молоточков Тора». Из финно-угорских по происхождению древностей, распространенных и среди словен новгородских, можно отметить цилиндрические фитильницы-огнива, которые могли попасть в Подесенье вместе с северными «воями».

Из трех типов комплектов вооружения в конце X — середине XI века побеждает третий, принадлежавший славянским конным дружинникам. Пережиточно, до конца XI века сохраняются сулицы ополченческой славянской пехоты, а также легкие кавалерийские чеканы. Полностью исчезают тяжелые «абордажные» секиры, «каролингские», только лишь рубящие, мечи, боевые ножи-скрамасаксы. Увеличивается доля кочевнического и вообще восточного вооружения. Сабли не вытесняют мечи, но составляют равную с ними долю. Лезвие мечей становится более узким, сужается дол по центру лезвия, мечи становятся не только рубящими, но и колющими. Впрочем, на Брянщине клинков мечей XI века пока не найдено. В свя-

зи с возрастанием роли и доли кавалерии, а также тем, что основным противником становится подвижная, в основном легковооруженная, конница кочевников, в меньшей степени литовцев и венгров, а также «средневооруженная» польская, в археологических материалах резко возрастает доля стремян, шпор, деталей узды, хотя их все же меньше, чем в последующем XII столетии. Возрастает, хотя не существенно, количество булав, появляются кистени с костяными, бронзовыми, железными гирьками на кожаных ремнях (на Брянщине обнаружены только металлические). Число топоров в кавалерии сокращается, в пехоте господствуют «универсальные», с оттянутым вниз широким лезвием, у которых постепенно исчезают тыловые и боковые щекавицы.

Самым распространенным защитным вооружением становятся кольчуги с короткими рукавами и без воротника. Преобладают склепанные из нескольких пластин или цельнокованые, иногда с переносьем, сфероконические шлемы с разной высоты шишаком и обязательной бармицей на боковой и затылочной частях. Впрочем, шлемов этого периода в Брянской области пока не найдено, а детали кольчуг могут относиться к разным периодам.

Щиты «теряют» умбоны и поэтому известны только по изображениям на каменных или бронзовых иконках, эпиграфических материалах, фресках. Летописные миниатюры создавались позже. Щиты кавалерии — миндалевидные, небольшие (в противовес круглым половецким), иногда с геральдическими изображениями (барс или гепард у владимирских воинов, например). Пехотные — почти в рост человека, также миндалевидные, с заостренным нижним концом для втыкания в землю в случае образования «стены щитов» для противодействия кавалерии. Преобладающий цвет щитов — красный (ранее были многоцветные «варяжские»). Ноги защищали кожаные сапоги, кисти и предплечья — кожаные перчатки с раструбами.

Из внешней атрибутики исчезает языческая символика, заменяясь символами христианства как на оружии, так и на амуниции, предметах одежды. Стяги имеют треугольную форму, красный цвет и изображение креста. Полковые и

княжеские стяги имели прямоугольную форму с косицами, предположительно красный или черный цвет, изображения святых (чаще — Христа Спасителя).

2. В составе Древнерусского государства

Мы представляем, что с утверждением единого государства внутри его войны не может быть? Но это не так, и Подесенье тому пример. И не внешние враги тревожили его покой, а свои, русские князья. Столетие единства Руси — XI век — начинается здесь с красочно описанной в летописи Лиственской битвы (1024 год), а завершается осадой князя Олега Святославича в своей вотчине — Стародубе (1096 год). Оба раза войну начинали князья Тмутаракани — небольшого русского анклава на берегах Керченского пролива, основанного Святославом на месте византийско-хазарской Таматархи.

В 1023 году сын Владимира Святого — Мстислав Храбрый, соединив вокруг него несколько кавказских племен и создав на Северном Кавказе и в Восточном Крыму миниимперию, счел себя ущемленным, не имея владений в коренной Русской земле. И в 1024 году двинулся на Киев с дружиной своей, а также хазарской и касожской (черкесской или адыгской) конницей.

Ярослав, князь Киевский и «единодержец» Русской земли, в то время отсутствовал — подавлял восстание волхвов в Ростовской земле. Однако и без него киевляне не приняли Мстислава, зато черниговцы (а часть Брянского края входила в состав этой земли) и северяне охотно открывали ему ворота своих городов, будучи за несколько десятилетий тому назад насильно подчинены Киеву. Ярослав Мудрый узнал это, будучи на севере Руси, и, заблаговременно наняв варягов и их предводителя, Якуна (Хакона), двинулся на Чернигов. На полпути между Черниговом и Любечем, где сошло с кораблей варяго-новгородское войско Ярослава, у местечка Листвен, произошло длительное (бой шел даже ночью, при всполохах молний) и кровопролитное («и трудишася Варязи, рубя Северъ») сраже-

ние. В конечном итоге исход сражения был решен ударом в спину уставшим варягам кавказской кавалерии Мстислава — воины-профессионалы не выдержали и побежали, и Ярослав с ними. В итоге этой войны Брянский край и все Подесенье до смерти Мстислава в 1036 году входило в состав его владений. В том же году последний поход на Русь совершили печенеги, даже осадившие Киев. Здесь они были разбиты Ярославом, опять приведшим «воев» с Севера, попали «в полон» и были поселены на южных границах Руси для их охраны от новых кочевников — торков, затем половцев. Эти «военные поселенцы», а затем и другие пленные кочевники получили название «свои поганые» (язычники). Но ни печенеги, ни торки до Брянского края не доходили — в 1061 и 1068 годах — также не коснулись Брянских земель, на Десне же пострадали только окрестности Чернигова (1068 год), да и то 12-тысячное войско кочевников было в этом году наголову разбито трехтысячной ратью нового черниговского князя, позднее ставшего родоначальником брянских князей — Святослава Ярославича. Половцы проникли в Брянский край лишь в 1078—1080 годах. Неточность даты определяется характером источника — это нравоучительное, а не историческое «Поучение Владимира Мономаха детям», отдельные события в котором не датированы.

Половцев впервые привел в Подесенье один из русских князей — Олег Святославич (Гориславич, как его прозвал народ и летописец в ответ на это «горькое» для Руси деяние), в борьбе за Чернигов, принадлежавший тогда Владимиру Мономаху, в 1093 году. Но с его именем связан на Брянщине другой эпизод, завершающий междоусобную войну, начатую Олегом Святославичем. Разбитый созданной против него коалицией князей во главе с Владимиром Мономахом, он нашел убежище в своей «отчине» — Стародубе, но был после 33-дневной осады прогнан оттуда местными жителями, которые не хотели из-за него испытывать муки голода.

Миновав при отступлении свою вторую «отчину» — землю вятичей, частично брянскую (к ней принадлежал Карачев) и еще немного посопротивлявшись, он сдался победителям и принял участие в съезде в Любече (1097 год).

Одним из следствий этого знаменитого съезда стали общерусские «крестовые походы» против половцев начала XII века, которые навсегда устранили опасность для Древней Руси в целом. Возможно, что брянские вои или дружинники также в этих походах участвовали в составе войск Олега Святославича Новгород-Северского и Давыда Святославича Черниговского. Показательно, что наряду с другими князьями — бывшими противниками — их возглавлял и «раскаявшийся» Олег Гориславич, князь Новгород-Северский, имевший много владений на Брянщине. Общая опасность сплотила недавних врагов.

На саму же Брянщину война вернулась уже в эпоху «феодальной раздробленности» или «политической разобщенности».

Глава III

МЕЖДОУСОБНЫЕ ВОЙНЫ В БРЯНСКО-ДЕСНИНСКОМ КРАЕ В ЭПОХУ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

Ближе к середине XII века Русское государство распалось на несколько крупных (формальная дата — 1132 год), Киев постепенно потерял статус столицы, хотя многие князья для престижа хотели овладеть им. Подесенье стало «мостом» между Южной (Чернигов, Киев), Северо-Восточной (Ростово-, затем Владимиро-Суздальская земля), и Западной (Смоленск, Полоцк) Русью, будучи ареной столкновений интересов, да и прямых военных конфликтов этих сил (рис. 23).

Особенно в этом плане «повезло» центру Подесенья — Брянскому краю. Он разделился между Смоленским княжеством: Рогнединский, Дубровский, Клетнянский, север Мглинского региона, правобережная часть Жуковского. В составе коренных черниговских земель остались левобережье Жуковского, Дятьковский, Почепский, Жирятинский, юг Мглинского, Унечский, все юго-западные районы, белорусская Гомельщина, Стародуб, восточная часть Погарского района. Новгороду-Северскому принадлежал вос-

ток Погарского, Трубчевский, Выгоничский, Суземский, Севский, Комаричский, Навлинский районы. Что касается Брянского района и ополья, то его владельческая принадлежность неясна и, вероятно, изменчива.

Междоусобные войны или подготовка к ним шли практически каждое десятилетие в середине — второй половине XII века, но чаще всего — в его 40-х и 60-х годах. Это и неудивительно, так как новая система правления была в процессе становления и внутренние войны велись за то, чтобы конкретная ветвь династии Рюриковичей, в данном случае — Святославичей, закрепилась в как можно больших по значению городах и «тянувших» к ним землям и волостям. При этом в основном вели борьбу между собой черниговские и северские князья, при поддержке: первые — Киева, вторые — Ростово-Суздальского княжества.

1. Сражение под Карачевом. Войны 1146—1155 годов

Сражения междоусобных войн 40-х годов почти непрерывно происходили по всей Руси, даже Киев не раз переходил из рук в руки.

На Брянщине случилось мало сражений, зато через ее территорию совершалось много походов враждующих сторон. Так, в конце 1146 года через нее, от Новгорода-Северского до Карачева прошел бежавший от коалиции черниговокиевских князей на север князь Святослав Ольгович, а затем и его преследователи поочередно двинулись туда же, по левой стороне Десны — через Путивль, Севск и Болдыж.

В одну коалицию входил Изяслав Мстиславич Киевский, его сын Мстислав, Изяслав и Владимир Давыдовичи Черниговские и (против воли) Святослав Всеволодич Северский. Во вторую — Святослав Ольгович (претендент на новгород-северский стол) и далекий от Южной Руси Юрий Владимирович Долгорукий, князь Ростово-Суздальский, приславший на помощь союзнику своего сына Иванко. Кроме того, в качестве наемника-кондотьера к этому

альянсу присоединился и галицкий князь-изгой Иван Ростиславич Берладник. Не преминули вмешаться на стороне родственника и дядья Святослава по матери («уи») — ханы Тюнрако Осулкович и брат его Камосе, приведшие «диких половцев».

В 1146 году Олег Святославич захватил Новгород-Северский, но покинул его, узнав о приближении войск коалиции, к которой примкнул и Ростислав Мстиславич Смоленский. Чтобы не попасть «в клещи» войск южной коалиции и Ростислава, Святослав Ольгович решил отступать к Карачеву, с которого начиналась его наследственная «отчина» — земля вятичей, граничившая с владениями главного союзника — Юрия Долгорукого. Первым к Карачеву подошел авангард союзных войск во главе с Изяславом Давыдовичем и неким Шварном — скорее всего, воеводой «служилых кочевников» Берендеев, живших на реке Рось в Киевской земле и входивших в состав «черных клобуков». Кавалерия Изяслава в составе 3 тысяч берендеев и его личной дружины налегке, «безвоз» пошла из Болдыжа на Карачев, надеясь застать противника врасплох. Однако Святослав узнал о подходе войск противника от захваченных половецким разъездом трех берендеев, обрушился на него силами «диких половцев» и своей дружины и при помощи «Бога, Святой Богородицы и животворящего креста» «погнал их» 16 января 1147 года, на день Петра и Павла. С военной точки зрения здесь интересен факт столкновения «диких половцев» (рис. 28) и «своих поганых» из состава орды Берендеев, скорее всего имевшей печенежское происхождение. Однако разбит был только авангард, перевес все еще был у киево-черниговских войск, и Святослав Ольгович отступил дальше на север к Козельску. Здесь он узнает через тайное послание Святослава Всеволодича о планах Давыдовичей, соединившись с Ростиславом Смоленским в районе Добрянска (Дъбрянска), который они к тому времени заняли, идти на него, и отступил еще дальше, к ростово-суздальским рубежам. Здесь происходят изменения в составе и руководстве его войск. Во-первых, разуверившись в грядущих успехах, от него к Ростиславу Смоленскому уходит князь-авантюрист

Иван Берладник. При этом интересен воинский менталитет того времени: хотя бывший соратник переходит к потенциальному противнику, Святослав выплачивает ему положенный «гонорар» — 200 гривен серебра и 12 гривен золота. Это много, если учитывать, что годовая дань от одной земли (крупного княжества) в среднем равнялась 3000 гривен серебра, а большой дружины при Иване Ростиславиче явно не было. Эта «потеря» была быстро компенсирована подходом подкреплений из Залесской земли — «тысячи бронников дружины Белозерской». Святослав начал готовиться к реваншу, однако этому помешала болезнь и смерть (24 февраля) предводителя ростовского контингента — Иванко Юрьевича.

Как видим, благодаря этой войне упоминаются три, может, и четыре («Болдыж» точно не локализован) брянских города: Карачев, Добрянск-Дъряньск, Севско (впрочем, название Севско по окончанию скорее всего принадлежит селу, а не городу). Однако с окончанием первой, неудачной для Святослава Ольговича стадии карачевской войны связано упоминание и еще одного города.

Итак, Брянск упомянут в январе 1147 года, и в нем сумели разместиться зимой большие воинские контингенты, а это значит, что построен он был значительно ранее. Чуть позднее упомянут град Москов: именно туда, на встречу со своим могущественным союзником — Юрием Долгоруким, в итоге («по дороге» по поручению Юрия «попленив» «люди Голядь» на реке Протве, подданных Ростислава Смоленского) отступил Святослав Ольгович. Именно в Москве был обозначен поворотный пункт в этой войне. Юрий Долгорукий с почетом встретил здесь своего союзника и «отца» (тестя) с его сыновьями, принял дорогой подарок — «пардуса» (охотничьего барса или гепарда). «И тако любезно целоваста... и тако быша весели. На утрии же день повеле Гюрги устроити обед силен и створи честь великую им и дал Святославу дары многы с любовию». Но главное — Юрий обещал военную помощь, и слово сдержал быстро. Уже к Вербному воскресенью перед Пасхой 1147 года Святослав подошел к границе Черниговской земли по Оке, и дальнейший его поход превратился бук-

ально в триумфальное шествие, проходившее по совре-енным Калужской, Брянской и Орловской областям, тогда ходившим в состав «земли вятичей» и соседних волостей еверо-востока Черниговского княжества. По дороге к нему присоединялись отряды половцев, причем не только присланные его «уями», бежавшие «из Руси» детские младшие дружинники), бродники, воины, приведенные сы-ом Юрия Долгорукого Глебом. Повоевав по дороге окра-ины Смоленской земли, он занял без боя «вси Вятичи и Добрянеск и до Воробиин Подесенье, Домагощ и Мце-еск». Посадники Давыдовичей в панике бежали из за-ятых ими «отчин» Святослава — «из Вятич, из Брянь-ка, и из Мьченьска, и из Блеве» (волость Облов на реке Болва).

Формально война заканчивается мирным договором в Спаши между послами Давыдовичей и Святослава Всево-одича и Святославом Ольговичем. Возможно, сыграло оль присутствие «многих» половцев и ростово-суздаль-ких войск Глеба Юрьевича, но послы вели себя очень по-кладисто и просили Святослава не помнить «злобъ на-ших», говорили «отчину свою возьми и что если взяли воего, а то тебе возворотим» и целовали в том крест. А взяли у Святослава в ходе первого этапа войны исклю-ительно много, и это отчасти объясняет причины такого ипа войн не только борьбой за тот или иной «стол», но и ростым стремлением к обогащению и желанием ослабить онкурентов!

Летописец приводит подробный список добра («жиз-и»), награбленного и уничтоженного в загородных «се-ах» и городских «дворах» братьев Ольговичей. Так, в асположенном где-то в Подесенье, неподалеку от Новго-ода-Северского «Игоревом сельце» (Игорь — родной рат Святослава — в то время был взят в плен Изяславом Мстиславичем и сидел в «порубе» в Киеве) было взято только всякого «добра» («готовизны», вина, медов, же-еза, меди), что все его не смогли вывезти на множестве возов» не только княжеских, но и простых «воев» и про-то часть «тяжкого товара» уничтожили. Попутно сожгли умно с девятьюстами стогами сена в нем, сам княжеский

двор и даже находившуюся в нем церковь Святого Георгия. Не пощадили они и церковь Вознесения на княжеском Святлославлем дворе в Путивле, вынеся из нее весь богослужебный инвентарь, книги, колокола и ободрав оклады икон. Не помешали и святые рождественские праздники. А ведь «диких» половцев в их войске не было! Имущество Святослава, включая 700 челядинов, казну («скотницу»), 500 берковцев меда, 80 корчаг греческого вина, поделили поровну между четырьмя князьями, взявшими Путивль, а все, что было в селе Игоря, великий киевский князь Изяслав Мстиславич взял себе. К чести последнего надо сказать, что, поскольку жители Путивля сдали город лично ему, он целовал крест, что город грабить не будут, и слово сдержал. С учетом того, что Русь была правовым государством, в усобицах страдало имущество прямых участников. В состав имущества, правда, на законных основаниях включались и челядь, и смерды в селах, и «жизнь» последних.

Давыдовичи, пообещав вернуть Святославу его «отчины» и все награбленное и тем затормозив продвижение его половецко-суздальских войск, вовсе не собирались выполнять обещанное и бросились за помощью к Изяславу Киевскому. Тот обратился к «бояры своя и всю дружину свою Киянам» об организации большого похода против главного противника — Юрия Долгорукого.

Для такого похода и нужно было киевское городовое ополчение («воев»), одних дружин было мало. Киевляне, однако, отказались поднять руку на «Володимерово племя» — наследников любимого ими Владимира Мономаха. Это позволило Святославу Ольговичу в итоге занять Новгород-Северский и тем выиграть «Карачевскую войну», театр военных действий которой был весьма широк, но самое крупное сражение произошло все же под Карачевом («Корачевом»).

С помощью Юрия Долгорукого Святослав вернул себе Лесную землю вятичей и Подесенье (в данном случае это территориально-административная единица — волость, расположенная не столько на Десне, сколько на ее притоке — Судости), с Брянском. Волость Подесенье была сравнительно невелика, особенно если в нее не входили округи Брянска и (позднее) Вщижа. Однако стратегически

Подесенье имело огромное значение, ибо являлось мостом между «землей вятичей» и ядром Новгород-Северского княжества. В более широком смысле у западной окраины волости, сразу за Вщижем, где заканчивалось плодородное Брянское ополье, начинались смоленские земли. От восточной окраины Подесенья, от Брянска, по рекам Болва и Снежеть, через волости Блеве (Облова) и Карачева, далее — через остальную часть «земли вятичей» проходили наиболее короткие пути в Залесскую (Ростово-Суздальскую) землю. На крайнем юге Новгород-Северского княжества находился стратегически важный Путивль, из которого начиналась дорога в Северную Русь по лесистому левобережью Десны через Севско и Карачев. Он стоял на реке Семь (Сейм), на северном краю ровного «степного коридора», за которым к югу находилось Переяславское княжество — «отчина» Всеволодичей, то есть постоянный «регион претензий» для залесских князей. В западном направлении по этому коридору можно было быстро дойти до Чернигова и Киева, на востоке он соединялся с половецкой степью. При Владимире Мономахе этот коридор был перекрыт цепочкой крепостей, на севере начинавшейся от Путивля, и Курским «укрепрайоном» (волость Посемье). Начиная с 1147 года и в Посемье, и в Переяславском княжестве часто правили сыновья и внуки Юрия Долгорукого, который (и его наследники, а также и их новгород-северские «вассалы»), таким образом, имел прямую связь с половецкими родичами и союзниками (не только мать Святослава, но и жена Юрия были половчанками). Поэтому тот, кто владел Путивлем и Посемьем, контролировал выход в степь, с одной стороны, «держал под прицелом» не только Чернигов, но даже Киев. Весь этот пестрый конгломерат владений, от границ Ростово-Суздальского и Смоленского княжеств на севере до Переяславского княжества на юге, оказался в руках Святослава Ольговича, правда, под неприкрытым протекторатом Юрия Долгорукого. Правда, сам выход в Степь — «степной коридор» («Поле» по летописи) с крепостями в нем («Вырская пробка», как ее в свое время назвал автор) и Посемье Юрий не доверил даже ему, а передал сыну Глебу и его

«посадникам». К тому времени и Посемье, и Вырь еще принадлежали Переяславлю, что дало повод Глебу Юрьевичу попробовать вернуть и сам этот город, по сути, «метрополию» северной ветви Мономашичей, под власть суздальских князей, но в тот раз — безуспешно. В целом мир в Спаши не завершает той серии междоусобных конфликтов в Подесенье, которая была начата Карачевской войной. Летопись и дальше буквально переполнена описаниями походов и столкновений черниговских, северских, киевских, смоленских, суздальских войск вплоть до 1155 года, в которых, кроме чернигово-северских Ольговичей и Давыдовичей, непосредственно вмешались и сами главные игроки — представители разных ветвей Мономашичей — великий киевский князь Изяслав Мстиславич Волынский, Юрий Долгорукий и (после смерти брата Изяслава в конце 1154 года) Ростислав Мстиславич Смоленский. О накале этой борьбы свидетельствует то, что в ее ходе Юрий дважды захватывал и терял Киев. Попытки достигнуть мира и распределить княжеские столы также были.

После одной из них, связанной с очередным приходом Юрия под Киев и закреплением Глеба Юрьевича в Переяславском княжестве, а также смертью Владимира Давыдовича Черниговского в 1151 году, оставшиеся старшие Давыдовичи (Изяслав) и Ольговичи (Святослав) заключили соглашения о разделе «отчин» — западная, собственно черниговская часть княжества отходит первому, восточная, новгород-северская, — второму. Тогда этот символический акт примирения не привел даже к временному затишью, но в дальнейшем имел большие территориально-политические последствия для раскола Черниговского княжества, причем линия раскола прошла и через современную Брянскую область с северо-востока на юго-запад. Тогда же, нейтрализовав единственного союзника Юрия Долгорукого на юге Руси, два Изяслава — Давыдович и Мстиславич дружно обрушились на суздальского князя. Юрий обосновался тогда в Городце Остерском, контролировавшем стык трех княжеств — Черниговского, Переяславского, Киевского. Война разгорелась с новой силой — в нее оказался вовлечен даже зять Изяслава Мстиславича — король Вен-

грии и все орды Черноклобуцкого союза. Однако, не вмешиваясь в борьбу за Киев, Святослав Ольгович прочно удерживает тот «мост», по которому к нему поступает суздальская и половецкая помощь, несмотря на периодические поползновения Давыдовичей и собственного родного племянника — Святослава Всеволодича. Эта стратегия оправдала себя, в 1155 году по этому пути вдоль Судости, через Подесенье проходит Юрий Долгорукий, дабы окончательно обосноваться в Киеве, а великий Черниговский стол отдать верному союзнику. События развивались так. К западу от северной части волости Подесенье, у границ Смоленского княжества, в городе Зарой (где-то на границе современных Брянской и Смоленской областей) происходит встреча смоленских и суздальских войск и двух главных деятелей Руси того времени. Ростислав без боя и «по добру» уступает дяде главенство над Русью и целует в том крест. Далее военный поход Юрия Долгорукого на Киев проходит по территории брянского Подесенья, у южных окраин которого (у Синина Моста; кстати, это название символично — примерно отсюда к югу начиналась территория Русской земли, древнего, еще с X века, родового «домена» Рюриковичей), где оно граничило с волостями Радоща и Стародуба, происходит встреча с владетелями обеих — Святославом Ольговичем и Святославом Всеволодичем, дядей и племянником. Первый — давний и в основном верный союзник Юрия, второй был постоянно «на подхвате» у его противников. Далее летописцем описывается интересная морально-психологическая коллизия. Дядя заступается за племянника, умоляя Юрия «принять его в любовь». Это проявление благодарности за тайное послание дяде от племянника, находившегося в стане его врагов, но своевременно предупредившего родственника об опасном маневре противника в начальный период Карачевской войны. Святослав Всеволодич падает на колени и кается в содеянном, говоря «избезумелся есмь». Юрий прощает его, но требует крестного целования не только себе, но и Святославу Ольговичу.

Переход Всеволодича, князя Стародубского, на их сторону открывает союзникам прямую дорогу на Чернигов и

Киев через Стародуб и «Сновскую тысячу». Далее Святослав Ольгович при помощи Юрия Долгорукого, ставшего великим князем Киевским, получает, правда ненадолго, черниговский престол, на котором и правит (с небольшим перерывом на период княжения здесь внешне помирившегося с Юрием Изяслава Давыдовича) до своей смерти в 1164 году. Военным путем получив Чернигов, временно занятый в 1157 году из-за воскняжения Изяслава Давыдовича в Киеве племянником последнего — Святославом Вщижским, Святослав уступает новгород-северский стол племяннику Святославу Всеволодичу. Это было не только продолжением акта благодарности, но и важным стратегическим ходом, который лишил представителей другой ветви Святославичей и Давыдовичей всех уделов в Черниговской земле, кроме пограничного со Смоленским княжеством Вщижа, находившегося на севере волости Подесенье, где правит последний отпрыск этой династии — Святослав Владимирович. Старший из оставшихся Давыдовичей — Изяслав — не очень этим озаботился, так как стал в том же году князем Киевским. Однако для его дальнейшей судьбы это было роковым решением, непростительным легкомыслием или слабостью, а для региона в целом стало причиной новой серии междоусобных конфликтов — «Вщижских войн».

Обобщая историю междоусобных войн на юго-востоке Руси в 1146—1155 годах, начальной фазой которых была Карачевская война, можно сказать, что их главной причиной в общерусском масштабе была борьба Юрия Долгорукого за Киев и верховный суверенитет над Русью. Кроме того, он хотел закрепить за своей ветвью династии, за Ростово-Суздальским княжеством, часть южной Русской земли — Переяславское княжество, которое было родиной, метрополией залесской ветви Мономашичей. Для достижения этой цели ему нужно было найти опору в лице слабейшего из местных князей, обострившего отношения как с черниговскими династиями, так и с тогдашним киевским князем.

Целью Святослава Ольговича было вначале создание своего крупного владения для Ольговичей внутри принад-

лежавшей Давыдовичам Черниговской земли, а когда станет возможным — и овладение верховной властью над всей этой землей. Для конечных целей Юрия было также важным, что Святослав был личным врагом киевского князя Изяслава Мстиславича, с которым боролся за столицу из-за брата Игоря. Идеальный союзник!

Для Изяслава Мстиславича важным было сохранение статус-кво и создание препятствий на пути «имперских амбиций» Юрия в виде мощного, монолитного, под единым и лояльным лично к нему управлением Давыдовичей. В этой связи для Юрия был желателен раскол княжества, и он просто обязан был поддерживать любые сепаратистские устремления внутри его.

Кроме борьбы за «отчины», волости, нельзя сбрасывать со счетов и более приземленные задачи, решаемые в ходе этих войн, — присвоение собственности, включая челядь и смердов, побежденного противника — прежде всего для содержания дружин и пополнения зависимого населения в своих селах.

Кроме общности стратегических и тактических целей, страха (для менее значимых князей) большую роль в сложении коалиций и отборе союзников играли семейно-брачные (но не родовые!) связи. Религиозный и национальный факторы не имели в этом аспекте никакого значения. Кроме русских, в этих конфликтах «засветились» «дикие половцы»-язычники, прообраз казаков — разбойники-бродники, все орды «черных клобуков» (берендеи, торки, ковуи, печенеги) — частью язычники, частью православные, венгры-католики. Судя по летописям, никаких жестокостей по отношению к свободному местному населению не совершалось; не грабили жителей городов, если они сдавались добровольно. Штурмы не применялись.

2. Вщижские войны

Их предыстория уходит в 1156 год, а продолжались они до 1161 года и связаны с пересмотром той военно-политической ситуации, которая сложилась в чернигово-север-

ских землях к 1155 году, и сфер влияния на эти территории между залесскими и смоленскими Мономашичами. Тогда недовольный доставшимся уделом — маленьким городком Березый под Черниговом, князь Святослав Владимирович, представитель ветви Давыдовичей, силой захватывает Подесенье и Вщиж и де-факто образует новое удельное княжество, признав своим сюзереном Ростислава Смоленского, «от стрыя [Изяслава Давыдовича] отступив». Последним объясняется то, что во Вщиже нашел убежище волынский князь (на тот момент — фактически изгой Владимир Мстиславич — родной брат смоленского сюзерена. Но пришел он не через смоленские земли, а с юга, через Стародуб, а это не очень понятно, так как с передачей Вщижа и Подесенья Ростиславу новый удел, по сути, в военно-политическом плане разрезал Черниговские земли пополам, отсекая от Чернигова Брянск и «землю вятичей», перекрыв связь между ними по Судости. Путь же по Десне проходил по землям нового Новгород-Северского княжества, что давало выгоду его владетелям. Все это, однако, объяснимо, если учесть хорошие отношения Юрия Долгорукого, на тот момент — князя Киевского — и с Ростиславом, и тем более со Святославом Ольговичем. Если же учесть, что главным врагом Юрия был волынский князь Мстислав Изяславич, заставивший бежать с Волыни своего дядю и противника Владимира Мстиславича, то ситуация становится вполне объяснимой с общерусской точки зрения. Что же касается регионального аспекта, то, по сути, произошел формально не санкционированный, но выгодный Святославу Ольговичу передел волостей внутри се. Подесенье и Вщиж уходил из-под власти бывшего (и единственного еще живого) врага и Святослава, и Юрия — Изяслава Давыдовича. Последний постоянно демонстрирует свою преданность им, но ему вряд ли доверяют, хотя он стал тестем для Глеба Юрьевича. Суммируя все это, становится понятным, почему племянник решился поживиться именно за счет владений родного, а не двоюродного дяди. Однако в ходе этих событий упоминается и племянник Святослава Ольговича — Святослав Всеволодич, у которого первый, будучи недолго черниговским князем, чуть

ранее отобрал «Сновскую тысячу» — путь из Чернигова на Стародуб. Этот второй обиженный «сыновец» воспользовался сумятицей и занял опустевший Березый неподалеку от Сновска, вынудив черниговского князя совершить на него поход с нанятыми для этого половцами.

Далее, судя по летописному сообщению, оба «стрыя» объединяются против племянников (также соединивших силы) и совершают против них совместный военный поход, завершающийся «миром» почему-то у смоленского города Мстиславля.

Следующей ступенью к основной Вщижской войне становятся события, связанные со смертью Юрия Долгорукого в Киеве и воскняжением там Изяслава Давыдовича. Вначале полностью меняется геополитическая ситуация на Руси: из-за попытки Юрия вернуть волынский престол Владимиру Мстиславичу и присоединить Волынь к своим владениям против него создается коалиция в составе Мстислава Изяславича Волынского, Ростислава Смоленского и Изяслава Черниговского. Союзники предлагают присоединиться к ним и Святославу Ольговичу, но тот отказывается, хотя и Юрию не помогает. После «своевременной» смерти последнего в мае 1157 года ставший великим князем Киевским дядя Святослава — Изяслав Давыдович — передает ему Чернигов. Однако Святослав Ольгович военным путем (происходит «стояние» двух коалиций на реке Свинь под Черниговом) заставляет Изяслава вернуть Чернигов ему, а Новгород-Северский достается Святославу Всеволодичу. Святослав Владимирович вновь должен удовлетвориться Вщижем, который, правда, на этот раз был получен «по праву».

Следующее изменение ситуации происходит уже в 1159 году, однако предпосылки проявляются еще в 1157 году, когда киевским князем последние месяцы был Юрий Долгорукий. Когда Изяслав Давыдович уже стал «замышлять рать» на Юрия и не боялся испортить с ним отношения, он отбил у него пленника — князя-мятежника, бывшего соратника Святослава Ольговича на первом этапе Карачевской войны, Ивана Ростиславича Берладника, которого Юрий собирался выдать на расправу Ярославу

Осмомыслу Галицкому. Уже когда Изяслав стал киевским князем, к нему явилась целая делегация от семи русских и нескольких польских князей и даже короля Венгрии с требованием выдать Ивана Ярославу Галицкому. Изяслав этого не сделал и отпустил Берладника к половцам, которые и помогли этому авантюристу захватить некоторые «дунайские» города Галицкого княжества (область Берладь). Он начал грабить здесь галицких купцов и рыбаков, а затем во главе половцев и берладников пошел на Галич, принимая по дороге в свое войско бежавших от хозяев смердов. Поход на Галич не удался, потому что его вскоре покинули половцы, которым он не давал брать штурмом и, соответственно, грабить те города, которые не сдавались добровольно. Иван вернулся в Киев и уговорил великого князя помочь вернуть ему галицкие волости.

В 1159 году поход состоялся, но в нем к Изяславу не примкнул никто, а вскоре возмущенные князья и вообще выбили его из Киева. Возвращаться ему было некуда — кроме столицы, он сохранил за собой только отдаленную «землю вятичей» с Карачевом, раздав все остальное. После того как во время сражения за самую мощную крепость Киевской (а возможно, и всей Русской) земли — Белгород — Изяславу изменили даже берендеи и торки, бросив под Белгородом наемных половцев, он с оставшимися союзниками, малозначимыми и ранее постоянно «обижаемыми» «в волостях» князьями — Святославом Владимировичем Вщижским и Владимиром Мстиславичем Волынским — бежит в обход уже враждебного ему Киева в «вятичи». Путь его лежал прямо на север в Гомий (Гомель). Здесь он встретился со своей женой, которая также бежала из Киева, но обходной дорогой — через Переяславль, где пока еще правил враг волынских и смоленских Мстиславичей — Глеб Юрьевич, зять Изяслава. Далее она с юга и востока обошла Черниговскую волость «Задесенье» и через территорию Новгород-Северского княжества вышла к Ропеску (на севере «Сновской тысячи»), где ее с почетом принял и проводил до Гомия брат новгород-северского князя — Ярослав Всеволодич, на тот момент, скорее всего, князь Стародубский. По дороге в «землю

ятичей» Изяслав берет «на щит» «город княгини Святославлей» — Облов. Этим он объявляет войну великому ерниговскому князю, который до того придерживался ейтралитета в конфликте, а «землю вятичей», на западой границе которой со Смоленским княжеством находится Облов (верховья северного притока Десны — река олва), уже считал своей. В этих событиях с точки зрения еконструкции воинской культуры и организации Руси ажно описание ближайших последствий штурма Облова «оккупации» (с точки зрения Святослава) его волостей «вятичах». Началась конфискация имущества («золота, еребра, челяди, коней, скота») «изяславлих» бояр и друкины — как в Черниговской земле, так и в Киеве (из Киева «товар» отправлялся во Владимир-Волынский как конрибуция). В данном эпизоде важно следующее: какому бы нязю ни служили бояре и дружинники, их недвижимое муществ на правах частной собственности могло находиться на «чужой» территории как источник их «жизни». моральном аспекте интересен факт «ареста» жен бояр их последующего возвращения мужьям за выкуп.

Окончательно облик новой геополитической ситуации а Руси проясняется в начале 1160 года, когда захвативие Киев галицко-волынские князья, вероятно, чтобы не ориться между собой, приглашают на великое княжение остислава Смоленского. В итоге с региональной точки рения для последнего вопрос о смоленско-черниговской ранице отходит на второй план или вообще теряет значеие. С другой стороны, в качестве князя Киевского и форально — общерусского и находясь в дружбе с галицкоолынскими и (чуть позже) — чернигово-северскими ладетелями, Ростислав имел на Руси только одного достойного соперника — Андрея Юрьевича Владимиро-Суздальского, будущего Боголюбского.

Все эти факторы отразились на характере последующей азы конфликта Изяслава Давыдовича практически со семи князьями Южной Руси, военные действия которого ачались на южных, степных, окраинах чернигово-северских земель, а завершились на северо-западных, «смоленких», в современной Брянской области. К моменту на-

чала этих действий Изяслав Давыдович перемещается с крайнего севера региона на крайний юг, с прямым выходом в степи — в город-крепость Вырь. Здесь в числе его союзников вновь появляется уже «официальный» изгой Иван Берладник. Со своими уже традиционными союзниками — «дикими» половцами Изяслав дважды пытался захватить Чернигов, но в итоге был разбит войсками коалиции. При этом в сражении против своих «диких» родственников решающую роль опять сыграли «свои поганые», которые безжалостно, как принято у кочевников, «избивали», «секли», «изоимаша руками» и топили в Десне половцев. Берендеи, составлявшие главную часть «своих поганых» в этом сражении, по сути, отомстили «диким» сородичам за поражение под Карачевом в 1147 году. После сожжения противниками «острога» (окольного города) вокруг Выря (устоял только детинец) Изяслав покинул опустошенный город и с вновь подошедшими к нему половецкими подкреплениями вновь пошел на север. Пошел он, однако, не в «вятичи», а во Вщиж, по дороге разорив («повоевав») окрестности таких городов Подесенья, как Росусь и Воробейна, и был принят своим племянником. «Тоя же зимы», базируясь на Вщиж, Изяслав с половцами совершает набег на смоленские земли.

В это время, преследуя явно «зарвавшегося» князя, к его основной базе — Вщижу — подходят войска чернигово-северских князей и осаждают этот город. Святослав Владимирович не сдается, несмотря на подавляющее превосходство противников, последние же, следуя традиционной русской тактике, не решаются на штурм, предпочитая взять город «малой кровью», «измором». Это позволяет Изяславу успеть привлечь к военным действиям новую силу — Андрея Боголюбского, который не прочь закрепиться у границ Южной Руси и приобрести здесь союзников. Пообещав женить своего племянника Святослава Владимировича на дочери Андрея, Изяслав тут же получает помощь — ко Вщижу был послан сын Андрея, также Изяслав, «съ всимъ полком своимъ и Муромская помочь». Если речь идет о Владимирском великокняжеском полке, возможно, даже «городовом», а не только дружинном, то это была немалая сила («ростовская»,

как пишет летописец). «Убоявшись» этого, осаждавшие Вщиж князья «дали мир» Святославу и сняли осаду. Узнав об этом, оба Изяслава не пошли во Вщиж. Очень активный, хотя и неудачливый Давыдович вновь занял «вятичи», а затем ввязался в борьбу за черниговские волости, подняв даже сына (Олега) против отца (Святослава), и в итоге погиб в 1162 году, вновь посягая на Киев.

Состоявшаяся затем во Вщиже свадьба Святослава Владимировича и дочери Андрея Боголюбского, а также занятость последнего и его сына Изяслава новгородскими делами заставила южных и смоленских князей в «том же лете» по летописи, или, скорее всего, в начале 1161 года по современному летосчислению, повторить попытку. На этот раз, опасаясь все-таки вмешательства Андрея Боголюбского в случае, если осада затянется, собрано было огромное войско. Руководителем похода был главный союзник и родственник суздальского князя Юрия Святослав, князь Черниговский, участниками — оба его племянника Всеволодовича (Новгород-Северский и Стародубский), «Роман из Смоленска», «Всеслав из Полоцка», кроме того, киевский «полк» (скорее всего, городовой, пеший) и «галичане», то есть всех южно- и западнорусских земель, кроме Переяславской (где сидел Глеб, брат Андрея Боголюбского) и Волынской. Осада длилась пять недель, и, когда наступил голод (при раскопках были найдены ямы, забитые костями лошадей, съеденных во время осады, и затем засыпанные, и братские могилы умерших) и стало ясно, что суздальская помощь на этот раз не подойдет, город сдался. Голод был вызван, вероятнее всего, тем, что жители не успели пополнить запасы после предыдущей осады, опустошением княжеских кладовых во время пышной и престижной свадьбы и временем года — скорее всего, концом зимы. Святослав сохранил престол, но целовал крест черниговскому князю «яко имети ему его в отца место и во всей воли ѐго ему ходити», то есть принес своеобразную личную вассальную присягу Святославу Ольговичу как своему сюзерену. Ясно, однако, что сравнительно благоприятный исход для Святослава Вщижского был достигнут не добровольной сдачей города, не его смирением,

а благодаря родству и ранее оказанной и вполне реальной в будущем прямой военной помощи его тестя — Андрея Юрьевича (будущего Боголюбского), «единодержца» Владимиро-Суздальского.

Вследствие этого последнему из Давыдовичей удалось удерживать княжество до своей смерти бездетным в 1167 году и пресечения данной ветви династии Святославичей. Вщижский престол опустел, и, скорее всего, навсегда: для Чернигова было слишком опасно держать отдельного, пусть и «подручного», князя в столь стратегически важном пункте; другое дело — посадник самого князя Черниговского. В итоге как на региональном, так и общерусском уровнях вщижские войны закончились ничем. Если после окончания и даже в процессе цикла конфликтов, начатых карачевской войной 1146—1147 годов, в составе Черниговского оформилось Новгород-Северское княжество, то по результатам вщижских войн границы между ними практически не поменялись: переход Стародуба из состава Новгород-Северского княжества под прямую власть Чернигова произошел позднее, в 1164 году в результате династических комбинаций, а не войн (хотя затем и вызвал военные конфликты). Статус «земли вятичей» с Карачевом как был, так и остался неопределенным и изменчивым.

Основная локальная цель — образование Вщижского княжества — также достигнута не была: возникшее де-факто в 1156 году, через 11 лет оно перестало существовать в качестве полусамостоятельного политического образования. Сферы и объем влияния Смоленска, Суздаля и Киева в чернигово-северских землях по окончании вщижских войн не изменились.

Если в политическом аспекте результаты этих войн оказались нулевыми, то их военно-демографические последствия были иными. Кроме воинов различных русских земель, во время вщижских войн в Подесенье и особенно в округе Вщижа похозяйничали также и «дикие» половцы, приведенные Изяславом Давыдовичем, по примеру двоюродного брата, отличавшегося этим в ходе карачевской войны. Впрочем, им разрешалось грабить только сельскую местность, да и то в землях противника, в города же «со-

юзников» не пускали, ибо последние расценивались как главный, княжеский, трофей этих войн.

В этом аспекте вщижские войны наглядно показали тактику русских при взятии «своих» городов: они отказывались от штурма, обложив город, если не удалось захватить его «изгоном». Впрочем, на детинце Вщижа были обнаружены следы крупного пожара, а за его пределами — братские могилы. Но связаны ли они с осадами 1160—1161 годов или с монголо-татарским рейдом 1238 года — пока точно не установлено. Кроме того, именно в ходе этих войн наиболее ярко и четко выявилась еще одна цель междоусобий — приобретение не земель и добычи, а людей. Еще перед первой осадой Вщижа, зимой 1160 года, базировавшийся на этот город Изяслав Давыдович ходил с половцами в соседнюю Смоленскую землю. «Той же зимы оттуде иде на Смоленскую волость Изяслав и повоевав дшь боле тмы [10 тысяч], а иные исекоша». В данном случае часть пленных могла быть платой союзным половцам, но в свете этого события не случайным представляется и эпизод с походом на смоленскую голядь Святослава Ольговича в 1147 году. Тогда были захвачены «люди», то есть, по Русской правде, свободные крестьяне-общинники, основные плательщики дани на Руси. Их превратили, скорее всего, в частновладельческих крестьян или даже в «челядь» — рабов-военнопленных, ибо «ополонишася дружина Святославля», а не он сам как правитель государства-княжества. А вот когда переселялось целое племя, как было с галиндами — голядью ранее, в 1058 году, когда Изяслав Ярославич переселил ее целиком на пустовавшие земли на смоленско-чернигово-ростовском пограничье по реке Протва, им могли придавать и статус свободных крестьян-общинников — «людей», членов «верви», для освоения земель и пополнения государственной казны. В 1147 году произошло уже вторичное переселение голяди из Смоленского пограничья во внутренние районы Черниговской земли, в том числе создающегося Новгород-Северского княжества. Неудивительно, что именно в «отчине» Святослава — под Брянском, Радощем, округе Трубчевска, то есть в Новгород-Северском княжестве сохранились топо-

нимы, связанные с голядью, — Голяжье, Голяшовка, Г(о)лажево. В других княжеских и боярско-дружинных селах этого региона по данным археологии найдены артефакты (украшения, детали одежды) конца XI — начала XIII века из Прибалтики — свидетельства захвата пленных и превращения их в зависимых крестьян-смердов — основной рабочей силы в княжеских или боярских частновладельческих вотчинах (селах). Это было также одним из важных результатов и целей внешних походов князей, особенно в нехристианские страны. Впрочем, источником пополнения разных слоев зависимого населения были и оборонительные военные действия: отражение набегов «литвы», которые иногда доходили до центральных регионов Руси. Кочевников захватывали и при оборонительных, и при наступательных войнах, но из них делали не земледельцев, а «своих поганых», которых вначале использовали для защиты границ от набегов бывших «своих», но иноплеменных сородичей-кочевников. Очень быстро «своих поганых» стали использовать и во внутренних конфликтах, как, впрочем, и наемных «диких» половцев. Но последним нужно было платить, даже если их возглавляли ханы — родственники русских князей. И формой платы могли быть в том числе и полоняники сельского происхождения, взятые в землях враждебного правителя, причем уже не «инородцы»-«поганые» — балты, как голядь, или тюрки, а сами русские — христиане. В 1160 году, когда половцы Изяслава грабили смоленские земли, речь шла, скорее всего, о русских. В этом случае их часть могла достаться половцам в качестве платы, а часть расселена в селах Изяслава в его «отчине», например в «земле вятичей», куда он пошел сразу после похода в Смоленское княжество.

3. Стародубские войны 1167 и 1176 годов

Эти войны были затеяны уже не для раздела, а для передела границ между Черниговским и Новгород-Северским княжествами. Их причиной была «жадность» до волостей одних князей и неуемные амбиции других. Предпосылки

тих войн уходят корнями в события 1161—1162 годов, одной стороны, и 1164—1165 — с другой. Во время ервых будущий инициатор обеих войн, сын великого чериговского князя Святослава Ольговича Олег поддался на прелестные» письма с «любною речью» главного возмуителя спокойствия в те годы — Изяслава Давыдовича. Іоследний обещал Олегу чуть ли не киевский престол обмен на помощь в борьбе против собственного отца. даже собственная дружина отговаривала князя от этой вантюры и нарушения крестного целования отцу и сюзеену. Однако последний не послушал голоса разума и приоединился к Изяславу и Всеволодичам в их борьбе против Святослава Черниговского и Ростислава Мстиславича, олько что ставшего великим князем Киевским, и даже огдашнего союзника Ростислава — Глеба Переяславско-, сына Андрея Боголюбского. Удивительно, но факт: мяежникам, которые привели с собой половцев, не удалось зять Чернигов у Святослава Ольговича. Но затем они умели даже захватить Киев и осадить самого великого нязя в крепости Белгород. Только подход полков из Владира-Волынского и Галича, а также большинства «своих оганых» — ковуев, торков, берендеев во главе с сыном еликого князя Рюриком Ростиславичем заставил Изяслаа и его союзников, в том числе Олега, отойти («бежать») т Белгорода. Далее произошло то, что уже было раньше: черные клобуки» начали безжалостно сечь половцев, и в оде бойни на Желяни в начале 1162 года был смертельно анен саблей Изяслав Давыдович. Символично, что «тоя же ета» в византийской Солуни умирает от яда давний соатник Изяслава, а до него — Святослава Ольговича — нязь-изгой Иван Берладник. Олег Святославич, как и ругие «соучастники» мятежа Изяслава, целовал крест, то сть принес вассальную присягу Ростиславу. Хотя Олег и казался в стане проигравших, он понял, что смелым соутствует успех, а в случае неудачи наказание будет не лишком большим. Однако, с другой стороны, его амбиции довлетворены не были, и он готов был все повторить.

Второй случай представился сразу после смерти главно- участника еще карачевской войны, великого князя Чер-

ниговского Святослава Ольговича. Заранее предупрежденный о предстоящей кончине, Олег успел к гробу отца раньше всех, но после переговоров с двоюродным братом уступил ему Чернигов, а сам удовлетворился бывшим владением последнего — Новгородом-Северским. Кроме того, Святослав обещал наделить волостями младших братьев Олега — Игоря и Всеволода Святославичей — будущих героев Слова о полку Игореве. Однако обещание свое он нарушил, и в итоге эти волости им предоставил Олег из состава новгород-северских земель. Впрочем, когда это произошло — неизвестно, ибо в 1164 году даже старшему из двух братьев — Игорю — было 13 лет. Вероятно, Святослав решил заняться обеспечением себя потомством лишь после временной стабилизации своего положения по разделу 1151 года. Впрочем, важные военно-политические последствия для региона имело не само это решение Святослава Всеволодича, а то, что, какие бы волости в итоге ни получили младшие северские Святославичи, в их состав не вошел Стародуб. А в этом городе еще в 1155 году правил сам будущий черниговский князь. Впрочем, вначале, в 1157 году Святослав Всеволодич стал новгород-северским князем, то есть княжение в этом городе стало ступенькой к новгород-северскому престолу, а его волость занимала второе место по значению в этом княжестве после «столичной». Что же делает с ней в 1164 году новый черниговский князь? А ничего. Она так и остается в руках его личного вассала и брата Ярослава Всеволодича, владевшего Стародубом, скорее всего, с того же 1157 года. Только сюзерен этого стародубского князя перемещается из Новгорода-Северского в Чернигов, и подчиненная ему волость автоматически меняет административно-политическую принадлежность — из состава Новгород-Северского княжества переходит в Черниговское.

С точки зрения объяснения последующих, 1167 года, событий важны два события в сфере семейно-брачных отношений, отмеченных летописью. Под 1165 годом отмечен брак Олега Святославича Северского и дочери великого киевского князя Ростислава Агафьи, что сделало отношение последнего к своему бывшему, хотя и не главному

ротивнику весьма дружественным. Под 1167 годом упоинается смерть некоей Андреевны «за Олгом за Святоавичем». В те годы в этой части Руси была только одна звестная Андреевна — дочь Андрея Боголюбского, вдова мершего в начале этого года Святослава Вщижского. учетом последующих за этой (Святослава) смертью соытий весьма важно понять, за каким именно Олегом Свяославичем умерла Андреевна. Дело в том, что на тот моент и в этой части Руси было два князя с одинаковым менем и отчеством — один, постарше, князь Новгорода-еверского, второй — сын черниговского князя. А этот опрос принципиально важен с геополитической (в масштабах Руси) точки зрения. Андрей продолжил политику тца по отношению к Южной Руси, особенно к Черниговщине — «мосту» между двумя частями его владений — алесской землей на севере и Переяславским княжеством а юге. Обе части были важны с точки зрения его амбиий и будущих намерений стать господином Руси в целом. этой связи он, как и его отец, поддерживал самого лабого из черниговских династов. Его вполне устраивал ять — Святослав Вщижский, чье небольшое княжество сегда могло стать плацдармом действий и против Черниова, и против Смоленска. Однако после смерти последнего самый сильный князь всего юго-востока Руси — Свяослав Всеволодич Черниговский — передает Вщиж сыну ак своему посаднику — термин «посади» может иметь и акое толкование. Последним мог быть только Олег, ибо за других сына Святослава Всеволодича упоминаются наого позднее и в том году если уже и родились, то были алолетними для войн, вполне ожидаемых в столь стратечески важном пункте. Олег же имел опыт управления Курске (с 1161 года) и Гомии (Гомеле), полученный им ходе борьбы отца за Черниговский престол (1164). С четом установления контроля последнего над Гомием и тародубом образовывался сплошной массив черниговских ладений вплоть до смоленских границ и начала прямого ути в Залесскую землю от Вщижского княжества. Если дова Святослава Владимировича, дочь Боголюбского, ставалась во Вщиже «за Ольгом», то это придавало

большую легитимность его власти здесь, а вдову превращало в своеобразную заложницу на случай враждебных действий Андрея. Именно поэтому по совету отца Андреевна могла покинуть Вщиж и перебраться под крыло потенциального противника черниговского князя — другого Олега Святославича — князя Новгород-Северского. В этом случае, с учетом его предшествующего брака с дочерью великого князя Киевского, позиции этого амбициозного человека еще более упрочивались. Неудивительно в этой связи прямое требование Олега Святославича к двоюродному брату поделиться волостями «в правду» (по закону, по-настоящему), использовав смерть Святослава Вщижского лишь как повод. В этом его полностью поддержал Ростислав Киевский, однако «Святослав же не послуша [даже] его». Ярослав Всеволодич в то время отсутствовал в Стародубе, и горожане сами пригласили новгород-северского князя занять город, пока в нем нет Ярослава. Однако «помочь» Ярослава все же опередила войско Олега, и ему не удалось занять город. В отместку Олег захватил «полон» (скорее всего, жителей частновладельческих сел) в окрестностях Стародуба. Возмездие последовало незамедлительно — Ярослав с половцами лишь 15 верст не дошел до Новгорода-Северского. Затем в наказание за «гнев» Олег стал «нездрав велми» (сильно разболелся) и при посредничестве Ростислава «взя мир с братом» [двоюродным] и получил от последнего какие-то четыре города (но не Стародуб и Вщиж). На этом первая стародубская война закончилась. Она показала сохранившиеся симпатии некоторых стародубцев к северской, а не черниговской ветви Ольговичей и в целом, при поддержке Киева, закончилась успешно для Новгород-Северского престола. Судя по более поздним летописным сообщениям, к нему отошли некоторые черниговские города, например Клеческ в Белоруссии.

Вторую стародубскую войну отделяют от первой два события общерусского масштаба — смерть Ростислава Мстиславича в селе Рогнеды в Зарубе (современная Брянская область) по дороге из Смоленска в Киев в 1168 году и убийство Андрея Боголюбского в 1174-м. В итоге в Ки-

еве началась княжеская чехарда, а в 1175 году стал править «слабый» Роман Ростиславич Смоленский, а во Владимиро-Суздальском княжестве в том же году вообще началась настоящая «гражданская война» с «иностранной» (рязанско-черниговской) «интервенцией». В результате вторая стародубская война не вызвала, в отличие от первой, никакого резонанса за пределами Чернигово-Северской земли. Только на самом ее первом этапе новгород-северскому князю помогли смоленские родственники — шурины Ростиславичи, но, разорив пограничные с Киевской волостью крепости Черниговской земли, от дальнейшего похода на столицу княжества отказались. В конце 1175 — начале 1176 года, не имея сил идти на Чернигов, Олег с младшими братьями поворачивает сразу на конечную цель войны — Стародуб. Взять город ему снова не удается, ибо нет неожиданности и его сторонников за стенами. Не рассчитывая, по-видимому, больше на возможность присоединения города и волости к своим владениям, он полностью грабит «все села» в округе, угоняя даже скот по направлению к Новгороду-Северскому. По крайней мере на трех памятниках археологии, которые можно отождествить с частновладельческими поселениями — «селами», расположенными в нескольких километрах от города по дороге от Сновска (а иного пути с юга для Олега не было), были найдены характерные предметы вооружения конных дружинников или половцев — перекрестья сабель. Впрочем, следы этих войн обнаруживаются не только к югу от Стародуба. В 5—10 километрах к востоку и северо-западу от древнерусского города, также в типичных «селах» было также найдено характерное вооружение конных дружинников конца XI — XII века (перекрестья сабель, боевые топоры, гирьки кистеней), а в одном из сел эти следы военного воздействия дополнялись зарытым, но не выкопанным кладом серебряных гривен — слитков XII века. Впрочем, возможно, не все эти артефакты связаны со стародубскими войнами Олега — часть из них могла попасть в землю и в результате событий 1078—1080 или 1096 годов.

В отместку за разорение округи Стародуба Святослав Черниговский и Ярослав Стародубский быстро (воины

Олега выпустили только по одной стреле и побежали, «сам же князь утече в город») разромили противника у Новгорода-Северского, сожгли его «острог» (предградье, «окольный город»). Впрочем, поразоряв земли друг друга, противники «умирившеся» на условиях статус-кво.

Победив Олега, Святослав Черниговский оказывает военную помощь Всеволоду (будущий Большое Гнездо) и Михалко Юрьевичам в овладении ими великим Владимирским (на Клязьме) престолом, и сам в том же (1176) году оказывается приглашенным киевлянами на свой «стол». Интересно, что во время похода Юрьевичей с черниговским полком во главе с сыном Святослава Владимиром на север они проходили некое место Свине, где их поразила «великая болезнь». Является ли этот топоним искаженным «Синин Мост» (место встречи Юрия Долгорукого и Святослава Ольговича в 1155 году) или названием речки Свинь под Черниговом и под Брянском, напротив Свенского (Свинского изначально) монастыря, сказать сложно. Во всяком случае, от этого места и «до Кучкова рекше до Москвы» Михалко даже несли на носилках. Что же касается организатора этого похода — Святослава Всеволодича, то, став киевским князем, он прославился борьбой с половцами, став в таком качестве даже главным положительным героем «Слова о полку Игореве». А умирает он, как и другой великий киевский князь — Ростислав, на территории современной Брянской области, в своем селе Рогово под Почепом, сразу после прошедшего здесь княжеского съезда 1093 года.

В военно-политическом аспекте стародубские войны имели целью передел и уточнение границ сложившихся ранее княжеств. Если более ранние междоусобные войны на территории Брянского края были частью более крупных, общерусских конфликтов, в которых кроме местных владетелей были задействованы киевские, суздальские, смоленские, галицко-волынские князья, то в стародубские вмешивались, и то косвенно, благодаря родственным связям, только киевские. В широком смысле эти войны закончились ничем, на региональном же уровне их результатом стало политическое закрепление Стародуба за Черниго-

ским княжеством, хотя на уровне общественного сознания, как местного, так и общерусского, он так и остался Стародубом Северским, а не Черниговским.

С военно-тактической точки зрения стародубские войны являются хорошей иллюстрацией мелких междоусобных, копией в миниатюре прежних общерусских войн. Данные события хорошо иллюстрируют тактику русских войск, а именно взятие крепости «изгоном». В противном случае применялось «обложение», но никогда или очень редко — штурм.

Но какова причина, таково и следствие. Русские крепости имели дерево-земляные укрепления, в отличие от западных, и в дальнейшем не выдержали удар монголо-китайских осадных машин. Каменные крепости были (да и то не везде) только в новгородско-псковских землях, и (по одной) — в Галицкой и Владимирской (на Клязьме). Но каменные детинцы Галича и Владимира монголы захватили «изгоном», до крепостей северо-запада они не дошли, а каменные крепости Изборска и Пскова в XIII веке выдержали штурм (и не один!) ливонских рыцарей.

Надо отметить, что и враги Руси — половцы — также не прибегали к штурму, и Русь встретила XIII век не готовой к монгольскому вторжению и в этом аспекте. Не готовы были и князья, которые ради клочка земли или ради амбиций, зависти приводили «диких» половцев на Русь. Летописцы многократно отмечали это и предостерегали князей, в том числе и в связи со стародубскими войнами под 1167 годом: «Се же уведавше Половци оже князи не в любви живут шедшее в порогы, начаша пакостити Гречником» (купцам, торгующим с Византией). Но князья не учли уроков и сохранили ту же практику по отношению не только к половцам, но и к монголо-татарам.

4. Региональный аспект похода на половцев в 1185 году и съезд в селе Рогово в 1193 году

Одним из «призывов к единению русских князей перед нашествием монголов» считается Слово о полку Игореве, а поводом к его написанию (когда бы это ни произошло) —

неудачный поход северских князей на половцев в 1185 году. Однако «призыв» этот имеет долгую предысторию. После сокрушительных «крестовых походов» (по терминологии Б.А. Рыбакова) в степи 1103—1120 годов и разрушения всех половецких городов — «зимников» кочевники долгое время решались приходить на Русь лишь по приглашению князей, для участия в их усобицах. На Брянщине после разорения Стародуба в 1078—1080 годах ханами Асадуком и Сауком половцы впервые появляются в новом качестве лишь в конце 1146 года, помогая своему «сроднику» Святославу Ольговичу, а в последний раз — в 1160 году, как наемники главного врага Святослава — Изяслава Давыдовича. «Лютой зимой» 1168 года два Ольговича, имевшие отношение к более ранним военным событиям в Брянском крае, — Олег Святославич Вщижский и Ярослав Всеволодич Стародубский, чьим владениям половцы отнюдь не угрожали, — на свой страх и риск совершили набег на половецкие вежи, взяв добычу («злато и сребро») и «полон» («жен и детей»).

Однако, почувствовав ослабление Руси, кочевники начинают сами «пакостить» на ее торговых путях (как на «Гречнике» во время первой стародубской войны 1167 года), а с 1155 года вновь нападать и на ее границы, но сначала только там, где жили «черные клобуки» (Посросье), которые вначале легко справлялись с этой опасностью. В итоге не столько сами набеги, сколько забота о безопасности торговли подвигли свыше десятка князей Южной Руси, включая находившихся в изгнании из Владимира братьев Андрея Боголюбского, организовать «превентивно-карательный» поход на половцев, помещенный в Ипатьевской летописи (март 1170 года). Другие, северные (Лаврентьевская и Радзивилловская) летописи об этом походе не упоминают.

Возможно, потому, что его организатором выступил соперник смоленских и суздальских князей Мстислав Изяславич Волынский, временно овладевший тогда Киевом. Кстати, и время его киевского правления эти летописи относят к 1167—1168, а не 1169—1170 годам. Однако события этого года (с марта 1168 (или 1170) по март

9 (или 1171) года, произошедшие в первые новогодние
яцы по древнерусскому «светскому» календарю, на-
лько важны и символичны не только для древнерусской,
и всей русской истории (хотя напрямую и не связаны
рянщиной), что мы не можем на них не остановиться
чки зрения «призыва к единению». Если начало этого
ознаменовалось военным триумфом Руси в результате
нения князей, то конец — горькой междоусобицей,
езультате которой «мать городов русских» Киев под-
гся самому страшному (кроме Батыева нашествия)
рению в своей истории, причем от самих русских, и
ерял даже формально значение столицы Руси. Последия событий этого года сказались и на характере и ис-
военных действий времен похода войска Игоря Свяавича, включавшего и трубчевско-курских «воев», в
и. Нельзя не привести дословно речь Мстислава Изяича, настолько программный характер она носит и исывающе объясняет причины внешних наступательных
с кочевниками.

В лето 6678. Вложи Бог в сердце Мстиславу Изясламысль благую о Русской земле, которой он хотел
а всем сердцем. И созва братию свою и нача думати с
, говоря им так: «Пожальте о Русской земле и о сворчине и дедине. Ибо несут [половцы] христиан на всяето [каждый год] в вежи свои, а с нами роту взимаюче ючив договор] всегда переступаюче [нарушают]. Уже
и Греческий путь отнимают, и Соляной, и Залозный.
о нам было, братья, положившись на Божью помощь
молитву святой Богородицы, и поискать отец своих и
воих пути». Решение о походе было принято киевским
м не единолично, а на очередном княжеском съезде,
ый, по сути, стал верховным органом управления Рукритических ситуациях со времен Любечского «сне-
097 года. А в качестве главных причин необходимоохода в степи (их не было с 1120 года) выдвигались
мические. Поход, закончившийся разгромом половбитве у «Черного леса» на реке Оскол, оказался
окупаемым» для князей и прибыльным для его участ-
«Взяша полон множество якоже всим Русским воем

наполнитеся до изобилия и колодниками, и чагами, и детьми их и челядью, и скотиной, и конями. Христиан же, освободив от плена, отпустили на свободу». Символичность этой победы подчеркивает то, что воины вернулись домой на Пасху, «на самое Воскресение» и «была людям двойная радость». Однако нашлись завистники и недоброжелатели, и главным среди них был великий владимирский князь Андрей Боголюбский — единственный среди значимых деятелей, не участвовавший в победоносном походе. «Совокупив» остальных недовольных повышением авторитета и влияния Мстислава (у которого даже новгородцы попросили для себя его сына) князей в количестве одиннадцати (их было почти столько же, сколько во время предшествующего похода на половцев), не считая Мстислава Андреевича, возглавившего и владимиро-суздальские полки, и все войско, Андрей Боголюбский обрушился на Киев. И несмотря на то что Мстислав уже бежал из города, войска суздальско-смоленско-черниговской коалиции 8 марта (в Лаврентьевской летописи — 1168, в Ипатьевской — 1171 года) впервые в истории штурмом взяли Киев и подвергли его небывалому разграблению и разрушению в течение двух (по северным летописям — трех) дней. Грабили и сжигали даже церкви и монастыри, захватывали «святыни», убивали жителей, а их жен и детей брали в полон. Такое на Руси было впервые, и южный летописец даже назвал захватчиков-христиан «погаными», приравняв их к язычникам. Северные же летописи избегают данного эпитета, не упоминают фактов убийств и «полонения» жителей, сожжения церквей, а только их «разграбления», обвиняя самих киевлян, и прежде всего «митрополичю неправду», в этих несчастьях. Даже сам штурм и последующий грабеж оправдывают тем, что Мстислав вовремя не покинул город, а «крепко бился» из него, и город был взят благодаря помощи «Бога и святой Богородицы», а также «отней и дедовой молитвы». Такое разночтение в описании военных событий противоборствующими сторонами в принципе является скорее нормой, чем исключением. Андрей Боголюбский стал править всей Русью из Владимира, а в Киев переходить не стал, ограничившись назначением

уда своего брата, князя южного Переяславля Глеба Юрьевича. Север, на чьей стороне выступили и все черни-ово-северские князья, владевшие брянскими землями, и леб Юрьевич Переяславский победил Юг (точнее, Юго-апад), как уже было в 1155 году. А вот выиграла ли Русь?

Успех 1170 (или чуть более раннего) года закреплен не ыл и лишь растревожил половцев. По мнению крупней-его исследователя военных аспектов отношений Руси с очевниками В.В. Каргалова, в степях создается военно-олитическое объединение во главе с ханом Кончаком. Почти ежегодно летопись упоминает о набегах половцев и ответных походах русских князей, проходивших с перемен-ым успехом до 1195 года. Большую роль в этих сражени-х, особенно на первом этапе — в начале 70-х годов, ког-а они происходили в основном на границах Киевского и Переяславского княжеств, играли берендеи и торки, воз-лавляемые братьями Андрея Боголюбского — Михалко и Всеволодом (будущим Большое Гнездо), изгнанниками из Владимирской земли. Помогали отбивать половцев на этих емлях и чернигово-северские князья, в частности и буду-ий герой «Слова...» Игорь Святославич (1174). Были реди этих столкновений и неудачные для Руси — одно из их, когда половцы в 1177 году «взяша 6 городов Береньичь», даже стоило тогдашнему киевскому князю Роману остиславичу Смоленскому трона, на который киевляне место него пригласили более опытного в отношениях с очевниками Святослава Всеволодича Черниговского, ко-орый за организацию успешной борьбы с половцами, при-едшей к окончательной победе над ними, стал главным оложительным героем «Слова...». Однако в начале его равления половецкий натиск только усиливается, причем ри координации Кончака он начинает вестись и с востока, Дона, на чернигово-северские земли. Впрочем, князья еверской их части имели особые, родственные отношения Кончаком, предпочитая договариваться, а не воевать, и оследний даже помогал Игорю Святославичу в междо-обной войне 1180 года на территории современной Бе-аруси, приведя на помощь родичу орду свою и хана Кобя-а. Войны не мешали семейно-брачным отношениям и не

носили «непримиримый» характер. Страдало население, а не князья.

После небольшой передышки на рубеже 70—80-х годов XII века взаимные нападения возобновились, причем основное наступление половцы вели с востока, на южную часть земель Ярослава Всеволодича Черниговского и Переяславское княжество. Знаменитый поход 1185 года, таким образом, попадает в череду непрерывных военных конфликтов 1183—1187 годов и, хотя и не был самым крупным, в летописях описан несравненно подробнее, чем остальные, даже более значительные. В частности, решающие сражения этого цикла войн произошли еще в 1183 году на Орели, во время ответного похода в степи, и при отражении набега Кончака в 1184 году, на реке Хорол, у восточных границ Переяславского княжества. К походу на Орель присоединилось тринадцать князей, включая двух «великих» — Рюрика Ростиславича и самого Святослава Киевского, прибыли полки даже из отдаленных Галича, Луцка, Пинска и Гродно, а вот «свои», чернигово-северские, Ольговичи — отказались, мотивируя защитой своих границ, на которые еще никто не нападал. В итоге сражения на Орели взято в полон свыше десятка вождей родов — кошей, возможно, и ханов орд (Осолук Барак и Изай Билюкович), названных поименно, среди которых был предводитель объединения приднепровских половцев — Кобяк Карлыевич. Это говорит о масштабах победы: по мнению крупнейшего специалиста по кочевникам Средневековья С.А. Плетневой, всего у половцев было примерно девять таких объединений, но только четыре из них находились у границ Руси и могли с ней воевать. Одно из них этой победой, символично одержанной в день Ивана Воина, было надолго обескровлено. Пленных обычно отпускали за выкуп (для того в плен и брали), но для Кобяка сделали исключение — его казнили в Киеве — либо для исключения его руководства другими набегами, либо это была месть Рюрика за то, что в 1180 году Кобяк поддержал Игоря Святославича в борьбе с ним. Воспользовавшись отвлечением сил половцев на общерусский поход, Игорь решил действовать силами только Новгород-Северского княже-

ства, за рекой Мерль, где проходила восточная граница приднепровских половцев. Он надеялся, что воинов в кошах и аилах этой орды почти не будет из-за похода Святослава и Рюрика и можно будет беспрепятственно захватить ее вежи. С конными дружинами: своей; брата Всеволода Трубчевского; сына Владимира Путивльского; племянника Святослава Рыльского «за Мерлом» он неожиданно столкнулся с отрядом из четырехсот половцев, шедших на Русь. Отряд был разбит, но этим все и ограничилось.

В следующем году последовал ответный удар предводителя донского объединения хана Кончака по восточным границам Переяславского княжества. «Окаянный, безбожный и треклятый Кончак» подготовился основательно, планируя даже штурмовать русские города. Для этого в его войске находился «бесурменин» [мусульманин], специалист по «греческому» «живому огню», метать который он собирался посредством большого самострела, натянуть который могли лишь восемь человек. Кончак обошел переяславские крепости по Ворскле и Пселу с севера, через черниговскую территорию и вступил в переговоры с представителем Ярослава Всеволодича Черниговского, воеводой черниговских ковуев («своих половцев») Олстином Олешичем, надеясь, что черниговский князь и сейчас останется в стороне. Пока шли переговоры (вопреки советам Святослава), узнав от «гостей» о «стоянии на Хороле», киевские «дуумвиры» с князем Переяславским неожиданно, с тыла, ударили на лагерь Кончака, который сам чудом спасся. Разгром был сокрушительный, в плен попали даже мусульманский «инструктор» и «многое множество воев». Однако победа не была полной, ибо Кончак ушел от посланной за ним погони. Святослав решил не медлить и ударить на донские кочевья быстро и неожиданно, пока половцы не оправились от поражения. В новом походе он, разочаровавшись в брате Ярославе, предложил участвовать племяннику Игорю Святославичу Новгород-Северскому. Но тот не успел или не знал, куда вести дружину, а план Святослава заключался именно в быстроте. Только 1 марта, в день Нового 6693 [1185] года была одержана победа на Хороле, а уже 21 апреля посланный

им отряд берендеев нанес неожиданный отвлекающий уда
по кратчайшему пути, приковав именно к этому — пере
яславскому — направлению внимание хана. Но конечно
целью Святослава были кочевья всех орд Кончака в вер
ховьях Северского Донца. Попасть туда можно было как
запада, с переяславских земель, через Ворсклу и Мерл
так и с севера, через Курскую волость Новгород-Север
ского княжества и далее вниз по Осколу. Оттуда русски
на половцев еще не нападали. Судя по дальнейшим дей
ствиям Святослава, он задумал именно этот вариант. Дл
организации похода с севера князь 21 апреля выехал
«землю вятичей», к Карачеву. Здесь он планировал, ка
пишет летопись, собрать «верхних земель воев», пеши
скорее всего, для похода на Дон «на все лето», на лодья
перевезти их по Снежети или Болве до Брянска, дале
вниз по Десне и, исходя из стратегической логики, соеди
ниться с конными дружинами северских князей в Трубчев
ске или самом Новгороде-Северском. Оттуда было легк
через Курское Посемье и далее по Осколу ударить на Кон
чака большим войском и занять верхнедонецкие города
«зимники» (Шарукань, Сугров, Балин), как ранее дела
Владимир Мономах. Для этого Святослав мог использо
вать и пленного «бесерменина» с «живым огнем». Воз
можны и иные пути для комбинированного войска (конна
дружина и пешие «вои») из «земли вятичей» на соедине
ние с северскими дружинами: пешим путем из Карачева н
Севско, далее либо на Путивль, либо сразу на Курск; ком
бинированным маршрутом из «земли вятичей» вдоль Оки
затем Снови и Тускори также на Курск. Вплоть до самог
Оскола все эти «трассы» проходили по таким землям
где бы они были скрыты от соглядатаев Кончака. Однак
план сорвался из-за несогласованности действий: Игор
самостоятельно выступил в степи уже 23 апреля, когд
Святослав еще только двинулся в «землю вятичей». Узна
об этом в Новгороде-Северском по дороге в Карачев
огорчившись, Святослав «на лодьях» возвращается в Чер
нигов, где и узнает о поражении северских князей от спас
шегося участника битвы — Беловолода Просовича, скоре
всего черниговского ковуя.

Что касается самого похода Игоря Святославича, то ему посвящено такое количество научных работ и литературных изданий разного жанра, включая фэнтези, что трудно сказать здесь что-то новое. Однако жанр данного издания — научно-популярный — предполагает, что не все читатели «обязаны» знать эти произведения, да и военно-региональные аспекты данного события. На них мы и обратим особое внимание.

Во-первых, состав участников, их руководство, силы и возможности сбора войск. С русской стороны — все четыре новгород-северских князя, из которых поучаствовать во многих боях, в том числе как против половцев, так и в союзе с ними, успели два старших Святославича — Игорь и Всеволод (рис. 22). Последний после 1164 года стал князем Трубчевским (собственно, для него этот престол и был создан), а после смерти старшего из трех Святославичей — Олега — в 1180 году и перемещения наследника новгородского престола — Игоря — из Курска в Новгород-Северский получает и Курск. Соединенные владения Всеволода заняли весь север Новгород-Северского княжества. Через них проходил один из выходов в степи и три варианта пути из Южной Руси в «землю вятичей» и далее — в Северо-Восточную Русь (четвертый, через Стародуб и Подесенье, контролировался Черниговом). Ключевым, стратегически важным, пунктом был Севск (Севско), через который можно было попасть и в «землю вятичей», и в Путивль, и в Курск. Таким образом, получив Курск, Всеволод автоматически становился наследником и главного престола, и вторым человеком в княжестве. Он располагал самым крупным «мобилизационным контингентом» и двумя конными дружинами — трубчевской и курской, а также особым видом войск — военными поселенцами, какими были «сведоми кмети — куряне» (по «Слову...»). Сын и племянник Игоря — Владимир и Святослав правили в небольших, хотя и «логистически» значимых волостях. Через Путивль вела прямая дорога из Новгорода-Северского в Переяславское княжество, от Рыльска открывалось две дороги в степи — через Посемье и Курск и более южная, шедшая между границ Новгород-Северского и Переяславского княжеств, по «степному

коридору», через крепости в верховьях Псела прямо на Оскол. Младшие князья вряд ли располагали большими дружинами, тем более часть из них должна была быть оставлена в качестве гарнизонов этих городов, практически открытых со стороны степей. Пятый полк («стяг») войск Игоря составил отряд черниговской части «черных клобуков» — служилых половцев — ковуев во главе с уже упомянутым Олстином Олешичем (Олексичем). Его прислал Ярослав Всеволодич по личной просьбе Игоря, возможно, в качестве «компенсации» перед лицом киевских князей за свои переговоры с Кончаком на Хороле — недаром отряд возглавил тот же человек, что эти переговоры вел. Ковуи представляли собой хорошо подготовленную «среднюю» и легкую кавалерию, вооруженную как луком и стрелами, так и оружием ближнего боя, часть которой имела «брони» (кольчуги) и, вероятно, все — шлемы и легкие щиты. Однако ковуи, в отличие от берендеев и торков, не были столь «мотивированы» в борьбе с «дикими» сородичами, не столь тяжело вооружены, как, например, торки, и не так приспособлены к встречному бою, в котором «черные клобуки» обычно превосходили половцев. Ковуи составляли отдельный «полк» (несколько сот человек) из шести упомянутых летописью. Княжеские дружинники имели тяжелое вооружение, но при этом также луки и стрелы, но их не могло быть много — от силы несколько сот человек на такое небольшое княжество, как Новгород-Северское, причем распределенные по пяти полкам. Князей было четыре, но Всеволод Трубчевский мог привести два полка. В состав Курского могли входить конные «кмети», не дружинники, а, скорее всего, «средневооруженные» конные «стрельцы» (обязывали постоянные пограничные столкновения). Не были ни дружинниками, ни кавалеристами «черные люди», упомянутые во время второй, субботней битвы с половцами. Вообще участие ополченческой пехоты в походе, если последний имеет характер только грабительского рейда, необъяснимо. Но к этому мы еще вернемся. С учетом пеших «людей» общая численность войск Игоря возрастала до нескольких тысяч неравноценных бойцов.

Половецкое войско было более однородно, состояло из очевой аристократии, имевшей более тяжелое оборонительное вооружение и более разнообразное, качественное дорогое наступательное и рядовых скотоводов-кочевников, доспехов почти не имевших, но в остальном вооруженных одинаково с беками и даже ханами. Организационного разделения на тяжелую и легкую конницу не было, ойско по родовому принципу подразделялось на орды и оши, члены которых сражались совместно. Преобладала скифская» тактика — заманивания противника и обстрела его на расстоянии, ибо в прямом столкновении даже оловецкие аристократы уступали не только русским дружинникам, но большинству «черных клобуков», особенно оркам и берендеям. На втором этапе сражения при впадении Каялы в Северский Донец в нем участвовало несколько (девять) орд, ханы или правящие роды которых азваны поименно: Кончак, Кза (Коза), Гзак, Бурнович, оксобич, Колобич, Етебич, Тертробич, Тарголове, Улаевичи, Бурчевичи. Численность орды, как и ее воинов, ыла разной — от нескольких сот до нескольких тысяч человек. Участвовали орды не только Донского, но Приднепровского объединения (Бурчевичи, например). Кончак спел за кратчайший срок собрать новое войско, привлечь оюзников, готовясь, вероятно, к отражению русского похода на западные, переяславские границы своих кочевий. Он приходился сыном донскому хану Атраку (Отроку), который после взятия своих «городов» войсками Владимира Мономаха увел орды донских половцев на Кавказ и вернулся только после смерти последнего. С другой стороны, н имел опыт военного сотрудничества с Ольговичами, орошо знал лично Игоря и тактику русских войск «изнуои». Кза был вторым по значению ханом в донском объединении, но обладал менее широким «кругозором»; род урчевичей правил самой сильной ордой в приднепровском бъединении, пришедшей на помощь «донцам». В любом лучае половцы имели подавляющее численное превосходтво.

Ход военных действий. Важной его частью является поод и соединение войск. Из столицы княжества вышел

только полк Игоря и ковуи Ольстина. Самый прямой путь на Оскол шел через Глухов, Рыльск и степной «коридор» к югу от Посемья на верховья Псела, где находились последние русские крепости, хорошо изученные археологически. Могли от Глухова свернуть и на Путивль, но это был некоторый крюк на юг. Далее весеннее-летний путь в любом случае мог идти только по водоразделу Сейма и Псела (по рекам ходили только зимой). Полки Святослава Ольговича Рыльского и Владимира Игоревича Путивльского присоединились по дороге. Перейдя Донец в самых верховьях, где начиналась Степь, соединенное войско вышло на Оскол. Расстояние от Новгорода-Северского до места предполагаемой остановки войска Игоря на Осколе, с учетом изгибов пути — чуть более 300 километров, до места переправы через Донец — примерно 260 километров. Средний дневной переход войск с обозами и пехотой равняется примерно 25 километрам в день, с учетом переправ через реки — чуть меньше. Марш должен был продлиться 12—14 дней и завершиться в начале мая (выход Игоря из столицы 23 апреля). Шли очень быстро, но на подходе к Донцу их застало солнечное затмение, которое в том году было 1 мая (по Новгородской летописи). Марш был явно форсированным, но на Осколе все равно пришлось отдохнуть два дня, до подхода полков Всеволода Трубчевского, шедшего другим путем. Его маршрут пролегал из Трубчевска на Севско, далее на верховья Свапы, притока Сейма, на Курск, далее к истокам Сейма и на верховья Оскола. Пока Игорь ждал брата, к нему вернулась «сторожа» (разведка), посланная на ловлю «языка», и сообщила, что видела половцев «ратных» и в доспехах, что для их повседневной жизни в степях было необычно. Судя по этому, эффект неожиданности был утерян, и возникло даже мнение (подкрепленное, вероятно, и прошедшим затмением), что стоит вернуться домой, «яко не наше есть время». Однако боязнь «срама пуще смерти» заставила идти вперед, хотя это было уже явной авантюрой. Впрочем, Игорь наверняка рассчитывал, что основные силы Кончака должны быть на другом, юго-западном краю «земли» донецких половцев, а его войска вышли к ее северным

окраинам, с тыла, как и предусматривал план Святослава Всеволодича. «Борзо», «через ночь» пройдя дальше на юг, войска Игоря повернули вдоль реки Сюрлии на запад, обратно к Северскому Донцу. Буквально к середине следующего дня они наткнулись на первые половецкие становища. Их встретили: вначале авангард с «вежами» в тылу, которые после скоротечного боя удалось ограбить, а затем — огромные основные силы. Вероятно, Кончак каким-то образом заранее узнал о походе. Боя было два, в пятницу — первый, в субботу и воскресенье — второй, причем они абсолютно различались по характеру и тактике. Если в первом бою отличились «стрельцы», отобранные со всех полков, и ковуи, атаковавшие строй половцев, с дружинами младших Ольговичей на флангах, то во втором основная тяжесть боя легла на пехоту и спешенных дружинников, возглавленных Всеволодом Трубчевским. Первый бой — классическое «заманивание» и «утомление», второй — удар основных сил и «карусель» вокруг пехоты на расстоянии «перестрела». Разной была и тактика русских во все три дня боев. Первый интересен подробным описанием построения и тактики наступления войск Игоря, второй — методикой организованного отхода, третий — круговой обороны.

В конце 1193 года киевский князь Святослав Всеволодич собрал съезд своих вассалов и союзников в княжеском селе (вотчине) в селе Рогове. Поводом для экстренного съезда было то, что рязанцы захватили несколько черниговских волостей, в том числе и Брянскую. Целью съезда было принятие решения о военном походе против рязанцев. Однако после принятия этого решения киевский князь решил проинформировать об этом самого сильного на Руси владимирского князя — Всеволода Большое Гнездо. Всеволод наотрез отказался санкционировать это решение, и киевский князь вынужден был отступить, от этого огорчился, заболел и умер в начале 1194 года. Тело его по Десне переправили в Киев. В «Летописце русских царей» говорится, что с 1193 по 1195 год в Брянске правил представитель рязанской ветви Рюриковичей князь Глеб и умер своей смертью. После его смерти Брянск ав-

томатически вернулся в лоно Черниговского княжества. С учетом того, что на Руси было проведено менее десятка таких съездов, съезд в Рогове подчеркивает военно-стратегическое значение Брянского края. Брянщина, защищенная непроходимыми лесами, мало страдала от половцев. Наоборот, на них совершал поход трубчевско-курский князь Всеволод Святославич (Буй-Тур) в 1185 году, в составе войск новгород-северского князя Игоря Святославича.

5. Вооружение XII — начала XIII века

С 30-х годов XII века, когда все большую роль стали играть внутренние войны, как в них, так и борьбе с «дикими» все большее место стала занимать конница «своих поганых» (берендеев, торков, ковуев), объединившихся в союз «черных клобуков», и наемных «диких половцев» (но никогда одновременно, у одного князя, так как они ненавидели друг друга). Пехота — вновь ополченческая, это «городовые полки», состоящие из «воев», которые созываются редко, для крупных войн и походов с целью взятия городов. «Городовые полки» созываются совместным решением князя и веча, степень влияния на это решение каждой из сторон в разных княжествах и городах разные. Верхушка дружины — бояре — в XII веке превращаются в землевладельцев, имеющих независимые от князя источники существования, по традиции, из престижа, продолжают служить последнему, но стремятся не покидать своих вотчин далеко и надолго. Они обзаводятся собственными дружинами, состоящими из «отроков», и содержатся за счет оброка со смердов и военной добычи. Князья, хотя продолжают пользоваться их услугами, создают и собственные частные «дворы», члены которых — профессиональные воины — получают постоянное жалованье или довольствие за счет части дани или оброка с княжеских сел. Кое-где с конца XII века, но в основном уже в XIII веке эта часть войска получает новое наименование — сначала «милостники», затем «дворяне».

В XII веке сабли (рис. 28) начинают преобладать над мечами (рис. 24), появляются топоры с раструбообразным лезвием, в том числе миниатюрных размеров, заменившие в кавалерии чеканы. Копья в XII веке начинают подразделяться на кавалерийские, лезвие наконечников которых постепенно сужается, приобретает подтреугольные (а не лавролистные, как ранее) очертания и ромбическое, более толстое сечение, превращаясь к концу века в пики. Пехотные «рогатины», наоборот, имеют толстое древко с подтоком, приобретают более массивные и длинные, все еще лавролистной формы и широкие лезвия. Возрастает число булав и кистеней. Лук и стрелы сохраняют свое значение, в том числе в кавалерии. Увеличивается количество бронебойных наконечников. Защитное вооружение в XII веке по сравнению с серединой XI века не меняется. В конце XII века сначала у «черных клобуков» (торков прежде всего) появляются высокие цилиндро-конические шлемы с забралами, имитирующими человеческое лицо, — «личинами», пластинчатые наручи и железные оголовья лошадей. Однако сравнительно широкое распространение они получают только в XIII веке.

На территории Брянской области и сопредельных регионов Орловской и Калужской областей, входящих в Брянское Подесенье, количество предметов вооружения и география их распространения в XII веке возрастает. Трудность, однако, состоит в том, что некоторые из них имеют широкую дату — XI (и даже X) — XII века, а другие относятся к XII—XIII векам. Поэтому мы, за исключением нескольких сотен наконечников стрел, будем учитывать только те из них, которые найдены в пунктах, связанных, по летописным данным, с событиями карачевской, вщижских и стародубских войн.

Традиционно преобладающими из предметов ближнего боя остаются топоры и копья. «На излете», из XI и даже X века, в данный период входят «универсальные» топоры с тыльными и боковыми щекавицами, судя по их весу, скорее «пехотные», которые были обнаружены на селищах (остатках частновладельческих сел) к северу от Вщижа, на реке Ветьма, и между Вщижем и Брянском, на реке Гасома.

Их попадание в землю можно связать с действиями половцев Изяслава Давыдовича или фуражирами войск, осаждавших Вщиж в 1160 или 1161 году, точнее, попыткам противодействия этим набегам со стороны гарнизонов «дворов» при селах и местного населения. Но если меньший по размерам, более легкий и с отверстием для чехла топорик с берегов Гасомы принадлежал «детскому» из гарнизона княжеской усадьбы рядом с селом (даже современное название — Староселье — говорит об этом), то более массивным топором с Ветьмы был вооружен явно ополченец. Чисто военный характер имели русские по происхождению топоры с раструбообразным лезвием, два из четырех экземпляров которых относятся к XII веку, еще один, как упоминалось выше, был найден в более раннем дружинном кургане Кветуни, другой, более тяжелый, но по некоторым признакам — боевой, хотя и пехотный — в слое гибели города Вщижа XIII века. Топорики XII века найдены в местах, связанных с вышеописанными междоусобными войнами, в том числе — в одной из крепостей, защищавшей границы Стародубской волости, и в Росуси (ныне Рассуха). Особенно интересен последний экземпляр: он небольшой по размерам, с очень узким и в то же время толстым, клиновидным в сечении лезвием. Годился он для раскалывания шлемов и щитов прямым рубящим ударом, для «выдерживания» которого щиты того времени не предназначалось.

Из четырнадцати наконечников копий ближнего боя эпохи Средневековья, от VII до XV века, только два экземпляра можно отнести именно к XII веку, периоду вышеописанных войн. Это — большой, длиной 40 сантиметров наконечник, найденный у переправы через Десну напротив частновладельческого села X—XIII веков у сел Любожичи — Монастырища. Его перо имеет удлиненно-треугольную форму, предназначенную для пробивания кольчуг в ближнем бою, как конницей, так и пехотой. Второй экземпляр принадлежит исключительно «пехотной» рогатине, с еще плавными, вытянуто-яйцевидными очертаниями широкого лезвия, предназначенного для вспарывания брюха как медведя и кабана, так и коня всадника, нападающего

на строй пехоты. Наконечник был найден в поле у юго-западных окраин древнерусского Карачева, где могла произойти битва января 1147 года. Низина здесь достаточно болотистая, и, попав зимой в сугроб, копье могло быть затем быстро «затянуто» почвой.

Типологически это самый ранний наконечник рогатины, которые в тот период только начали применяться в военном деле возрождающейся пехотой — «городовыми полками». Остальные наконечники либо являются для XII века пережиточными, «реликтовыми», либо в этом веке только зарождаются, а широко применяться начинают позже. К «реликтовым» относятся прежде всего наконечники лавролистной формы с широким, но коротким пером. В Подесенье они имеют «предшественников» в древностях эпохи бронзы, но разделяющие их два с лишним тысячелетия делают это сходство случайным. Для эпохи Средневековья наблюдается их идентичность с оружием финно-угров северо-запада Руси, в курганах которых они датируются XI—XII веками. Копья могут быть как русскими трофеями, так и свидетельством участия северных «воев» в военных действиях в Подесенье. Оба таких наконечника были обнаружены в одном месте, в лесах долины Десны напротив Трубчевска, неподалеку от места находки удлиненно-треугольного копья у Любожичской переправы. Если все три относятся к одному времени, а это возможно, они могут быть немым свидетельством какой-то неизвестной «полевой» битвы, произошедшей здесь в XI или XII веке, ибо поселений рядом пока не обнаружено.

В середине XII века появляется новый тип кавалеристских копий-пик с узкими, ромбическими в сечении лезвиями. Ранние типы этих копий обнаружены на «окольном городе» Чашина Кургана в Брянске и на городище Осовик на смоленско-черниговской границе. Последнее, возможно, является «селом княгини Рогнеды» — сестры смоленского, затем киевского князя Ростислава Мстиславича, в котором он и умер в 1168 году. Оба пункта могут быть связаны с событиями карачевской либо одной из вщижских войн.

Спецификой Брянского края является то, что на поселениях эпохи Древней Руси «пережиточно», вплоть до

XII века, встречается много (свыше двадцати) сулиц — оружия либо охотников, либо славянских пеших ополченцев первого периода истории русского вооружения. Земли эти находились вдали от крупных центров, таких как Чернигов, Смоленск, Ростов, на лесных пограничьях княжеств, и здесь могли сохраниться более консервативные, традиционные черты культуры, в том числе и воинской. Кроме того, сулицы продолжают оставаться традиционным оружием балтских племен, в том числе их кавалерии, вплоть до конца XIII века. На Брянщине балты представлены и в качестве коренного, с эпохи поздней бронзы, населения, и как переселенцы-военнопленные в результате войн князей с «литвой» и «ятвязями» в XII—XIII веках. Конечно, далеко не все сулицы относятся к XI, тем более XII—XIII векам, есть и более ранние, однако их типо-хронологическая классификация еще не проведена. На Брянщине присутствуют все их типы, как по форме лезвия, так и по размерам.

Перекрестья мечей этого (и не только этого) периода встречены на «окольном городе» около городища Осовик. К XII веку можно отнести менее длинное (6 сантиметров), сделанное из бронзы и покрытое «солярным» орнаментом (рис. 24). Судя по архаической технике изготовления перекрестья, меч можно датировать именно XII веком. В верховьях реки Навля, неподалеку от Слободки (Болдыжа) был случайно обнаружен железный трехчастный грибовидный набалдашник меча, который можно отнести к концу XI—XII векам. Но это и все.

Перекрестья сабель второй половины XI—XII века (рис. 28) гораздо более многочисленны, имеют ромбическое расширение в центре, сужающуюся к краю прямоугольную в сечении форму и длину около 10 сантиметров. Более ранние — прямые, в XII веке, при сохранении прямых, появляются и слегка изогнутые книзу, а затем и не сужающиеся, а слегка расширяющиеся к скругленным концам (типы II, II А и Б по А.Н. Кирпичникову) перекрестья. И те и другие встречены на городище и «окольном городе» у Осовика, Слободке (Болдыж) на реке Навля и в Серенске, находящемся неподалеку от верховий северного

притока Десны — реки Болвы, в «земле вятичей» (уже Калужская область). Эти три центра могли быть затронуты основными походами в 1146—1147 годах Святослава Ольговича и Изяслава Давыдовича, в 1159—1161 годах Изяслава Давыдовича. И в тех и в других основную силу составляли половцы, но воевали против них и «свои поганые» — берендеи.

Кроме северного «треугольника» находок перекрестий и обоймиц (бутиролей) сабель конца XI—XII веков (типы II, II А по А.Н. Кирпичникову) большое их количество было найдено в районе Стародуба в частновладельческих селах, периодически разоряемых в ходе четырех войн конца XI — второй половины XII века, из которых только первая (1078—1080) была связана с набегом половцев. Здесь находки этой самой характерной детали вооружения как половцев и «своих поганых», так и во все большей степени конных русских дружинников концентрируются вдоль пути, ведущем из Сновска через Стародуб на Синин Мост и Росусь (в которой они также были найдены), к границам Подесенья и Новогород-Северского княжества. Одно из перекрестий, связанных с войнами в волости Стародуба (Старый Ропск), было целиком изготовлено из серебра.

В XII веке увеличивается количество булав трех типов: железных многогранных, бронзовых сложных форм, с выступающими шипами, и составных, с бронзовой оболочкой. Все они обнаружены либо в местах боев, либо стоянок войск: ближайшие окрестности, посад и «окольный город» (острог) Вщижа; «окольный город» (острог) у городища Осовик; городище Слободка (Болдыж). Встречены они и на путях от Брянска на Смоленск: на селище Староселье (Большая Дубрава) и на селищах к западу от Вщижа. В этих же местах, а также в окрестностях Стародуба и Трубчевска найдены и железные и бронзовые гирьки кистеней — типичного кочевнического оружия, а также снаряжения тех дружинников, которые часто общались и воевали с кочевниками. Встречаются и парадные, позолоченные навершия булав.

Из оборонительного вооружения достаточно редкой находкой являются кольца от кольчуг, пластины с отверсти-

ями как по одному краю (от чешуйчатых панцирей), так и по всему периметру (от ламиллярных доспехов), но их датировка и точная атрибуция затруднена. Из предметов снаряжения воина встречаются крюки и петли для привешивания колчанов.

Резко возрастает количество элементов снаряжения всадника и верхового коня: летние и зимние стремена, изогнутые шпоры с резко выраженным шипом, но еще без колесика, удила, псалии, подпружные пряжки, бляшки от конской сбруи, ледоходные шипы. В некоторых боярских или княжеских селах между Брянском и Вщижем, судя по количеству комплектов этого снаряжения, могли одновременно находиться до восьми всадников и более.

Встречаются, но в единичных экземплярах, и весьма «богатые» шпоры, удила, псалии с чернью, золотой насечкой, серебряной инкрустацией, принадлежавшие явно либо князьям, либо дружинной верхушке — боярам. Важной деталью воинского быта низших слоев дружины — скорее всего, «детских», являются медные котлы с железными петлями и дужками. Обломки таких котлов были найдены на городище Слободка, три целых котла усеченно-конической, с плоским дном, формы обнаружены на детинце (в поварне, по мнению автора раскопок Б.А. Рыбакова), и в 2015 году — в специальной нише на склоне северо-восточного края посада Вщижа (рис. 25), где мог располагаться постоянный наблюдательный пост и охраняемый въезд на площадку посада со стороны реки. Для последнего котла была вычислена его вместимость — свыше 100 литров.

Часть II
МЕЖДУ ОРДОЙ И ЛИТВОЙ

Глава I
ПРИДЕСНИНСКИЙ КРАЙ И МОНГОЛО-ТАТАРЫ В XIII — НАЧАЛЕ XIV ВЕКА

1. Брянщина и монголо-татарские походы начала — середины XIII века: Калка и Северный поход Батыя

Наступательный характер имело первое столкновение с монголами на реке Калка в 1223 году, в котором приняла участие дружина трубчевского князя Святослава Всеволодича. Это сражение состояло из четырех фаз: наступление русских — встречное сражение конных русских дружинников и тяжелой монгольской конницы, бегство половцев — отступление русских дружинников — осада монголами укрепленных лагерей киевской и черниговской пехоты, в составе которой тоже могли быть брянцы.

Вооружение монгольской «гвардии» (рис. 26) не уступало вооружению русских дружинников, которых с XIII века начали называть «дворянами», так как они жили при дворе князя. Изменился их статус, они были полностью на содержании князя, который не мог содержать слишком большое количество этих отборных воинов. В случае крупных походов или оборонительных операций (а Калка сочетала в себе оба этих аспекта) князь обращался к вечу столичных городов с предложением объявить сбор пешего «городового или земского полка» (от названия «земля») ополчения. Если вече «приговорило», то он этот полк возглавлял.

На Калке было два таких полка примерно, по 10 тыс воинов в каждом, — Киевский и Черниговский, но в би ве они участия не принимали. Монголы обманом застави ли их покинуть укрепленные лагеря, а затем уничтожили

Их предводители — два Мстислава (Киевский и Чер ниговский) — были взяты в плен и казнены в числе три надцати русских князей. Наиболее активный участник сра жения — третий Мстислав Галицкий, которого на Рус называли Удатный (Удачливый), которого сейчас именую Удалой, хотя и начал первым со своей галицкой дружино сражение, благодаря своей отваге и умению смог уйти о монголов.

Повезло и нашему земляку Святославу Трубчевскому в 1232 году Новгород Великий пригласил его к себе кня жить. Так храбрый князь сохранил жизнь, а нерешитель ные ее потеряли, да еще и бесславно.

После Калки монголы ушли от границ Руси обратно Чингисхану и попутно «разбирались» с половцами, кото рые в сражении проявили трусость и покинули русских, которым до Калки обратились с просьбой помочь им про тив монголов.

Ослабленные два тумена Субудэй-богатура не сумели пробить также оборонительные линии Волжской Булгарии но, найдя ее крепкой, вернулись к своему владыке Тему чину — Чингисхану. Это была лишь «разведка боем» на территории Европы, но и она косвенно затронула Брян ский край.

Урок Калки прошел для русских князей даром, так как они расценили поражение на Калке как досадную случай ность, а не разведкой небольшого отряда, за которым сто яла огромная сила Монгольской империи. Ко второму мон гольскому походу на Восточную Европу были привлечены гораздо более значимые — свыше десяти туменов (фор мально — десятитысячных, но реально — меньших по численности воинских корпусов) ханов-Чингизидов, во главе с внуком Чингиза Бату-ханом. Его подробно, со вни манием к деталям, описал эмиссар Багдадского халифа, араб Рашид ад-Дин в своей «Истории Угедей-каана» (именно этот «император» правил в Каракоруме во время

Батыевых походов в Европу). Брянск и вообще Брянская земля в его труде не упоминаются, но здесь на помощь приходит археология. Считается, что моголы во время своего первого похода на Русь достоверно, «изгоном» взяли один «брянский» город — Вщиж, возможно, Брянск (но эта точка зрения является предметом дискуссий) (рис. 29).

Во Вщиже обнаружены братская могила погибших при его защите воинов и мирных жителей, множество украшений, в том числе золотых, в кладах, владельцам которых уже не суждено было их откопать, и такого пожара, что монголы не стали ждать, пока угли остынут, и этих сокровищ тоже не нашли. Косвенно об этом же говорит и железная «личина» (полумаска) от типичного для XIII века, закрывающего лицо и шею шлема (рис. 35) конного дворянина или даже боярина, найденного в руинах хором на детинце.

Разгром Вщижа можно поставить в контекст следующей фразы Рашид ад-Дина: «Монголы ушли оттуда [с поля битвы на реке Сить], порешив в совете идти туменами облавой и всякий город, крепость и область, которые им встретятся на пути, брать и разорять». Взял Вщиж крайний правофланговый отряд армии Бату-хана (возможно, даже во главе с ним самим), отправленный «облавой тьмами» через север Смоленской и Черниговской земель и далее — на соединение с другими отрядами у Черниговского, хотя и не «брянского» и даже не деснинского города Козельска. Монголы торопились потому, что их дорогой были замерзшие русла рек, окруженные непроходимыми брянскими лесами, а уже была ранняя весна.

При реконструкции маршрута посланного лично Батыем от Торжка отряда в пределах Брянской области следует исходить из археологических и природно-географических данных во взаимосвязи, а учитывать при этом природно-хронологический и военно-стратегический аспекты. От Торжка отряд во главе с неизвестным военачальником мог двинуться либо сразу после взятия этого города, либо после возвращения посланной за беглецами из Торжка погони. Которая не дошла до Новгорода 100 верст, то есть прошла примерно столько же — это еще несколько дней. Усредненно

могли выйти на Смоленск около 10 марта. Расстояние от Торжка до границ современной Брянской области, где находится достоверно сожженный в середине XIII века (но затем отстроенный) смоленский городок-замок, крепость (возможно, Заруб, «село» княгини Рогнеды) — 300 километров по прямой (изгибы пути учесть невозможно). Впрочем, крупных крюков здесь нет, даже с учетом того, что монголы прошли в «30 поприщах» к востоку от Смоленска. С учетом сопутствующих проблем (трудности весеннего пути, попутное разорение сел, угон пленных, незнание местности) путь этот вряд ли мог занять менее 15—20 дней. В конце марта, когда монголы могли выйти к Осовику, лед на Десне, по которой они, скорее всего, шли до этой крепости, явно начал подтаивать (вряд ли больше, зима была морозной). Кроме того, от Осовика и до устья Габьи начиналась изогнутая к востоку большая излучина Десны. Надо было выходить «наверх», на плато или даже водораздел, путь по которому занимал один дневной переход («большое поприще») (30 километров). Далее почти до Вщижа (75 километров) можно было бы идти либо по льду Десны, либо по водоразделу, где проходил (и сейчас проходит) летний большак. Исключается путь вдоль реки, так как все здесь изрезано оврагами на правом берегу, а на левом, низком, — непроходимый лес и бурелом. Все зависело от погоды. Во всяком случае, достоверные следы монгольского присутствия наблюдаются уже при подъеме на Брянское ополье, у села Крыжино, которое отстоит от Десны на километр. Либо монголы двигались по водоразделу еще от Габьи, либо, если позволял тающий лед, какой-то участок прошли по ровной дороге Десны, а по руслу, скажем, Столбянки уже на северо-западной границе Черниговского княжества поднялись на плато Брянского ополья. Возможен и еще один вариант пересечения смоленско-черниговского пограничья, минуя черниговские «сторожи» на реке Белизна в районе села Пеклино, высылаемые из Вщижа, у устья Габьи пересечь Десну и выйти на ее левый приток — Ветьму — около частновладельческого села Никольского, где найдены предметы профессионального, в том числе кочевнического, вооружения

XII—XIII века. Спустившись по льду Ветьмы (на малых реках лед еще мог стоять), конники могли выйти снова на Десну уже в Черниговском княжестве, в лесном «коридоре» между Белизной и Столбянкой. «Сторожи», конечно, не могли хоть ненадолго остановить монголов, но успели бы предупредить гарнизон Вщижа. А этого не произошло, так как город был взят явно «изгоном». Кочевники слишком торопились, чтобы затевать осаду, а для штурма у них не было стенобитных орудий, либо оставшихся во Владимирской земле, либо от взятого Торжка более медленно перемещавшихся к Козельску. Первое — более вероятно, так как затем этот город полтора месяца не могли взять войска, лично руководимые Бату-ханом, подошедшие к Козельску раньше всех — напрямик от Торжка. Только после подхода туменов Кадана и Бури, до этого «зачищавших» восточную часть владимирских земель, Козельск был взят быстро. Вывод — в отряде, который сжег Вщиж, не было никаких «пороков» и иных стенобитных машин, и взять хорошо укрепленный (вспомним две осады 1160 и 1161 годов) и обеспеченный гарнизоном город быстрым штурмом конные монголы без эффекта неожиданности не могли. В этой связи абсолютно исключается их подход к Вщижу по льду Десны, и не только из-за таяния льда (здесь это было безусловно, ибо чуть выше Вщижа находились перекаты с очень быстрым течением), но и из того, что штурмовать подготовившийся к обороне город «в лоб», с Десны, было бессмысленно. Монголы явно подошли с юга, со стороны водораздела, и захватили город через неукрепленный посад и более слабые укрепления «острога» и детинца с напольной стороны. Далее от Вщижа путь монголов по Брянскому ополью «читается» по «знакам», оставленным ими через каждые несколько километров: от Крыжина на Малотино, далее на Гасому и вдоль ее правого, более низкого и ровного берега (если не по льду), где еще в двух селах зафиксированы монгольские наконечники стрел; снова на Десну для выхода на ее северный приток Болву, ведущий прямо к вятичским лесам и Козельску. Боярские и княжеские «дворы» с прилегающими к ним обширными селами, расположенные вдоль, на небольшом

отдалении от магистральных путей из Смоленска в Подесенье и Брянск, представляли собой идеальные объекты для грабежа — слабоукрепленные и богатые. Кроме того, их специфическая и развитая инфраструктура, большие запасы провианта и фуража могли также использоваться монгольской кавалерией, как ранее, во время внутренних войн середины XII века — половецкой, черноклобуцкой и русской дружинной. Выйти на Болву монголы могли тремя трассами: через густые леса левобережья Десны по ее мелким притокам — Сериже или Сенне, с выходом на среднее течение Болвы (но это предполагает наличие у них хорошего местного проводника, взятого, например, в округе Вщижа или на Гасоме), или с большим крюком сразу на Болву через ее устье, напротив которого на крутом береговом склоне Десны находился Брянск. В Брянске в урочище Чашин курган при раскопках Ф.М. Заверняева и Г.П. Полякова (в последних принимал участие и автор) слой пожара также обнаружен, но гораздо менее слабый и не точно датированный, так как жизнь на Чашином кургане, в отличие от Вщижа, продолжалась и в последующий период (по XIV век включительно). К середине XIII века город находился уже в другом месте — напротив устья реки Снежеть. Но и там и там найдено всего по одному наконечнику стрел, которые можно предположительно связать с монголами. С учетом большой площади исследованных раскопками площадей, особенно на «окольном городе» Чашина кургана, можно сказать однозначно — где бы ни находился в тот период Брянск, монголы не брали его ни «изгоном», ни «на щит», ни тем более «измором». Пройти в виду города на Чашином кургане могли, но в этом не было смысла. Если они шли по Гасоме, то гораздо проще было выйти по ней к Десне в районе Хотылева (тем более что прямо в устье Гасомы также есть селище), переправиться через Десну и по явно еще не растаявшей, узкой протекающей через лесной массив реке Сенне выйти сразу на среднее течение Болвы (в низовьях она вскрывается рано, вместе с Десной). В верховьях Сенны известно древнерусское селище, которое существует и процветает и позднее — в «великобрянский», «литовский» и «москов

ский» периоды. Среди других наконечников стрел, которые относятся к XIII веку, на нем найден и типично монгольский «срезень». От этого села до Болвы — менее 8 километров по водоразделу. К середине апреля южный отряд мог выйти к Козельску и подключиться к почти двухмесячной его осаде, описание которой не входит в наши задачи. Вызывает удивление лишь тот факт, что Козельск столь долго не был взят. До археологических изысканий в этом городе и его округе в конце XX века (в которых участвовал и автор) обычно указывали на мощь укреплений этого города-крепости. Однако в результате исследований, начатых в 1992 году, выяснилось, что это далеко не так. Расположенный рядом Серенск имел гораздо более высокие валы и глубокие рвы и (судя по находкам вооружения) сильный гарнизон из дружинников и «черных клобуков», но был быстро взят только одним из отрядов «изгоном» и штурмом во время осады Козельска, причем без применения стенобитных машин, еще не подошедших с севера (с туменами Кадана и Бури). В то же время после прибытия, скорее всего, в конце мая 1238 года, китайско-чжурчженьской осадной техники, по словам Рашид ад-Дина, «злой город» пал «за три дня». Не может не вызвать недоумения и то, что за время длительной осады, в ходе которой монгольские войска сосредоточивались у Козельска по частям, великий князь Черниговский Михаил Всеволодич, будущий Святой, не попытался оказать никакой поддержки его защитникам, хотя до этого дал небольшую конную дружину Евпатию Коловрату для помощи хоть и «родственной», но все же не «своей» Рязани. Вышеописанный путь от Осовика до Болвы вполне реален для конца ранней весны (конец марта — начало апреля), но для подтверждения его достоверности необходимы дополнительные целевые полевые исследования. Кроме того, маневр небольшого отряда далеко на юг от основных сил по незнакомой местности и территории еще не разгромленных княжеств (Смоленского и Черниговского) предполагает наличие проводников либо из купцов, постоянно такие маршруты совершавших, либо сменявших друг друга местных жителей, взятых в плен.

2. Юг Черниговской земли и монголы в 1238—1240 годах

Урон, нанесенный Черниговской земле во время первого, северного похода Батыя на Русь, был сравнительно невелик: достоверно — три города, возможно, еще некоторые городки и много «сел» и «весей» в северной части Брянского ополья и «земле вятичей». Михаил Всеволодич имел время для укрепления обороны княжества (поход на Чернигов состоялся только в октябре 1239 года), но воспользовался им весьма странно — ввязался в борьбу за Киев с новым великим владимирским князем Ярославом Всеволодичем и Даниилом Галицким. В итоге к моменту осады города войсками, скорее всего, Менгу-хана в нем вообще не оказалось князя. На помощь горожанам извне пришел какой-то малозначимый князь Мстислав Глебович, неизвестно даже чем владевший, с «воями».

После взятия Чернигова, при обороне которого защитники тоже использовали камнеметные машины, монголы через Северские земли и Посемье вернулись в степи. Крупнейшая исследовательница русских кладов Г.Ф. Корзухина сумела на основе их находок в конкретных городах и «селах» установить этот путь. Брянских пунктов среди них нет. Однако в 2009 году под Трубческом был найден первый на Брянщине клад (2-й Трубчевский) эпохи монгольского нашествия. Он содержит предметы убора богатой женщины в основном из позолоченного серебра, но все вещи его имели повреждения. Клад «трубчевской княгини» был, скорее всего, спрятан ювелиром, использовавшим его предметы в качестве сырья для изделий. «Лом», конечно, но богатый, оставлять который в земле, если бы не чрезвычайные обстоятельства, не имело смысла. Иных следов какого-то погрома в середине XIII века в Трубчевске не обнаружено, хотя, по данным П.А. Раппопорта, интенсивность жизни снижается. Скорее всего, клад был закопан при угрозе нападения, которое не состоялось. И действительно, всего в двух-трех дневных переходах южнее по Десне, в Новгороде-Северском, имеются и следы пожара, и монгольские наконечники стрел. Но от этого города мон-

голы повернули на восток, по данным летописи — на Глухов, который разрушать не стали, перевезя туда черниговского епископа, и далее через Посемье — в степи. Другими чернигово-брянскими городами, которые монголы имели возможность взять в перерыве между двумя походами Батыя осенью 1239 года, были Стародуб — слои пожаров там тоже фиксирует археология, а также Ропеск, Синин Мост, Радощ (будущий Погар) и Севск (Севско). Но Стародуб столько раз осаждали и брали штурмом, а город все равно жил, что точную дату пожара определить сложно. В Синине Мосте никаких следов разгрома не обнаружено (раскопки автора), остальные поселения исследовались недостаточно, да и лежат они в стороне от маршрута похода осени 1239 года. Единственным косвенным свидетельством возможного рейда одного из монгольских отрядов, осаждавших Чернигов, вверх по реке Снов является абсолютно целая кольчуга XIII века, обнаруженная в реке Ирпа под Ропеском и переданная в Исторический музей в Москве. Кто-то так торопился переплыть реку, что или сбросил туда кольчугу, или спрятал ее на берегу (она была свернута в ком), а позднее не вернулся за столь ценным предметом.

3. Установление зависимости от Орды, изменение положения чернигово-брянских земель во второй половине XIII века

Второе нашествие Батыя на Киев, Галицко-Волынские земли и страны Центральной и Юго-Восточной Европы миновало Подесенье, однако брянские земли были напрямую затронуты событиями 1246 года, имевшими невоенный характер. Дело в том, что бросивший Чернигов ради Киева Михаил Всеволодич оставил и последний при приближении к нему первых монгольских сторожевых отрядов в ноябре 1240 года и ушел в Венгрию «за помощью». Защищать бывшую столицу Руси новый ее князь Даниил Галицкий поручил своему посаднику Дмитру, а «местоблюстителем» черниговского престола стал Симеон, перенесший свою резиденцию, вслед за епископом и, вероятно, с

ведома татар, в более безопасный Глухов. Он и стал на время фактической «столицей» всей Черниговской земли, включая и брянскую ее часть. После возвращения из Венгрии Михаил попробовал вернуть себе великокняжеский престол, для чего и поехал в Орду, где и был убит, как считают некоторые историки, благодаря интригам и даже «агентам» великого князя Владимирского Ярослава (отца Александра Невского). Чернигов, опустошенный и разрушенный еще в 1239 году, а главное, доступный для новых татарских походов, перестал быть столицей и даже просто резиденцией великих князей. Но их титул сохранился и стал «переходным» среди наследников Михаила Святого. Черниговская земля раздробилась на несколько новых княжеств, среди которых самыми крупными были Глуховско-Новосильское, Карачево-Козельское и Брянское (рис. 51). Их территории лежали на севере великого княжества, на его бывших окраинах, более безопасных, чем открытый со стороны степи юг. Вначале титул сохранялся за Симеоном Глуховским, перенесшим свою резиденцию на юг бывшей «земли вятичей» в Новосиль, затем, вероятно, перешел к владельцу бывшей родовой «отчины» Михаила Святого — князю Козельскому и Карачевскому Мстиславу Михайловичу, и, наконец, в 1256 году закрепился за брянским князем Романом Михайловичем. В Брянск из Глухова переносится и епископская кафедра. Вместе с князем сюда переносится и его «двор», составляющий основной профессиональный воинский контингент, и переселяется часть бояр со своими отроками. Археологические данные указывают на увеличение количества частновладельческих сел в округе Брянска, возрождение сожженных татарами. В эти годы благодаря деятельности великого владимирского князя Александра Невского отношения с Ордой стабилизировались, и татарские походы на время прекратились. С другой стороны, с того же времени (1259) начинается регулярная выплата дани. Русские участвуют и в совместных с Ордой военных мероприятиях как на Кавказе, так и в Восточной Европе. К последним привлекаются и «заднепрейские», в том числе и брянские, князья. В частности, Роман Михайлович участвовал в организованных ханами походах на

«Литву» в 1274-м (по просьбе русских князей) и «ляхов» (по инициативе хана Волжской Орды Туда-Менгу и во главе с его полководцем Телебугой (Тула-Бугой) в 1283 году. Впрочем, в первом случае Роман преследовал и свои, семейные интересы — помогал зятю, владимир-волынскому князю Владимиру Васильковичу в борьбе с кунигасом — язычником Тройденом, совершавшим постоянные набеги на Волынь. Когда эти набеги приобрели угрожающий характер, Лев Данилович в 1274 году «посла в татары к великому цареви Менгу-Темирю прося себе помощи у него на Литву. Менгу-Тимер дал ему рать... и Заднепровские князи ему в помощь, Романа Дьбрянского с сыном Ольгом и Глеба князя Смоленского и иных князей много — тогда ведь все князья были в воле Татарской». Впрочем, в этой войне, выразившейся в основном в осаде и взятии столицы еще Миндовга — Новгорода (Новогрудка), — из всех приглашенных «заднепровских князей» отличился только Олег Романович, а великие смоленский и брянско-черниговский князь поспешности не проявили и «с великою силой» вошли в уже взятый татарами со Львом Даниловичем город, ими же и разграбленный. Во втором случае (1283) князья и вовсе шли поневоле на христианские земли, а татары, подходя, разграбили Волынь, уведя оттуда 15 тысяч пленных. Урон усугубился тем, что в параллельный поход на Польшу повел своих воинов и другой татарский правитель, правда, не хан, а беклербек, соперник Туда-Менгу — Ногай. О наличии русских в его войсках летописец не упоминает, но проходил он также через русские земли. Повторился поход Телебуги и в 1287 году, в котором могли участвовать и брянцы в составе войск «иных князей многих». Гибли в этих походах и брянские воины, а русские князья участвовали в них с все большим нежеланием, а то и вовсе находили повод уклониться от них. «Посла Бог на нас меч свой, чтобы послужить гневу своему за грехи наши», ибо «тогда были все русские князи в воли Татарской, покорены гневом Божьим», — пишет летописец в связи с последним походом. Отражением этих столкновений на польско-русском пограничье стали массовые находки топоров «чжурчженьского» типа (рис. 54), а один, как

своеобразный «сувенир», попал и на Брянщину — был найден при раскопках автора под валом города Почеп в 1989 году (рис. 39).

4. «Ахматова замятня» и ее последствия

Косвенно и с этими походами, и с изменением демографической ситуации в Брянском крае связаны и события (так называемая «Ахматова замятня») на другом конце Подесенья — в Посемье. По Лаврентьевской (Суздальской) летописи они датируются 1283/84 годом, но некоторые историки относят их к 1287 и даже к 1289—1290 годам. В любом случае период тот же: татарских походов в Литву и Польшу и соперничества Ногая и ханов Волжской Орды. К тому времени на юго-востоке черниговских земель и Подесенья, в Посемье, еще сохранялись два старых, «домонгольских» княжества — Курское и Рыльское, между которыми образовалось два еще более мелких — Липецкое (Липовичское) и Воргольское. Они находились на стыке Волжской Орды, в которой за 1280-е годы сменилось три хана, и все — при «содействии» беклербека Ногая, и причерноморско-балканских владений последнего. Неподалеку от Курска основал свои «слободы», населенные не только татарами, но и разными проходимцами из «бесермен» и русских, баскак Ахмат. В 1283 году (по летописи), пользуясь разногласиями между татарскими правителями и, возможно, занятостью войск обоих в походе на Польшу, он решил пограбить Посемье в свою пользу. «В отчине Олга князя Рылского и Ворголского... насилие творяху христианом, сущим Курскыя волости, около Воргола, и около Рылска пусто сотвориша» «и около Липетцка» «и около Курьска». За этими скупыми фразами скрываются страшные зверства, чинимые Ахматовым сбродом не только «гостям» и «купцам», над которыми издевались даже после смерти, но и над «черными людьми», даже младенцами, которых бросали на морозе раздетыми. Князь Олег Курский был в то время в Орде, а его вассал, Святослав Липовичский, «крестное целование за

быв», бежал в Воронежские леса (названы по местечку Воронеж напротив Новгорода-Северского, начинаются от реки Шостка и тянутся на север до Севска).

Далее последовала драма в нескольких действиях, итогом которой стала гибель от рук друг друга четырех посеймских князей двух поколений, жалобы друг на друга и в Орду, и Ногаю, разорение Ахматовых слобод и бегство самого баскака к Ногаю. Эти события показали полную зависимость русских земель от Орды, которая только усилилась в 80-х годах из-за наличия там нескольких «центров силы», в которые обращались разные русские князья. По «правилам игры» даже явное самовольство и «превышение полномочий» одним из баскаков должно было повлечь не вооруженное ему сопротивление, а жалобу на него в Сарай. Когда же Святослав Липовичский все же отомстил Ахмату, убив его русских и даже «бесерменских» сподвижников и уничтожив слободы, это послужило поводом для Олега Курского избавиться от «неудобного» князя. «Олег, придя из Орды с татарами, убил Святослава по цареву слову». Для черниговских же земель «Ахматова замятня» означала ликвидацию всех еще остававшихся княжеских столов на их юго-востоке, в Посемье, бегство значительной части населения ее южной части в целом в леса левобережья Десны и за них — далее на север, в Брянские земли (рис. 51). По данным археологии, плотность населения Брянского ополья возрастает, а численность подданных брянского князя, как главного наследника великого Черниговского, в целом может достигать 150—300 тысяч человек, что может давать, по средневековым нормативам, от 7,5 до 15 тысяч воинов. И они пригодились — если еще не для борьбы с татарами, то с другими противниками княжеста.

5. Литовский поход 1263 года и иные направления военных действий

Вторым и третьим направлением военной активности брянского князя Романа в XIII веке были оборона от литовских набегов (1263 год) и поход на Смоленск в 1285 году.

Эти походы имели или оборонительный, или грабительский характер и не приводили к перекройке границ и своими корнями восходят к междоусобным войнам князей и взаимным литовско-русским набегам XII века. Даже отдаленные от Прибалтики черниговские Ольговичи дважды (1131 и 1205 годы) принимали участие в походах на Литву, переселяя «полон» в свои села в Подесенье. Участвовали литовцы и их родственники — ятвяги — и в междоусобных войнах в Западной Руси в качестве наемников (как «дикие» половцы в Южной), сами совершали грабительские походы на русское и польское пограничье. Однако до середины XIII века походы эти не были дальними. И дело не в Батыевом нашествии, ослабившем Русь (татары вскоре сами стали помогать русским князьям в походах на Литву и их организацией, и участием), а в консолидации литовских племен и кунигасов (рис. 31) в относительно единый федеративный организм в 30-х годах XIII века во главе с Миндовгом. Им удалось наголову разгромить меченосцев при Сауле в 1236 году, а в 1252 году Миндовгу даже удалось на время вывести немцев из игры, обманно приняв крещение. Это позволило ему совершать походы и присоединять земли не только прилегающей к Литве «Черной Руси» (север Волынского княжества), но более отдаленные. В год его фиктивного крещения он посылает рать воевать у Смоленска, в 1263 году его племянник Товтивилл становится князем в Полоцке, уже до 1259 года воевода Миндовга Хвал «велико убиство творяше земле Черниговской». Очередь Брянска настала в 1263 году, после того как вновь ставший язычником Миндовг разбил немцев у озера Дурбе и присоединил Полоцк. Поход на Брянск был явной авантюрой, ибо еще не был покорен Смоленск, и Миндовг послал во главе его со «всей силой своей» того из кунигасов и своих еще уцелевших родственников, возвращения которого он явно не хотел. Им был князь Нальшанский Довмонт, будущий герой Псковской республики. После смерти своей жены Миндовг, как язычник, порешил взять в жены ее сестру... которая уже была замужем. За Довмонтом! Но тем хуже для последнего. Однако, узнав о намерениях Миндовга, Довмонт, отъехав немного с отрядом, посланным «на Романа на Брянского»,

объявляет воинам, что боги не дают ему ехать с ними. Быстро вернувшись, он догоняет Миндовга, уже ехавшего к его жене, и... после убийства Миндовга в Литве вспыхивает скоротечная, но кровавая борьба за трон, в итоге ее зачинщик — Довмонт бежит на Русь и под православным именем Тимофей избирается князем Псковским. Вместе с ним принимают крещение семьсот его воинов, которые очень помогли Пскову отстоять независимость от немцев, а самому Тимофею стать местночтимым святым. А литовский престол после уничтожения оставшимися родичами Миндовга друг друга достается православному монаху (с 1262 года), тестю одного из волынских князей Шварна Даниловича Войшелку. Он покидает монастырь, карает своих врагов, в конце правления, будучи бездетным (а иных родичей Миндовга не осталось), планирует передать Литовский престол зятю. Наступает период, к сожалению короткий, тройственного волынско-брянско-литовского союза (до 1268 года), от которого после нелепой гибели Войшелка от рук Льва Даниловича на пиру в Луцке отходит Литва. Затем Литва не приняла Шварна как наследника Войшелка, и для Руси была упущена возможность поглотить Литву. Брянско-волынский военный союз сохраняется и приобретает при кунигасе — язычнике Тройдене антилитовскую направленность. Сам же литовский поход на Брянск после того, как по воле «богов» его покинул военачальник, был явно обречен на неудачу. Это был первый поход, организованный кунигасами Литвы так далеко вглубь русских земель. Литовцы дошли до самого Брянска, но у границ города их встретила и разбила дружина Романа Михайловича и Василька Волынского, его новоиспеченного зятя. Дело в том, что в 60-х годах XIII века возобновилась традиция союзнических отношений Ольговичей с Галицко-Волынскими землями, заложенная в начале XIII века еще отцом Михаила Святого Всеволодом Черным, но потом резко прерванная трагическими событиями 1211 года, когда бо́яре-заговорщики повесили трех сыновей черниговского князя Игоря Святославича Северского. Под 1261 годом во Владимире-Волынском летописцем отмечена свадьба дочери Василько Романовича Волынского Ольги и кого-то из «черниговских князей» — Андрея Всеволодича

(скорее всего, сына Всеволода Чермного, умершего около 1215 года). Литовцы же подошли к «Брянеску» во время свадебного пира Романа — он отдавал дочь, именем также Ольгу, за Владимира Васильковича Волынского. Брянским и волынским князьям и дружинникам-дворянам было очень досадно, что их оторвали от свадебного пира, и они постарались быстрее разбить литовцев и вернуться к этому важному занятию. Это говорит о том, что сражение произошло под самыми стенами Брянска, вероятно, на его северной окраине, где позднее был основан Петропавловский монастырь, неподалеку от которого был найден литовский боевой топор конца XIII века. Роман был ранен «телесно» во время, вероятно, скоротечного, но ожесточенного боя, но даже не чувствовал этого от радости, что отдает замуж четвертую, зато самую милую дочь.

На радостях он предоставил зятю военную помощь, вероятно, против тех же литовцев — «бояр много» с «сыном старейшим Михаилом». Впрочем, как мы уже говорили, помощь не понадобилась из-за прихода к власти в Литве прорусски настроенного Войшелка, которому «помогал править» также зять и также волынский князь Шварн. Во всей этой идиллически-ироничной истории остается один вопрос: как мог явно немалый литовский отряд, да еще оставшись без предводителя, зайти так глубоко в русские земли и остаться незамеченным вплоть до Брянска? Ведь путь его пролегал через все Смоленское княжество? Или скорость его продвижения была такова, что никакие вестники не могли его опередить? Возможно, эти же вопросы возникали и у Романа и вполне могли в будущем психологически повлиять на степень доверия между Брянском и Смоленском, хотя в 1275 году Роман Брянский и Глеб Смоленский совместно ходили на Литву в помощь Волыни и под ордынским «руководством».

Через десять лет после этого похода брянские полки двинулись на Смоленск и по дороге в очередной раз пожгли смоленскую крепость Осовик — Заруб, что также отражено в археологическом материале. Отношения с Смоленском стали для Брянского княжества главными на рубеже XIII и XIV столетий, однако они во многом зависе

ли от русско-ордынских взаимоотношений, но не в целом, а в контексте контактов отдельных княжеств и даже их правителей с конкретными ханами или даже беклербеками. Смоленск был союзником сарайских ханов Тула-Буги (Телебуги), затем — Тохты, а Роман Брянский, скорее всего, сторонником правителя Западной, Причерноморской, Орды — Ногая. Через брянские земли последний мог осуществлять прямой контакт со своим сторонником во Владимирском княжестве — Дмитрием Александровичем Переяславским, сыном Александра Невского. Неудивительно, что на рубеже 80—90-х годов XIII века (точная дата неизвестна) Роман Брянский окончил свои дни в Сарае, а Тохта содействовал переходу Брянска к Смоленской династии.

6. Взятие Брянска татарами в 1310 году, его причины и последствия

Карачев и Брянск были единственными городами Брянского края, которые были взяты и разграблены татарами в начале следующего века — в 1310 году.

Причины этого коренятся в борьбе князей внутри уже новой, смоленской династии в Брянске. Она стала править здесь не сразу после смерти Романа. Его сын Олег, позднее причисленный к лику местночтимых святых, успел в 1296 году основать Петропавловский монастырь, в который позднее и ушел, удалившись от власти. А в 1309 году здесь уже сидит, как считают многие историки, смоленский по происхождению князь Василий Александрович. Его в 1309 году выгнал из Брянска, воспользовавшись недовольством горожан и предложением последних «повлиять» на правителя, князь Святослав Глебович.

Судя по именам и отчествам князей и данным по генеалогии того периода, это могли быть дядя и племянник — сын и внук уже упомянутого Глеба Ростиславича Смоленского, ходившего вместе с Романом Брянским на «литву». В самом Смоленске в тот момент правил другой сын Глеба — Александр, и Святослав вполне мог желать занять равноценный престол, который смоленский князь Алек-

сандр, что вполне понятно, предоставил своему сыну, а не брату. Вероятно, именно родственными отношениями объясняется и то, что Святослав не захватил Брянск, а как бы приехал в гости к его князю с «увещеваниями» и лишь затем выгнал. Василий поехал с жалобой к Тохте в Орду и, поскольку отец Василия был великим смоленским князем, его давним сторонником, хан дал Василию войско для восстановления «справедливости».

Святослав ни за что не хотел уступать Василию с татарами и вышел на «брань» на средину пути между Карачевом и Брянском (в район современной Белобережской пустыни), хотя его и уговаривал находившийся здесь проездом из Галича в Москву митрополит Петр не делать этого и сдать город Василию. Святослав был уверен в верности брянцев, но просчитался. «Брянцы мя, Господине, не пустят, но хотят за меня головы свои сложити». В итоге «брянцы, злые крамольники» побросали стяги и бежали, а Святослав со своими дворянами погиб в этом сражении, хоть и «последним в полку», но не стяжав славы. Сражение 2 апреля 1310 года — единственное полевое сражение с татарами, достоверно произошедшее на территории современной Брянской области.

В Симеоновской летописи об этом событии говорится так: «И тако князь Святослав ратью великой в силе тяжце за полдни изыде против рати татарския, и поткнуши межу собе копьи, и съступишася обои, и бысть сеча зла. Брянци же выдали князя Святослава, коромолници сущее, стяги свои повергоша, а сами побегоша. Князь же Святослав токмо со своим двором долго бився, последи же убьен бысть на полку...» С точки зрения тактики явно «читается» начало боя в виде лобового столкновения конных (скорее всего) копейщиков — татар и дворян, пеший брянский полк оставался в резерве и решил в бой не вступать. Вероятно, брянцы и не собирались всерьез воевать против татар и согласились выйти из города вместе с князем, дабы вывести его из Брянска, где он мог бы «затвориться» (как Олег Святославич в 1096 году в Стародубе, и им пришлось бы выдерживать тяготы осады и смертоубийства во время приступа). Интересно также высокое качество дво-

рянской тяжелой конницы, которая, будучи брошена пехотой, долго билась с более легкой татарской кавалерией. Была ли у Василия своя, русская, дружина, или она не пошла с ним в Орду, а перешла к Святославу и потому в бою сражалась до конца, не ожидая пощады, — неясно, хотя возможно. И еще: в словах московского летописца явно прослеживаются симпатии к Святославу, возможно, потому, что тот еще в 1303 году, находясь в плену у Юрия Даниловича Московского, мог с ним «сойтись» и согласиться на обмен его небольшой отчины — взятого москвичами смоленского Можайска на явно более престижный брянский стол. Не случайным в этой связи представляется и необъяснимое иначе двухмесячное пребывание в Брянске митрополита «Малой Руси» Петра, ехавшего из Москвы в Галич и к тому времени, по определенным причинам, ставшего союзником Москвы и врагом тверского князя Михаила (тогда занимавшего пост великого князя Владимирского), ставленника Орды, находившегося в дружбе со смоленскими князьями. Так что не исключено, что действия Святослава носили не только «антисмоленскую», но и косвенно антитатарскую направленность и были свидетельством появления еще скрытого, пока только княжеско-дворянского, «бунта» против Орды, который в Брянских землях XIV века постепенно нарастал и становился все более явным. Ни народ, ни церковь (в лице Петра в данном случае) на открытое сопротивление еще не решались.

Василий с татарами взял Брянск и стал расправляться со своими «ворогами», а татары стали грабить город, так что митрополиту, чтобы спастись, пришлось «затвориться в церкви». Затем Василий все же устыдился благодаря увещеваниям митрополита «Малой» (Галицкой), а затем и «Великой» (Владимирской) Руси, первого московского святого — Петра — и унял уже насытившихся грабителей. Поскольку Брянск сдался без боя и в дальнейшем также ни разу не был взят врагами, прямых вооруженных столкновений в нем удалось все же избежать. Поэтому, хотя и его детинец, с середины XIII века находившийся на Покровской горе, и его посад на Петровской горе исследовались неоднократно и в разных частях (абсолютно не

изучался только находящийся между ними «окольный город»), предметов вооружения здесь было найдено немного, монгольских наконечников стрел — «срезней» — всего один, и тот на северной окраине посада. Впрочем, о событиях 1310 года могут свидетельствовать некоторые заброшенные примерно в это время жилища, следы пожара — на других. Вероятно, это были домовладения сторонников Святослава Глебовича и противников Василия Александровича. Последний не ограничился взятием Брянска, но, пользуясь татарской помощью, попытался присоединить к своим владениям и Карачев, где еще правил потомок Михаила Святого, также Святослав, но Мстиславич, убив последнего. Такие методы решения междукняжеских противоречий хотя и имели место иногда в древнерусской практике, но никогда не поощрялись. Василий открыл «ящик Пандоры». Князей в Карачевском и Брянском княжествах стали убивать не только татары и другие князья, но и сами горожане в ходе такого вида внутренних конфликтов, как «дворцовые перевороты» и народные восстания. Наказал Бог и виновника последовавших «крамол» за его грехи — Василий умирает уже в 1314 году, ненадолго пережив своих соперников. Характерно также по сути равнодушное, по сути неприязненное отношение брянцев к обоим князьям — представителям чуждой им династии.

Это отношение проявилось и в последующих конфликтах внутри Брянска, имевших признаки социально-политических движений или народных восстаний.

«Тое же зимы [1340] злые коромолници, сшедшеся вечем, брянци убиша князя Глеба Святославича месяца декабря в 6-й день, на память святого отца Николы», — пишут московские летописи. В 1357 году, сразу после смерти недолго здесь правившего («осмь недель») и быстро скончавшегося Василия Ивановича Смоленского (племянника «героя» событий 1309—1310 годов, также Василия), получившего ярлык на Брянск в Орде, «лихие люди» устроили «замятню». Причина неясна, однако умерший князь был одновременно и представителем смоленской династии, и татарским ставленником. Но власть Орды с этого времени начинает слабеть, а в 1359 году там вспыхнула более

чем двадцатилетняя «Великая замятня». С этого времени, а особенно после сражения на Синих Водах, когда Орда потерпела первое крупное поражение от литовско-русских войск сына Гедимина — Ольгерда, главными «игроками» на Придеснинской «сцене» надолго становятся Литва и Москва, при эпизодическом участии — по старой памяти — Смоленска, и нового участника событий — Рязани. Внутренние «замятни» в Брянске также связаны не только с внутренней борьбой между князьями, боярством и горожанами, представленными «вечем» 1340 года, но и этой сменой доминант в геополитическом положении Брянского края. Хотя эта смена доминант стала явственной только в 60-х годах XIV века, однако военно-политическая ситуация начала меняться еще в 20—30-х годах этого столетия. Гедимин пытается распространить свою власть и на земли Днепровского Левобережья, начинаются вооруженные выступления уже населения, а не отдельных князей, против татар: восстание 1327 года в Твери, «брань о Черном боре» (дани в пользу Орды, собираемом Москвой) 1340 года в Новгородском государстве. Все военные действия, в которых участвуют брянцы в этот период, связаны с этими процессами. Брянск в этот период, в отличие от Смоленска и Твери, придерживается «старой» антилитовской ориентации. В 1321 году здесь находит «политическое убежище» бежавший от литовцев, захвативших Луцк, тамошний князь Лев, зять тогдашнего брянского князя Романа. Это продолжение традиций брянско-волынского союза, установленного еще в середине XIII века. Возможно, в связи с этим, но точных данных нет, что этот Роман — снова представитель черниговской, а не смоленской династии. Во всяком случае, он упоминается вместе с коалицией других южнорусских (но не смоленских) князей в сражении с войсками Гедимина (рис. 32) на реке Ирпень под Киевом. Здесь произошла «сеча великая и лютая, и поможе Бог великому князю Гедимину и побил он всех князей русских наголову и войско их все побитое на месте осталось, и князя Льва Луцкого, и князя Олега Переяславского убил, и в мале дружине князь Станислав Кевский с Романом Брянским бежали в Брянск», пишется в литов-

ско-русском летописании. Если это правда, то после этой битвы южнорусские земли еще больше запустевают, ибо последние княжеские столы здесь ликвидируются, а литовские князья, занятые к тому же постоянной борьбой с Тевтонским орденом на западе, еще не в силах установить здесь твердую власть и организовать защиту новых владений. В итоге еще часть их населения уходит на запад и север, в том числе и в брянские земли, еще более увеличивая там плотность населения.

Чуть позже, в 1333 году, в продолжение антилитовской политики брянский князь Дмитрий (скорее всего, сын Романа) совместно с татарами во главе с двумя темниками совершает поход на Смоленск, чей князь Иван Александрович, по мнению многих историков, принял добровольно литовский сюзеренитет, чем изменил традиционную для Смоленска протатарскую политику. Поход закончился «вничью»: «И бившися много и взяша мир». Однако Узбек — все еще самый сильный хан Орды за все времена, а Гедимин вынужден воевать в основном на западе, с немцами, и напрямую, и оказывая помощь Псковской республике. На восток его сил уже не хватает, в результате русские земли Днепровского Левобережья, формально ставшие его вассалами, все равно вынуждены продолжать выплаты ордынской дани, периодически пытаясь самостоятельно от нее освободиться. В 1340 году смоленский князь называет Гедимина «старейшим братом». Однако Орда, а после 1327 года — и Москва старались не допустить этого, и в 1339—1340 годах состоялся повторный большой поход на Смоленск соединенных русско-татарских сил, в котором кроме великих Московского и Рязанского княжеств приняли участие еще пять князей. Но брянского среди них не было, хотя дочь Дмитрия Брянского (впрочем, к тому времени уже умершего) и вышла замуж за брата великого князя Московского Ивана (будущего Ивана II Красного). Впрочем, в то время семейно-брачные связи значили уже намного меньше, чем в домонгольской Руси, и, например, образование в 1330 году брянско-тверского династического альянса не означало создание союза военно-политического, хотя некоторые историки-краеведы и полагают обратное.

После смерти Гедимина, погибшего от немецкой стрелы на стенах основанного им Вильнюса, новые великие князья — братья Ольгерд и Кейстут — сумели одновременно проводить и «западную», и «восточную» политику, разделив сферы ответственности и сосредоточивая все силы то на антинемецком, то на антитатарском направлениях. Впрочем, борьба с Ордой и освобождение русских княжеств из-под ее владычества была для них не самоцелью, а средством пополнения военных сил Литовско-Русского государства посредством подключения к борьбе с немцами все новых православных земель. Это, кстати, пополняло и казну княжества. Не все русские земли хотели освободиться от ордынской дани такой ценой, да и Москве это было не выгодно. В итоге Ольгерду приходилось совершать и походы на не желающие покоряться княжества — в 1356 году осенью «воевал Олгерд Брянеск и Смоленск», но безуспешно. Успех пришел лишь после его победы над верховным сюзереном русских земель — Золотой Ордой, точнее, только западной ее частью (это государство фактически раскололось во время «великой замятни»). Воспользовавшись этим же, к борьбе с Ордой с середины 50-х годов XIV века подключается Рязанское, а затем и Московское великое княжество. В эту борьбу вовлекаются и князья, и бояре, и простые люди Брянского края, участвующие во всех крупных сражениях с татарами во второй половине XIV века.

Глава V

В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ БИТВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIV — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV ВЕКА)

Раздел первый

ОТ СИНИХ ВОД ДО ВОРСКЛЫ

Период второй половины XIV — первой половины XV века, как никакой другой, богат выдающимися военными событиями европейской и мировой военной истории. Начинается он со сражения при Пуатье, предопределившего в 1356 году неожиданную, «случайную» победу Анг-

лии над более сильной Францией на первом этапе Столетней войны, а завершается поражением крестоносцев от турок под Варной в 1444 году, означавшим агонию Византийской империи (падение ее столицы в 1453 году стало лишь делом времени). Сражения этого периода эпохальны не потому только, что были масштабны и представляют интерес с точки зрения военного историка, но и потому, что меняли ход исторического развития. Сражений этих — свыше десятка, и более половины из них имеют прямое или косвенное отношение к истории России и ее важной в Средние века (как и сегодня) пограничной части — Брянско-Деснинского края.

1. От Орды — к Литве

Изменение геополитического положения Брянского края и Подесенья в целом произошло в середине XIV века, однако предпосылки для этого сложились в 1327 году. После подавления тверского восстания Иван Калита получил практически пожизненно ярлык на великое владимирское княжение, а вместе с ним — право контроля над всеми русскими землями, еще не подчинившимися Литве, и, главное, право сбора дани в пользу Орды. Вместо периодических наездов татарских сборщиков (систему постоянного присутствия баскаков Узбек отменил еще в начале своего правления, после принятия ислама в 1314 году) ее стали неукоснительно и тщательно собирать московские отряды, ибо часть дани оставалась в Москве. В результате фактически увеличился ее размер, и взгляды многих князей обратились в сторону Великого княжества Литовского и Русского. С точки зрения политической психологии этому способствовал и переезд в 1326 году митрополита из «нейтрального», не имеющего постоянного князя Владимира в Москву, что делало остальных князей зависимыми от московской церковной политики. Кстати, этот важный политико-идеологический акт совершил уже известный нам по брянским событиям 1310 года галицкий митрополит Петр, что косвенно подтверждает его промосковскую позицию еще в тех собы-

Однако параллельно усиливаются позиции и Литвы — побед на юге Руси Гедимин устанавливает протек- над Псковом, озабоченным немецкой агрессией и ательствами на свой суверенитет со стороны «гос- а Великого Новгорода», и добивается в 1326 году склонности со стороны папы римского и восстановлен- Польского королевства, чем на короткий период ней- зует орден. К 1333 году признает литовский сюзере- и временно прекращает выплату ордынского «выхода» енск, до этого лояльный к сарайским ханам, брянский вступает в династические отношения с антимосковски роенной Тверью. Москва же пользуется неограничен- оддержкой Орды и ее военными ресурсами. Начинает- рьба двух главных претендентов на власть над русски- емлями.

Однако для Гедимина эти шаги оказались преждевре- ными — с 1331 года начинается практически непре- ная агрессия ордена против Литвы и западнорусских ель, поддержанная крестоносцами всей Европы, в том ле иногда и славянских ее стран. Гедимину хватает сил оддержку только Пскова в борьбе против общего вра- и он вынужден прекратить восточную экспансию. Мо- е удается с ордынской поддержкой распространить свое яние на Подесенье и даже привлечь брянских князей оходам на Смоленск (что, впрочем, при наличии заста- лых брянско-смоленских конфликтов было несложно). результате трех походов с 1333 по 1351 год Москва су- ла, правда на короткий период, подчинить Смоленск Орде, и великому княжению Владимирскому, то есть — бе. Привлечение к некоторым военным предприятиям тар, проходивших к Смоленску через Подесенье, однако, повышало престиж Москвы и ее ставленников в Брян- е в глазах местного населения. Не очень активно помо- ют татарам и князья — в 1333 году глава похода Дми- рий Романович Брянский, вопреки воле хана и несмотря а присутствие татарского отряда во главе с темниками оллонтаем и Чиричей в его войске, после недолгой осады аключает мир со смоленским князем. И тот и другой под- ерживают тесные контакты с Тверью, чьи князья, нахо-

дясь слишком близко от Москвы с ее татарской поддержкой, не рискуют выступить открыто. Когда же Александр Тверской княжил в Пскове, то признал себя вассалом Гедимина, за что позднее был убит в Орде в 1339 году. Стремясь вновь сбросить с себя ордынскую дань и московскую зависимость, Иван Александрович Смоленский вновь в этом же году признает старейшинство Гедимина и, в отличие от тверского князя, в Орду ехать не собирается. Узбек и Калита в ответ послали на него огромное войско шести князей, но и оно успеха не добилось.

А в 1340—1341 годах умирают подряд три великих правителя — сначала Иван Калита, затем Узбек и Гедимин. В Новгороде вспыхивает восстание против ордынской дани («черного бора») и собирающего ее московского князя. В 1340 году в Галицко-Волынском княжестве умирает последний представитель династии Рюриковичей — Болеслав (Юрий), что через короткое время привело к войнам Литвы и Польши за эти земли (интересно, что в эти войны еще умудрились вмешаться татары). В их итоге вся Волынь, давний союзник Брянска, добровольно переходит под власть принявшего православие Любарта Гедиминовича. В самом же Брянске убивают московского ставленника Глеба Святославича, литовский князь Ольгерд (еще не «великий») впервые оказывает военную помощь Смоленску, совершив поход на его волости, ранее захваченные Москвой. Скорее всего, благодаря балансу сил крупных «игроков» Брянское княжество в 1340-х годах становится полностью (кроме, естественно, выплаты ордынского «выхода») независимым, в том числе, возможно, и в выборе князей. Стремясь удержать Брянск и повлиять на Смоленск, Иван Иванович Красный женится на дочери брянского князя (возможно, вновь Дмитрия Романовича) Феодосии, а Симеон Иванович Гордый — на дочери одного из князей младшей линии смоленских Рюриковичей. Однако это не помогает, ибо в 1351 году Симеон вынужден совершить поход и на Смоленск, и на Брянск и на короткий период устанавливает над ними свой сюзеренитет (1352). Литовские исследователи связывают этот успех Москвы с ее компромиссом, достигнутым в 1350 году с Великим кня-

жеством Литовским и Русским. А последнее было прямым следствием войн, которые это государство вело в конце 40-х — начале 50-х годов одновременно с несколькими противниками — Тевтонским орденом, Польшей, Венгрией и даже татарами. К тому же в 1348 году отказался от литовского «протектората» Псков, наладивший отношения с Ливонией. Правители Литвы для видимости пошли на уступки Западу, обещав принять католицизм. С другой стороны, они срочно и интенсивно устанавливали матримониальные связи с Москвой и ее сателлитами. У Ольгерда было и третье направление внешней политики, причем не тактическое, как два предыдущих, а стратегическое: привлечение симпатий русского православного населения Великого княжества для облегчения присоединения к нему и других русских земель.

Первым шагом для этого стала организация в 1355 году в Киеве, подвластном Литве со времен похода Гедимина в начале 20-х годов, митрополии «всея Литвы». Формально патриарх не включил Киев в состав этой митрополии, но ставленник Ольгерда, родственник его по жене — тверской княжне Ульяне — Роман насильно обосновался в Киеве, а до 1361 года поставил «своего» епископа и в Брянске.

Чуть позже, во время переговоров представителей короля Чехии и императора Священной Римской империи Карла IV с Ольгердом в середине 1358 года была «озвучена» программа его внешней политики. Она включала присоединение к его государству, при содействии папы, всех русских земель, в том числе подвластных Орде. Для защиты от посягательств последней на запустевший юг Руси должны были быть переселены рыцари Тевтонского ордена, а значительная часть его земель передана Литве. Претензии Ольгерда, вероятно, показались Карлу IV чрезмерными, и переговоры продолжения не получили, и уже в конце 1358 года, после более чем двухлетнего перерыва, крестоносцы вновь пересекли границы Литвы. За время этой передышки на западе вновь был поставлен под литовскую зависимость Смоленск (ибо он от нее избавляется в 1358 году) и совершается совершенно необъяснимый с политической точки зрения поход на Брянск и Смоленск

(1356). Необъяснимый, если оба города находились тогда под влиянием, если не властью, Москвы, где правил вполне дееспособный Иван II, а за ним «стоял» его друг, последний сильный хан Золотой Орды Джанибек, которого московский летописец называет «добрый царь Чанибек» Необъяснимый, так как в развитии установившихся в 1350 году хороших литовско-московских отношений в том же 1356 году брат Ольгерда Кориат (Михаил) женится на дочери Ивана II. Зачем же Ольгерд «воевал Брянск и Смоленск»? Проверить реакцию Москвы и Орды. Чуть позже ситуация станет для него намного благоприятнее — будет убит в Орде Джанибек (1357) и умрет Иван Красный (1359), оставив на престоле малолетнего Дмитрия (будущего Донского) при регентстве митрополита Алексия. Однако Ольгерд не мог этого предвидеть, и действует именно в 1356 году. Все встает на свои места, только если предположить начало формирования именно в те годы одновременно и антитатарского, и антилитовского блока, или «оси», на концах которой находились Смоленск и новая сила — Рязань, а между ними — ряд «верховских» и Брянское княжество. Позднее часть участников этого альянса проявила себя в 1365 году, нанеся поражение татарам под Шишеловым лесом, в 1395 году в рязанско-смоленско-козельском походе на Литву, в 1401—1402 году — в рязанско-козельском походе на помощь восставшему против литовцев Смоленску. В таком случае становится понятным, почему после похода Ольгерда на Брянск там занимает престол присланный из Орды московский ставленник Василий Иванович, а Москва и татары так легко уступают Смоленск литовцам. Вероятно, последний акт был чисто формальным и не означал прекращения выплаты дани в Орду через Москву, в связи с чем новый смоленский князь Святослав, придя к власти в 1358 году, тут же свергает литовский сюзеренитет. Сами же события 1356—1357 годов — результат московско-литовского компромисса. Этому способствует и главное изменение ситуации в Восточной Европе — обвальное ослабление Орды после убийства Джанибека в 1357 году и последовавшая вскоре «Великая замятня», на гребне которой с

1360 года фактическую власть захватывает не хан, а беклербек (главнокомандующий) Мамай. В 1360—1370-х годах в Орде по его воле сменяется около двух десятков ханов, некоторые из которых правят одновременно в разных частях Джучиева улуса.

Наступает время Ольгерда, ибо его главный будущий соперник — Дмитрий Московский — еще слишком мал. Но прежде чем наступать на владения Орды, он присоединяет часть смоленских и современных брянских земель — Мстиславское княжество (1359). Далее, чтобы продолжить наступление на русские земли и реализацию своей геополитической программы, следовало «разобраться» с верховным сувереном Юго-Восточной Руси Ордой. В 1362 году в битве на Синих Водах победу над тремя ханами западной части Орды одержало русско-литовское войско во главе с одним из двух великих князей Литвы, Ольгердом (Альгирдасом). Сражение произошло где-то в степях между владениями беклербека Мамая и Молдавией. Из Густынской летописи XVII века: «В сие лето Олгерд победи трех царков Татарских и з ордами их, си ест Котлубуха, Качбея, Дмитра и оттоли от Подолья изгна власть татарскую».

Более ранняя «Хроника Литовская и Жмойтская» повествует: «...князь Олкирд пошел в поле с Литовским войском и побил татаров на Синей Воде, убив трех братов татарских князей Хачея и Колобуха, и Дмитрия...», после чего «а тыи княжата Корьятовичи князя Олкирдовою помочью и волею пошли в Подольску землю... и почали боронити их от татар и дани татарам не почали давати». Все упомянутые ханы, включая Дмитра, — личности исторические, упомянутые в Крыму и Добрудже. Дмитр — искаженное тюркское «Дамир» — «железный» (отсюда «Тимур»), по Яну Длугошу, польскому историку XV века, предводитель самой западной татарской орды, кочевавшей в Добрудже. В Брянске в 1363 году садится вассал Ольгерда — либо представитель старой черниговской династии Роман Михайлович, затем, в ходе литовско-московских войн, смененный на Гедиминовича Дмитрия Ольгердовича, либо последний сразу становится брянским князем.

В любом случае оба брянских князя, бывший и действующий, Ольгович и Гедиминович, приняли самое деятельное участие в следующем, еще более эпохальном сражении — Куликовской битве.

2. Куликово поле и Брянский край

Брянцы с новым князем Дмитрием Ольгердовичем приняли самое активное участие в Куликовской битве на стороне Москвы. При этом надо учесть, что родной брат Дмитрия Ягайло Ольгердович вел войска в помощь Мамаю. Это говорит о сохранении в это время относительной независимости Брянского княжества. Но надо сказать, что это была не первая русская победа: кроме сражения на Синих Водах упомянем также победу Рязани над татарами в сражении под Шишеловым лесом в 1365 году.

Куликовская битва относится к самым известным сражениям русской военной истории. Ее огромное значение в качестве решающей вехи в процессе освобождения русских земель от татаро-монгольского ига огромно и неоспоримо, однако детали (соотношение сил, вооружение, роль отдельных князей, ход битвы, причина опоздания союзника Мамая Ягайло Литовского, даже само место битвы) до сих пор вызывают споры. Объясняется это противоречиями источников.

Военно-политическая ситуация в Восточной Европе в XIV веке характеризуется следующим образом. Самым сильным государством здесь до середины века оставалась Золотая Орда. Но с 1359 года в ней начинается период усобиц, завершившихся лишь в 1380 году, уже после Куликовской битвы. Орда раскалывается на две части — западную и восточную. Законные наследники Чингиза правят и в ее восточной части (Белой, или Синей, Орде, современный Казахстан), а на западе, в Причерноморье, Крыму и частично Поволжье власть практически принадлежит узурпатору, даже не хану, а темнику («генералу» по современной терминологии) и беклербеку (визирю) Мамаю.

Московкое княжество с 1328 по 1360 год было главной опорой Золотой Орды в зависимых от нее русских землях.

Пользуясь формально-юридическими полномочиями («ярлыком» на великое Владимирское княжение), Москва создавала себе исключительное положение среди всех русских земель, исподволь присоединяя их формально или фактически к своим владениям. В правление малолетнего Дмитрия Ивановича, особенно в 60-х годах XIV века, ситуация начала коренным образом меняться. Временно Москва перестала быть самым сильным союзником Орды, и та, ослабленная, в свою очередь, «великой замятней» (так летописцы назвали смуту в Орде, когда за двадцать лет сменилось несколько десятков ханов), начала искать ей замену в лице то тверских, то нижегородских князей. Дмитрий в 1375 году военным путем (осадой Твери, участие в которой принял и бывший брянский князь Роман Михайлович), вопреки прямой воле Мамая, отдавшего ярлык тверским князьям, заставил последних признать за собой титул великого князя Владимирского и Новгородского, а практически общерусского. Это привело Москву к прямой конфронтации с правителем западной части Золотой Орды Мамаем (в восточной ее части в 1376 году к власти пришел личный враг Мамая — хан Тохтамыш).

Третьей главной стороной треугольника, соотношение сторон которого определяла Куликовская битва, была Литва. В середине XIV века, несмотря на общеевропейскую рыцарскую агрессию против нее, она находилась на подъеме к своему максимальному могуществу. Литва была враждебна Золотой Орде, и вхождение в ее состав в тот период (после Синих Вод) уже означало освобождение от татарской дани.

После трех войн (1368, 1370 и 1372 годов, действия одной из которых (1370) проходили и на территории Подесенья) сферы влияния Ольгерда Литовского и Дмитрия Московского в русских землях были разграничены договором 1372 года, среди подписавших который с литовской стороны был и действующий брянский князь Дмитрий Ольгердович. Его вотчины — Брянск и Трубчевск, — оказались в центре «треугольника» и географически и политически. Смоленск и Тверь в этих войнах являлись союзниками (но не подданными) Литвы, Брянск в военных действиях не участвовал, хотя его князь и участвовал в заключении мира.

События 1375 года под Тверью, и фактически, и юридически поставившие московских князей выше всех остальных, не могли не вызвать ответной реакции со стороны Ольгерда — его престижу просто был бы нанесен удар, если бы он не помог союзной Твери, как он это уже делал в 1368 и 1372 годах. Однако в 1377 году великий князь умер, передав этот «долг» сыну Ягайло. Последний стал ждать подходящего случая для удара по Московскому княжеству. Однако Дмитрий Московский определил нового литовского господаря — в 1379 году его войска, возглавляемые в том числе и родным братом Ягайло Андреем (Вингольтом) Ольгердовичем (участником сражения с татарами на реке Вожа), спустились вниз по Десне. Трубчевский князь Дмитрий Ольгердович, с согласия горожан, без боя открывает ворота московским полкам. Это был уже второй поход Дмитрия в Подесенье — первый состоялся еще в 1370 году, когда литовско-русские войска были заняты на западе — сражались с немцами у Рудавы.

Однако закрепить эти территории москвичи тогда не могли, ибо грозные события назревали на востоке. До Куликовской битвы оставался год. Князь Дмитрий Трубчевский с семьей, трубчевскими, возможно, стародубскими и брянскими боярами «вступил в службу» Дмитрия Московского (рис. 37) и получил в держание город Переяславль-Залесский. События эти, вроде бы отдаленные по своему содержанию от куликовской эпопеи, сыграли тем не менее значительную, если не решающую роль в ее исходе.

Ни правитель Сарая Араб-шах, ни тем более бежавший на восток в Белую Орду Тохтамыш помогать Мамаю не собирались. Тохтамыш, хан-Чингизид, опираясь на помощь эмира Самарканда Тимура (Тамерлана, Железного Хромца), стал готовить реванш с целью воссоединить весь «улус Джучи», включая владения темника Мамая. Времени у последнего оставалась мало. Только разгром Москвы мог укрепить положение Мамая в Орде. Л. Гумилев даже считал в этой связи Дмитрия Московского прямым и естественным союзником Тохтамыша как «законного» правителя, в отличие от узурпатора Мамая.

В одиночку это сделать Мамай был не в силах и стал
ать союзников. Главным из них стал Ягайло Литовский.
рашенный разгромом своей столицы татарами и разо-
овавшийся в помощи Москвы, заключает союз с Ма-
м и Олег Иванович Рязанский. Союзники договорились
динить в конце лета 1380 года свои войска в районе
икова поля у границ Рязанской земли и совместно дви-
ься на Москву.

В московскую коалицию, кроме сил собственно этого
жества, вошли полки из Стародубского (на Клязьме),
юзерского, Ростовского и Ярославского княжеств. Из
кольких верховских княжеств помогли Дмитрию Тарус-
е, Оболенское и Новосильское. Суздальско-Нижего-
ское, Смоленское и Тверское великие княжества, как
овгородская республика, соблюдали по разным причи-
нейтралитет. Впрочем, отдельные удельные князья и
очие люди» из этих земель, вняв призыву Русской пра-
лавной церкви, приняли участие в решающем сражении
веру на свой страх и риск.

Но главный успех Дмитрия — участие в его коалиции
ск литовских князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей.
ело не в их численности, а в огромном морально-по-
ическом значении того факта, что Москва стала цент-
притяжения православных не только из «независимых»
не от Орды) русских земель, но даже из враждебного
жества Литовского! Недаром все источники подчерки-
от ликование Дмитрия Донского при получении известия
этом факте. Ведь Ольгердовичи были родными брать-
его врага — Ягайло, и равными ему по происхожде-
о, а не «подручными» князьями.

Важной проблемой было собрать эти огромные силы в
о время и в одном месте. Главная часть московских войск
главе с Дмитрием, получившим благословение от Сергия
онежского, соединилась в Коломне на реке Северке с
частью, что вел от Боровска Владимир Серпуховской.
одним сведениям, в Коломну, по другим — позднее в
течко Березуй «за 23 поприща» (поприще — суточный
еход, равный 20 верстам) от Дона подошли «Андрей По-
кий с псковичами и Дмитрий Брянский со всеми своими

мужами» (рис. 48). Дмитрий Брянский мог быть послан навстречу брату на Десну, в свою отчину, чтобы набрать новых воинов. Во всяком случае, в «Задонщине» говорится о 700 тысячах «латников», «храбрых литовцах». Цифра явно преувеличена, не говоря уже о том, что под термином «литовцы» скрывались в основном русские из Литовского государства.

Общая численность собравшихся на смотр в Коломне у рязанских, то есть враждебных, границ достигла, по данным источников, 170—200 тысяч человек. Впрочем, некоторые из них «сокращают» ее до 100—150, а то и 70 и даже 50—60 тысяч. Все источники однозначно свидетельствуют о высококачественном и даже «парадном» (шлемы с золотой насечкой) вооружении русских войск («латники» у Ольгердовичей). Для всех 170 и даже 100 тысяч это невозможно.

Русское войско традиционно делилось на две части — великолепно вооруженную тяжелую конницу («бояре», князья и их «двор») и добротно, но попроще снаряженные городовые полки (костромичи, владимирцы, переяславцы и т. д.). Вооруженное «дрекольем» крестьянское ополчение предпочитали не собирать. Возможно, в данном случае, но только с коренных московских земель, это и пришлось сделать для того, чтобы поставить его под первый удар татарской конницы, «утомить» ее. В любом случае, какую бы цифру ни принять, в 50 или 200 тысяч, такой огромной армии Русь, причем далеко не вся, до той поры еще не выставляла.

Что касается количества воинов у Мамая, то она определяется в пределах от 80—90 до 100—150 тысяч. Сами русские источники говорят о значительном превосходстве численности их войск над татарскими, многие источники говорят о примерном равенстве сил на Куликовом поле.

О вооружении татар существует две диаметрально противоположные точки зрения — М.В. Горелика и А.Н. Кирпичникова. Обе принадлежат признанным специалистам по истории вооружения. Первая говорит о прекрасном и разнообразном вооружении ордынской конницы (рис. 35, 36), вторая — об обратном. Впрочем, в высоком уровне ее военной подготовки не сомневается никто.

Однако в войсках Мамая собственно татары (даже потомки половцев) составили едва половину. Входили в его состав бесермены (жители поволжских городов, потомки болгар), родственники мордвы — буртасы, кавказские народы черкесы и ясы (предки осетин), наемники из итальянских колоний Причерноморья — фряги (генуэзцы или венецианцы), даже какие-то армяне и, возможно, крымские иудеи — караимы. Все они, за исключением генуэзцев и буртасов, были конными воинами. Таким образом, Мамай располагал огромной массой разноплеменной конницы и небольшим числом пехоты, часть которой, правда, считалась в XIV веке чуть ли не лучшей в Европе (генуэзские арбалетчики).

При таком сборном войске Мамай мог надеяться, безусловно, победить московскую коалицию лишь при условии совместных действий с Ягайло (на реальную помощь Олега Рязанского он, впрочем вполне обоснованно, вряд ли рассчитывал). Ягайло срочно заключает невыгодный для Литвы мир с Тевтонским орденом, чем обрекает на поражение своего дядю Кейстута, сражавшегося с немцами в Западной Литве (Жемайтии). Сразу после этого с войсками, состоявшими в основном из белорусов, волынян, киевлян (этнические литовцы были у Кейстута) и вспомогательным польским отрядом Ягайло совершил форсированный марш на восток, на один дневной переход, не дойдя до Куликова поля. Этот день дорого обошелся Мамаю.

Благословляемые архиепископом Геронтием русские войска несколькими колоннами, руководство которыми было четко распределено еще в Коломне, двинулись к истокам Дона вдоль границ Новосильского и Рязанского княжеств. Последовало жесткое указание не обижать рязанцев. 5 сентября в местечке Березуй были получены сведения о положении войск Мамая и Ягайло. Появилась возможность, двинувшись за Дон, воспрепятствовать их соединению. Решительно советовали Дмитрию перейти Дон наиболее опытный воевода Дмитрий Боброк-Волынец и пригласившие его князья Ольгердовичи, знавшие нерешительный и коварный характер родного брата (правда, от разных матерей) Ягайло.

Перейдя Дон у устья Непрядвы, русские войска были р
ставлены для боя в ночь на 8 сентября Дмитрием Бобро
Их построение в основном типично для тактики того вре
ни. Центр составил пеший московский «Большой полк»
главе с князем, были выделены сторожевой и передо
полки из отборной кавалерии, призванной сбить первый
тиск татар и отойти в тыл или умереть. По «Задонщине
составе передовых отрядов были и бывшие брянские бо
братья-схимники Пересвет и Ослябя, прсланные препод
ным Сергием, один из которых традиционным поединко
«батыром» Челубеем и начал битву (рис. 38).

Фланги составляли полки правой и левой руки, упир
шиеся в долину Непрядвы и овраги с «Зеленой дубраво
оконтуривавшие узкий участок Куликова поли. С тыла
Дон с переправами через него. Подобное построени
фронтом всего в 2—3 километрах не позволяло тата
реализовать преимущество в легкой коннице и окруж
русских — этому препятствовала Непрядва и «Зеле
дубрава». Новым было оставление сильного резерва
случай прорыва или обхода «Большого полка». Почти тр
состава войска (по некоторым спискам «Задонщины»
70 тысяч человек) была выделена в «засадный пол
спрятанный в «Зеленой дубраве». Командовали им Д
трий Боброк, Владимир Серпуховской и бывший брянс
князь Роман Михайлович. Состоял он исключительно
московской дворянской тяжелой конницы. Полк лев
руки включал союзные белозерские, ростовские, яросл
ские войска. Князь вместе с передовым полком начал б
ву, уйдя из-под великокняжеского «чермного» (черн
или красного) стяга в «Большом полку». Есть, впроч
малодостоверные данные о присутствии в этом полку е
одного «брянца» — князя Глеба. Если это все же прав
то он мог быть либо братом умершего в 1357 году в Бр
ске Василия Ивановича, который мог быть брянским к
зем какое-то время между 1357 и 1372 годами и прав
либо под рукой Смоленска, либо Литвы. Второй реальн
персонаж исторической сцены данного региона второй
ловины XIV века, погибший на Ворскле, — Глеб Свя
славич Смоленский. Но когда он мог (и мог ли вооб

занимать брянский стол до Куликовской битвы — вопрос открытый.

Полком правой руки, примыкавшим к Непрядве, командовал Андрей, а резервом — Дмитрий Ольгердович Брянский.

Татарские разведчики установили огромную численность русского войска, даже не видя спрятанный «засадный полк», и советовали Мамаю ждать Ягайло. Однако этого темника или обуяла «гордыня», или он узнал об активизации хана Белой Орды Тохтамыша и захвате последним Сарая.

Во всяком случае, в шестом часу туманного субботнего утра дня Рождества Богородицы (8 сентября) татарско-кавказская конница обрушилась на центр, была отбита, но, развернувшись и уничтожив полк левой руки, вышла к переправам через Дон. Пало великокняжеское знамя, но воины знали, что князя под ним нет — предвидя этот исход, Дмитрий покинул его еще в начале боя. Почти полностью был уничтожен и «Большой полк». Фронтом к татарам, тылом к Непрядве развернулись полк правой руки Андрея Полоцкого и запасной — Дмитрия Брянского. Погибло почти две трети русских, но татары обнажили правый фланг и тыл к «Зеленой дубраве». Сражение шло уже шесть часов, воины устали, и удар свежей конницы в тыл решил его исход.

Войска Мамая бросились в беспорядочное бегство, русские преследовали их до реки Меча, где многие татары утонули.

Эта картина битвы у многих историков дополняется живописными подробностями, основанными, например, на булгарских летописях, именами конкретных участников, командиров сторожевых отрядов и так далее.

С другой стороны, в современной историографии иногда высказываются сомнения в достоверности самых живописных, ставших хрестоматийными эпизодах битвы: поединка Пересвета с Темир-Мурзой (Челубеем), переодевание Дмитрия в доспехи рядового воина и уход его из-под великокняжеского знамени. Многолетние палеогеографические и археологические исследования, проведенные в конце XX — начале XXI века учеными Музея Куликовской битвы и Государственного исторического музея, поставили под сомне-

ние известный по письменным свидетельствам гигантский масштаб битвы. Если до этих работ считалось, что русские войска занимали по фронту 8 и в глубину — 5 верст, а боевые порядки монголо-татар вообще растянулись на 10—12 верст, то исследования древнего рельефа местности между Доном, Непрядвой и Смолкой выявили пригодный для построения русских войск участок длиной всего 600 метров и даже чуть меньше в глубину. Территория, на которой, судя по находкам воинских артефактов, происходило само сражение, находится к югу, а не к востоку, как считается традиционно, от русского строя и занимает площадь менее чем 1×1 километр. Как считают исследователи, на предполагаемых позициях могли разместиться 9—10 тысяч русских воинов с учетом пехоты или, по мнению О.В. Двуреченского, только 6—7 тысяч тяжелой кавалерии, ибо только из нее состояло боярско-дворянское войско Дмитрия Ивановича. Само же сражение состояло из повторяющихся «волн» встречного кавалерийского боя.

Но как бы ни проходило сражение, Мамаю удалось спастись и даже собрать уцелевших воинов, чтобы мстить Дмитрию, распустившему к этому времени свои войска.

Однако на него напал новый хан Золотой Орды — Тохтамыш — и на реке Калка уничтожил остатки Мамаевых войск. Сам Мамай бежал в Кафу, где был убит своими бывшими союзниками — генуэзцами. Тохтамыш заключил мир с Дмитрием Московским, как с врагом своих врагов — Мамая и литовцев. Русским победа далась нелегко.

Источники свидетельствуют о 153 тысячах убитых. Эта цифра намного преувеличена, однако можно говорить о гибели трех четвертей всех русских сил. Добивали отставших и раненых при возвращении осмелевшие воины Ягайло и Олега Рязанского. Сам Олег в испуге бежал в Литву. Но «брянцам» повезло — они составляли те части русского войска, которые вступили в битву в ее конце.

Ближайшим итогом битвы стало безоговорочное признание Дмитрия старшим князем всеми русскими землями, даже Рязанью. Новгород ненадолго смирился с этим после совместного похода русских сил в 1386 году, а Кейстут (стратегически) и Ягайло (тактически) пошли на уступки

Дмитрию. Однако конца татарского ига Куликовская битва не означала. Наоборот, Тохтамышу удалось временно объединить и усилить Золотую Орду.

Куликовская битва положила начало освобождению от ига Золотой Орды и объединению русских земель вокруг Москвы. Но натиск Литвы на восток продолжался еще долго. Особое морально-психологическое значение Куликовской битвы было в том, что она показала русским — они могут бить татар при равных силах и могут справиться с любым врагом, если объединятся. Историки называют эту битвы первой народной победой Московской Руси. В этой связи Куликовская битва как бы открывает ряд крупных, судьбоносных событий военной истории, которыми богат рубеж XIV—XV веков.

Однако для Брянска с политической «внутрирусской» точки зрения выигранная битва не означала победы. Если до нее четыре княжества-государства претендовали на то, чтобы быть объединителями России (Московское, Тверское, Смоленское, Брянское), то после Куликовской битвы осталось одно — Московское. Впрочем, последнее положение иногда вызывает возражения в современной литературе: вопреки мнению подавляющего большинства русских историков, считает А.Б. Широкорад, политическое значение Москвы после Куликовской битвы не только не возросло, но и значительно снизилось со времен Ивана Калиты. В доказательство этому приводится несколько фактов: возобновление уплаты дани в Орду с 1383 года, отправка заложником в Орду сына Дмитрия Василия, поражение московских войск во главе с сыном Андрея — Вингольтом и, наконец, заключение равноправного договора с Тверью в 1399 году. Однако в 1383 году Тохтамыш признал Дмитрия великим князем Владимирским, то есть главой всех князей с правом сбора дани в пользу Орды. В 1385 году Василий бежит из Орды через литовские земли и попутно заводит знакомство с будущим великим князем Витовтом, а у Тохтамыша все еще остается в заложниках сын Олега Рязанского Радослав.

Коломна была вскоре вновь захвачена Москвой, а в 1392 году Москва получает от Тохтамыша ярлык на боль-

шое Суздальско-Нижегородское княжество, получает Муром и Тарусу. Формально равноправный договор с Тверью (в отличие от «мира» 1375 года, подписанного и Романом Брянским) делал Тверь если не другом, то и не врагом, как раньше, а нейтральным наблюдателем и в ходе московско-литовских войн начала XV века, и во время нашествия Едигея на Москву в 1408 году, когда в ответ на требование Едигея подвезти к Москве пушки тверской князь просто «опоздал» (как в свое время литовско-русская рать Ягайло на Куликово поле). Еще более парадоксальна точка зрения Л.Н. Гумилева, который вообще считал, что Дмитрий помогал законному владыке Орды Тохтамышу против узурпатора и мятежника Мамая, в войске которого потому и был всякий «сброд», а не честные, верные законному хану татары. И Москву Тохтамыш не брал, а освободил от литовских захватчиков, а затем покарал их предводителя Остея и его сторонников. Впрочем, Брянска все эти события не коснулись, ибо он входил в состав Великого княжества Литовского.

3. Завершение присоединения всего Брянско-Деснинского региона к Великому княжеству Литовскому и катастрофа на Ворскле

В событиях 1379—1380 годов, описанных выше в разделе о Куликовской битве, Дмитрий Брянский и Андрей Полоцкий еще выступают как главы суверенных княжеств, и их борьба на стороне Дмитрия Московского против Мамая не расценивается как предательство Великого княжества Литовского, ибо принадлежность их к данному государству никак не была закреплена юридически. Наоборот, эти князья, скорее всего, приносили присягу и заключали договор с городовой общиной во главе с боярами, и если ранее еще не приняли православия и русского имени, то делали и это. И дело не только в возможных «республиканских тенденциях» в развитии Брянска в XIV веке, той борьбе двух группировок феодалов, которая началась в Великом княжестве после 1386 года. В этом году произо-

два события — одно общеевропейского значения, ое регионально-военного. Литовский князь Ягайло в ветствии с актом о персональной унии, подписанным густе 1385 года в местечке Крево, был избран на поль- й престол, принял католицизм, изменил имя на Влади в и женился на королеве Ядвиге, основав династию ллонов, правившую Польшей до 1571 года. Литва вхо а в Европу... Однако это событие не устроило не толь русских князей Рюриковичей и их бояр, но и многих вославных Гедиминовичей. И дело не только в насиль енном распространении католицизма, запрете браков вославных и католиков, наделении сословными приви иями дворян-католиков, но и в том, что Литва стала ростепенной державой по сравнению с Польшей, хотя омально суверенитет не потеряла, но должна была при ть сюзеренитет «короны Польской». Став королем льским, Ягайло сохранил за собой литовский престол и итоге стал вассалом самого себя. Первым восстал Ан ей-Вингольт Полоцкий, герой Куликовской битвы, со нивший связи с Дмитрием Донским и после возвращения Литву в 1381 году и получения обратно своей вотчи — Полоцка — из рук временно захватившего власть йстута. Последний заключает мир с Москвой ценой от за от претензий на Смоленск и верховские княжества и средоточивает все силы для борьбы с Тевтонским орде м. С другой стороны, обороной Москвы от орд Тохтамы а в 1382 году руководит некий литовский князь Остей прочем, Л.Н. Гумилев считает, что литовцы Москву за атили, а союзник и покровитель Дмитрия Донского хтамыш пришел ее освобождать). В 1384 году снова ишедшим к власти после гибели Кейстута Ягайло с Дми ием Донским был даже заключен договор, предусматри вший брак Ягайло и дочери Дмитрия при условии право авного крещения литовского князя и признания им рховенства Дмитрия как «отца». Резкий и тайный (на мом деле готовившийся как запасной вариант еще до ликовской битвы, путем посольства брата Скиргайло в толическую Европу) «разворот» Ягайло лицом к като ической Польше, оставшейся без короля, разозлил Андрея.

Но Дмитрий был далеко, и для борьбы с Ягайло как королем Польским Андрей призывает на помощь магистра Ливонского ордена и смоленского князя Святослава. Все трое начинают военные действия против Ягайло одновременно, осенью 1386 года, но в разных направлениях, что предрекло их поражение. Еще один их потенциальный союзник — Патрикий Наримонтович Стародубский — был приглашен в Новгород Великий, в котором усилились антимосковские настроения, и в борьбе принять участия не мог.

Нам интересны в данном случае действия только Святослава, который, используя ситуацию, решил вернуть Смоленску утраченное в 1359 году Мстиславское княжество, в состав которого входил Мглин и другие западные районы современной Брянской области. Смоленские войска осадили Мстиславль, обороной которого руководил его князь Каригайло Ольгердович. Раздраженные сопротивлением, смоленские полки безжалостно разоряли окрестности Мстиславля, чем привлекли симпатии местных жителей к литовцам. В походе под Мстиславль приняли участие как друзья и давние соратники Ягайло — Скиргайло и Корибут — Дмитрий Новгород-Северский, так и его бывший и будущий противник — Витовт Кейстутович, а также хороший полководец, но не политик, младший брат Ягайло Лугвений (Лингвен) — Симеон. Смоляне были разбиты, князь Святослав погиб, его сын Юрий отправлен в Смоленск собирать выкуп — контрибуцию за себя и своего брата Глеба, которого оставил в заложниках. Затем Юрий правил Смоленском под литовским протекторатом до 1395 года, когда восстал против Литвы в союзе с рязанским князем при показном нейтралитете Москвы, чей князь Василий I Рыжий женился на Софье Витовтовне еще до того, как его тесть Витовт стал великим князем. Дмитрий Ольгердович не упоминается как участник сражения, скорее всего, в 1386 году он еще был в Москве, однако брянцы и трубчане могли принять в нем участие в составе войск Корибута — Дмитрия. Лугвений-Симеон позднее (в 1390 году) стал сам князем Мстиславля, города, который он освободил от осады, затем, как хороший полководец и чуждый политике человек, дважды приглашался в Новго-

род Великий, начавший военную конфронтацию с Москвой, уже в XV веке командовал войсками Витовта под Любутском (1401) и Грюнвальдом (1410).

Смоленск же, хоть и сохраняет княжеский престол, попадает в прямую зависимость от Литвы, а через нее — и короны Польской».

События 1384—1386 годов, как и 1379—1380-го (поездка Скиргайло в «Европу» и обещанная Ягайло помощь Мамаю), ясно выявили особенности политики великого князя Литовского и новоиспеченного короля Польского. Как наследник Ольгерда, Ягайло продолжил восточную политику последнего по дальнейшему присоединению русских земель, но иными средствами и с иными конечными целями. Если Ольгерд старался приобрести симпатии русского православного населения борьбой против Орды и заручиться поддержкой князей, недовольных усилением влияния Москвы, а затем использовать поддержку русских для достижения главных целей — укрепления и расширения западных границ Литвы за счет Польши и ордена и, возможно, даже полной ликвидации немецкого присутствия в некоторых частях Прибалтики, для Ягайло «восточная политика» была самоцелью, причем уже не столько в пользу Литвы, сколько «короны Польской» и своей жены Ядвиги. При этом он предпочитал исключительно силовые методы, используя поддержку польских рыцарей и нейтрализовав орден путем уступок ему за счет западных земель Литвы (Тракайского княжества). В то же время в традициях «беспринципной» политики литовских языческих кунигасов — прагматиков и конформистов — он не брезговал заключать соглашения с главными врагами на востоке — правителями Орды и Москвы, а затем обманывал и тех и других, а заодно и Тевтонский орден.

После разгрома смолян под Мстиславлем один из участников этих событий, самое доверенное лицо Ягайло в переговорах с Западом и его главный соратник в борьбе с Кейстутом — католик Скиргайло — был все же назначен «местоблюстителем» Вильнюсского престола, а заодно и князем Тракайским (то есть владыкой западной части Литвы). После взятия его войсками Полоцка и подавления

мятежа его правителя Андрея-Вингольта в 1387 г Скиргайло в качестве князя Полоцкого стал владыко значительной части русских земель Великого княжест но под верховным сюзеренитетом «короны Польской и ролевы Ядвиги». Повсеместно и в этнически литовски в русских землях стали назначаться польские воево управители, в крепости вводиться польские гарнизоны 1387 году Ягайло с литовскими полками возвращает По ше Червонную Русь, ранее захваченную венграми. С эт периодом связано и возвращение Дмитрия Ольгердови на политический горизонт Великого княжества Литовс го. 16 декабря 1388 года он приносит присягу бывше врагу — Ягайло, именуя его по новым юридическим фо мулам «великим королем Польским». При этом прис приносится не только лично «Владиславу» и «его корол Ядвиге», но и «его детям», а также и «короне Польско в целом, причем не только от Дмитрия, но и его «дете и «потомков». Был ли он в тот момент князем Брянск и Трубчевским — неизвестно, скорее всего, нет, ибо в удельные князья Подесенья того времени — стародубски карачевские, новгород-северские — чеканили свои моне на основе джучидских дирхамов с конца 1370-х по нач ло 1390-х годов, а брянские монеты Дмитрия датируют только 1370-ми годами. Хотя Дмитрий и не участвов в мятеже Андрея Ольгердовича, но Ягайло ему не сто доверяет, чтобы отдать важные пункты на московской рязанской границах. Скорее всего, Брянск и Трубчев входят в состав Новгород-Северского княжества верно соратника Ягайло-Корибута — Дмитрия Ольгердовича Стародубе правит также Гедиминович — Александр Г трикиевич (сохранились даже монеты его чеканки), в К рачеве сохраняется старая династия черниговских Олы вичей, породнившаяся с Ольгердом. Верховские княжест находящиеся между литовскими владениями, Москвой, С дой и Рязанью, выжидают.

В самом Великом княжестве приход к власти «подручн ка» польского короля и начавшаяся полонизация стра вскоре вновь вызывает междоусобную войну. На этот р в конце 1389 года ее начинает Витовт, который еще ран

в 1387 году принимал у себя наследника Дмитрия Донского Василия Дмитриевича, бежавшего из Орды через Литву. Однако в своей борьбе он опирается на помощь не Москвы (хотя в 1391 году и отдает дочь Софию замуж за Василия Дмитриевича), а Тевтонского ордена и в итоге добивается от Владислава-Ягайло признания себя великим князем Литовским. Вся эта борьба проходила далеко от Брянского края и никак его не затронула, а вот последствия...

Во-первых, чтобы удовлетворить не столько вильнюсского «местоблюстителя» Скиргайло, сколько его сюзерена и покровителя короля Польши, Витовт создает для него на востоке Великого княжества своеобразное субгосударство — «княжество Русское» со столицей в Киеве. В его состав входят также Чернигов и Переяславль.

Во-вторых, поскольку новгород-северский князь Корибут-Дмитрий отказывается помогать Витовту, тот лишает его престола и передает княжество Федору Любартовичу Волынскому. Волынь же отходит самому Витовту.

В-третьих, поскольку Брянск и Трубчевск в «Списке русских городов дальних и ближних» названы городами «киевскими», они, скорее всего, вошли в состав «Русского княжества» Скиргайло (в Стародубе правила своя ветвь Гедиминовичей, и он назван «литовским»).

Едва только утвердившись на троне и остановив вместе с Ягайло натиск обманутых им тевтонских рыцарей, Витовт примерно с 1395 года стал проводить независимую внешнюю политику, а внутри страны — реформу власти. Он стал «перетасовывать» князей, независимо — Гедиминовичей или Рюриковичей, католиков или православных, стремясь ослабить их власть на местах и превратить из полунезависимых и наследственных в «служебных», а где возможно — и вообще заменить их наместниками. Так, в 1395 году он заменяет Юрия Святославича в Смоленске на его брата Глеба, с которым имел личные контакты, пока тот находился у него в плену после сражения под Мстиславлем, а Юрий был женат на сестре его противника и представителя польского короля Владислава-Ягайло в Литве — Скиргайло. Правда, Глеб не оправдал его надежд, не пустив в Смоленск литовский гарнизон и самого

Витовта, был обманом захвачен и лишен смоленского престола. Какое-то время там вообще не было князя, а правили наместники Витовта, а затем, после встречи в этом городе Витовта и Василия Московского по инициативе митрополита Киприана, был найден компромиссный вариант управления — в качестве наместника поставлен давно уже «бывший» брянский князь Роман Михайлович из Черниговской ветви Рюриковичей — Ольговичей. С середины 90-х годов князья приносят присягу уже не «короне Польской», а лично ему, Витовту, как великому князю, «господарю», а в перспективе, к чему он стремился всю дальнейшую жизнь и чему подчинил всю политику, — королю Литвы. Сразу после смерти Скиргайло (точная дата неизвестна, не позже 1397 года) «княжество Русское» ликвидируется, хотя и не навсегда, его земли дробятся. В итоге Дмитрий Ольгердович вновь получает Брянск, а возможно, и Трубчевск.

В эти годы также оказываются под литовским сюзеренитетом, пока с сохранением династий, но с принесением присяги Витовту, Карачевское и четыре-пять верховских княжеств.

Единственный, кто оказал ему сопротивление, был младший из Ольгердовичей — Свидригайло (Швитригайло), сам в дальнейшем претендовавший на корону Литвы и Руси. Смоленский князь Юрий, который вначале помог Витовту подавить мятеж Свидригайло (1393), а когда Витовт «отблагодарил» его отстранением от престола Смоленска (1395), все же решил с помощью Рязани (Москва отказалась от этого) добиться независимости своего княжества, что ему на время удается, но уже после сражения на Ворскле. Новгородцы выгоняют ставленника Витовта-Симеона — Лугвения Мстиславского и начинают вести себя по отношению к Литве (впрочем, и Москве тоже) весьма вызывающе.

Витовта во многом спасают установившиеся ранее дружественные контакты с Василием Дмитриевичем Московским, женатым с 1394 года на его дочери Софии. Во-первых, Москва отказывается от поддержки смоленского князя, несмотря на прямые просьбы последнего, и тот бежит в Рязань.

На его место по согласованию с Василием I в 1397 году назначают в качестве наместника Витовта Романа Михайловича Брянского, и он переезжает в Смоленск с женой и брянскими боярами. Во-вторых, против Новгорода в 1397—1398 годах предпринимаются совместные демарши, основанные на якобы незаконных его договорах с Ливонией. Готовится совместный двойной удар по северной республике, но в итоге против нее выступает, причем безуспешно, только Москва. Подготовленные для похода на Новгород войска Витовта летом 1399 года отправляются на другой «фронт» — татарский.

Сражение на Ворскле поражает тремя сторонами — своим масштабом, более крупным, чем ранее прошедшие сражение на Синих Водах и даже, возможно, Куликовская битва и еще предстоявший Грюнвальд; своей малоизвестностью как в России, так и в Западной Европе (исключения — Украина, Польша, Литва); разнобоем оценок причин и последствий этого сражения.

Начнем с последнего. Упомянем только две крайние точки зрения. Причина — попытка татарских ханов Едигея и Темир-Кутлука напасть на южные русские земли Литвы, разграбить их, захватить Киев. Витовт и его огромная разноплеменная армия должны были защитить эти земли на их южной естественной границе — реке Ворскле. Последствия — гигантское поражение литовцев и разорение русских земель с угоном сотен тысяч плененных «аж до Луцка на Волыни». И эта точка зрения, между прочим, присутствовала в черновом варианте школьного учебника «История Брянского края с древнейших времен до конца XVII века». Но мнение рецензента сыграло свою роль, и оценка причин изменилась на более верную, хотя и не до конца проработанную.

А причина была в попытке Витовта поставить в Орде своего ставленника и подчинить ее своей политике. Ставленник этот — изгнанный из Орды после поражений от Тимура в 1395—1396 годах хан Тохтамыш, обещавший Витовту в случае удачи полное подчинение. В таком случае держава Витовта увеличивалась бы вдвое, а Москва, как данница Орды, становилась его субвассалом. А Тохтамыш

мог выполнять свои обещания. В 1391 году в благода ность за помощь в битве против Тимура на реке Кондур и в обмен на некоторую сумму денег хан передал моско скому князю «права» на несколько княжеств, включая т кое крупное, как Суздальско-Нижегородское и хоть и м ленькое, но важное для нашей темы Тарусское — сам северное среди верховских из состава бывшей Черниго ской земли. Последствия неудачи Витовта и Тохтамыша Ворскле были столь же грандиозными, как и цели. Бы сорван совместный с Москвой поход на Новгород, так к собранное для этого огромное литовско-русское войско (том числе брянцы) по проискам Тохтамыша было повер нуто на юг. Новгород сохранял свою независимость ещ 80 лет и в итоге достался не Литве, а Москве. Войска ли товско-русских земель потерпели такое страшное пораже ние, что Витовт в 1401 году согласился по Виленской уни считать Литву единым с Польшей государством, что не по высило его авторитет в русских землях, как Литвы, так независимых (в том же Новгороде, Пскове, Рязани). Тата ры же продолжали безнаказанно грабить русские земли кому бы они ни принадлежали — Литве, Москве, Рязани угоняя сотни тысяч пленных — еще три с лишним столетия

В военной истории сражение на Ворскле «не котирует ся», так как длилось оно недолго и никаких новых такти ческих решений предложено не было. Зато последстви (отрицательные для Литвы) имелись значительные. По этому кратко опишем его. Сборным пунктом огромной раз ношерстной армии стал хорошо укрепленный Витовтов Киев. В состав армии, вышедшей 18 июля 1399 года и Киева на Ворсклу, входило несколько десятков тысяч че ловек во главе с пятьюдесятью князьями, отряды польски и немецких рыцарей, валахи, татары Тохтамыша. Арми шла медленно, так как везла с собой на волах несколь десятков орудий, да и от уверенности в неизбежной победе Поэтому и прибыв на Ворсклу, не озаботились какой-либ расстановкой сил, оставаясь в походном «таборе». Лиш орудия, расставленные на высоком берегу Ворсклы, лени во постреливали в сторону татар, которых насчитывалос всего 35 тысяч.

Да и откуда было взяться войску большему, если за три-четыре года до этого в грандиозных не по западной, а даже по восточной мерке, сражениях с Железным Хромцом на реках Кондурча (1391) и Терек (1395) (соответственно восточная и южная границы Золотой Орды) полегли десятки, если не сотни тысяч татарских «степных рыцарей». Хоть тогда ордынцы и сражались на стороне Тохтамыша, но затем власть над ними перешла к Едигею. Тимур (Тамерлан) шутить не любил и скидок на единое происхождение и веру не принимал. Курганы из отрубленных голов и здесь имели место.

Тохтамыш бежал к Витовту под Киев, приведя всего несколько тысяч сторонников, а Тимур, посадив на царство в Орде престарелого Едигея и молодого Темир-Кутлуга и взяв всего один русский город — Елец, вернулся на Восток. Его «ждали» походы на Индию, Китай, Оттоманскую империю!

Едигей был инициатором переговоров с несравненно более сильным Витовтом, а молодой Темир-Кутлук рвался в бой. Однако два дня переговоров, когда Едигей делал Витовту уступки, а наутро появлялись новые требования, еще более наглые и беспардонные, убедили его, что битвы не избежать. Союзники, видя уступчивость татар и малочисленность их сил, потеряли всякую бдительность и начали заранее отмечать победу, забыв, что гордыня — один из смертных грехов. Утром 12 августа 1399 года Едигей имитировал фронтальную атаку через Ворсклу, вызвав на себя огонь союзной артиллерии, а Темир-Кутлук тайно переправился ниже по течению реки и ударил в тыл неподготовленному сборному войску. Сопротивления не было. Все потери были за счет неуклонного преследования убегавших до Киева и Луцка. Витовт, Тохтамыш и магистр Тевтонского ордена спаслись, но одних князей пало двадцать! Среди погибших были и герои Куликовской битвы — Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский, и много других русских князей с их боярами и дворянами. А бывшим союзникам — немцам, полякам, литвинам, русским, татарам Тохтамыша — чуть более чем через десять лет вновь предстояло встретиться на другом поле исторической

битвы, меняющей мир, — поле Грюнвальда. Были та представители Деснинского региона, который с этого риода вновь и все чаще именуют Севрщиной.

Раздел второй

В СОСТАВЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГ НАБАТ ГРЮНВАЛЬДА

1. Грюнвальд и Швентойя

Потери на Ворскле были столь существенны (некотор источники говорят о гибели даже не двадцати, а семидеся четырех только «именитых князив», не считая бояр шляхты, польских и немецких рыцарей и русских ополче цев), что десять лет спустя Витовт смог выставить на по Грюнвальда гораздо меньше сил, чем на Ворскле, а за н сколько лет до Грюнвальда проиграл войну, закончив ее своей территории, маленькой Псковской республике (т правда, впервые действовала в союзе с Москвой).

Катастрофа на Ворскле поколебала трон Витовта к по внешне-, так и по внутриполитическим аспектам. Дес тилетний период между Ворсклой и Грюнвальдом характ ризуется военно-политической турбулентностью в Велик княжестве Литовском и на его границах по разным напра лениям. «Набор» этих направлений был разным в 1400-1404 и 1406—1409 годах, с небольшим «перерывом» военной активности на 1405 год.

После Ворсклы авторитет Витовта резко упал и в гл зах его родственников — Гедиминовичей, и подданных ei русских князей, и городовых общин. В меньшей степе это коснулось Польши и Тевтонского ордена, руководит ли и рыцари которых сами участвовали в этой несчастн битве добровольно. Нейтральную позицию занял и Васил Дмитриевич Московский, связанный как брачными узам так и неприязнью к Новгороду и Едигею.

Витовт, как гениальный политик, решил сразу предо вратить главную, как он считал, опасность — поползнов ния Ольгердовичей на вильнюсский престол. Для этого

своим товарищем по несчастью королем Польши Владиславом Ягайло заключает в 1401 году Виленско-Радомскую унию, предусматривающую юридическую форму «присоединения» Литвы к Польше и вечный вассалитет великих князей по отношению к «короне Польской». При этом, однако, постулировалась пожизненная принадлежность, независимая от позиций магнатов и князей Литвы и Руси, престола Великого княжества лично Витовту.

Это имело как лично для Витовта, так и для возглавляемого им государства противоречивые последствия. С одной стороны, ни один из Ольгердовичей, за исключением ранее «обиженного» и весьма амбициозного Свидригайло, не восстал против Витовта, с другой — как недавно завоеванные (Смоленск), так и до этого лояльные к Литве (Псков) русские земли предпочли сопротивление — все-таки католическая «корона Польская» — не православное в своей основе Великое княжество Литовское и Русское.

На первом этапе (до конца 1404 года) Витовт в основном оборонялся, опираясь на помощь Польши, и пользовался показным нейтралитетом Москвы и Орды. Главными его врагами были войска Тевтонского ордена, приводимые в этническую Литву Свидригайло в 1402—1404 годах, и восставшие смоляне, пользовавшиеся в эти же годы поддержкой Рязани и некоторых верховских княжеств и, возможно, тайно — Москвы. Что касается Свидригайло, то хотя он часто осуждается русско-литовскими летописцами за использование помощи ордена, но в этом он прямо следовал примеру Витовта в 1389—1392 годах. Сотрудничество с орденом Свидригайло к тому же начал не сразу, а после Виленско-Радомской унии, бежав в январе 1402 года из Польши в орденскую крепость Торн (Торунь).

В целом обращение к немецким крестоносцам — главным врагам Литвы — в междоусобных войнах на ее территории очень напоминает политику некоторых русских князей, в том числе и прежде всего Деснинского региона — к помощи «диких» половцев в 90-х годах XI и в середине XII столетия. Не более «моральным» выглядит и обращение князей Северо-Восточной Руси к Тохте и Ногаю для военного решения споров между собой в 80-х — начале 90-х го-

дов XIII века, и использование Иваном Калитой и Симео
Гордым военных сил Орды для приведения к покорно
Москве отдельных русских княжеств (Твери и Смолен
в частности).

Летом—осенью 1404 года и Ягайло, и Витовту удал
добиться компромисса с немцами, а Витовт, добивш
высылки крестоносцами Свидригайло в Литву, в сентя
даже пошел на тайное от Польши заключение с орде
Каунасского договора о военной взаимопомощи. Эта
мощь ему была нужна для борьбы с русскими землям
первую очередь с восставшим Смоленском (его поход
этот город в августе 1401 года провалился), а затем
«замаячившей» за ним и Псковом Москвой. Свидригай
покаявшись и принеся присягу Витовту, даже получ
Новгород-Северское княжество Федора Любартович
Брянском и Трубчевском. Это, впрочем, было ошиб
Витовта.

На севере Новгород, выиграв войну с Москвой, в ко
рую из-за его «татарских» амбиций не вступил Вито
фактически стал полностью независимым вплоть до по
жения при Яжелбицах (1456). Не имея сил воевать с Н
городом, Витовт в 1400 году заключает или подтвержд
мирные договоры не только с ним, но и Псковом, Моск
и Тверью.

Однако, едва замирившись со Свидригайло и орден
он наконец усмиряет Смоленск (1404), а в 1406 году г
тается присоединить Псков, который до этого, в 1398 г
тайно обещал «подарить» ливонскому ландмейстерст
Но если Василий Московский смирился с присоединени
к Литве Смоленска, признав ее де-факто, отказав в п
мощи Юрию и проведя в этом городе в 1405 году встр
с тестем Витовтом, то за Псков он заступился. В ит
война 1406—1408 годов, к тому же проигранная, не ул
шила отношений Витовта ни с северными государства
ни с Москвой, которая начала покровительствовать
ленькой республике.

И ему еще повезло, что его зять Василий Дмитриев
Рыжий опомнился так поздно и ранее отверг прямое пр
ложение Смоленска о переходе этого города под власть М

сквы после антилитовского восстания города в 1401 году. Оно было самым первым следствием катастрофы на Ворскле и последней попыткой княжеств литовско-московского пограничья самостоятельно остановить литовскую экспансию на востоке.

В 1397—1401 годах литовским наместником в Смоленске был представитель чернигово-брянской ветви династии Рюриковичей — Роман II Брянский, его бояре составляли гарнизон города «от Литвы». Недовольные литовским правлением, смоляне восстали и убили Романа, перебив и брянских бояр. На помощь восставшие пригласили рязанцев, и один из рязанских князей Радослав, князья Козельска и Мурома повели свои войска на поддержку смолян. И здесь, на границе рязанских владений, у Любутска, Симеон-Лугвений Мстиславский встретил Радослава. В его войске уже были брянцы, с готовностью служившие Великому княжеству Литовскому, в том числе князь Стародубский Александр Патрикиевич. Радослав был разбит и взят в плен (1402), а Смоленск со своим князем Юрием продержался еще два года, но затем пал, Юрий сдался в плен, из которого потом бежал в Москву.

Именно Смоленск и Любутск проявили изменившееся отношение брянцев, в общем, к нетяжелой, особенно экономически, власти литовских «господарей».

Возникает закономерный вопрос: куда смотрела Москва, которая в середине правления Дмитрия Ивановича находилась на пике взлета и в 1370-х годах совершила несколько походов в Подесенье? Для нее в эти годы главной была антиордынская политика, и на защиту Смоленска сил уже не хватало. Рязань же при Олеге была союзницей Мамая, а позже, когда она вмешалась в ход событий (1395), было уже поздно (не исключен, впрочем, вариант попытки создания рязанско-брянско-смоленской коалиции еще в 1356 году — период московско-литовского «равновесия» в регионе). В правление же сына Дмитрия — Василия Дмитриевича Рыжего Витовт просто «переиграл» его, женив на Софье Витовтовне. В итоге Василий «проснулся» только после окончательного присоединения Смоленска в 1404 году и провел против Литвы первый поход 1406 года,

заступившись за Псков, подвергшийся агрессии Витовта. По какой-то причине между 1402 и 1407 годами начал меняться направленность симпатий части князей и жителей пограничных регионов — от Литвы к Москве. Военные действия проходили в так называемых верховских княжествах (по верховьям Оки), но были вначале проиграны Москвой, в том числе и потому, что против москвичей впервые сражались и польские, и немецкие рыцари (отряд комтура Фридриха Цоллерна из Торуни). Впрочем, и на стороне Москвы в этой войне сражались беглецы из Великого княжества Литовского — Юрий Смоленский и Иван Ольшанский (был схвачен при попытке перейти к Василию и представитель Северского края — Александр Патрикиевич Стародубский), а также татары, присланные Едигеем. К Литве присоединили и часть верховских княжеств — Воротынское и Одоевское, а также Мценск, отделив тем самым Подесенье и от Москвы, и от Рязани. Московский же поход на смоленскую Вязьму был отражен литовцами. Псковичи действовали более успешно, вторглись на территорию противника и даже взяли Полоцк, но удержать его не смогли.

В ходе второго этапа этой войны, в 1408 году (в 1407 году было перемирие) часть литовских магнатов, в том числе — князей черниговской ветви, Рюриковичей и Гедиминовичей (шесть человек) во главе со Свидригайло Брянским и брянским епископом, а также бояре «Черниговсъскые и Дебряньскые, и Любутьскые и Рослвъскые» перешли на московские земли, утратив владения в Литве. Во втором этапе войны (1408) в ней не участвовал лучший литовский полководец — Симеон-Лугвений Мстиславский (его снова пригласили в Новгород), зато еще более существенную помощь оказал орден — 1800 латников и Польша (отряд маршалка Збигнева из Бжези). В итоге оба войска не решились вступить в битву друг с другом, и произошло первое двенадцатидневное «стояние на Угре», завершившееся переговорами и миром «по давному». Интересен факт, упомянутый только Тверской, враждебной Москве, летописью. Именно во время этой «странной войны» татары, «иже которые помогалы князю великому»,

«взяша Бранеск, видя плошество рускых князей». Специалист по этому периоду А.А. Горский считает, что это были союзники Василия, ударившие в тыл литовцам на Угре, дабы передать Брянск московскому союзнику — Свидригайло. По какой-то причине этого не случилось, Брянск вернули литовцам, а уже через два месяца Едигей начал войну с Москвой! Если сообщение тверского летописца — правда, то для этого поворота есть только одно объяснение — Василий не платил Едигею «выход» тринадцать лет, что при ежегодном объеме платежей (7 тысяч рублей) составило 91 тысячу! Едигей раз помог Василию против своего бывшего противника — никакого результата, помог еще... В результате набега Едигею удалось получить контрибуцию с Москвы, захватить которую он не смог, аж... в 3 тысячи рублей, да еще добыча с других русских княжеств. Дальнейшие переговоры для Витовта были облегчены нападением Едигея на русские земли, включая Москву, что заставило Василия пойти на уступки (признать часть приобретений Витовта), а Свидригайло — бежать из Москвы в Орду. Но после подписания Псковского мира в апреле 1409 года этот беспокойный князь был возвращен в Литву (ибо Едигей предложил Витовту союз, который, впрочем, был отвергнут последним). Причина отказа стала ясна чуть позже, когда Витовту удалось посадить на сарайский трон своего подручного, сына Тохтамыша Джелал эд-Дина, участника Грюнвальдского сражения. Но остается главный вопрос: что позволяло Василию Дмитриевичу думать, что его неповиновение Едигею сойдет ему с рук, а помощь последнего в борьбе с Витовтом, в том числе во взятии Брянска, воспринимать как должное?

Ответ, возможно, кроется в событиях конца 1399 года и в их объяснении некоторыми современными татарскими исследователями. В то время, когда хан Темир-Кутлук и эмир Едигей стояли на Ворскле, некий татарский царевич Ейтяк с бывшим суздальско-нижегородским князем Семеном взяли обманом и две недели грабили Нижний Новгород. Василий Дмитриевич, как правопреемник этих князей волею еще Тохтамыша, послал туда большое войско во главе с братом Юрием Звенигородским. Преследуя бежав-

ших противников, Юрий взял четыре «булгарских города», включая сам Булгар и Казань, «в три месяца повоевали всю землю и возвратились домой с большой добычей». Но далее опять непонятно: вернувшийся с Ворсклы победоносный эмир Едигей не предпринял никаких ответных санкций, как будто Булгария не его земля. Но, в общем, так оно и было: Едигей был изначально ханом мангытов (будущих ногаев), узурпировавшим с помощью Тимура власть в Золотой Орде, ханом которой не был, а правил, как до него Мамай, через «марионеток» типа Темир-Кутлука. Булгария, впрочем, лишь периодически входила в состав Золотой Орды, в свое время ханы так же периодически поручали суздальско-нижегородским князьям, чьи владения с ней граничили, приводить ее к покорности Орде. Обязанности этих князей теперь «по наследству» перешли к москвичам. Остальное понятно, кроме участия в походе на владения Василия, на тот момент исполнителя воли Едигея, какого-то татарского «царевича».

Современный татарский исследователь З.З. Мифтахов предлагает следующее решение этой дилеммы. Поход на Булгарию состоялся по прямому указанию Едигея, поскольку там обосновались сторонники Тохтамыша, а в Казани проживала его семья. Действительно, есть данные о том, что сын Тамерлана Джелал эд-Дин был в Булгарии, но позже. Во всяком случае, часть ордынских городов была впервые взята москвичами (новгородские ушкуйники брали и грабили их гораздо раньше — с середины XIV века) именно в конце 1399 года, сразу после Ворсклинского сражения, причем безнаказанно. А это косвенно свидетельствует в пользу каких-то договоренностей между Едигеем и Василием, в том числе и потенциально — антилитовской направленности. Потери при походе Юрия на Булгарию, по некоторым данным, были весьма немалые, и Василий, вероятно, посчитал их заменой ордынской дани и уклонялся от ее выплаты. На поверхности же оказался мирный договор с Литвой, развязавший руки Витовту на западе до 1406 года. Но вернемся в 1409 год. После заключения нового, Псковского договора Москвы и Литвы в апреле этого года вернувшийся в Литву Скиргайло был «прощен» Ви-

товтом, однако владения на всякий случай получил не на московском пограничье, а на самой юго-западной, «польской» окраине Великого княжества — на Волыни. Впрочем, совсем ненадолго — в том же 1409 году он был пойман на переговорах с орденом и посажен под стражу — на этот раз надолго. Едигей, по мнению литовских исследователей, предложил Витовту антимосковский союз, и, хотя последний от него отказался, стало ясно, что Орда временно для него не опасна. Укрепив тыл на востоке, великий князь Литвы вновь мог обратить взоры на запад. А там назревали грозные события, ход которых он же и начал ускорять.

2. Грюнвальд

Грюнвальдское сражение является завершающей из трех великих битв с иноземцами (не считая русско-литовские конфликты, которые на тот период можно считать фактически «внутренними») рубежа XIV—XV веков, в которых, хотя они и происходили в разной степени удаленности от Брянского края, самое активное участие приняли его представители.

Объединившись, три славянских народа — поляки, русские, чехи — вместе с литовцами и даже татарами остановили немецкий «дранг нах остен» — «натиск на восток» в июле 1410 года. А ведь до этого тевтоны уже захватывали восточнославянский Полоцк (в 1288—1306 годах), освобожденный литовцами, неоднократно покушались на независимость Пскова — последний раз непосредственно перед Грюнвальдом, в 1408 году, когда Витовт «сдал» его, не владея им, немцам, чтобы он не вмешался в ход московско-литовской войны 1408 года.

Предыстория такова. О прибытии немцев в юго-восточную Прибалтику и их успехах к 1409 году свидетельствуют много орденских, русско-литовских и польских источников.

Покорив большую часть балтийских и полабских славян (929—983 годы и 1147 год — начало XIII века) немцы на рубеже XII—XIII веков образовали на землях ливов и зем-

галов два государства: архиепископство с центром в основанном ими городе Рига и орден меченосцев с центром в Вендене. В 1219 году к агрессии присоединились датчане, основавшие город Дан-Линн (Таллин) в Эстонии. К 1230 году польский мазовецкий князь Конрад (по совету, кстати, своей жены русской княжны Агафьи) пригласил на границу своих владений с землями язычников-пруссов, нападавших на Мазовию, часть основанного еще в 1118 году, во время Крестовых походов в Палестину «бородатых братьев немецкой нации ордена Пречистой Девы Марии», проще — Тевтонского, для покорения пруссов.

Для всех западных и восточных славян (великороссов, украинцев, белорусов) название «Грюнвальд» звучит как набатный колокол. Ежегодно эта дата отмечается костюмированным праздником в Польше, Литве, Украине. Приезжают на этот праздник и представители России, в которой в 2010—2011 годах прошло как минимум две международные конференции (в Санкт-Петербурге и Брянске), а также в Стародубе, с помощью Стародубского казачьего полка и руководства района и лично — краеведа В.М. Пуся — состоялся даже костюмированный фестиваль реконструкции. И это неудивительно, что был выбран Стародуб — его хоругвь в составе почти тридцати русских хоругвей приняла самое активное участие в битве. Брянцы, кроме того, были в составе еще Мстиславской хоругви Симеона-Лугвения (частично — в Смоленской области), Новгород-Северской хоругви (сейчас ее большая часть — на Украине, но трубчане участвовали в битве в этой хоругви Сигизмунда-Корибута), и сами брянцы — в одной из личных коронных хоругвей князя Витовта. Так что Грюнвальд, безусловно, нельзя оторвать от военной истории Подесенья, в том числе и его брянской части.

В свое время, отняв у русских в XIII веке полоцкие и новгородские владения в землях латгалов, ливов и эстов, немцы шагнули на коренные русские земли, захватив в 1240 году Изборск и Псков, а в 1288 году Полоцк. Правда, в 1242 году Псков отбил Александр Невский, а Полоцк в 1306 году литовский князь — язычник Витенес. Интересно, что жители последнего помогали язычникам в

борьбе против католиков-немцев, хотя те тоже были христианами. Так что Грюнвальд — не первый пример боевого сотрудничества русских с литовцами — оно продолжалось весь XIV век, как в рамках Великого княжества Литовского и Русского, так и при поддержке Псковской республики. Поэтому русские уже были морально подготовлены к военному союзу, хоть и с католиками, но славянами — поляками и чехами.

В сражении приняла участие пятьдесят одна «польская» хоругвь Ягайло-Владислава (для литовцев он так и остался Ягайло, для поляков-католиков был Владиславом), включая две чешские (с участием будущего главы гуситов Яна Жижки) и пять западнорусских хоругвей бывшего Галицкого и части Волынского княжеств (рис. 40). Сорок литовских хоругвей (включая пять—семь татарских (рис. 41) во главе с ханом Джелал эд-Дином и почти тридцать западнорусских — будущих белорусских, украинских, великорусских (но тогда такого деления еще не было). У тевтонов, мобилизовавших все силы орденов — Тевтонского и его ландмейстерства — Ливонии, включая иностранцев, приехавших из разных немецких земель, англичан (хоругвь Святого Георгия), французов, которые прибыли из религиозного рвения, скуки или ради добычи. Этому способствовал и затянувшийся перерыв в Столетней войне, и рыцари боялись «потерять форму». Всего было шестьдесят хоругвей плюс уже не впервые примененные в полевом сражении артиллерийские орудия и аркебузы (рис. 52).

В польско-литовской армии сравнительно небольшое количество этнически литовских и жмудских хоругвей объясняется большими потерями в сражении с татарами на Ворскле в 1399 году, а также тем, что княжество только называлось Литовско-Русским, а на самом деле было русско-литовским. Большее же число татарских хоругвей также объясняется Ворсклой — после неудачной попытки Тохтамыша с помощью Витовта воцариться на троне Золотой Орды все его сторонники перешли в Литву, получили там место для кочевий (как раньше русские «свои поганые»), но приняли вассальную присягу Витовту, в том числе и сын Тохтамыша хан Джелал эд-Дин.

Но если в количестве хоругвей сходятся все источники (польские, немецкие, литовско-русские; российские об этом не пишут ничего), то в количестве воинов имеется огромное расхождение — от 18 тысяч в союзной армии и 16 тысяч в «крыжацкой» армии (минимум) до, соответственно, 90 тысяч в союзной армии и 63 тысяч — в немецкой. Объясняется это следующим. Хоругвь не была четко установленной воинской единицей и могла насчитывать от 100 (даже 60) до 1000 человек (в среднем 200—400 воинов). Для объективности отметим, что точные данные есть только для «иностранного» (английского в основном) «легиона тевтонов» — 1000 человек. Но были в обеих армиях и хоругви по 100 человек — это зависело от размеров земли, княжества и командорства.

Как это всегда бывает в военной истории, свой летописец всегда пытается преувеличить как силы, так и потери противника. Мы выбираем точку зрения польского специалиста В. Миколайчика — 27 (орден) и 39 (союзники) тысяч.

Тактика и вооружение сторон. Грюнвальд чрезвычайно интересен и с точки зрения тактики и вооружения, при этом три полководца союзников не располагали (кроме этнических поляков и двух чешских наемных хоругвей) превосходством, даже равенством в вооружении. Все войска Витовта и командующего русской их частью Симеона-Лугвения Мстиславского уступали в этом плане рыцарям.

Он был и самым способным среди трех союзных полководцев и командира немецких рыцарей, гроссмейстера (Великого магистра) Тевтонского ордена Конрада фон Юнгингена. Не забудем, что он был героем как минимум двух крупных сражений — под Мстиславлем и Любутском и любимым полководцем Новгородской республики. Приняли участие в битве во главе своих хоругвей также два Сигизмунда — сын Кейстута, князь Стародубский, и сын Дмитрия-Корибута, вероятно князь Новгород-Северский. Именно в составе этих хоругвей, а также Мстиславской Симеона-Лугвения и одной из великокняжеских самого Витовта сражались на Грюнвальдском поле уроженцы Брянского края.

Во-первых, сражение произошло на орденской территории, и немецкие рыцари и их немногочисленные союзники явно решили в начале боя занять позиции обороняющихся, причем на голых господствующих высотах. Для этого был повод: Юнгинген располагал артиллерийскими орудиями и отрядами арбалетчиков, поставленными перед рыцарскими хоругвями (штандартами). Кроме того, предвидя атаку кавалерии союзников снизу вверх, он приказал перед своим фронтом выкопать «волчьи ямы» с кольями на дне. Ослабив, таким образом, кавалерию союзников, он рассчитывал затем обрушиться на нее далее сверху, затем смять, окружить и уничтожить русско-чешскую пехоту (этнические литовцы, поляки и татары пехоты, кроме слуг и охраны обоза, практически не имели). И он был прав — атаку начали союзники. Но когда и как? Они, во-первых, не торопились, располагаясь в тенистой низине (а ведь была середина июля!). Рыцари же на холме начали изнывать от жары и рвались в бой (но в этом случае они должны были обойти свои волчьи ямы и не использовать артиллерию, вкопанную в землю).

Поэтому, решив сыграть на честолюбии союзников, Ульрих фон Юнгинген прислал им утром 15 июля два меча, сказав так Витовту и Ягайле: если вы боитесь вступать в бой или не имеете достаточно оружия, я посылаю вам два немецких меча. Оные помещены были позднее на высшей польской воинской награде — кресте Грюнвальда.

Позднее эти кресты получили многие советские полководцы, включая брянцев, и полководец, поляк по национальности, К.К. Рокоссовский.

Что касается западного вооружения (и немецкого, и польского), то оно было одинаковым. Грюнвальд был последним крупным сражением, в котором еще использовался смешанный кольчужно-латный доспех. Различия были только между рыцарями (в том числе братьями рыцарских орденов) и оруженосцами-дворянами и послушниками орденов. Первые носили шлем типа бацинет с закрывающим лицо «остроносым» забралом-хундскугелем («песья морда»), оруженосцы и послушники — такой же бацинет, но без забрала или каску с широкими полями типа «капели-

на» или «шапель». Сверху доспех закрывался гербовым сюрко, у братьев и послушников орденов нашивался крест ордена (у тевтонов черный крест — «крыж», как его называли славяне, отсюда — «крыжаки», у ливонцев — красный крест тамплиеров). У гроссмейстера крест был желтый («золотой» цвет в геральдике) с черной окантовкой.

Наиболее сложным было вооружение литовско-русских воинов: оно могло включать в себя латный доспех до шеи, на голове вместо бацинета либо литовский конический с широкими полями (как на печати Гедимина), либо русский шатровый и даже сфероконический — наследие еще Киевской Руси — шлем. Именно такой, кстати, был найден неподалеку от места битвы — у местечка Миельно. В музее орденского на тот период города Торуни (Торна) хранится оригинальный русский шатровый шлем немецкого образца с креплениями для «хундскугеля», возможно следствие пребывания здесь в начале XV века Свидригайло и его соратников либо участия Торуньской орденской хоругви в литовско-московских войнах 1406 и 1408 годах.

Могли позволить себе магнаты и полный западный доспех. В области западного вооружения это было последнее крупное сражение, где у рыцарей полностью господствовал бацинет с остроконечным, немного загнутым назад шишаком и остроносым забралом. В следующем крупном сражении под Азенкуром (1415) англичане еще пользовались бацинетами, а у некоторых французов были уже полные («готические») доспехи со шлемом «салад». Если этот доспех поставить в собранном виде, он будет стоять даже без человека внутри. Доспех имел высокий нашейник, закрывающий нижнюю часть лица, и шлем «салад» с подвижным или неподвижным забралом и назатыльником. Образцы подобных доспехов могли быть и при Грюнвальде, но лишь у немногих французов.

Французов, впрочем, это новое вооружение при Азенкуре не спасло, даже несмотря на численное превосходство. Английские лучники и рыцари нанесли им сокрушительное поражение. До Тевтонского ордена, Польши и Литвы эти доспехи дошли почти на десятилетие позже, и в дальнейших войнах рыцари этих трех государств воева-

ежду собой и с Россией уже в новинках «модельеров»
оспехам.
ооружение татар XIV—XV веков было подробно опи-
в предыдущей главе, что касается пехоты, то ее во-
ение четко делилось на профессиональное (такое при
вальде было только у чехов и части литовцев и рус-
) — ранние алебарды, глефы, боевые цепы и молоты,
еншперны (рис. 43) и специализированные боевые
ры-чеканы (так называемые гуситские) и ополченче-
(у большинства русских, в том числе брянских пол-
— тяжелые универсальные, в том числе и боевые,
ры (рис. 42), рогатины, палицы-булавы. И русская,
ская пехота имела также либо луки, либо арбалеты
озможно, огнестрельные «ручницы». Преобладали
ы — павезы либо старые, но испытанные миндалевид-
Шлемы — у чехов — пехотные «капелины» либо
ели», у русских — те же старые сферо- или цилин-
конические и новые — «шатровые», что и в кавале-
Об остальных частях доспеха, да и мечах — для пе-
говорить сложно — это зависело от достатка воинов.
собым типом наступательного вооружения, восходя-
, возможно, к чешским или шведским прототипам че-
Польшу (где оно не прижилось из-за господства ры-
тва), стали тяжелые пехотные топоры для рубки или
ола рыцарских лат (рис. 42).
х нет в Московском княжестве, мало в Польше и
е, но много в XV—XVI веках в русских землях Вели-
княжества Литовского и Русского (в том числе и на
итории современной Брянщины). Они тяжелы, что не-
димо для рубки пластинчатых лат, и имеют заострение
хней части, что позволяет ударять в сочленения лат
их пробивать и «поддевать», сдирая. Естественно, их
зя применять против несущейся конницы, но в пешем
когда рыцари «застряли» в русской пехоте (рис. 59),
ие идеальное. Наибольшее количество из регионов
ии их найдено в Брянской области.
од битвы. Несмотря на желание именно немцев, сто-
их на солнцепеке, быстрее завершить противостояние,
годное для них, сражение начала легкая литовская и

татарская конница правого фланга союзников. Это бы разведка боем, так как надо было вскрыть расположе «волчьих ям», и далее легкая кавалерия или обходила или перескакивала. Бомбарды крестоносцев успели д один неприцельный залп, и их прислуга была вырубл саблями и топорами (рис. 41) татарских и литовско-р ских конников. Немецкие арбалетчики, стоявшие за арт лерией, не успели даже дать залпа, как были смяты с ственными рыцарями, с нетерпением ждавшими моме боя. Рыцари в тяжелом вооружении, тем более скакавш вниз по склону, без труда смяли литовско-татарскую к ницу, устремившуюся в 20-километровое бегство. Вит бросился за ними, уговаривая вернуться на поле боя. Р цари, что логично, преследовать отступавших не стали ударили на обнажившийся правый фланг русской пехо Симеона-Лугвения. Три смоленских полка (собствен Смоленский, Оршанский и Мстиславский, в котором бы и брянцы) были уничтожены полностью, но не отступи.

Рыцарский клин (это уже было на Чудском озере) стрял в массе пехоты, у которой было оружие для так рода боя, и бой распался на беспорядочные поедин Была возможность и брянцам апробировать свое нов оружие — бронебойные топоры.

Польские рыцари пока в бой не вступали — якобы н божный Владислав-Ягайло еще не закончил молитвы. итоге здесь первыми, вниз с холма, ударили немецкие р цари. Им удалось вклиниться между поляками и русски где стояли две-три хоругви чешской наемной пехоты (в с ставе которой был и будущий вождь гуситов Ян Жижк Но Ягайло лично пристыдил чехов, и те выровняли ряд

А вот затем настала очередь польских рыцарских хор вей! Удар был такой, что немцы не выдержали и сразу с ли пятиться. Не помогло и введение в бой шестнадца хоругвей резерва, в том числе иностранных.

Бой и здесь перерос в беспорядочные поединки, в не вступили медленно наступавшие русские полки и чешск наемники (рис. 44). Витовт уговорил свою легкую конни и татар вернуться на поле боя. И они ударили в незащ щенный левый фланг и тыл немцев. Вот здесь и пригод

лись татарские арканы и кистени на длинном ремне, спешивавшие рыцарей, и литовские широкие палаши и дубинки, и иное «антирыцарское» оружие (рис. 42, 43, 44). Погибло (по максимальным, явно преувеличенным, данным) 40 тысяч немцев, 10 тысяч было взято в плен, несколько (4 тысячи) бежало в Мальборк — столицу ордена. Несмотря на уговоры Ягайло и Лугвения, Витовт промедлил с отправкой в преследование конницы Джелал эд-Дина, в тогда еще беззащитный Мальборк. А через два дня было поздно — 4 тысячи рыцарей, оруженосцев и кнехтов заняли свое место на стенах орденской столицы. Великий магистр Тевтонского и Ливонского орденов Конрад фон Юнгинген погиб в бою, а орден никогда больше не переходил в наступление на Польшу и Литву.

3. После Грюнвальда: на периферии великих событий. Брянский край и гражданские войны в Литовском и Московском государствах в XV веке

На протяжении XV — начала XVI века Тевтонский орден выдержал еще несколько войн с Польшей, но в итоге потерял половину своих владений, в том числе Мальборк и Гданьск, и стал ее вассалом.

В последней войне с орденом в качестве коменданта пограничной Торуни принял участие знаменитый славянский астроном XVI века Николай Коперник. Отдали свой долг чехам и Витовт с Ягайло. По просьбе гуситов, чей вождь Ян Жижка погиб в бою, Витовт согласился стать королем Чехии, а в качестве своего представителя — наместника прислал трубчевско-северского князя, уцелевшего и на Ворскле, и при Грюнвальде, — Сигизмунда Корибутовича, с войском в основном из Подесенья, благо многие догматы гуситов и православных были более близки славянскому духу, чем католицизм. Но участвовали в борьбе с немцами и венграми на стороне гуситов и польские католические рыцари. Фанатичный католик, и даже не славянин, Владислав-Ягайло смотрел на это сквозь пальцы. Объективно гуситы были его союзники в борьбе с немцами. Да и —

для «критиков» с Запада — на то и польская «шляхетск вольность»! Протянулась от Грюнвальда и Десны ниточ и к южным славянам, под болгарскую Варну. Здесь 1444 году произошло еще одно грандиозное, хотя и мал известное у нас сражение с турками.

В 1444 году венгерский король Владислав (не Ягайл но Ягеллон) собрал с благословления папы римского и исполнение решений Флорентийского собора 1439 года унии с православными и помощи им против турок огромн (до 100 тысяч) крестоносное войско, в которое, кроме ве гров, входили поляки, немцы, возможно — валахи, чехи французы, воины Великого княжества Литовского и Ру ского. Но несмотря на численное превосходство, крест носцы, слишком самоуверенные и мало организованны потерпели в гористой местности под Варной сокрушител ное поражение от войск султана Мурата.

Поразительно, но в музее городка Поморие под Варн сохранился русско-польский пехотный топор XV века, им ющий аналогии именно в Польше, на орденских границ и на Брянщине (в музеях Новозыбкова, Трубчевска и с мого Брянска)!

Однако это все — «дальние» последствия Грюнваль либо события геополитического порядка, последовавш за ним. В Восточной Европе это сражение усилило поз ции прежде всего Польши, и на время (до 1411 года) Подесенье и Брянском крае вместо князей учреждают воеводы и наместники «короны Польской», как при Ски гайло. После совместной поездки в 1412 году Витовта Ягайло по этнически литовским и русским землям прои ходит размежевание владений. Последний, как коро Польский, выводит своих польских наместников из сво литовско-русских вотчин, передавая их Витовту, включа шему их непосредственно в свой домен. Связано это бы и с сокращением количества князей, претендовавших наследственные владения: часть погибла на Ворскле и других войнах, часть перешла в московские земли (Але сандр Патрикиевич Стародубский, например), главный соперник Витовта — Свидригайло — сидел в застен Лишь позднее, в 20-х годах XV века, система полусам

стоятельных княжеств на восточной окраине государства возобновляется — по вполне конкретным тактическим соображениям.

Вначале, в 1410-х годах, Витовт проводил политику лавирования и дипломатии как вне, так и внутри страны. С одной стороны, он пошел на уступки Польше, подписал в 1413 году Городельскую унию, по которой католицизм в очередной раз объявлялся государственной религией Литвы, а сословными привилегиями наделялись (внутри домена Витовта) только дворяне-католики. Только они могли занимать высшие государственные должности. С другой стороны, поляков среди них уже не было, ибо по акту «присоединения» Литвы к Польше Великое княжество объявлялось абсолютно независимым во внутренних делах, а литовские магнаты (возможно!) могли даже принимать участие (в будущем!) в выборах польского короля и совместных заседаниях сейма. Власть же великого князя признавалась наследственной (а не как раньше, по Виленской унии 1401 года, только до конца жизни Витовта). Все это, безусловно, усиливало власть как господаря Литвы, так и лично Витовта и позволяло ему опираться на собственную социально-политическую силу, которая раньше находилась в тени, — этнически литовскую, теперь католическую элиту.

В сфере внешней политики стратегическими целями Витовта была полная ликвидация зависимости от Польши путем приобретения в перспективе королевского титула, ослабление церковной зависимости от Москвы путем создания независимой Литовской митрополии и, возможно, унии с католиками. Уния, впрочем, входила в противоречие с еще одной целью Витовта — объединить все еще независимые и от Москвы и от Литвы русские земли под властью последней, и здесь князь не был особенно настойчив. В связи с последней целью Витовт периодически вмешивался и в дела Орды, стремясь посадить там своего ставленника. Парадоксально, но в сфере церковной политики интересы князя и Константинополя разошлись. Последний был отнюдь не против унии с Римом из-за турецкой угрозы (и сам ее заключил в 1439 году), но предал анафеме вновь

избранного в 1415 году на съезде епископов и правосл
ной элиты в Новогрудке митрополита Литовского, бол
рина Григория Цамблака — патриархат уже был «сь
автокефальными митрополиями, типа болгарской и сер
ской и не хотел новой. Акценты Витовта были расставле
с точностью до наоборот, и Витовт, сам к вопросам ре
гии равнодушный, оставил эту идею. Данному решен
способствовало два события, связанные с главными те
щими заботами Витовта — усилением этнически балтск
составляющей государства при сохранении хороших от
шений и русско-православным его большинством.

В том же 1415 году, когда проходил собор в Новогруд
другой — католический — собор в Констанце осудил
смерть чешского проповедника Яна Гуса, а его учение об
явил ересью. Инициатором этого решения был импера
Германии и король Венгрии Сигизмунд II Люксембу
Позднее, 6 января 1420 года, на сейме Германской импер
во Вроцлаве он оглашает свое арбитражное решение,
которому принимает сторону Тевтонского ордена в его сп
ре с Литвой о Жемайтии и других пограничных балтск
землях. С другой стороны, напуганная перспективами уни
православная знать во главе с князьями-Рюриковича
пинским Александром Носом и Данилой Острожским
1418 году освобождает из заключения Свидригайло Ольге
довича, который до 1420 года укрывается у короля Венгр
и Германии, с 1414 года — фактически — императора, С
гизмунда Люксембурга. Оба события решающим образ
повлияли на политику Витовта и напрямую коснулись Бря
ского края. До этого Витовт и Ягайло уже договорились
королем Дании, Норвегии и Швеции Эриком Померанск
о разделе земель Тевтонского ордена и переселении е
«братьев» на остров Кипр и ввели свои войска на его те
риторию, а тут... К тому же Свидригайло вступил в пер
говоры с орденом. После того как Сигизмунд отказался а
нулировать Вроцлавское решение, а папа римский е
поддержал, Ягайло вновь ввел польские войска на зем
ордена, а Витовт принял предложение гуситов об избран
его на чешский трон вместо Сигизмунда Люксембурга.
его имени чешский престол занял Сигизмунд Корибутов

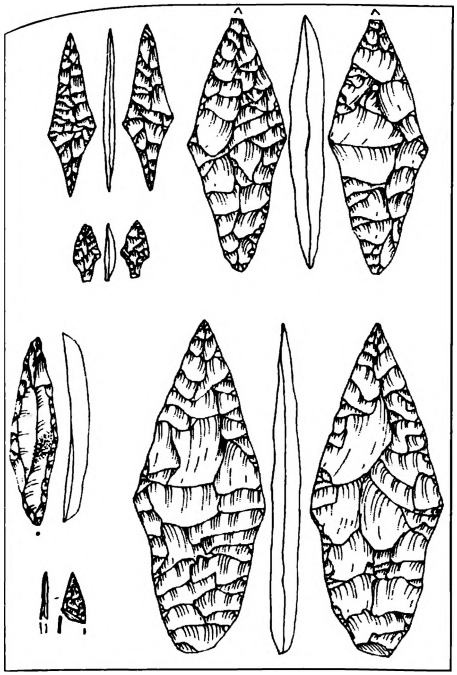
сын бывшего новгород-северского и трубчевского князя, и 16 апреля 1422 года объявил войну императору Германии. Вместе с Сигизмундом Корибутовичем в Чехию прибыл шеститысячный отряд русских православных бояр, которых догмы гуситов о праве мирян причащаться не только хлебом, но и вином отнюдь не смущали. К ним присоединились даже некоторые польские рыцари-католики. После того как Витовт, добившись уступок со стороны империи в деле признания Жемайтии навечно в составе Литвы, формально отозвал Корибутовича из Чехии и вместе с Ягайло демонстративно осудил учение гуситов, сын Корибута, почувствовав вкус власти и войны, с 1424 года стал действовать в Чехии самостоятельно, фактически став правителем умеренного крыла гуситов («чашников»). Ягайло и Витовт даже объявили о военном союзе, направленном против гуситов, но ни одного воина против них не направили и даже тайно продолжили сотрудничество.

Что касается Свидригайло, то его пришлось нейтрализовать, возобновив систему удельных княжеств и передав ему власть над всем юго-востоком русских земель Великого княжества — Черниговом, Новгородом-Северским, Трубчевском, Брянском. Правда, это приближало Свидригайло к Москве, зато максимально отдаляло от границ Тевтонского ордена. В то же время на опустевший после ухода в Москву последнего из литовских Патрикиевых на Стародубский престол был помещен антипод нового чернигово-брянского князя — рьяный католик и сторонник Польши Сигизмунд Кейстутьевич, брат Витовта. Стародубское княжество тогда имело размеры, в несколько раз превышающие современный район, и протянулось от мстиславских границ на северо-западе до Путивля на юго-востоке, переплетаясь с владениями Свидригайло. Приход к власти в Москве в 1425 году регентши Софьи Витовтовны при малолетнем Василии II, внуке Витовта, который стал его опекуном, и переход под его протекторат Рязани и Пронска заставил заключить с ним вассальные докончания ряд верховских князей-Рюриковичей: Новосильских, Воротынских, Одоевских, Белевских. Ряд более мелких княжеств Верхнеокского региона входит в состав Литвы без таких

грамот, а Москве подчиняются еще с конца XIV века только два — Оболенское и Тарусское. В итоге между брянско-северскими землями, Московским и Рязанским княжествами образуется своеобразная «подушка безопасности» от Вязьмы до Новосиля. Ее защиту от татар берет на себя Витовт. Так, в 1422 или 1424 году он посылает на помощь Одоеву, осажденному татарами Куидата, и его князю Юрию Романовичу «подручных» или служебных князей Мезецких. Система действовала хорошо, и на брянских (и северско-деснинских в целом) землях с 1408 по 1500 год татар, да и вообще войн, не было. Это не означает, что правители и бояре региона не участвовали во внешних и внутренних войнах Великого княжества Литовского и Русского, а до него не достигали отзвуки междоусобных войн в Московском княжестве. Могли участвовать брянцы в походах Витовта на Псков (1426), Новгород (1428) и в поддержке малолетнего московского великого князя Василия Васильевича против его дяди Юрия Дмитриевича Звенигородского (1427). Но это только допущения, а достоверно правитель Брянско-Северского края Свидригайло сразу после смерти Витовта в 1430 году спровоцировал войну с Польшей в союзе с орденом, а с 1432 года начался цикл междоусобных войн Свидригайло и Сигизмунда Кейстутьевича Стародубского, завершившийся только с убийством последнего и с приходом к власти в Литве сына Ягайло — Казимира I. Но и при Казимире, в том числе и из-за его прихода к власти (1440), внутренние войны в Великом княжестве Литовском не прекратились, а продолжились с привлечением к ним крымских татар и москвичей (1440 и 1446—1449). Правда, Москва большую часть времени с 1432 по 1454 год сама была занята внутренней борьбой и в дела соседа (впрочем, взаимно) почти не вмешивалась. Единственно — оба государства с готовностью давали приют на своей территории представителям проигравшей стороны. В военно-историческом плане наиболее значительным, причем с достоверным участием представителей Брянского региона является сражение под Вилькомиром (Укмярге) на реке Швянтойя (святая) 1 сентября 1435 года. Это был апофеоз гражданских войн и сражение,

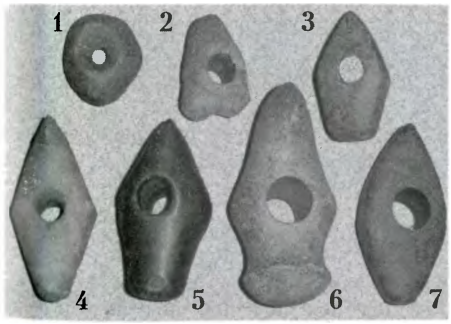
е реально меняет ход истории, но и до, и после него
одили военные действия: впрочем, ни одно из них
едственно Брянский край не затронуло.
одным пунктом первого цикла войн (1430—1440)
ь съезд в Луцке в январе 1429 года и неожиданная
Витовта 27 октября 1430 года во время длительно-
рания государей Европы в Вильнюсе, посвященного
емя откладывавшейся коронации Витовта королев-
ороной. События эти взаимосвязаны и проводились
че политики Витовта по повышению престижа и его
, и руководимого им государства. Огромным успехом
пломатии и результатом выгодной для Литвы внеш-
онъюнктуры стал поведенный под его патронажем и
территории грандиозный международный форум —
в Луцке, на который собрались государи и предста-
и как католических, так и православных стран Европы
е Золотой Орды. От Руси участвовали посланники
рода, Пскова, Москвы, Твери. Кроме самого импе-
а Германии и короля Венгрии Сигизмунда Люксем-
, были представители еще существовавшей Визан-
ой империи, Датско-Норвежско-Шведской державы
кольких более мелких государств, от Ганзы до Мол-
. За счет уступок в главном и для императора Свя-
ой Римской империи и папы римского гуситском во-
е Витовту удалось добиться много: он стал арбитром
льско-молдавских и польско-тевтонских переговорах,
ачен покровителем Рижского архиепископства, а глав-
германский император с согласия короля Польши и
га папы римского Андрея официально предложил Ви-
/ королевскую корону — мечту всей его жизни, для
он, маловерующий человек, даже проводил ранее ин-
ивное окатоличивание этнической Литвы и даже части
ких земель. У Ягайло в этом был свой интерес: на-
ником Литовского королевства после смерти Витовта
овился один из его двух сыновей, а другой еще должен
быть избран (или нет) сеймом на польский престол.
днако это предложение Сигизмунда настолько возму-
членов Польского коронного совета, что польская
ация даже покинула Луцк.

В дальнейшем польские магнаты во главе с канцлером Збигневом Олесницким даже пытались предложить Витовту корону Польши вместо Ягайло. В день Успения своей покровительницы — Девы Марии — 15 августа 1430 года, в присутствии многих монархов Центральной и Восточной Европы Витовт должен был стать королем. Однако дальше поляки действовали просто, но эффективно — они просто не пропустили имперских посланников с короной через свою территорию. Император решил и эту проблему, в Вильнюс прибыл и Ягайло, сын которого должен был наследовать королевский престол Литвы. Однако за время этих проволочек Витовт неожиданно заболел, слег и через десять дней умер. Борьба за трон между двумя родными братьями — королем Польским Ягайло и князем Русским и Черниговским, в том числе и Брянским, Свидригайло началась еще у постели умирающего Витовта. Все преимущества были на стороне самого младшего из Ольгердовичей. В Вильнюсе собралось много православных князей и магнатов Литвы, поддержала Свидригайло и литовская высшая аристократия, только недавно ставшая католической, — для нее была важна независимость и величие Литвы, а уж во главе с католическим или православным государем — дело второе. В итоге владыка брянско-черниговских и всех деснинских земель стал великим князем Литовским и Русским. Ягайло был взят в заложники, что не помешало началу военных действий между еще недавно близкими союзниками в Подолье, спорном между Литвой и Польшей. Литовские католики в этом противостоянии выступили на стороне Свидригайло, видя в нем естественного продолжателя дела Витовта в борьбе с польской гегемонией. Даже император Германии не оставил мысли сделать господаря Литвы королем взамен на предложенный Свидригайло военный союз с Тевтонским орденом антипольской направленности. Кроме ордена, в союз со Свидригайло вступили православное Молдавское княжество, Тверь, Новгород и Псков, велись переговоры с гуситами, ему оказывал помощь хан Улу-Мухаммед. Литва во главе с православной элитой могла стать притягательной для всех антикатолических сил, с одной стороны, и тех

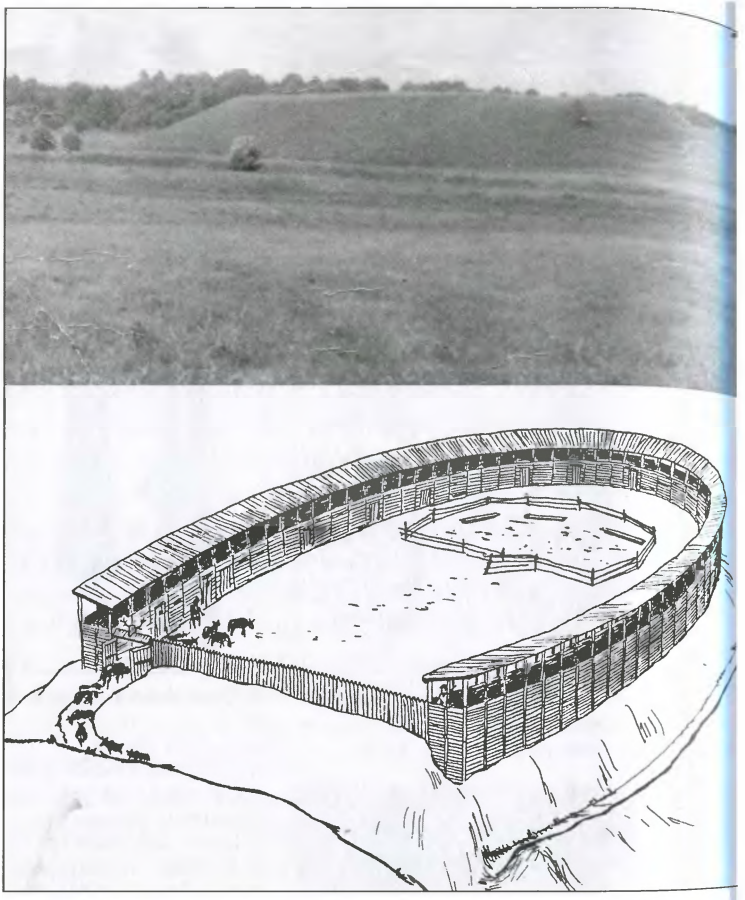


1. Неолитические наконечники стрел, дротиков и копий. Стоянка Курово-8 на р. Судость. *Раскопки и зарисовки автора и А.А. Чубура*

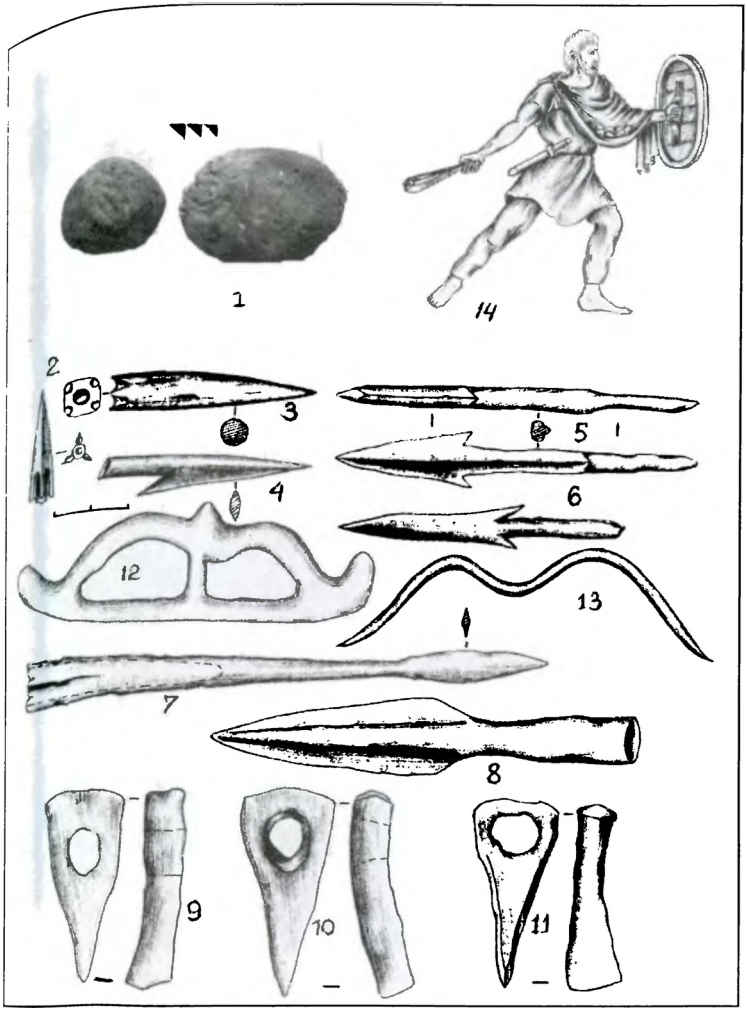
2. Сейминско-турбинский бронзовый наконечник копья поволжско-приуральской сейминско-турбинской культуры. Случайная находка на р. Ипуть. Брянский областной краеведческий музей. *Фото А.А. Чубура*



3. Каменные сверленые боевые топоры и булавы эпохи бронзы из Брянского Подесенья. Брянский областной краеведческий музей. *Фото А.А. Чубура*



4. Городище раннего железного века у с. Случевск на р. Судость. *Раскопки и реконструкция автора, рисунок Ю.А. Чемоданова по наброскам автора*

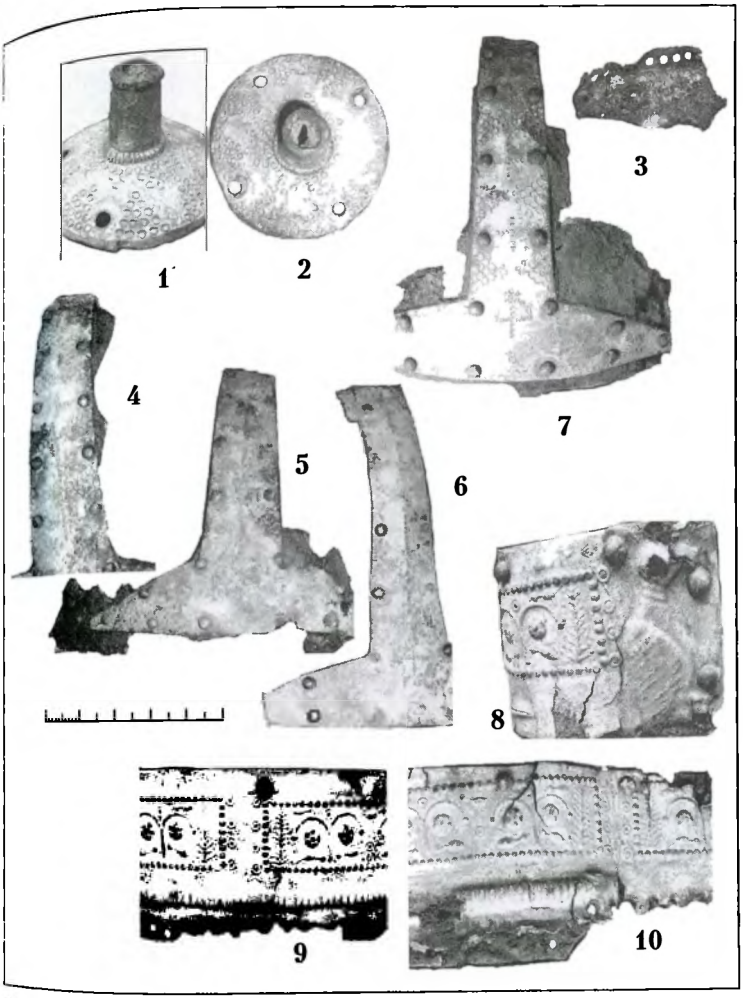


5. Оружие деснинских культур раннего железного века: *1* — глиняные ядра от пращи с днепро-двинского городища Шибенец и юхновского городища Случевск; *2–5* — наконечники стрел (*8*); *7, 8* — железные наконечники копий; *9–11* — железные проушные универсальные топоры; *2, 4, 6, 9* — юхновская культура (городище Случевск (*2, 4, 6*), раскопки автора; городище Рябцево (*9*), раскопки В.П. Коваленко (1981 г.); *3, 5, 7, 8, 11* — милоградская культура; *10* — днепро-двинская культура; *12, 13* — бронзовые модели луков из скифских захоронений (такой тип лука использовался и в Подесенье) (из разных изданий и архива ИА РАН); *14* — применение пращи в бою. *Рисунок Д. Каракина по реконструкции и материалам автора*

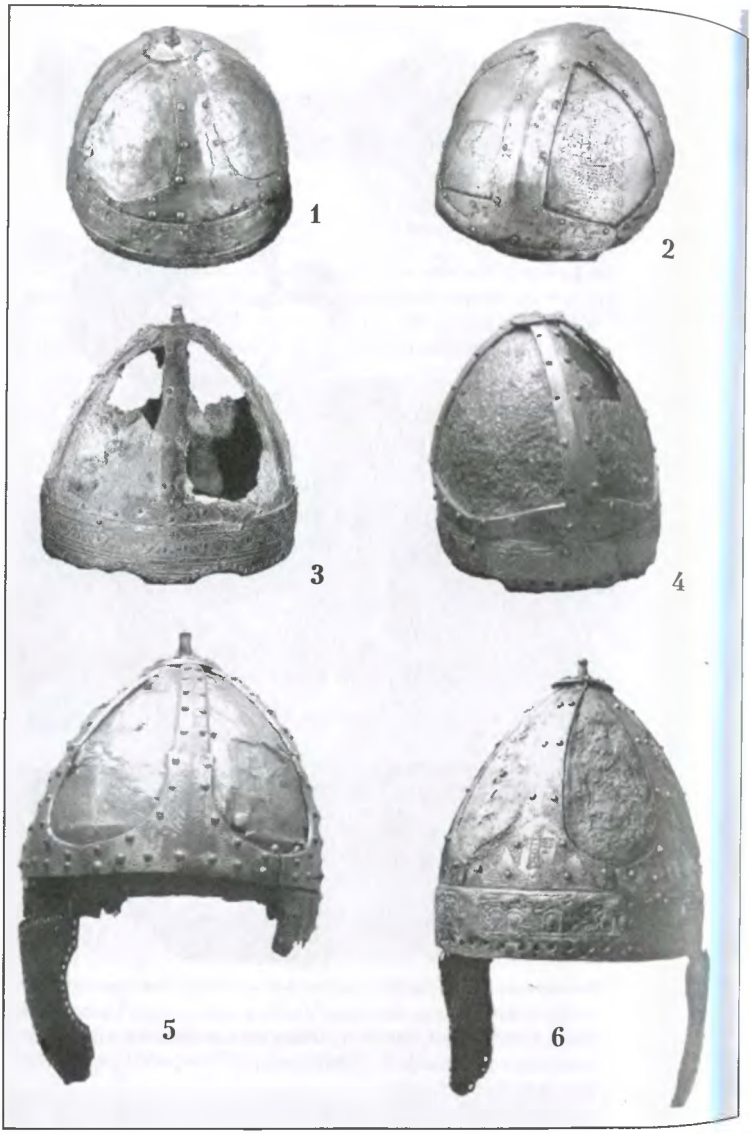
6. Кинжал с железным клинком и бронзовой рукоятью — первый образец железного клинкового оружия в регионе. Выгоничский район. Ранний железный век. Музей школы № 59. *Фото автора*

7. Серебряные позолоченные бляшки-накладки и пряжки в орнитоморфном стиле от поясного и портупейного ремней для привешивания меча (лангобарды или гепиды) конца V — середины VI в. н. э. Находка с верховьев р. Навля. *Фото С. Грачева*

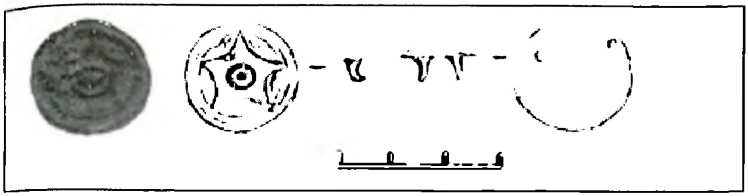
8. Меч-спата конца позднеримского периода либо начала «Великого переселения народов» с р. Коломина (низовья Навли при ее впадении в Десну). Случайная находка местных жителей. *Фото автора*



9. Фрагменты шлема-шпангенхельма конца V — первой трети VI в. из Климовского района, бассейн р. Снов на крайнем западе Деснинского региона: *1–2* — навершие (шишак); *3* — нащечник; *4–7* — ребра каркаса; *8–10* — фрагменты ленты «околыша»



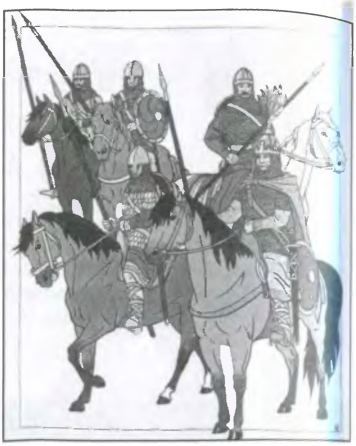
10. Аналоги «климовского» шпангенхельма из Центральной и Западной Европы (Словакия, Германия, Италия — свевы, остготы, алеманны и бургунды): *1, 2* — Дольни Семеровцы (Словакия); *3* — Гераклея Линцестис (Македония); *4* — Сентеш-Берекхат (Венгрия); *5* — Торричелла-Пелигна (Италия); *6* — Штоссен (Германия, Тюрингия)



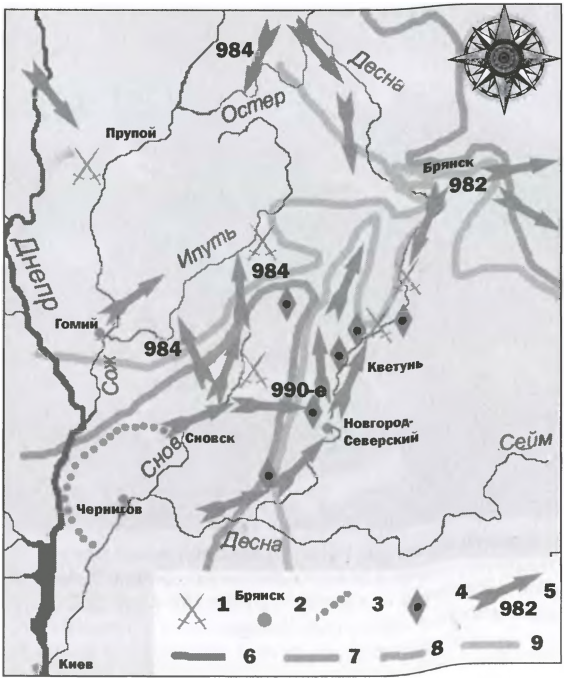
11. Болгарская воинская поясная бляшка с пятиконечной звездой VIII–IX вв. из Хотылево. Случайная находка. Археолого-этнологический музей БГУ. *Рисунок автора.* Опубл. в: *Шинаков Е.А.* Болгарские тамги из средневековых сел на р. Десна // Труды совместной музейно-археологической экспедиции. Вып. 2. Под ред. Е.А. Шинакова, И.Х. Джамбова. Брянск; Пловдив, 2014. Рис. 1, 7.

12. Бронзовые посеребренные накладки VII в. в форме стилизованных львов – возможно, от круглого щита или жесткого всаднического седла – детали германо-антской дружинной культуры. Трубчевский клад 1989 г. Трубчевский краеведческий музей. *Фото А.А. Чубура*

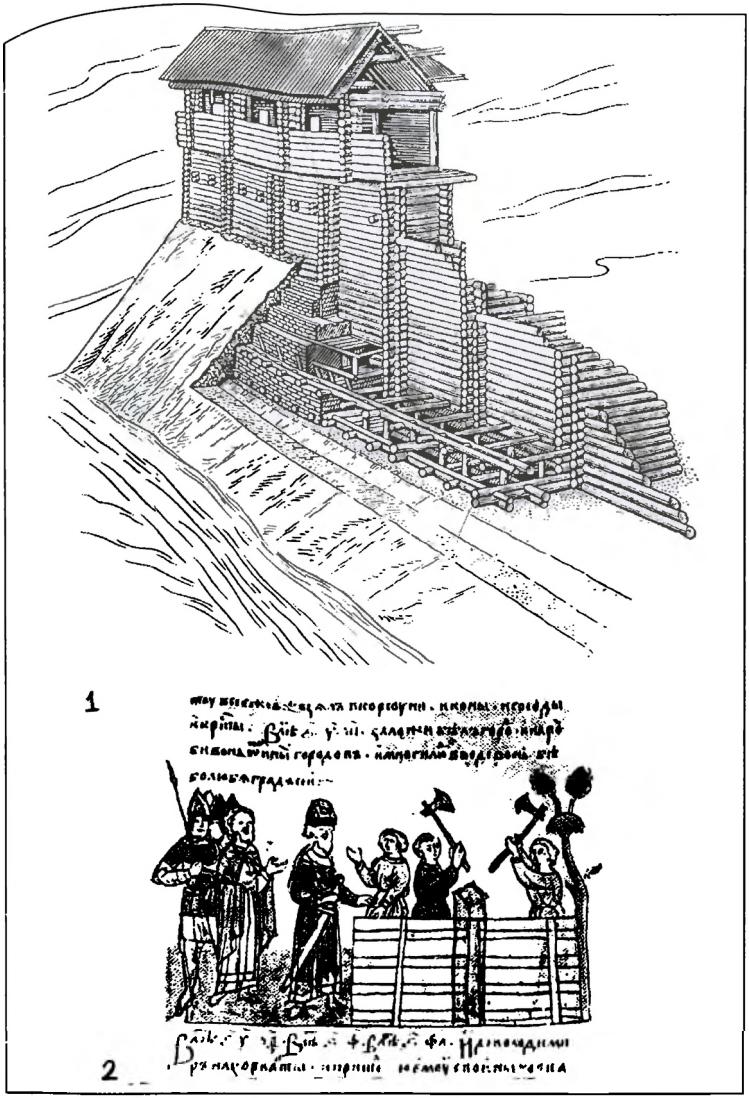
13. Алано-болгарские конные воины (реконструкция автора, рисунок Д. Каракина). Впервые опубликовано в: *Шинаков.* От пращи... 1995. Табл. XXVI.



14. Славянский князь и дружинники X в. в «восточном» и «западных» шлемах. По А. Надольскому (*Nadolski A.* Bron I stroj... 1979. S. 59).



15. Завоевательные походы русов на славянские племена Подесенья: *1* — места битв; *2* — населенные пункты; *3* — основной район распространения русских дружинных и скандинавских древностей в Подесенье; *4* — находки скандинавских вещей; *5* — направление и годы походов русских князей; *6* — границы полян-руси; *7* — границы вятичей; *8* — границы радимичей; *9* — границы северян. *Карта составлена автором, компьютерная обработка А.А. Чубура*

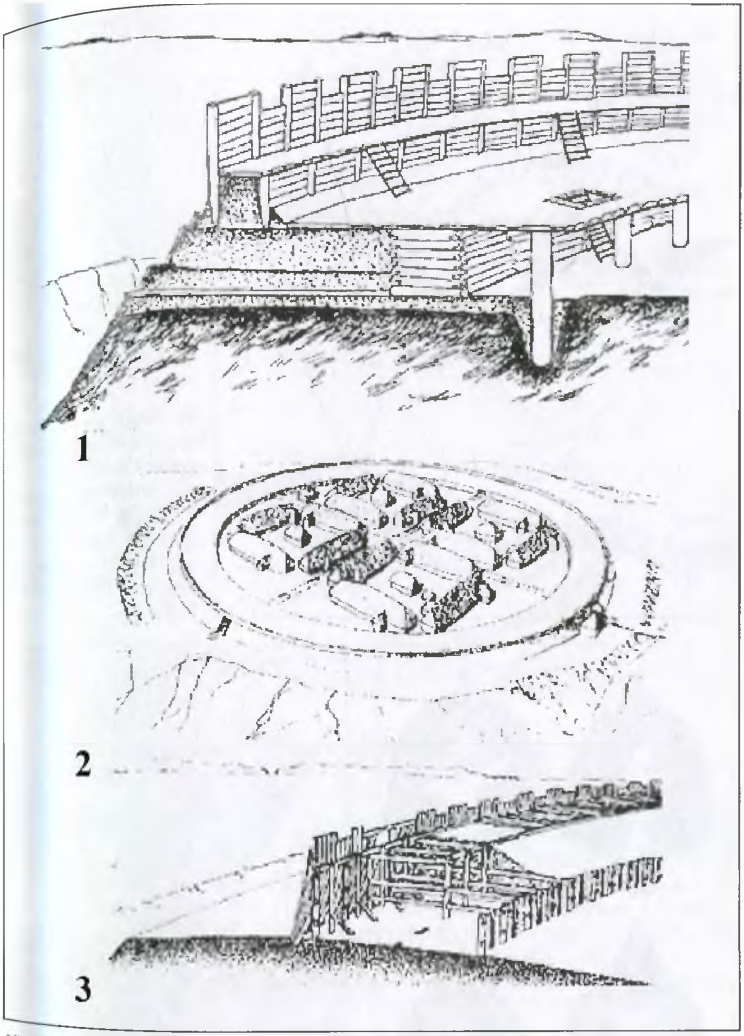


16.1. Градостроительство периода Владимира Святого. Реконструкция М.В. Городцовым и Б.А. Рыбаковым городской стены Белгорода X в. с использованием глинобитных конструкций (Из: Древняя Русь... 1985. Табл. 79: 8). Аналогичные сооружения были обнаружены при раскопках автора в пункте-погосте Левенка под Стародубом, в детинце Стародуба и на городище Чашин Курган в Брянске

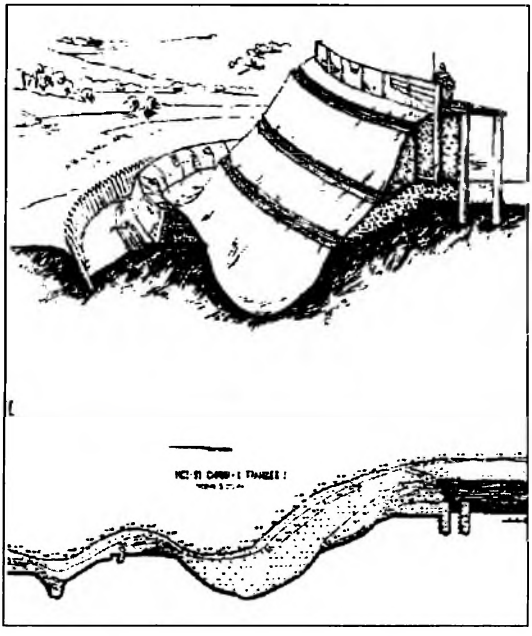
16.2. Строительство городских стен. Видна их основа — «городни». Миниатюра из Радзивилловской летописи

17. Меч из Любожичей, с рукоятью, украшенной в датском еллинг-стиле конца X в. Гос. Эрмитаж. Из кн.: Славяне и скандинавы / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Прогресс, 1986. Также (с прорисью надписи): *Шинаков.* От пращи... 1995. Табл. XXXIII: 2, 3

18. Варяги. Воины варяго-русской гвардии василевсов (императоров) Византии в период ее создания. 80-е гг. X в. Худ. А. Мак-Брайд. По: Byzantine Armies 886—1118. Ed. By M. Windrow. L.: OspleyPub., 1987. Tabl. F.

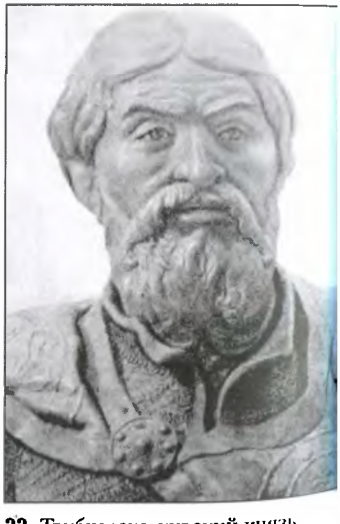


19. План укрепления погоста в с. Левенка (реконструкция автора) и их латский аналог X в. (по Г.С. Лебедеву, 1985). По: *Шинаков.* От праци... 1995. Табл. LV, LVI: 1.

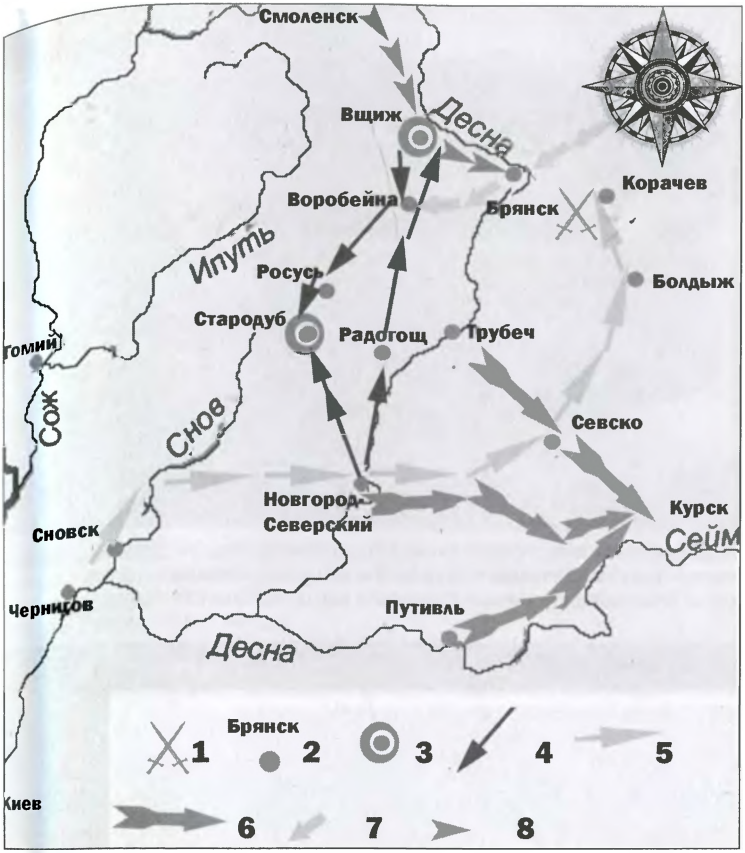


20. Разрез и внешний вид укрепления городища Синин Мост при слиянии Рассуи и Вабли. X–XII вв. (реконструкция автора). По: *Шинаков, Спрашци...* 1995. Табл. LVIII.

21. Шлемы XII в. (*по А.Н. Кирпичникову*, 2009. Рис. 44)



22. Трубчевско-курский князь Всеволод Святославович, участник похода 1185 г. новгород-северских князей. Реконструкция по черепу М.М. Герасимова. Публиковалась неоднократно, у автора: *Шинаков, Лупоядов.* Важнейшие военные 2013. С. 14, рис. 39



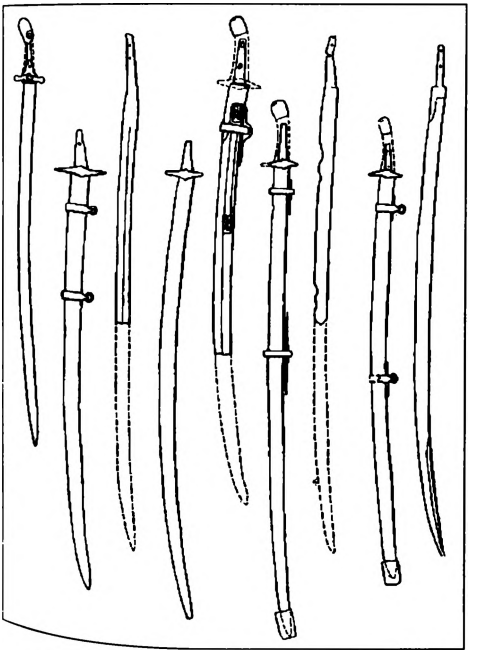
23. Карта феодальных войн и походов на половцев XII в. (реконструкция автора): *1* – места сражений; *2* – летописные центры, упомянутые в книге; *3* – города, неоднократно подвергавшиеся осаде; *4* – «Стародубские войны» 1167 и 1176 гг.; *5* – поход Изяслава Давыдовича с союзниками 1146–1147 гг.; *6* – поход новгород-северских князей на половцев в 1185 г.; *7* – возвращение Святослава Ольговича в Подесенье в 1147 г.; *8* – поход Ростислава Смоленского к Брянску; граница Черниговского и Смоленского княжеств (2 варианта); граница северо-западных рубежей Новгород-Северского княжества, временные и предполагаемые владения его князей в XII в. *Карта составлена автором, компьютерная обработка А.А. Чубура*

24. Перекрестие меча с солярным орнаментом из Осовика — крайней на черниговском порубежье смоленской крепости, по разным версиям — города «Заруб» или «Села княгини Рогнеды». Случайная находка. *Фото В.О. Пискунова*

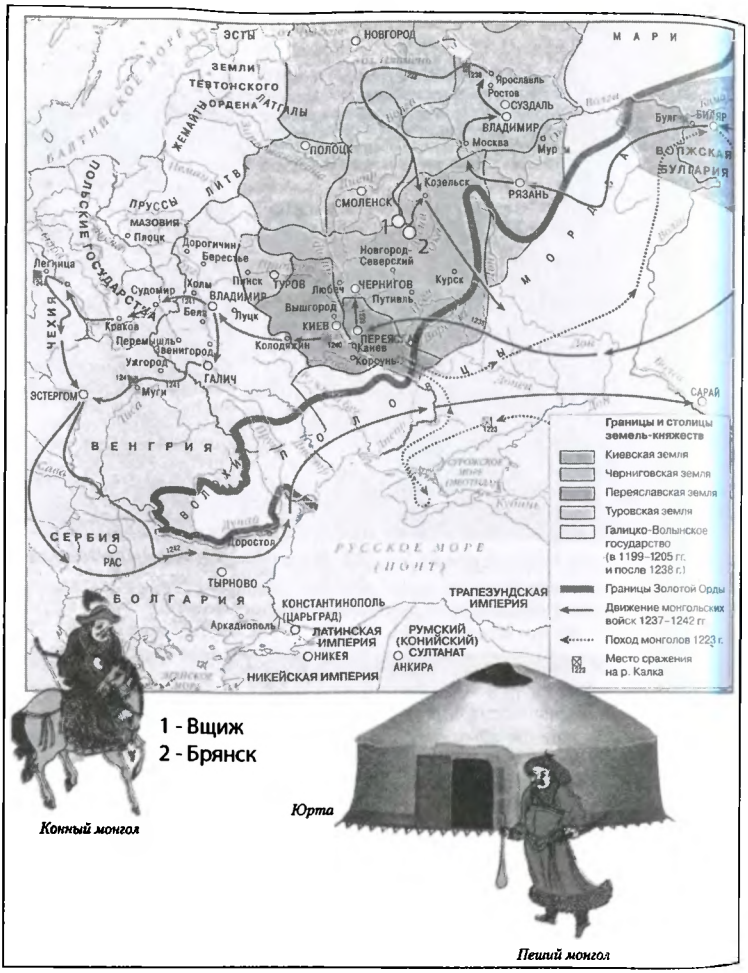
25. Остатки быта дружинников: медный котел для варки пищи конца XII первой половины XIII в. Вщиж, посад, раскопки 2015 г. автора и В.В. Мисенко. Хранится в Государственном историческом музее (Москва). *Фото автора*

26. Монгольский тяжеловооруженный всадник гвардии кагана. Королевская Оружейная. Лидс, Великобритания. *Фото автора*

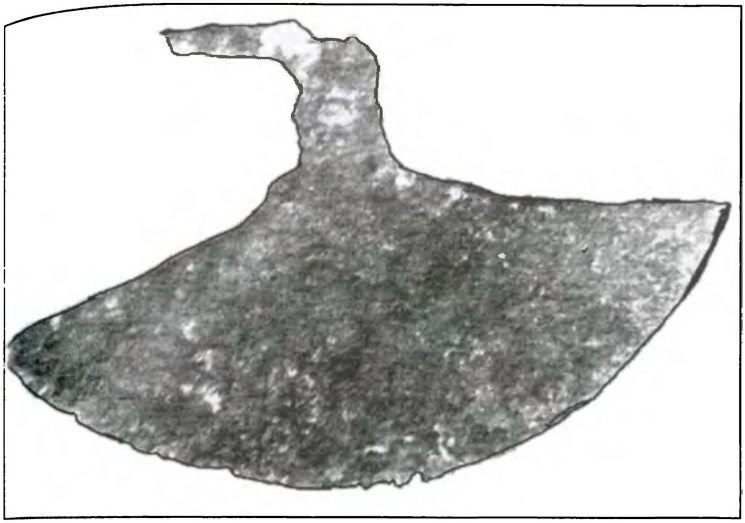
27. Железная полумаска из Вщижа. XIII в. Государственный исторический музей (Москва)



28. Русские и половецкие сабли XI–XIII вв. Выборка и рис. автора из разных музеев. По: *Шинаков, Лупоядов.* Важнейшие военные... 2013. Рис. 9 на с. 17.



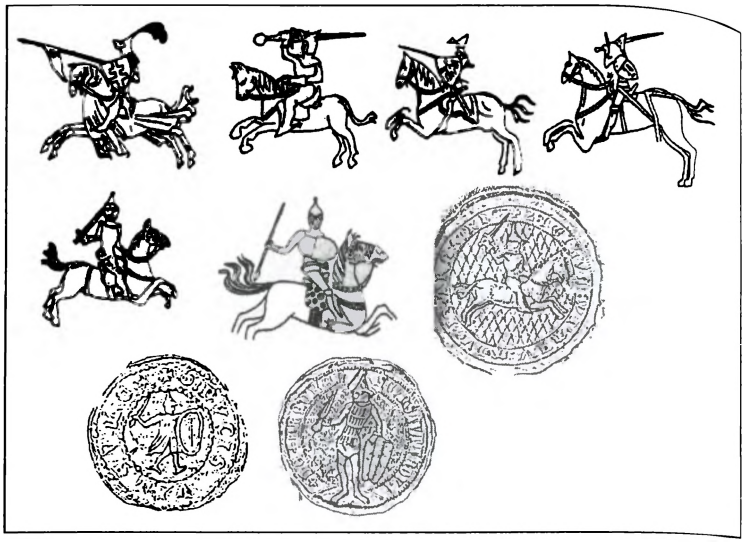
29. Монгольское нашествие на Русь и прилегающие земли (1237–1241 гг.). Основа из: *Свидерский Ю.Ю., Ладыченко Т.В., Романишин Н.Ю.* История Украины. Киев, 2007. С. 152, с дополнениями автора



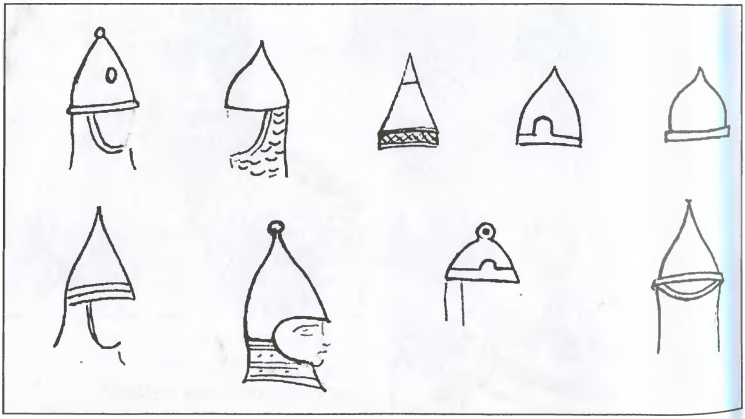
30. Татарский (чжурчженьского происхождения) топор конца XIII—XIV вв. Найден под валом XV в. крепости г. Почеп на р. Судость. *Раскопки и фото автора.* Почепский краеведческий музей. Последняя публикация: *Гурьянов, Шинаков.* Вооружение конца... 2016. Рис. 1: 2

31. Знатный литовский конный воин-кунигас XIII в. Из: Lietuviu... 1958. Tabl. 566

32. Великий литовский князь Гедиминас (Гедимин) — родоначальник нескольких российских княжеских фамилий, происходящих из «межграничного региона»: Трубецких, Мстиславских, Патрикеевых, Щенятевых (Данила Щеня). Старинная гравюра

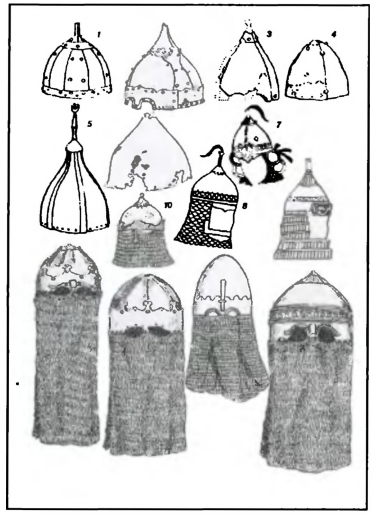


33. Изображения всадников и пеших воинов на печатях литовских князей середины XIV — начала XV в., в том числе правивших и в Подесенье. Для последних характерно сочетание национальных литовских, русских, «восточных» (сферо-конические шеломы) и «западных» (пластинчатый доспех) элементов экипировки



34. Русские шлемы XIII—XIV вв. (изображения на миниатюрах и иконах). *Прорисовка автора из разных источников*

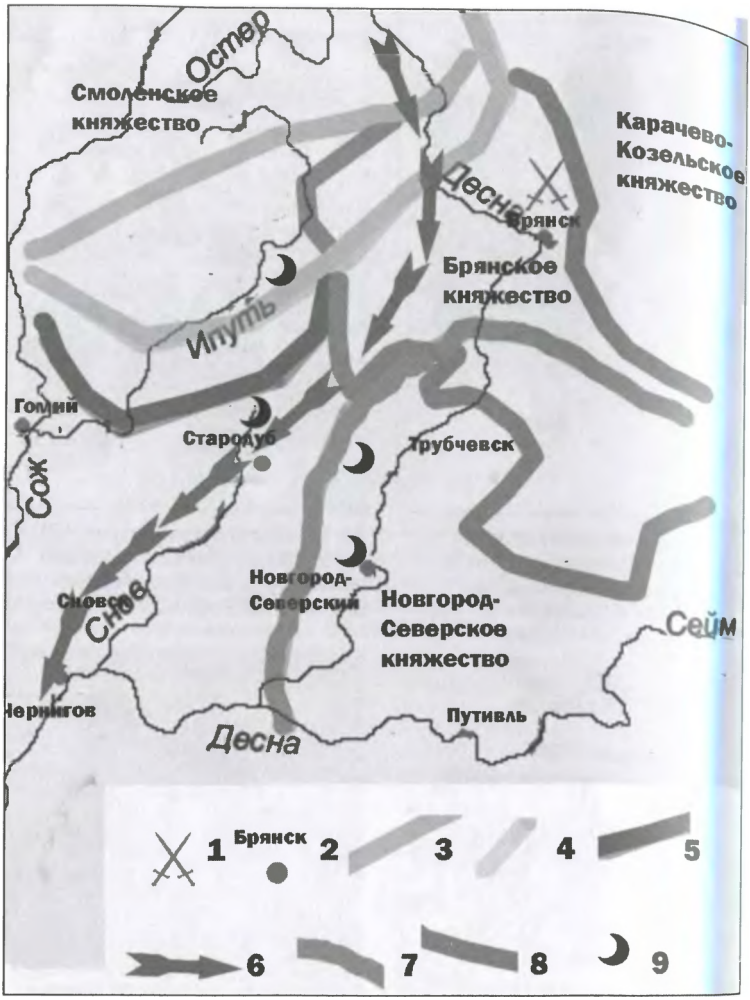
35. Доспехи татарских воинов XIV в. Изображения на иранских миниатюрах. По: Куликовская битва... 1983. С. 248. Табл. II



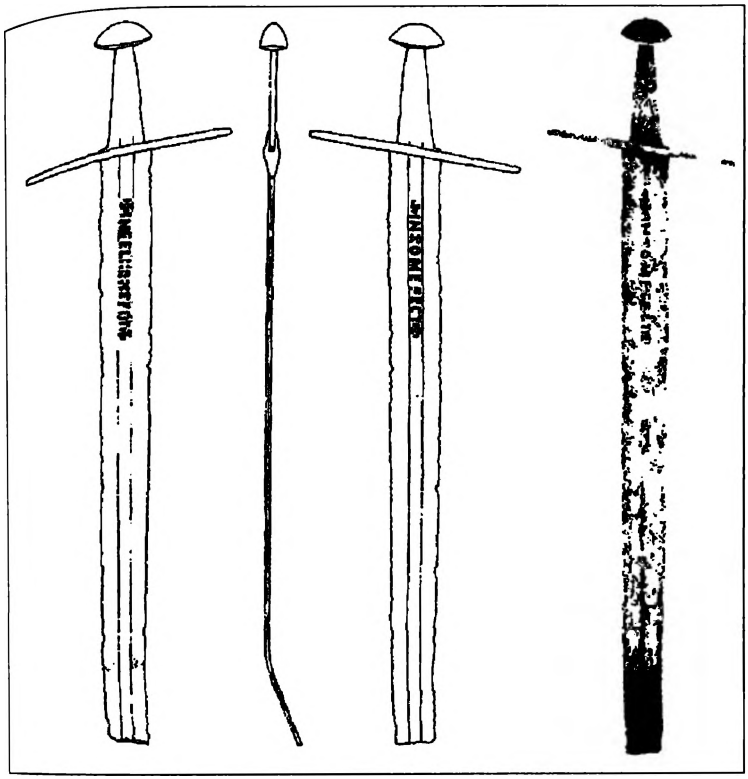
36. Шлемы татарских воинов XIII–XV вв. Изображения на иранских миниатюрах. По: Куликовская битва... 1983. С. 262. Табл. VIII

37. Куликовская битва: встреча Дмитрия Ольгердовича Брянского и его брата Андрея Полоцкого с Дмитрием Донским перед битвой. Миниатюра из «Сказания о Мамаевом побоище»

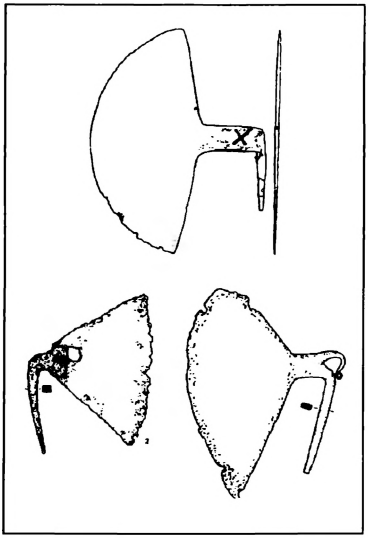
38. Поединок Александра Пересвета — бывшего брянского боярина — с татарским батыром Темир-мурзой (Челубеем). Миниатюра «Лицевого летописного свода»



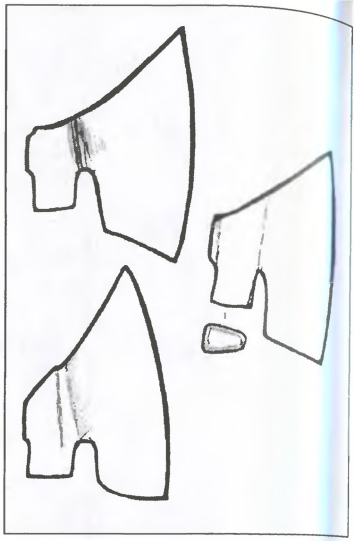
39. Карта Брянского княжества и сопредельных земель Подесенья в середине XIII—XIV вв.: *1* — места сражений; *2* — населенные пункты; *3* — юго-восточная граница Смоленского княжества (по А.А. Метельскому); *4* — наиболее вероятная смоленско-черниговская граница в XIII в.; *5* — смоленско-черниговская граница в 1142 г. (по А.А. Метельскому); *6* — путь «большого полюдья» в Подесенье (по Е.А. Шинакову); *7* — наиболее вероятная северо-западная граница Новгород-Северского и Трубчевско-Курского княжеств; *8* — границы Брянского княжества в XIV—XV вв. (по С.М. Кучиньскому); *9* — клады гривен-слитков. *Составитель — автор, компьютерная обработка — А.А. Чубур*



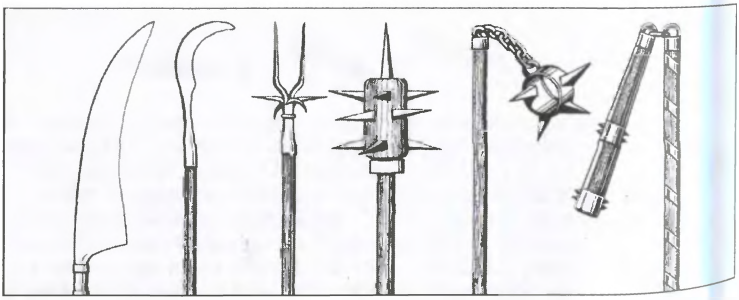
40. Мечи воинов из хоругвей «княжества Русского» польской армии Ягайло. Найдены на современном украино-польском пограничье, в «Червонной Руси». Из: Kusnierz, 2009. Rys. 2.



41. Татарские топоры конца XIII — начала XV в. с территории Подесенья и русско-польского пограничья. В сражении участвовали татары (начавшие сражение вместе с литовско-русской кавалерией), которые, впрочем, и раньше, и позже Грюнвальда нападали и на русские и польские земли. По: Kotowicz, 2006. Rys. 9



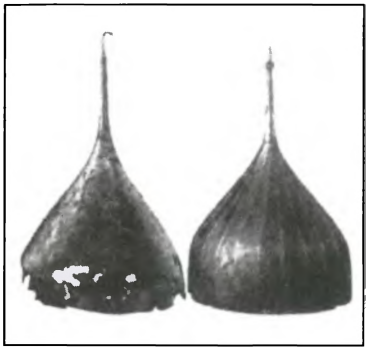
42. Боевые топоры русских воинов XV в., предназначенные для пробивания рыцарских доспехов (такого типа топоры были найдены на территории Подесенья, Польши и на месте битвы под Варной 1444 г.). Экспозиции Брянского, Новозыбковского краеведческого музеев и музея в г. Поморие (Болгария). Прорисовки автора по фото своим, В.Н. Гурьянова и С. Попова. Опубликованы в: *Шинаков*. Особый тип... 2012; *Шинаков, Попов*, 2012



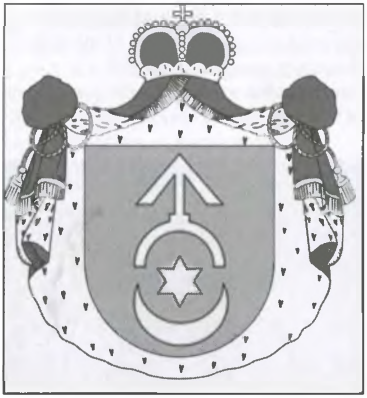
43. Оружие пехоты: боевая коса, серп, вилы, молот, моргерштерн («утренняя звезда»), цеп. Чуть позднее Грюнвальда эти «рабочие» по происхождению предметы стали главным оружием таборитов в борьбе с немецкими и венгерскими рыцарями. По: Muller, Kolling, 1982. S. 88

44. Контратака армии союзников. Литовско-русская пехота (в том числе и воины Подесенья) и чешские наемники, в рядах которых воевал будущий вождь гуситов Ян Жижка, добивает сброшенных с коней рыцарей специальными тяжелыми топорами и палицами. На заднем плане – атака польских рыцарских хоругвей. *Худ. В. Коссак. 1934 г.*

45. Литовское полевое орудие на новом подвижном лафете (фрагмент картины XVI в. «Битва под Оршей», экспонируемой в Национальном музее в Варшаве). В 1514 г. русские неожиданно столкнулись с передовой, только что реформированной армией объединенного личной унией Польско-Литовского государства. Французы применили артиллерию на подвижных лафетах на год позже, при Мариньяно, разбив непобедимую швейцарскую пехоту



46. Русские «шеломы» середины XV — начала XVI в. Позднее (к XVII в.) такой тип шлема с острием («шишом») получил название «шишак», а «шеломами» стали называть иной тип боевых наголовий. Государственный исторический музей

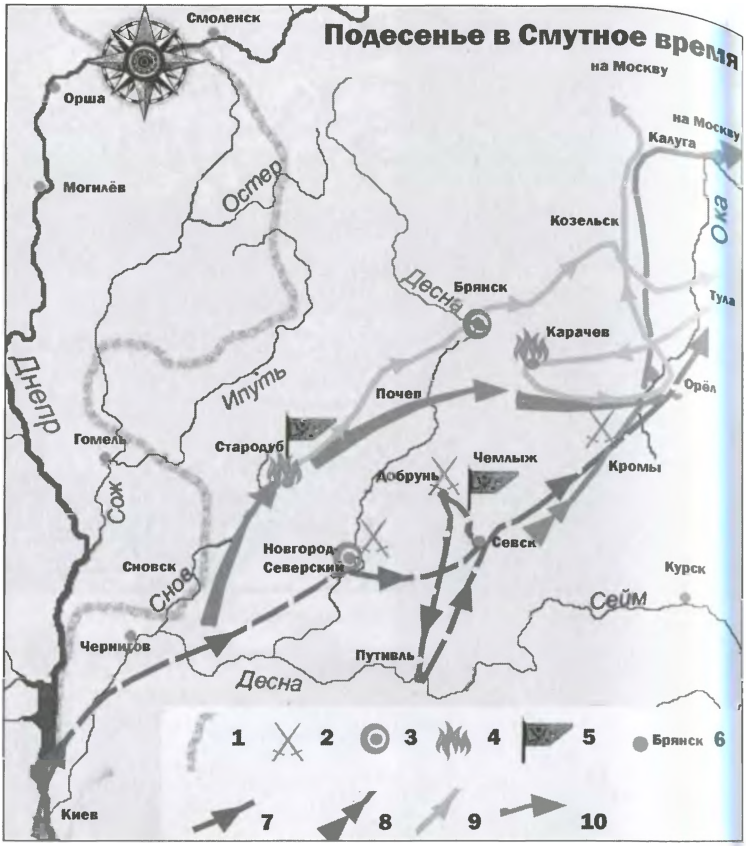


47. Герб рода Острожских-Рюриковичей, входивших в пятерку крупнейших магнатских родов Великого княжества Литовского

48. Константин Острожский (1460—1530) — русский, православный, один из крупнейших полководцев в истории Великого княжества Литовского, командовавший его войсками и при Ведроше, и при Орше. После пленения под Ведрошей принес присягу Ивану III и до его смерти был российским полководцем, воюя против татар (но не литовцев) 1507 г. Портрет XVI в.

49. Штурм Стародуба польско-литовской армией. Гравюра XVI в.

50. Лжедмитрий I. Портрет XVII в.



51. Подесенье в Смутное время: *1* — западная граница России к началу Смутного времени (по Московскому миру февраля 1537 г.); *2* — места сражений (Новгород-Северский, Добрунь (Добрыничи), Кромы); *3* — города, осаждавшиеся и Лжедмитрием I, и Лжедмитрием II, и полковником Лисовским; *4* — города, разграбленные «лисовчиками» и казаками Сагайдачного; *5* — ставка Лжедмитрия I в Брянском крае (с. Чемлыж) и ставка Лжедмитрия II в Брянском крае (г. Стародуб); *6* — населенные пункты; *7* — поход Лжедмитрия I; *8* — походы И. Болотникова из Комарицкой волости к Москве; *9* — походы Лжедмитрия II к Туле (на помощь И. Болотникову) и Москве; *10* — поход гетмана Конашевича-Сагайдачного на помощь королевичу Владиславу, осаждавшему Москву. *Карта составлена автором, компьютерная обработка — А.А. Чубура*

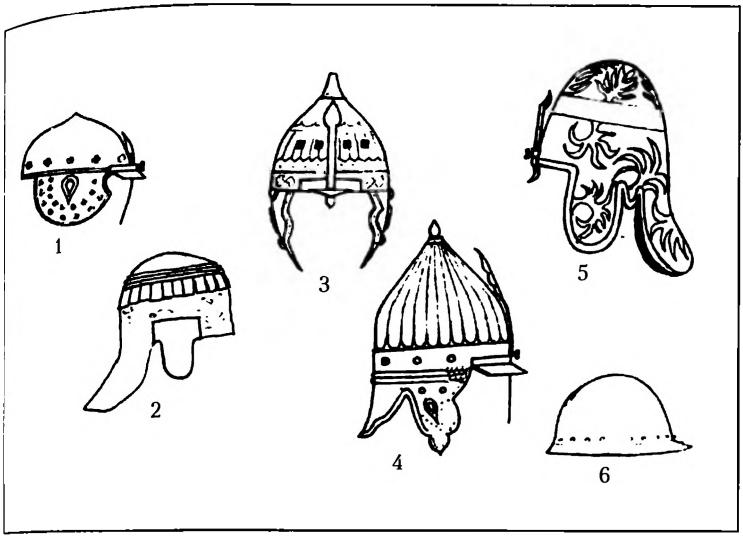
52. Шлем типа «морион» – защитное вооружение пикинеров, аркебузиров и мушкетеров. Брянский краеведческий музей

53. Европейские мушкетеры начала XVII в. Рисунок из амстердамского издания 1608 г. (Muller, Kunter, 1984. S. 48)

54. Русские стрельцы в боевом снаряжении, в том числе «шапках железных». Литография XIX в. (*по А. Висковатову*)

55. Русская поместная конница XVI в. в тегиляях и «шапках бумажных». Гравюра из книги С. Герберштейна «Записки о московитских делах», изданной в 1567 г. (по: Russian Arms... 1982. P. 13). Примечательно, что, судя по произведению А. Олеария, в XVII в. вооружение и снаряжение поместной конницы практически не изменилось

56. Михаил Скопин-Шуйский, русский государственный и военный деятель периода Смутного времени. Парсуна того времени

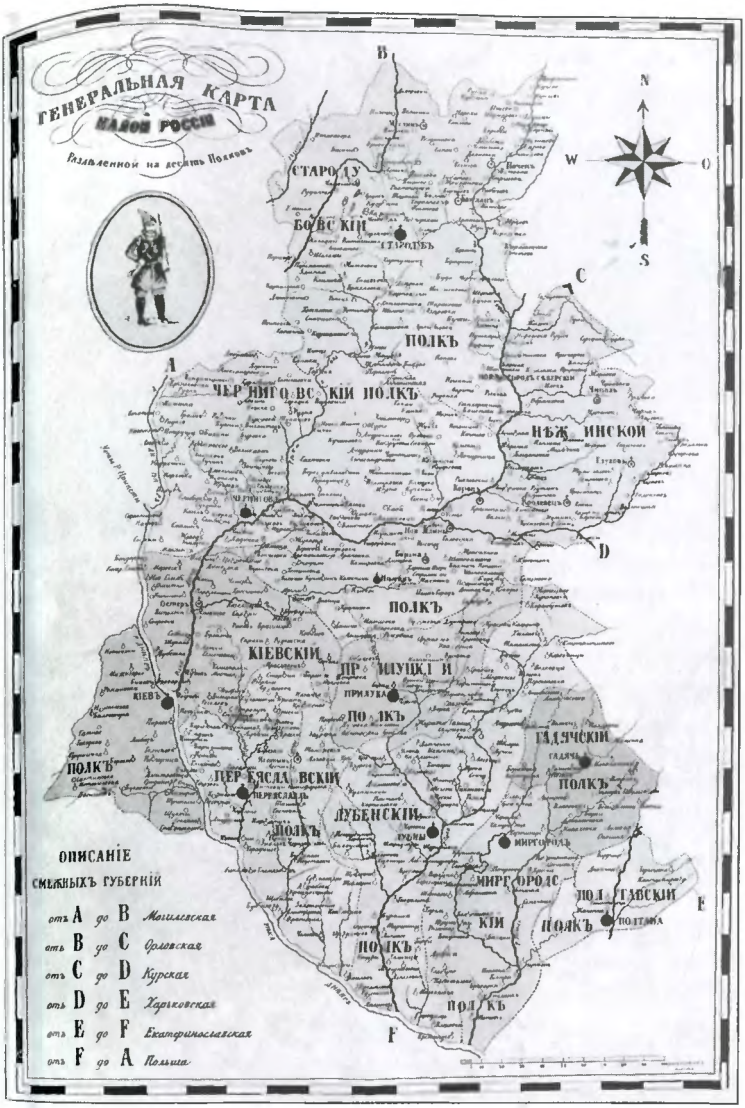


57. Русские шлемы XVII в. Отбор, классификация материала и прорисовка автора: *1* — шелом; *2* — мисюра (наплешник); *3* — иерихонка («турская шапка»); *4* — «шапка медяная»; *5* — «шапка бумажная»; *6* — «шапка железная»

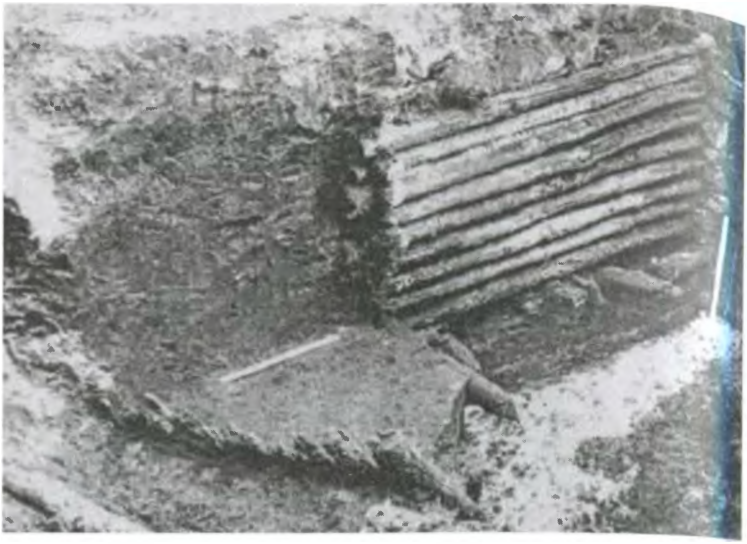
58. Русские дворяне XVII в. в полном снаряжении, включая тегиляи и «колпаки железные». Литография XIX в. (*по А. Висковатову*)

59. Национальный польский чешуйчатый («сарматский») доспех крылатого гусара XVII — начала XVIII в. — отражение не только высокой военной техники, но и идеологии «сарматизма». По: Zbroje Karacenowe... 1981. Rys. 1

60. Восточная окраина Речи Посполитой по Деулинскому перемирию и Поляновскому договору. Через Подесенье проходит административная граница Великого княжества Литовского (Смоленское воеводство) и Короны Польской (Черниговское воеводство). По: *Штунтов А.В.* Родовые гербы Стародубщины / Рец. А.П. Черных, Е.А. Шинаков. М.: АП «Столица», 2016. С. 111



61. Карта девяти полков гетманства Малороссийского, вошедших в состав России по Андрусовскому перемирию 1667 г. и крупнейшего из них — полка Стародубского. Из: *Штунтов А.В.* Родовые гербы Стародубщины / Рец. А.П. Черных, Е.А. Шинаков. М.: АП «Столица», 2016. Табл. XXII



62. Остатки стен казацкой крепости в Стародубе (раскопки А.В. Кузы, В.П. Коваленко и автора). *Фото автора. 1983 г.*

63. Казаки бьются «огненным боем» в пешем строю с польскими крылатыми гусарами. Рельеф с рисунка французского автора XVII в., иллюстрирующий сражение под Берестечком 30 июня 1651 г. (Из: Wojcik, 1989. S. 71)

русских государств, которые не хотели терять независимость в пользу Москвы, — с другой. Однако Свидригайло оказался не на высоте положения и не смог воспользоваться открывшимися возможностями. Война с Польшей, то затухая, то вспыхивая с новой силой, тянулась до сентября 1432 года. За это время Свидригайло как неспособный и неудачливый полководец потерял значительную долю авторитета у военной элиты Литвы, информирование императора о ходе переговоров с гуситами заставило последних отвернуться от князя и предложить помощь своей закаленной в непрерывной войне с немцами армии Ягайло — против ордена. Проявили себя мастерами дипломатии и интриг и поляки — с одной стороны, они предложили ему корону Польши взамен отказа от попыток превратить Литву в королевство, с другой — начали готовить переворот в этнической Литве. Его нехорошие личные качества и непомерные амбиции сделали многих высших сановников, членов Государственного совета, даже некоторых православных князей (сына Владимира Ольгердовича Киевского — Олелько (Александра) благоприятным материалом для польских умелых интриг. Во время поездки в Брест на переговоры с поляками на него ночью напал специально подготовленный польский отряд во главе с сыном стародубского князя Сигизмунда Михаилом, но ему удалось вырваться и уйти в Полоцк, на русские земли Великого княжества. В его литовской части и пограничных с Польшей русских городах утвердились мятежники, передав власть другому правителю Брянского края — Сигизмунду Кейстутьевичу Стародубскому. В качестве интервентов-пособников на этот раз выступили не немцы, а поляки. В итоге, подписав 3 января 1433 года Городельский договор, Сигизмунд I подтвердил основные положения Виленско-Радомской унии, Литва вновь становилась частью объединенного государства, а внутри его — вассалом Польши и аннулировала все антипольские договоры. Этим разрушались все достижения Витовта на Луцком съезде 1429 года, причем его родным братом. Но это практически коснулось только части государства, причем отнюдь не большей: этнической Литвы и русских земель, входивших в домен Кей-

стутьевичей — «Черную Русь» (Гродно, Новогрудок, Волковыск, Слоним). По факту Великое княжество раскололось на Литовское и Русское, между которыми началась трехлетняя гражданская война.

Поскольку врагом Свидригайло оставалась московская регентша Софья Витовтовна, то, в свою очередь, Свидригайло помогали все враги ее сына — великого князя Московского Василия II. Вот и на этот раз прислал помощь его тесть тверской князь Иван, и уже после заключения Городельской унии Сигизмунда и Ягайло (15 октября) Свидригайло повел свои войска и тверскую помощь и даже какой-то татарский отряд на них и... опять проиграл битву (8—9 декабря).

После неудачной попытки восстановить единство Свидригайло перешел к временной обороне и накоплению сил и союзников. «Литва посадиша великого князя Жигимонта Кестутовича... а князи руськи и бояри и вся земля посадиша князя Швитригайла на велике княжиння Руське», — пишет западнорусско-литовский летописец. И это неудивительно — как писали польские хроники, он «притягнув до себе [привлек к себе] потайки [тайно] майже всих православных князив и бояр та привязав их до себе наитеснейшее всякими ласками, а особливо обищанками, що коли вин... (станет великим князем. — *Е. Ш.*), то пиднесе [примет] их веру и за их радою буде правити».

Военные действия велись с переменным успехом в основном на спорных между Литвой и Польшей землях Подляшья, Волыни, Подолья, в Жемайтии и собственно Литве, но затрагивали и иные территории — русские земли Польши («Червонная Русь») и Поднепровье (Киев). В ходе войн происходили периодические заговоры против обоих правителей, измены, переходы из стана в стан, жестокие наказания «изменников» — как при любой гражданской войне. При этом некоторые православные русские князья — Рюриковичи периодически служили католику Сигизмунду, а этнические литвины Гедиминовичи — Свидригайло. Были и «интервенты», зачастую преследовавшие свои цели и воевавшие самостоятельно (с обеих сторон). При этом, несмотря на то что 1 января 1433 года папа Евгений IV освободил подданных Свидригайло от присяги

на верность правителю, это не повлияло не только на его православных подданных, но и на верных союзников — рыцарей Тевтонского и Ливонского орденов, фактических вассалов императора Сигизмунда Люксембурга. Последний, впрочем, тоже не прерывал контактов со Свидригайло, так как для него главными врагами были гуситы, да и Польша оставалась традиционным соперником. В свою очередь, в борьбе с тевтонскими союзниками Свидригайло Владислав-Ягелло обратился за помощью к еретикам-гуситам. Сыграло роль, вероятно, национальное чувство — славяне против немцев, воспоминания о Грюнвальде, но, главное, пятнадцатилетний опыт борьбы чехов с крестоносцами в основном немецкого происхождения. Вторжение в Пруссию самой «прогрессивной» на тот момент армии гуситов и жестокое ее разорение польско-чешскими войсками заставило «сословия» Пруссии подписать сначала перемирие (сентябрь) а затем и мир (декабрь) 1433 года с Польшей Ягайло и Литвой Сигизмунда Кейстутьевича. В итоге этих военных действий в дальнейшем на стороне Свидригайло сражаются только ливонские рыцари, не подчинившиеся этому договору, а умеренные гуситы («чашники», ультраквисты) добиваются уступок от папы и императора — разрешения исповедовать свою веру в обмен на устранение своей радикальной части — «таборитов» и «сирот». Другие государи Восточной Европы, хотя и были заинтересованы в исходе конфликта, по разным причинам в меньшей степени вмешивались в его ход. Это — молдавский господарь Стефан Великий (чаще, как недруг Польши, на стороне Свидригайло), татарские ханы (причем впервые по-разному — представители Сарая и Крыма), князья «внешних» для Литвы русских земель, Твери в первую очередь, ибо в Москве были заняты внутренними «разборками». Новгород и Псков занимали позицию активного нейтралитета (морально поддерживая слабейшую сторону) и пользовались ситуацией абсолютного невмешательства всех врагов: Литвы, Москвы, Ливонии — в свои дела, желая продлить такое состояние как можно дольше.

Для привлечения новых сторонников внутри государства среди православных Сигизмунд Кейстутьевич и его

польские покровители применяли метод «пряника», Свидригайло, для которого главными проблемами были отношения с католическим миром, решал их дипломатическими средствами. «Корона Польская» с «согласия» Сигизмунда Кейстутьевича 15 октября 1432 года предоставила привилей о равных правах католиков и православных на территории Великого княжества Литовского, а затем уже без всякого упоминания литовского князя — Луцкой земле, спорной между княжеством и короной. Первым актом восшедшего на польский престол весной 1434 года Владислава III стало уравнение в правах православных бояр и католической польской шляхты не только уже 100 лет входившей в состав Польши Червонной Руси, но и спорного с Литвой Подолья. Впрочем, бояре могли воспринять этот акт и иначе — пришельцы уравнивались в правах с ними, «старожилами». В мае 1434 года, когда литовские магнаты, недовольные пропольской политикой Сигизмунда, начали массово покидать его «партию», он уже сам, без поляков, предоставил им сословно-экономические привилегии в ущерб собственным великокняжеским фискальным интересам, причем равно и католикам, и православным. Кроме моментов «преходящих», привилей Сигизмунда Кейстутьевича Стародубского содержал и непреходящие правовые ценности: обещание не наказывать дворян без суда великого князя. Это напоминало более раннюю и принятую в сходных обстоятельствах английскую Хартию вольностей, но, как и последняя, осталось лишь благой декларацией еще на столетия. Посланники Свидригайло участвовали в работе созванного для урегулирования гуситской проблемы Базельского, затем Торуньского соборов. В марте 1433 года делегация, состоявшая из православных князей и бояр во главе с Ярославом Лугвеньевичем Мстиславским, убедила Базельский собор в истинном католицизме Свидригайло, что формально было правдой. Канцелярия императора, учитывая доверительные отношения между двумя деятелями, сложившиеся еще в 1419 году, и их обоюдную поддержку Тевтонского ордена против Польши, и далее называла Болеслава-Свидригайло не иначе как «дорогим братом» императора. Труднее всего было с тре-

тьим идеолого-политическим центром Европы того времени — папским престолом. Его удалось привлечь, предложив на Базельском соборе очередную идею церковной унии, и с 1434 года Евгений IV вновь именует Свидригайло «великим князем». Для последнего все это было не сложно в связи с его полным равнодушием к религии, как и Витовту до него. Плохо для князя было то, что «его» митрополит Герасим, чья резиденция находилась не в Москве, но и не в Киеве, а в Смоленске, вероятно, всерьез воспринял переговоры об унии.

Не брезговали обе стороны и демагогическими приемами: приглашая еретиков-гуситов «покарать» Тевтонский орден, Ягайло обвинял тевтонов в поддержке «схизматика» Свидригайло. Последний, объединив усилия с юристами ордена, на Базельском соборе требовал предания короля Польши анафеме за связь последнего с еретиками-гуситами, с которыми и сам контактировал.

И Сигизмунд, и Свидригайло применяли и конспирологические методы — в результате в 1433 году к власти в Орде пришел ставленник стародубского князя Хаджи-Гирей, которого сторонники Свидригайло Брянского свергли уже в следующем, 1434 году.

В итоге в 1433—1435 годах существовало неустойчивое равновесие сил: Свидригайло имел преимущества внутри страны, но у Сигизмунда был более могущественный, чем Ливонский орден, союзник — Польша. Поэтому исход событий мог определиться субъективными факторами: стечением обстоятельств, личностями участников событий, причем не только их способностями и уровнем поддержки, но и «удачей». Все эти факторы должны были совместиться в одной точке и в одно время, чтобы привести к окончательному результату.

В событиях этих лет на геополитическом уровне участвовало несколько выдающихся личностей «первого» уровня по их масштабам, хотя и находившихся долгое время на вторых ролях.

Это фактический правитель Священной Римской империи, формально признанный в качестве такового только 31 мая 1433 года, после его коронации папой римским,

а до этого — король Венгрии, Германии, Италии, формально, с 1419 года — Чехии, курфюрст Бранденбурга. Он являлся главным европейским покровителем Болеслава-Свидригайло, спасшим политическую карьеру последнего еще в 1418 году, дав ему убежище в Венгрии, а затем заставив Витовта дать своему протеже обширные черниговобрянские владения на границе Литвы с Москвой и Ордой. Сам Сигизмунд Люксембург был весьма противоречивой, но и, безусловно, самой значимой фигурой Европы того времени. Констанцский собор, организованный им, ликвидировал «троепапие», но и он же сожжением Яна Гуса фактически спровоцировал движение гуситов. Он проиграл сражение с турками под Никополем в 1396 году, в котором под его руководством воевали французские, немецкие и венгерские рыцари, валахи—воеводы Мирчи. В католической Европе его считали спасителем от турецкого нашествия, ибо султан Баязид, выиграв это сражение и взяв затем последнюю болгарскую крепость Видин, вдруг остановил агрессию. Это приписали «подвигам» Сигизмунда, хотя на самом деле Европу спас Тимур, напавший на Османскую империю с востока и разгромивший Баязида в грандиозной битве при Анкаре (1402), произошедшей практически одновременно со сравнительно небольшим (по азиатским масштабам) сражением под Любутском, поставившим последнюю точку в литовской аннексии брянских и смоленских земель. Получив передышку, Константинополь начал переговоры с Римом о церковной унии в обмен на военную помощь. Являлся Сигизмунд и покровителем немецких орденов в Прибалтике, которые после Грюнвальда неоднократно хотела ликвидировать Польша Владислава-Ягайло. Он же, как несостоявшийся король Чехии, был самым ярым врагом гуситов. Сигизмунд до конца был сторонником Свидригайло, но поддерживал его в военном плане не напрямую, а через Тевтонский, затем Ливонский орден.

Ягайло... Человек, интересный для нашего повествования лишь как тот, по чьей воле «создали» Сигизмунда Стародубского, возведя его на неожиданные для последнего высоты. Этапы биографии этого выдающегося деятеля

уже отмечались по мере необходимости в данной книге, но к периоду Луцкого съезда Ягайло интересовался только тем, что будет после него, — судьбами своих сыновей Владислава и Казимира. Ради королевского будущего обоих он уже давал согласие на полное отделение Литвы от Польши, и в Городельской унии ему был важен не факт их нового соединения, а отказ Сигизмунда от передачи престола Литвы кому бы то ни было иному, кроме одного из сыновей Ягайло, на что ни в коем случае не согласился бы Свидригайло. Ради нейтрализации последнего Ягайло принял помощь гуситов против Тевтонского ордена, который, впрочем, ненавидел и лично. Ради укрепления позиций Сигизмунда внутри страны он пошел на уравнение в правах православных и католиков, хотя к вопросам веры не был столь равнодушен, как Витовт или Свидригайло. Впрочем, в ход военных событий начала 1430-х годов престарелый польский король уже не вмешивался лично, а 1 апреля 1434 года умер в возрасте 80 лет. Свою лепту в ход событий он уже внес, поставив Сигизмунда на престол этнической Литвы и добившись мира с Тевтонским орденом и «сословиями» Пруссии.

Третьим деятелем этого же масштаба является сам Болеслав-Свидригайло Чернигово-Брянский. Детали его биографии, связанные с военной историей и Брянским краем, уже были освещены, отметим вырисовывающиеся на их фоне черты характера. Взлеты и падения, девятилетнее заключение, затем почетное пребывание при императорском дворе и практически независимое управление большими русскими землями лишь усилили двойственность, противоречивость характера этой незаурядной личности. Будучи человеком первого плана, он долгое время вынужден был находиться на вторых ролях. И он предавал, и его предавали.

Он ценил давние дружеские связи, умел привлекать и отталкивать соратников, жестоко карал реальных и мнимых изменников. Обладал широтой и толерантностью взглядов, но был непостоянен и непоследователен, легко впадал в гнев и принимал опрометчивые решения.

Одно из них в итоге его и погубило. Избрание в Константинополе митрополитом Руси (какой точно, неизвест-

но) ставленника Свидригайло было большим успехом последнего, к нему в Смоленск за утверждением поехали церковные иерархи других русских земель, в частности Новгорода Великого. И даже если он был «назначен» митрополитом Владимирским, знаменательно, что он не поехал в Москву, где правила заклятый враг Свидригайло — регентша Софья Витовтовна. Герасим помог Свидригайло преодолеть международную изоляцию, донеся до Базельского собора и римского папы идею поддержки церковной унии. Тогда она была важна не только для Рима, но и патриарха Константинопольского, поставившего Герасима. Последний, возможно, поверил в искренность намерений Свидригайло (а для него это был лишь временный тактический ход) и, когда последний по разным причинам от этой идеи отказался, продолжил ее реализацию вопреки воле князя. Существовал ли при этом и заговор части смоленской общины в пользу Сигизмунда, «раскрытый» сподвижником князя литвином Георгием Бутримом, и участвовал ли в нем Герасим — вопрос к следствию, которое в процессе подготовки похода на Вильнюс проводилось явно наспех. Митрополит был обвинен в подготовке к унии и жестоко казнен — сожжен на костре. Для католиков, а в их среде долго вращался Свидригайло, будучи Болеславом, такое наказание было в порядке вещей. В 1415 году по приказу «названого брата» Свидригайло — короля Сигизмунда — был сожжен Ян Гус, в конце мая 1431-го — англичанами Жанна д'Арк, в конце мая 1434 года сами «умеренные» гуситы подвергли такому наказанию часть плененных в сражении при Липанах таборитов — своих недавних братьев по вере, просто более радикальных. Однако поспешное решение неуравновешенного, не терпящего противоречий своей политике и в то же время равнодушного к вере Свидригайло, было ли оно принято в состоянии аффекта или продуманно, явилось минимум опрометчивым, а скорее всего — роковым по своим последствиям, в том числе и чисто военным. Для рядовых смолян, да и русских в целом, преступление Герасима вряд ли было очевидно, и в любом случае казнь была неоправданно, непривычно жестокой для русской православной среды, тем более столь

высокого и чтимого церковного иерарха. Возможно, князь и сам был не уверен в правильности своего решения и сжег Герасима не в Смоленске, а в своем родном Витебске, но сделанного исправить было нельзя. Казнь состоялась в конце июля, а в августе войска Свидригайло уже двинулись к полю решающего сражения... Русские беспрекословно пошли в этот поход, но так ли они уже верили в своего князя? И не было ли поражение 1 сентября отчасти предрешено событием конца июля?

Другой субъективной причиной был недостаток полководческих талантов у Свидригайло. Отчасти он компенсировался наличием в его войске других православных князей, и особенно благодаря присоединению вернувшегося из Чехии после сражения при Липанах и прекращения победившими «чашниками» активных военных действий против германского императора и непризнанного короля Чехии Сигизмунда Люксембурга бывшего новгород-северского (возможно, и трубчевского) князя Сигизмунда Корибутовича. Он обладал огромным боевым опытом самой современной войны, имел при себе отряд русских сподвижников и, возможно, чешских радикальных гуситов, недовольных примирением с католиками. Его никак нельзя отнести к политикам первого ранга — даже когда «ультраквисты» отстранили его от поста королевского наместника в Чехии, фактически — короля, он все равно оставался там, в качестве простого наемника-кондотьера вплоть до конца сопротивления. Однако в военном аспекте он был деятелем отнюдь не последнего ранга.

И наконец, была еще одна военно-политическая фигура явно первого плана, которая до этого момента оставалась практически за кадром нашего повествования и с которой Свидригайло мог близко сойтись и даже стал «побратимом» во время своего пребывания в Москве в 1408 году и/или когда владел пограничными с Москвой брянскими землями в 1420—1430 годах. Это Юрий Дмитриевич Звенигородский, младший сын Дмитрия Донского и брат Василия Рыжего, в полной мере унаследовавший полководческие таланты отца. Именно он в 1399—1400 годах прогнал татар от Нижнего Новгорода, впервые захватил Булгар, Казань и другие ордынские города. Он имел все

права на великокняжеский стол после смерти старшего брата Василия в 1425 году, как на основании принятой на Руси «лествичной» (от брата к брату) системы наследования, так и по прямому завещанию отца. Однако его брат перед смертью вопреки этому завещанию передал престол не брату, а сыну Василию (будущему Темному) при регентстве его матери Софьи Витовтовны. Попытка восстановить справедливость в 1427 году была сорвана прямым вмешательством Витовта, а после его смерти — ордынских ханов, перед которыми посланники княгини-матери занимались откровенным лизоблюдством. Когда хотел, Юрий без труда побеждал войска конкурента и занимал Москву при полном согласии ее жителей. Однако его излишняя щепетильность в отношениях с родственниками мешала закрепиться там надолго. Его приход к власти в Москве вначале в 1433 году, а окончательно — весной 1434 года полностью менял геополитическую обстановку во всех, в том числе «литовских», русских землях. Свидригайло получал могущественного и талантливого союзника (хотя в будущем — и достойного соперника) на востоке взамен прямых врагов — Василия Васильевича и его матери. Утвердившись на посту великого князя окончательно, Юрий сразу стал более решительно проводить централизаторскую политику как внутри московских земель, так и за их пределами по отношению к Рязани и Новгороду, не вызывая с их стороны противодействия. Но враг оставался — Василий, хотя Юрий неоднократно имел возможность его устранить, да и со стороны собственных сыновей он не всегда встречал понимание. Выдающийся советский специалист по данной проблематике А.А. Зимин считал, что если бы правление Юрия продлилось дольше (а к власти он пришел в конце жизни, до этого будучи, как и Свидригайло, на вторых ролях), то централизация завершилась бы намного быстрее. Союз с Юрием полностью менял вектор внутренней политики и Свидригайло — от лавирования, заигрывания с католиками путем обещания унии он мог перейти к прямой опоре на православных и даже мог рассчитывать на московскую военную помощь в борьбе с Сигизмундом Кейстутьевичем и поляками. Уже через неделю после того,

как Москва окончательно приняла Юрия Звенигородского, Свидригайло обрадованно писал другому союзнику — гроссмейстеру Тевтонского ордена: «Князь же Юрий, с давнего времени искренний и верный наш друг, обещал подать нам помощь и прислать к нам своего сына». 26 апреля князь сообщает Великому магистру, что Юрий уже выполнил обещание и прислал ему сына «с многочисленным войском». Эти факты говорят об искренности дружбы и взаимного уважения и доверия двух выдающихся деятелей, что в дальнейшем могло привести не к конфронтации и борьбе за русские земли, а в какой-то форме к их федеративно-иерархическому объединению, при установлении особой формы их соподчинения и наследования верховной власти типа Священной Римской империи, правитель которой также имел хорошие отношения со Свидригайло. Понятно, что в этой русско-немецкой системе не было бы места ни этнической Литве, ни даже Польше. Однако история не имеет сослагательного наклонения, а великий князь Юрий Дмитриевич, только начав новую политику, скоропостижно умирает уже в начале лета 1434 года.

Сигизмунд Кейстутьевич Стародубский, хоть и стал при польской поддержке великим князем Литовским, не обладает качествами «первого лица» — не уверен в себе, слишком сговорчив, при этом довольно убежденный католик. Собственно, поэтому поляки и выбрали его кандидатуру. Но он умеет ставить умеренные цели и достигать их, смиряться при поражениях и отступать, как бы перегруппировывая силы и находя новые подходы к решению проблем: чаще это уступки отдельным значимым личностям или слоям населения. Скрытен, коварен, сдерживает эмоции, может нанести удар исподтишка: в 1433 году он убивает не только послов Свидригайло, но и своих людей, которые общались с Ольгердовичем. К концу жизни страдает паранойей, ему мерещатся заговоры, впрочем, от одного из них он и погибает в 1440 году (энергичный же и несдержанный в чувствах и поступках Свидригайло дожил до 1452 года, правда отойдя от политики).

Свидригайло пытается воссоединить этническую Литву со своими русскими владениями своими силами при ливон-

ской поддержке, как он это уже пытался сделать в конце лета 1433 и зимой 1433/34 года. Однако летом 1434 года он выбит из равновесия неожиданной смертью только появившегося и самого сильного союзника — Юрия Московского и теряет инициативу. Соратник Сигизмунда, один из организаторов заговора против Свидригайло, хотя и православный Олелько (Александр) Владимирович пытается нанести удар с юга, захватив Киев, но был быстро выбит оттуда сторонниками Свидригайло. Возможно, Сигизмунд пытается организовать заговор (во главе с Герасимом) и в сердце владений Свидригайло, его «столице» — Смоленске, но, как говорилось, его раскрыли и обезглавили. Вероятно, это привело Свидригайло в бешенство, поскольку сразу после него он организует самый масштабный поход на этническую Литву, который должен решить все.

Швянтойя (Свента, Святая) — Вилькомир — Укмярге 1 сентября 1435 года. Здесь решились судьбы Руси на долгие времена. Центром ее объединения после этого сражения могла быть только Москва, а не Вильнюс, Киев, Смоленск или Брянск. Из Псковской летописи: за Свидригайло стояли «смолняны и пригороды их, и кианы, и видбляны, и полочаны, и Немець, и местерь рызкый со всею силою своею... рать поиде на князя Зидимонта, а Зидимонт скопи Ляхи, Литву и Жимоиты». «За много лет не бывало такого побоища в Литовской земле». В летописных источниках не упоминаются конкретно полки из Подесенья, однако маловероятно, что их не было при Швянтойе: все-таки Свидригайло был владыкой этих территорий не один год и оставил там о себе хорошую славу. Вероятнее, что, став великим князем Литовским в 1430 году, Русским — в 1432 году, он оставил их за собой в качестве домена, присоединив к ним и стародубские земли «мятежника» Сигизмунда Кейстутьевича. С остальными землями (Полоцком, Киевом, Смоленском и т. д.), которые пользовались самоуправлением, скорее всего, заключался «ряд» или «докончание», в соответствии с которым они и выставляли (или нет) свои городовые полки в помощь князю. Это традиционная древнерусская практика, которая существовала

по мнению крупнейшего современного российского специалиста по Великому княжеству Литовскому и Русскому А.Ю. Дворниченко. Западнорусские летописи отмечают этот факт, говоря о том, что князь получил «всю силу русскую». Армия его в любом случае была немалой и включала русскую пехоту. Не исключено, что к ней примкнуло и какое-то количество чешских пехотинцев — гуситов, пришедших с Сигизмундом Корибутовичем после сражения при Липанах. Что касается кавалерии, то кроме русских бояр и дворян в битве достоверно участвовали рыцари Ливонского ордена во главе с ландмейстером Керкскорфом и маршалом Нессельроде и какой-то отряд «имперских» немцев. Татарская конница, правда в небольшом числе, на этот раз была на стороне Сигизмунда. Основную силу его войск составляла литовская шляхта, которой командовал Михаил Сигизмундович, и несколько тысяч польских рыцарей под руководством Якова Кобылинского. Литовские воины на этот раз сражались храбро, что вынуждены были отметить даже скупые на похвалу «чужим» польские хронисты (Ян Длугош). Впрочем, это неудивительно — они защищали свой край от вторжений, которые ранее, в ходе этой же войны имели место как с севера, из Ливонии, так и со стороны владений Свидригайло. Кроме того, в авангарде наступающих шли их давние враги — немцы. А вот о православных воинах этого сказать было нельзя: возможно, начало сказываться разочарование в Свидригайло. Но главная причина поражения — в весьма странном построении войск русско-ливонской коалиции. Польские хроники сообщают, что после двухдневного «стояния» из-за дождя друг против друга на разных берегах озера, из которого вытекала река, наступающие 1 сентября двинулись через речку к Вилькомиру.

Но впереди почему-то пустили обоз под прикрытием большого русско-немецкого отряда. Следом шла конница ордена, а за ней — русские полки, в том числе пехотные. В итоге атакующие вытянулись в тонкую цепочку, основные силы противника ударили в ее центр, где находились руководители ордена. Польские рыцари сокрушили немецких, пали и ландмейстер и маршал Ливонского ордена. Защит-

ники обоза выстояли, но оказались отрезаны от основны русских сил, которые подверглись соединенной атаке поля ско-литовских сил. И вот здесь русские стойкости не про явили и после смертельного ранения Сигизмунда Корибутс вича бросились в бегство, понеся основные потери именн во время него, в том числе утонувшими в водах Швянтойи Пленных было много, включая князей и комтуров орден однако победители особой жестокости не проявляли: ра дость была слишком велика (позднее Сигизмунд Кейстутье вич даже возвел на поле битвы храм). Умер в плену смер тельно раненный бывший вождь гуситов, был казне Сигизмунд Ротт — человек императора, который в сво время пытался провезти через Польшу королевскую корон для Витовта. Это символизировало конец надеждам Литов ско-Русского государства на независимость от Польши.

В тактическом отношении непонятным является поме щение телег обоза в авангард армии, если только это н были «боевые повозки» гуситов или «кованые возы», упо мянутые в сражении на Ворскле. Да и само построени походной колонной в виду противника — непонятный про счет для опытных предводителей ордена и Сигизмунда Ко рибутовича, которые, кстати, и погибли из-за этого.

Впрочем, некоторые вожди уцелели: Свидригайло Юрий Лугвеньевич с тридцатью всадниками спаслись Полоцк и продолжали борьбу еще два года, хотя от ег поддержки вынужденно отказались и оба ордена (Ливон ский чуть позже Тевтонского), и стоявший за ними импе ратор Сигизмунд.

Сражение на реке Швянтойя под Вилькомиром был крупнейшим боестолкновением в истории Великого кня жества Литовского, Руси, Польши, Ливонского ордена по сле битвы при Грюнвальде, а в истории Европы XV века возможно, превышает по числу участников сражения при Азенкуре (1415) и Липанах (1434), но уступает битвам по Анкарой (1402) и Варной (1444). По своему значению ближним или дальним последствиям оно не уступает ни од ной из этих великих битв.

В истории вооружения оно мало что дополнило к эпох Грюнвальда, если только в его начальной фазе не исполь

зовались боевые повозки с артиллерией таборитского типа, но это маловероятно, несмотря на возможное участие в сражении бывшего «короля» гуситов Сигизмунда Корибутовича с чешским отрядом. Польские и ливонские рыцари могли уже использовать полный латный «готический» гофрированный доспех с резкими гранями и немецкий тип саладов с обратным козырьком. На миниатюрах Радзивилловской летописи, первоначально созданных в Смоленске, скорее всего, в начале второй половины XV века и изображающих русских и литовских воинов, такой шлем только один, открытого типа. Есть близкий к нему сферический шлем — «прилбица» с пластинчатыми круглыми нащечниками, соединяющими тулью с неподвижным «воротником». Интересно, что есть и сочетания подобного «готического» воротника с русским сфероконическим шлемом. Бацинетов уже нет — они встречаются только на геральдических изображениях на княжеских печатях. Русских типов шлемов, как и раньше, два: сфероконические «шеломы» (рис. 60) и «шатровидные». Первые явно преобладают, что говорит об обратном процессе ориентализации вооружения. Они имеют три вида навершй: заостренные, трубчатые с еловцем, с шариком на конце, иногда — с козырьком (в сочетании на их изображениях с «восточным» стягом с изображением полумесяца и звезды), но без переносий. К шатровому оголовью с прикрепленным к нему кольчужным капюшоном в одном случае прикреплена маска-личина. Много капелин разных видов. Не редкость и «старолитовские» или европейские нерыцарские конические и полусферические шлемы, иногда надетые на кольчужные капюшоны. Первый тип имеет два варианта — с ребром и двускатной тульей и без ребра, но с «околышем», напоминающим устаревшие цилиндроконические оголовья. Полусферические шлемы — либо цельнокованые, либо состоящие из отдельных пластин. В этот тип часто одеты «предводители». Встречены в единичном случае головные уборы типа янычарских. Доспехи — латные, как предготические, так и хорошо «читаемые» готические, кольчужные русские с короткими рукавами и «оторочкой» и (в основном на печатях) — западные, типа

комбинезонов. Встречаются пластинчатые, типа бронежилетов с короткими рукавами, есть и такие же, надетые поверх кольчуг. Щиты — треугольные, миндалевидные, «сердцевидные» с ребром, круглые с выпуклым центром. Только на печатях часто встречаются треугольновыпуклые («варяжской» геральдической формы) и с закругленным низом («испанские») щиты, а также сочетание латных доспехов с русскими или даже татарскими шлемами. Такая комбинация представлена, в частности, на более ранней (1386) печати Дмитрия Корибута и описываемого периода (1420) печати Свидригайло — когда он был черниговобрянским князем. Браслетообразные наручи на миниатюрах встречены чаще в сочетании с кольчугами русского типа и «куяками». Из наступательного оружия преобладают копья, мечи разной длины (на печатях — в основном двуручные), реже — сабли с широким лезвием и перекрестьем и вырезным острием.

Длительное же сопротивление русских земель после генерального поражения их вождя объясняется совпадением политических амбиций Свидригайло с коренными интересами общин русских городов. Так, по нескольку недель оборонялись от войск Михаила Сигизмундовича Полоцк и Витебск, в которых не было князей, два года литовские силы не могли овладеть Киевом и Луцком, дважды переходил из рук в руки Стародуб. Без боя, выслав делегацию навстречу Михаилу, сдался только Смоленск. Судьбы Брянска в этой ситуации не упоминаются. Предметы вооружения, которые можно отнести и к этой эпохе, встречаются, особенно в лесах левобережья Десны, но они, например большие, до полуметра длиной, наконечники рогатин, короткие «пики» с гранчатым лезвием, имеют слишком широкую дату бытования, чтобы их можно было связать с конкретными событиями.

Вторая причина коренилась в политике Польши, которой не было нужно сильное и единое Великое княжество Литовское — важнее было обеспечить зависимость от нее отдельных литовских и русских земель. В итоге, ослабив при Швянтойе главного противника этой политики, поляки не спешили его добивать и вывели свои войска из Литвы. Да-

используя Свидригайло в качестве «пугала» для шан-
а Сигизмунда, они в конце 1436 года даже пошли на
говоры с бывшим противником, выторговывая для себя
пки у Сигизмунда, оформленные 2-м Гродненским до-
ром от 6 декабря 1437 года. В итоге в 1438 году граж-
кая война закончилась. Русская «партия» потерпела
жение, но православные в ходе войны добились в своих
ях равных прав с католиками, улучшился социальный
ус русских магнатов и городов, но уменьшилась само-
тельность князей. Так, благодаря соглашению с Поль-
, сохранил некоторые владения на Волыни даже мятеж-
Свидригайло, но уже как малозначимый удельный князь.
Ito касается Сигизмунда I, то он был вынужден делать
новые и новые уступки полякам, чем вызывал недо-
ство уже не только русских православных князей, но
товских католических, которые хотя и не выступали
ыто против него, но и устранились от поддержки. Си-
унд решил опереться на рядовых дворян, приняв меры
гив их перехода под патронат крупных землевладель-
— панов. Он даже стал жаловать дворянство зажи-
ым крестьянам, стремясь еще более расширить свою
иальную опору и независимые от магнатов военные
ы. В аристократической мысли XVI века его даже на-
али «повелителем крестьян». Князь готовился к рас-
зе с оппозицией «панов», слухи об этом, во всяком
ае, были. Они его опередили: 20 марта Сигизмунд был
в результате заговора в своем замке Тракай. Руково-
и православные Рюриковичи братья Чарторыйские, но
став заговорщиков входили и этнические литовцы, и
лики, ставшие на волне антипольских настроений тай-
и сторонниками Свидригайло. Но захватить власть в
ве им не удалось — здесь победили сторонники Миха-
Сигизмундовича, объявившие его великим князем еще
апреля. К нему (с польской помощью) примкнула
ь русских земель до Бреста. Напрямую на помощь
ьши на этот раз стал опираться Свидригайло, объявив-
себя великим князем Литовским под эгидой короля
ня 1440 года еще на польской территории. Затем его
й стала Волынь. Но далее этих владений ни тому ни

другому расширить пределы своей власти не удалось, да и в самой Литве были не только сторонники Сигизмунда. Новой войны мало кто хотел, поэтому большая часть магнатов, объединенных в высшем совете — «раде панов», заняла выжидательную позицию. Вне страны опереться было на этот раз не на кого: в Германской империи, Чехии, Венгрии были свои династические кризисы, ордена ослабели, да еще и враждовали между собой, Орда раскололась и также ослабела, в Москве периодически вспыхивала своя гражданская война. В итоге, приняв бежавших заговорщиков, Василий поддерживал все же Михаила, но только «морально». Даже Владислав III Ягеллон, которому едва исполнилось 16 лет, мечтал о венгерской короне и славе крестоносца, активно занимаясь только распространением заключенной в 1439 году Флорентийской унии. В итоге единственным иностранным деятелем, вмешавшимся в события, стал канцлер Збигнев Олесницкий, до этого сорвавший коронацию Витовта. Он решил воспользоваться ситуацией, сохранив обоих правителей Литвы, а промежуточные между ними русские земли включить напрямую в состав Польши. Однако это вызвало несогласие как Рады панов в Вильнюсе, так и части русских земель. 27 марта восстал Смоленск, изгнавший литовского наместника и пригласивший сначала Рюриковича Андрея Дорогобужского, а после его поражения — испытанного Юрия Лугвеньевича Мстиславского, князя Новгорода Великого. Есть данные о возможной причастности к реализации на практике смоленского сепаратизма и Василия Васильевича II Московского, впрочем в 1440 году более озабоченного проблемой «отвержения» унии.

Страна распадалась. Ее судьбы взял на себя высший совет при господаре — «Рада панов», где заправляли аристократические роды Ольшанских и Гаштольдов. Они обратились к младшему брату юного польского короля — Казимиру, только что пытавшемуся безуспешно утвердиться в Чехии. Его интересы были еще далеки от государственного управления, но литовской делегации удалось привлечь его... перспективами хорошей охоты. Олесницкому восстановление единства Литвы было не нужно, поэтому Казимир

отправился туда не великим князем (им оставался Михаил, да и Свидригайло со счетов не сбрасывали), а коронным наместником. В итоге в Великом княжестве Литовском и Русском фактически могло оказаться одновременно три правителя, но... Рада панов обманула и поляков, и Михаила, которого поддерживало рядовое дворянство.

Последнему обещали в случае признания им Казимира Тракайское княжество, а сопротивляться польскому эскорту Казимира из 2000 отборных рыцарей у него сил не было. Поляков также обманули: во время и после пира по случаю прибытия в Вильнюс сторонники Рады заняли замки города и Тракай, выгнав гарнизоны Михаила, а ранним утром 29 июня в кафедральном соборе объявили Казимира с его согласия великим князем, лишив этого титула как Михаила, так и «самопровозглашенного» Свидригайло.

Позднее Владислав III в Венгрии признал это решение Рады, которую возглавлял представитель рода его матери Софии Гольшанской... В обмен Казимир чисто формально распространил решение брата о введении унии в русских землях Польши и, наоборот, о всяческих привилегиях православного духовенства на территорию Великого княжества (1443). Уступив Польше, Казимир пошел на уступки и православным магнатам, воссоздав в этом же году Великое княжество Русское с центром в Киеве во главе с бывшим соратником Сигизмунда Стародубского Олелько (Александром) Владимировичем. Это субгосударство практически стало буфером между Литвой, Москвой и остатками Орды, освободив Казимиру свободу рук на западе, особенно в качестве короля Польского, коим он стал фактически в 1445, формально — в 1447 году. В это же время для бывшего вождя смоленского восстания 1440 года, прощенного Казимиром (собственно, мятеж, подавленный им уже в 1441 году, был начат еще не против него самого) Юрия Лугвеньевича восстанавливается Мстиславское княжество (1444). В борьбе с влиянием еще сохранившихся сторонников Михаила Сигизмундовича и следуя политике дальнейших компромиссов, Казимир и стоявшая за ним Рада примирились со Свидригайло (весна 1443 года) на условиях признания последним Казимира великим князем

и пожизненного предоставления Волыни последнему Ол гердовичу. Наследников он не имел и от политической д ятельности отошел, прожив еще девять лет.

На этом эпоха гражданских войн в Литовско-Русско государстве, начавшаяся со смертью Витовта, получи формальное завершение. В них приняли участие мног бывшие и действующие правители Брянского края и П десенья в целом: Свидригайло Ольгердович, Сигизмун Кейстутьевич, Сигизмунд Корибутович, Михаил Сигизмун дович, Юрий Лугвеньевич. Даже организаторы перевор 1440 года — князья Чарторыйские — в конце XV ве отметились как временные владельцы половины Трубчевск

Но сама Северщина этими войнами была затрону мало, лишь после Швянтойи зафиксированы бои за Стар дуб между Свидригайло и Михаилом Сигизмундовичем, ж жители брянской части Мстиславского княжества мог принять участие в смоленском восстании 1440—1441 г дов. Кое-какие военные события, косвенно связанные гражданскими войнами, происходили к югу (Киев) и вос току (Белевское княжество, Мценск) от Подесенья. Улу Мухаммед еще в 1430 году посылал на помощь Свидри гайло под Киев 12 тысяч татарских всадников, а осень 1437 года он же, пользуясь еще продолжавшимися неуря дицами в Литве, занял белевские земли и даже потреп под Мценском посланные против него московские войск а затем ушел в Казань и стал основателем нового ханств Его ордынский соперник крымский хан Сеид-Ахмед 1437—1438 годах «украйные села поимаша» и «воеваш Рязань и много зла учиниша». Русские земли, оказавши ся в «вилке» между Литвой и Москвой, были не в сил оказывать самостоятельное сопротивление даже расколо тым и ослабевшим ордынцам.

В то же время потомок стародубских Патрикиевы ушедших еще со Свидригайло в Москву, князь Юрий Па трикиевич возглавил оборону столицы против «многи сил» уже казанского хана Улу-Мухаммеда в 1439 году (Ва силий II, по уже сложившемуся «обычаю», покинул е «для сбора войск»), а до этого собирал «черный бор Новгороде в пользу Москвы и Орды. Благодаря Юри

Лугвеньевичу наладились отношения Казимира с Новгородом, который с 1444 года стал пользоваться покровительством великого князя Литовского и Русского, и последний в этом году же остановил своим посредничеством войну республики с Ливонским орденом. Псков, правда, в итоге предпочел более далекое московское покровительство — его первым представителем здесь стал литовский изгнанник Александр Чарторыйский. В брянско-северских землях Литовско-Русского государства нашла отражение и гражданская война в Московском княжестве. В 1446 году здесь нашли убежище сторонники временно проигравшего Василия II. Василий Боровский получил от Казимира Брянск, Мстиславль, Стародуб и «иные многие места в вотчину». Уже как «субвассал» Брянск получил в наместничество Семен Иванович Оболенский, представитель «старых» черниговских Ольговичей. Так эта династия вновь, хоть и временно, вернулась на Брянщину. Этим актом Казимир показывал, что он все же в большей степени наследник политики Сигизмунда Кейстутьевича, чем Свидригайло, — ибо поддержал сына Софьи Витовтовны против потомков союзника Свидригайло Юрия Дмитриевича Звенигородского. Собрав на Брянщине и в Мстиславском княжестве других сторонников Василия Темного, Василий Боровский и Семен Оболенский объединили свои силы в Пацыни (современный Рогнединский район) с татарским отрядом Касима и Ягупа, вассалами московского князя, и двинулись на Москву, восстанавливать на ее престоле своего сюзерена.

Незадолго до этого, в конце 1444 года, произошло одно из самых крупных событий мировой военной истории, в котором столкнулись силы Запада и Востока, — битва под Варной. Выполняя обязательства, взятые перед Византией по Флорентийской унии, юный король Польши и Венгрии Владислав III, грезивший о славе спасителя христианства, в союзе с деспотом Сербии Георгием в 1443 году вторгся на Балканы и дошел до Пловдива, но был остановлен янычарами в узких ущельях Родопских гор и заключил с султаном Мурадом мир. Но по настойчивым увещеваниям Рима в нарушение этого мира он в ноябре 1444 года пошел на помощь Константинополю иным путем — вдоль Дуная,

а затем Черного моря, ведя за собой поляков, венгро сербов, валахов, к которым, возможно, присоединились немцы, чехи, болгары и даже русские из Польши. Ма штабное сражение, длившееся три дня, закончилось ката строфой для европейской армии — король погиб. Инте ресно, что подобранный на поле сражения «литовский (польско-русский) боевой топор, экспонирующийся в му зее Варны, имеет своих «близнецов» в музеях Польши и Брянской области (рис. 42). Битва имела огромные по следствия не только для Византии, обрекая ее на гибел православного мира, делая ненужной унию, но и для суде Великого княжества Литовского. После больших прово лочек с польской стороны, тянувшихся два года, Казимир стал одновременно королем Польши под именем Кази мир IV Венгры избрали сына палатина Яноша Хуньяди инициатора и героя битвы под Варной — Матвея (Мати аша) Корвина. Вновь образовалось Польско-Литовско государство на основе персональной унии.

Новый престол гораздо больше привлекал Казимира, і дав Литве «Общеземский привилей» и раздав власть на ме стах как своим сторонникам, так и (для предотвращения не довольства) потенциальным противникам, он стал прави в основном как король Польский, впрочем, давая Литве за коны и проводя в ней реформы по польскому образцу.

В духе этих действий и будучи доволен прецедентам восстановления местных княжеств (например, Мстисла ского — для Юрия Лугвеньевича), Казимир соверш ошибку — в 1449 году он вернул Стародубское княжест своему главному врагу — Михаилу Сигизмундовичу, д бавив к нему и Брянск. Тот воспользовался ситуацией и союзе с Семеном Олельковичем захватил Киев и нач войну за овладение великокняжеским престолом. На эт раз, по некоторым данным, военные действия затронули Брянск, потеряв который Михаил бежит в Москву, где з тем и умирает от отравы в одном из монастырей. Прием себе бежавшего мятежника явно нарушил обязательст Василия не принимать у себя Михаила. Казимир же сво часть обязательств выполнил — Дмитрия Шемяку на св земли он не пустил, и тот вынужден был погибнуть так

от отравы в Новгороде (1452). Впрочем, далее Казимир не пошел — обещание касалось только самого Дмитрия Шемяки, но не его потомков. Поэтому, вопреки своей же политике по сокращению числа удельных княжеств, принятой после мятежа Михаила в Стародубе, он в 1454 году специально для бежавших из московских пределов и Новгорода Ивана Андреевича Можайского и Ивана Дмитриевича Шемячича (внуков Юрия Звенигородского) создает (точнее, воссоздает) новые княжества. Иван Андреевич с сыновьями получает Новгород-Северское княжество с Черниговом и Гомелем, Шемячич — Стародубское с Путивлем и Рыльском.

В 1465 году Иван Андреевич, вероятно доказавший Казимиру свою верность, получает более близкий к московским землям Брянск. Назначая правителями пограничных с Москвой земель врагов великого князя Московского, традиционного союзника Литвы — Василия Васильевича, Казимир, вероятно, начинает готовиться к прямой военной конфронтации с последним. Будущее показало, насколько он был прав стратегически, но ошибался психологически и тактически.

4. Организация и вооружение войск русско-литовско-татарского пограничья в середине XIV — середине XV века

В середине XIV века (в широком смысле слова) известных изменений ни в структуре, ни в тактике Руси, Орды, «рыцарского» Запада (Польши, Тевтонского ордена с ландмейстерством Ливонским) не происходит. Артиллерия появляется, но она в полевых сражениях еще не используется. Войска же Великого княжества Литовского становятся все более «русскими» по составу и вооружению, а в конце XIV века «разбавляются» и польской рыцарской конницей. Становятся они более разнообразными и по профессиональному составу — в них появляются пешие и конные лучники (сначала русские, затем и этнические литовцы), с одной стороны, тяжелая кавалерия — с другой.

И у литовско-русских, и у воинов других русских зем в середине — второй половине XIV века преобладающ становятся шатровидные шлемы с резкой гранью ме цилиндрическим и конусовидным «шатром» тульи, ча свернутым из одного кованого листа (рис. 34). По тех логии производства они гораздо проще сфероконическ что было важно в связи с упадком ремесленного произв ства в «послемонгольский» период, но не уступали посл ним по своим боевым качествам. Они становятся бо толстыми и тяжелыми, прикрывающими широким вещ шею воина, но оставляющими открытым лицо. По изоб жениям видно, что бармица (иногда не кольчужная, а шуйчатая) закрывает не только нижнюю часть шеи и п ча, но и горло, и нижнюю часть лица. Чуть позднее, рубеже XV века, эти русские шлемы стали совмещат забралами западных бацинетов — сходных по типу ого вий (рис. 33). Сохраняются и более дорогие в производс сфероконические шлемы с высокими «шпилями». Один них «выпал из обращения» на реке Преголь, во время х хода русско-литовского войска на земли Тевтонского дена. В таком шлеме, но с козырьком и шариком на ш ле изображен на печати 1386 года новгород-северск и брянско-трубчевский князь Корибут-Дмитрий (рис. 4 У этнических литовцев все еще существуют и коничес шлемы с широкими полями, надеваемые на капюшо имеющие корни как в языческой Литве XII—XIII ве (без полей), так и в Византии. С полусферической форм тулова такие шлемы-капелины были широко распрост нены, в основном у пехоты — и в Европе с конца XII ве и, с цилиндро-конической формой («шапель»), — XV веке. Литовские варианты отличает коническая тул Такой шлем с широкими полями и шариком на наверш тульи изображен на печати Кейстута 1375/79 года и более поздней эмблеме Витовта (без полей). Не исклю но, что подобные литовско-византийские шлемы мог быть геральдично-парадными аксессуарами, а не боевы оголовьями. Интересно, что на этой печати Кейстут и бражен в пластинчатом доспехе, состоящем из четы ярусов вертикальных узких и длинных пластинок, хар

терном для монголо-чжурчженьской воинской ойкумены, но, судя по не очень ясному изображению, в западного типа кольчуге с капюшоном, рукавами и ноговицами.

В литовско-русских землях действительно со второй половины XIII века все шире распространяются разные типы пластинчатых доспехов, которые все более совершенствуются в их основных ареалах — в Иране и Китае под властью монгольских династий, а от них через Золотую Орду все новшества быстро попадают на Русь и далее — в балтские земли. Первые ламеллярные доспехи в Прибалтике в могиле куршского воина (шестьдесят пластин размером 2×6 сантиметров) датируются еще серединой XIII века, то есть периодом борьбы Курземе при поддержке Литвы с крестоносцами. В этой связи нельзя исключить и прямых поставок из Руси или даже Орды. Фрагменты полного доспеха, состоящего из почти сотни железных пластин разной формы (включая восьмиугольные), прикрывавшие разные участки тела воина, а также обрывки кольчужной «ткани» были обнаружены в Нижнем замке Вильнюса. Некоторые из пластин имеют выступающий полусферический орнамент, который усиливал защитные свойства доспеха, вероятно его центральной части. Имел ли доспех ламеллярный или ламинарный тип — сказать сложно, расположение отверстий позволяет говорить и о том и о другом. Во второй половине XIV века крестоносцы, иногда самостоятельно, иногда приводимые литовскими князьями в ходе междоусобных войн, семь раз (с 1365 по 1394 год) осаждали город, сжигали его предместья, а один раз (в 1390 году, пользуясь поддержкой «друзей» Витовта в городе) захватили и Кривой замок (часть Нижнего). Какое это имеет отношение к Руси? Дело в том, что Нижний замок чаще всего защищали гарнизоны из литвинов и русинов, а в Верхнем со времен осады 1387 года находился польский гарнизон. Кроме того, защитой города в 1390 году от немецких, английских (включая будущего короля Генриха IV) и французских рыцарей — «гостей ордена» руководил и погиб в бою (его отрубленную голову немцы надели на пику) брат Ягайло, правитель Мстиславского княжества, в состав которого входила и часть современной Брянской

области, Коригайло-Казимир. Найденный доспех чрезв
чайно сложный и дорогой и вполне мог принадлежать кн
зю. Уже после смерти Коригайло князем Мстиславскі
стал талантливый полководец, чуждый политики, прав
славный Симеон-Лугвений.

Кроме старых миндалевидных, и в кавалерии (малы
и в пехоте (больших) щитов появляются и «западные»
происхождению треугольные (у конницы) и прямоугольні
«павезы» или «тарчи» у пехоты (маленькие появляются
венгерской легкой кавалерии). Последнее связано с ув
личением количества самострелов в полевых сражения
которые при стрельбе клали на эти щиты. Кроме того, су
по геральдическим изображениям на печатях, у конні
князей присутствуют подквадратные, со скругленной ни
ней гранью, щиты (эту форму в геральдике называют «и
панской», и именно она закреплена на гербе Литвы).

У татар вместо монгольских «хуягов» и половецк
кольчуг получает распространение сочетание кольчуги
пластинчатым доспехом — комбинированные доспехи ти
бахтерцев (рис. 35). Наряду с монгольского и половецко
типов сфероконическими шлемами получают распростр
нение сферические, с нащечниками (рис. 37), восходящ
к цзиньско-чжурчженьским прототипам (они представл
ны, например, в Королевской оружейной в городе Лидс
крупнейшем военном музее Великобритании).

Увеличивается количество цельнометаллических пон
жей и наконечников, пластинчатых наручей и конских ог
ловий — причем как под воздействием мусульманско
Востока (в первую очередь хулагуидского Ирана), так
«рыцарского» Запада, в котором от конца XIII до нача
XV века происходит становление сплошного цельномета
лического пластинчатого доспеха. Одним из первых в л
товско-русских землях, судя по его печати 1386 года, и
пользовал этот целиком «латный», но еще не сплошн
(соединения были кольчужными) доспех новгород-севе
ский князь Корибут-Дмитрий (рис. 33). В это время и
1393 года он управлял, скорее всего, также и Трубчевск
и Брянском. Западный доспех на нем причудливо сочета
ся со сфероконическим русского или даже (с учетом пре

полагаемого козырька и «яблока» на навершии, рис. 33) монгольского типа. Корибут был близким соратником Ягайло и если и не участвовал в посольстве Скиргайло в страны Центральной Европы в конце 70-х годов, то вполне мог быть знаком с их (прежде всего — Польши, Чехии, Венгрии) воинской культурой. С другой стороны, именно его земли были расположены ближе всего к Орде.

Остальные предметы вооружения за такой короткий период меняются мало. Сохраняются пики у кавалерии, перо их наконечников становится более коротким и толстым, втулка — более широкой. Они приспособлены для пробивания пластинчатых доспехов на полном скаку, без оставления копья в теле противника. С возникновением (точнее, возобновлением существования) линейной пехоты (прежде всего в Шотландии — Стирлинг, Баннокберн и Швейцарии — Нефельс, Мооргафель, Грансон) пики появляются и у нее. Во Фландрии начиная с битвы при Куртре (1302) используется специализированное оружие пехоты для борьбы с тяжелой кавалерией — годендаг — сочетание палицы и копья. Было ли это все у восточноевропейской пехоты — вопрос, так как найденные при археологических исследованиях, в том числе в Брянской области, наконечники пик, во-первых, могут принадлежать как пехоте, так и коннице, а во-вторых, при слаборазработанной типологии имеют широкие даты — с XIII по XVI век. Специализированного оружия профессиональной, например швейцарской или чешской, пехоты — алебард, моргенштернов, боевых цепов — нет, зато имеется типично русское пехотное оружие — рогатины. Длина некоторых наконечников, обнаруженных в Брянском крае, достигает 0,5 метра. Находят их вдали от поселений того времени, в густых лесах Деснинского левобережья, вдоль дорог из Московской Северо-Восточной или Рязанской Восточной Руси к Брянску и Трубчевску, по которым могли неоднократно проходить войска Симеона и Дмитрия Московских, Олега Рязанского в середине — второй половине XIV века.

Лезвия сабель становятся более широкими и изогнутыми, их перекрестья отгибаются вниз, центральная часть приобретает «мыски», заходящие как на рукоять, так и на лезвие.

Мечи изменяются за этот период скорее «количестве
но», чем качественно: увеличивается количество полутор
и двуручных, более длинным становится перекрестье. Фо
мы наверший — разные, и дисковидные, и многогранны
Образец последних был найден в Осовике.

Начинает применяться артиллерия. Впервые,
1382 году — москвичами, в оборонительных целях, на ст
нах недавно построенного из белого камня Кремля, бы
применены «тюфяки» (от арабского «туфанг» — неболь
шое орудие, через тюркские языки), отражавшие присту
Тохтамыша. Сами литовцы использовали артиллерийски
орудия при штурме немецких крепостей — в частности,
1382 году при взятии Георгебурга. Практически одновре
менное использование артиллерии и Литвой, и Москво
(учитывая факт обороны последней под руководством ли
товского князя Остея) наводит на мысль о военном взаи
мообмене между двумя союзниками — Дмитрием Донски
и Кейстутом. В 1389 году «от немец» доставляются «ар
маты» в Тверь. Позднее именно их требовал доставить по
стены Москвы осаждавший ее осенью 1408 года Едиге
но тверской князь разумно промедлил. Сделали поставлен
ные на «кованые телеги» «пушки» (это уже славянско
слово, из чешско-польской артиллерийской лексики) н
сколько выстрелов и в начале полевого сражения на Во
скле в 1399 году, впрочем, бесполезно — и затем дост
лись татарам.

В целом данный период можно характеризовать к
переходный, более связанный с предыдущим. Коренные и
менения в русско-литовском вооружении, в плане его «в
стернизации», происходят уже в следующем, XV столети
после Грюнвальда. Московское вооружение тогда же н
чинает сближаться с татарским, а через него — и с во
точным в целом, начинается его «истернизация», котор
приводит к концу XV века к полному разрыву между те
денциями развития московско- и литовско-русского воор
жения.

Часть III

НА РУБЕЖАХ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Глава VI

МОСКОВСКО-ЛИТОВСКИЕ ВОЙНЫ КОНЦА XV — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI ВЕКА. СТАРОДУБСКАЯ ТРАГЕДИЯ

1. Подесенье в середине — второй половине XV века: «предвоенный период»

Казимир I (с 1447 — IV) и Василий Васильевич II (с 1446 года — Темный) никогда не воевали друг с другом не столько потому, что были союзниками, сколько потому, что интересы обоих лежали далеко от московско-литовской границы. Казимир после гибели брата, короля Польского и Венгерского Владислава под Варной был озабочен европейскими делами и возможностями получить вакантные с июля 1444 года престолы, Василия заботили казанские татары Улу-Мухаммеда и его сына Мамутяка, которые с 1439 года постоянно тревожили восточные границы России. Тем не менее в конце 1444 — начале 1445 года произошла скоротечная и непонятная по целям война, напоминавшая скорее пробу сил.

Сначала, в конце 1444 года, младшие братья Мамутяка, перешедшие на службу к Василию, совершили набеги на Вязьму и Брянск, дойдя до Смоленска, затем, когда Василий, зачем-то растревоживший литовцев, снял войска с западной границы и в январе 1445 года пошел против татар, осадивших Нижний Новгород, Казимир вошел в Смоленск, а нескольких воевод (виленского маршалка Радзивилла, ко-

венского старосту, полоцкого и смоленского наместников послал «воевать» московские волости. Против 7 тысяч «литовцев» москвичи смогли выставить только 260 воинов боровско-серпуховского князя Василия Ярославича, который с основным войском находился в походе на татар. Тем не менее им удалось неделю удерживать Козельск, восстановленный после Батыева разгрома на новом месте и с более мощными укреплениями. Были взяты, по новгородским сведениям, пять городов, по литовским летописям, сожжены Можайск, Козельск, Верея, Калуга. Параллельно Борис Александрович Тверской, как союзник Казимира, вторгся на территории, спорные между Тверью и Новгородом, который на тот момент придерживался промосковской ориентации. Но никто нигде закрепляться не стал, эти события даже не испортили отношений двух правителей, поскольку в 1446 году Казимир предоставил убежище в брянских землях бежавшим туда сторонникам взятого в плен Дмитрием Шемякой и ослепленного Василия II.

Впрочем, для Казимира, в отличие от Сигизмунда Кейстутьевича, у которого поддержка сына Софьи Витовтовны была делом принципа, это было всего лишь вопросом тактики — поддержки проигрывавшей в гражданской войне стороны, дабы не дать этой войне в Московском княжестве утихнуть. После отравления в Новгороде Дмитрия Шемяки в 1452 году и аннексии Василием владений Ивана Андреевича Можайского в 1454 году сын Шемяки Иван и вся семья можайского князя нашли такой же теплый прием у Казимира и получили обширные владения в Подесенье, отчасти по праву — Иван Андреевич был внуком Александра Патрикиевича, владевшего Стародубом и, возможно, Брянском на рубеже XIV—XV веков.

На этот раз Казимир хотел убить двух зайцев — сохранить «задел» для возобновления усобицы в Москве и укрепить свои восточные границы от посягательств Василия Васильевича путем предоставления владений на московском пограничье его злейшим врагам. Так, в 1462 году, перед смертью Василия Васильевича, два московских беглеца в Литве — Иван Можайский и Иван Боровский — заключили докончание о совместных действиях по отвоеванию своих вотчин и даже о занятии московского престола Иваном Ан-

дреевичем Можайским, а в 1463 году согласились на предложение новгородцев о борьбе с Иваном III. Казимир не содействовал их планам, но и не соблюдал договор с Василием II, а затем и Иваном III о неоказании помощи их «лиходеям» и «недругам» — князьям-отъездчикам. Верный ему Иван Можайский даже получил в 1465 году специально для него воссозданное Брянское княжество, впрочем ненадолго, до своей смерти, последовавшей вскоре. Впрочем, и московские государи поступали соответственно — принимали у себя Гедиминовичей — стародубских Патрикиевых, а в 1449 году и Михаила Сигизмундовича Стародубского, перебежавшего в Москву. Еще ранее участник заговора Чарторыйских и убийства Сигизмунда Кейстутьевича князь Александр был назначен первым московским наместником в Пскове. С другой стороны, на юге новые владения потомков Юрия Звенигородского смыкались с полунезависимым анклавом — воссозданным в 1443 году киевским или русским княжеством Олельковичей, сподвижников Сигизмунда, а затем участников его убийства и потомков Владимира Ольгердовича, князя Киевского в 1367—1394 годах. Они проводили практически независимую внешнюю политику, имея свои контакты, в том числе династические, с Москвой, Тверью, Новгородом, Молдавией, Венгрией, хотя и признавали Казимира своим господарем. В частности, Олелько Владимирович (женатый на сестре Василия II Анастасии) и Семен Олелькович при содействии Казимира восстановили литовскую метрополию в Киеве в два этапа: 1451 и 1458 годы, в то же время организовав брак сына Ивана III и Елены Волошанки — дочери господаря Молдавии Стефана Великого. Последний даже величал Симеона Олельковича, на чьей сестре Евдокии женился, «царем Киевским». Михаил Олелькович стал князем Новгорода Великого в трудные для последнего времена — не позднее 1470 года, после проигранной республикой в 1456 году битвы с москвичами и заключения кабáльного для Новгорода Яжелбицкого мира, запретившего республике всякие внешние сношения помимо Москвы. Впрочем, в самый ответственный для независимости Новгорода момент — перед Шелонской битвой с москвичами и татарами — князь его покинул,

чем обезглавил новгородское войско и обрек его на пор
жение. Причина была уважительной — смерть его бра
Симеона и желание как можно быстрее занять ставший в
кантным киевский стол. Но у Казимира были иные планы
он опередил Михаила и посадил в Киеве коронного н
местника, ликвидировав полусамостоятельное Киевск
(Русское) княжество в 1471 году. Это событие не было случа
ным эпизодом, оно свидетельствовало об изменении хара
тера внутренней политики Казимира, а в отношении Олел
ковичей имело как предысторию, так и существенн
последствия. Во время заговора Яна Гаштольда в 1462 го
с целью восстановить независимость Литвы князю Киевск
му был предложен престол великого княжества. Симе
Олелькович отказался, но о предложении Казимиру не сказа
по сути скрыв заговор. Король это запомнил и ликвидиров
опасный анклав при первом удобном случае. Данный акт н
прямую ущемил права другого Олельковича — Михаи
потерявшего при этом и новгородский престол. В итоге
принял активное участие в мятеже Ольшанского в 1482 го
и был казнен вместе с ним. Третий участник мятежа
князь Бельский — успел бежать в Москву и нашел там т
плый прием. Правда, бежал он без земель, конфискованны
Казимиром, а ведь целью заговора был именно переход п
власть Ивана III именно вместе с землями. Это отвеча
новой политике московского государя по отношению к Ли
ве, которую он стал проводить после присоединения Новг
рода в 1478 году, однако принятие мятежников с землям
которые на запад простирались до Березины, неизбежн
вызвало бы войну, на которую в 1482 году Иван мог еще
не пойти, несмотря на заключенный в этом году союзны
договор с королем Венгрии Матвеем (Матиашем) Корвино
и «старый» союз с Молдавским княжеством (оба антипол
ской направленности). Сам же Казимир допустил больш
ошибку, не оказав, несмотря на обещание, помощи Нов
роду в 1471 году, так как сажал сына на чешский прест
Хан Большой Орды Ахмат, который также мог попробова
помешать планам Ивана III, был отвлечен захватом сво
столицы — Сарая (сам он был на кочевьях) ратью из Вят
перешедшей под протекторат Москвы. Опоздал Казими

в 1477 году, несмотря на прямой тайный договор с правительством Марфы Борецкой. Когда он все же решил повести войска на московские границы в 1480 году, во время «стояния на Угре» (второго стояния, ибо первое было еще в 1408 году), ему помешало вторжение крымского хана Менгли-Гирея— союзника Москвы —в южные пределы его русских владений, куда он и был вынужден повернуть войска. В 80-х годах Казимир не сумел оказать помощь своему последнему союзнику в России — Тверскому княжеству, будучи скован Венгрией и Молдавией, и в 1485 году Тверь сдалась московским войскам. Но формальный мир еще царил на литовско-московских границах, пока Казимир был более озабочен европейской политикой польской части своего государства, а московский государь — присоединением Новгорода и Твери, отношениями с Ордой и созданием новой внешнеполитической концепции после второго брака Ивана III Великого и Софии Палеолог. После присоединения двух последних соперников Москвы Иван III тихой сапой, без войны, забрал все права на спорные между Новгородом, Тверью и Литвой волости — Ржев и Великие Луки, изгнав оттуда наместников Казимира, начал прибирать к рукам верховские земли вместе с «отъехавшими» из Литвы князьями (Козельск, в частности), что напрямую нарушало российско-литовские докончания, принимал у себя (впрочем, как и раньше, причем обе стороны) мятежников против Казимира (Бельского). На границе постоянно происходили конфликты местного значения между московскими и литовскими служилыми князьями — Воротынскими, Барятинскими, Одоевскими, чьи родовые владения часто были разделены государственной границей. Пограничные воеводы постоянно разбирали споры из-за разбойников, грабежа купцов, взаимного бегства холопов. Казимир предвидит неизбежность войны, но всячески старается ее оттянуть, параллельно укрепляя границу — в Брянск, являющийся ключевой крепостью на границах с московскими владениями, после смерти Ивана Можайского ставится коронный наместник с польско-литовским гарнизоном (есть, впрочем, мнение, что в Брянске в качестве такового до 1486 года правил сын Ивана — Андрей). Другой сын Ивана Семен

получает в удел более отдаленные от границы владения — Стародуб. Князья-беженцы из пяти семейств в конце правления Казимира владеют также Гомелем, Новгородом-Северским, Трубчевском, Любечем, а в Чернигове, Путивле, Радоще, Брянске сидят господарские «державцы», контролировавшие эти небольшие княжества. Князья располагают «своими» и местными боярами, «двором», то есть своими вооруженными силами, с которыми участвуют в военных действиях на стороне литовцев. Так, в 1484 году князь из семейства Шемячичей, наряду с Гедиминовичем Иваном Трубецким, князьями Смоленской и Черниговской ветвей Рюриковичей — Вяземским и Воротынским — участвовал в походе против татар Менгли-Гирея, напавших на оставшийся без князя Киев. Участвовали эти «служебные» князья и в первой войне против Москвы в 1492—1493 годах, и в экспедиции Казимира против Молдавии в 1497 году. Последний, однако, наученный предыдущим горьким опытом со «своими» Гедиминовичами, старался, чтобы эти вотчины не укрупнялись и не превращались в полусамостоятельные уделы.

Иван III готовился к войне не только военно-стратегически, прибирая к рукам небольшие пограничные, выгодные для наступления волости, но и военно-организационно, реформируя армию, а также идеологически, подготавливая обоснование справедливости и правомерности перехода под его руку всех русских земель. К началу 90-х годов для себя он уже полностью определил свое место и роль как в русском, так и во всем православном мире, но хоть и престарелому, но авторитетному королю Польши и господарю Литовско-Русскому открывать свои истинные взгляды не торопился, чтобы его не насторожить до срока, который наступил сразу после смерти Казимира Великого.

2. Войны за присоединение русских земель Литвы к России: конец XV — начало XVI века

Наследник Казимира IV, великий князь (господарь) Литвы Александр II был склонен к компромиссам. Он даже женился на дочери московского великого князя Ивана III.

который, впрочем, с 1493 года (в письме Александру) стал называть себя «господарь всея Руси», — Елене. Это, однако, не спасло его от «пробной» войны, которую Иван III провел в 1492—1494 годах на российско-литовских рубежах, параллельно натравив на литовско-русские земли крымского хана Девлет-Гирея. Александр II представлял только Литву, в Польше правил его брат Ян-Альбрехт (Ольбрахт), который, однако, военной помощи Александру не оказал, так как сам рассчитывал, как и их отец, стать великим князем Литовским. Союзник Ивана Менгли-Гирей послал небольшой отряд пограбить окрестности Киева и Чернигова, чем отвлек часть литовских сил и обеспечил успех москвичей на главных — смоленском и «верховском» направлениях. В наступлении впервые использовалась новая военная сила — поместная конница, «кормившаяся» на отнятых у новгородских бояр землях. На этот раз часть местных князей перешла на сторону Ивана, формально использовав право «отъезда», но вместе со своими и даже «чужими» землями. Присоединилась Вязьма, а один из «верховских» князей Семен Воротынский кроме своей вотчины прихватил еще три чужих города, включая имевший своих князей Мосальск. В итоге войны, военные действия которой, начавшись в августе, завершились уже осенью 1492 года (а переговоры о мире тянулись гораздо дольше ее самой), в начале 1494 года Александр признал переход к России Вязьмы, Воротынского, Одоевского княжеств и обязался жениться на дочери Ивана III, не признав, впрочем, его нового титула — «государь всея Руси». Литва отказывается от всех претензий на еще независимые русские земли, включая Рязань, ратники которой приняли участие в «приграничной войне» на стороне Москвы. Мир 1494 года не провел «демаркацию» границ в верховских землях, так как их князья все еще сохраняли право «службы на обе стороны», что коснулось, например, рода Трубецких.

Еще в ходе войны Александр решил «отблагодарить» сохранивших ему верность Рюриковичей, в частности Семена Ивановича Можайского — он получает Стародуб и Гомель, а после ее окончания летом 1496 года добавляет

к ним Карачев и Чернигов. Василий Иванович Шемячи владеет Новгородом-Северским.

В свою очередь, Иван III, выдав дочь замуж за литов ского господаря в 1495 году, повел тайные переговоры его вассалами — русскими князьями, имевшими вотчин на порубежье, завершенные в апреле 1500 года тайны договором. Причем это были не Гедиминовичи и даже н литовско-русские Рюриковичи, а сыновья бежавших посл проигранной ими междоусобной войны с Василием II пре ставителей московской ветви Рюриковичей — Васили Шемячича и Ивана Можайского — врагов его отца. Был ясно, что мир 1494 года Иван III расценивает как времен ную передышку. Тем не менее Александр II был уверен верности сыновей тех, кому он предоставил политическо убежище. Для привлечения мещан он также готовил пре доставление «магдебургского права» Стародубу (1499).

Однако когда война началась, то все города Подесень во главе с двумя князьями-ренегатами открыли без боя сво ворота крайне южному из трех войск, которые Иван III дви нул на Литву, во главе с ханом Мегмет-Аминем и бояриноі Захарьиным-Кошкиным (предком Романовых).

Боев здесь не было, наоборот, и местные князья, местные жители присоединились к московскому войск Жители Брянска даже схватили литовского наместник пана Станислава Борташевича, и выдали его москвичам

Генеральное сражение поэтому произошло не на лин движения южной армии Ивана III, а центральной (треті северная, армия, базировавшаяся на союзный Моск Псков, предпринимала самостоятельные действия, кро того, с 1501 года воевала с Ливонией).

3. Игры судеб

Интересно, что командовали решающими сражения на реке Ведроша на Смоленщине 14 июля 1500 года л шие полководцы двух государств — гетман Констан Острожский (от Литвы) (рис. 47, 48) и боярин Дані Щеня (от Москвы), оба православные. Однако Констан

был Рюриковичем, а Данила — Гедиминовичем, потомком перешедшего на российскую службу стародубского рода Патрикиевых — Щенятевых...

Более правильное использование артиллерии, которая в Москве к тому времени становилась лучшей в Европе, позволило при равенстве талантов полководцев одержать победу Даниле Щене. Кроме того, обходной маневр Кошкина и Мегмет-Аминя отрезал литовцев от наплавных мостов через Ведрошу. Константин Острожский и тысячи русско-литовских воинов были взяты в плен и отправлены на другой конец державы Ивана III — в Нижний Новгород. Игра судьбы заключалась и в том, что чуть позднее, когда татары во главе с тем же Мегмет-Аминем напали на Нижний Новогород, защищать его было некому, и литовским пленным, которых содержали по тем временам хорошо (Острожского — на 5 копеек, стрельцов по 0,5 копейки в день), было выдано оружие и они отбили натиск татар.

Братья Александра — короли Польши, Чехии и Венгрии — и на этот раз не оказали ему военной помощи, вероятно боясь того, что в ответ Иван III согласится на военный союз с их врагом — императором Германии. Однако они выступили посредниками в начавшихся вскоре после первых неудач москвичей под Смоленском, который взять не удалось. Достойно повела себя жена господаря — Елена (для которой муж согласился оставить ее православную веру), отказавшись шпионить в пользу отца и склонять Александра к уступкам.

Перешедшие на сторону Ивана северские князья доказали свою верность и полезность — в качестве местных правителей они защитили и свои земли, и владения своего нового государя, отразив попытку отряда татар Большой Орды Шиг-Ахмета ударить в тыл русской армии; отступавший отряд был добит Менгли-Гиреем, союз с которым лишний раз доказал свою полезность.

В 1503 году было заключено перемирие, по которому весь Деснинско-Северский регион с Брянском, Черниговом, Гомелем, Новгород-Северским, Путивлем (всего девятнадцать городов) переходил к России. Смоленск остал-

ся за Литвой, хотя и ненадолго. Оба правителя умерли почти одновременно: Иван III — чуть раньше, в 1505 году, Александр II, который к тому времени (1502) был избран еще и польским королем, — чуть позже, в 1506 году.

В том же году потомок участника Грюнвальдского сражения — хана Джелал эд-Дина православный князь Михаил Глинский был послан отразить последний крупный набег крымчаков на русско-литовские земли (в дальнейшем они предпочитали грабить земли московско-русские, в том числе вновь присоединенные в 1503 году). Одержав триумфальную победу и узнав о смерти Александра II, Глинский не торопясь двигался к Вильнюсу, не без оснований рассчитывая, что будет избран господарем Литовско-Русского государства. Но в его отсутствие паны — Рада — избрали иного кандидата. Глинский начал мятеж, в 1507 году ему на помощь пришла Москва, нарушив перемирие 1503 года.

Война эта завершилась в 1508 году с нейтральным результатом, который был громко поименован «вечным миром». Военные действия проходили в основном в Белоруссии, не затрагивая нашего региона. Единственное, что отвлекло тогда Василия III от «литовской» войны и отчасти затронуло восточные окраины Северщины, — готовившийся поход крымского хана Менгли-Гирея. Правда, сам он тогда (да и никогда до своей смерти в 1515 году) на Россию не ходил, а разрешил «пробный» набег нескольких мурз, дошедших до Одоева и Воротынска. Поход провалился, ибо на обратном пути татары были настигнуты соединенным войском местных «служилых князей», проявивших наибольшее рвение, и более неторопливых московских воевод во главе с князем Хованским, которое отбило полон. Успех был во многом достигнут все еще русской дипломатией, ибо более крупное войско во главе с сыном хана было направлено против ногаев, напавших на восточные пределы ханства: татары также не были едины. Это, в общем, небольшое их поражение избавило Россию от опасности вплоть до конца «войны Глинского», да и позже, во время мирной передышки 1509—1511 годов. Менгли-Гирей, несмотря на все усилия польской дипломатии, послал своих «царевичей» с большим войском на Виль-

нюс, а совершенный против России в 1511 году второй «пробный» поход имел гораздо меньшие масштабы и был без труда отбит, ибо русские уже учли изменившиеся отношения с Крымом и начали укреплять южную границу, в частности завершив в 1509 году строительство «центральной» передовой крепости — Тульского кремля. Все же победы Москвы насторожили ее бывшего союзника и в ходе последующей первой смоленской войны Крым открыто поддержал «слабейшую» на тот момент Литву (вместе с Польшей), что выразилось в ежегодных крупных походах 1512—1515 годов. Некоторые из которых, например поход 1515 года на Северщину, совершались вместе с поляками. Михаил же Глинский с неудовлетворенным самолюбием, потеряв родовые земли, «отъехал» в Москву готовиться к новым схваткам с бывшей родиной. Новый государь Василий III, не получив ничего в ходе предыдущей войны, вполне разделял его настроения.

Первая смоленская война фактически началась по наущению Михаила Львовича Глинского еще в ноябре 1512 года и формально длилась до перемирия 1526 года (до этого заключенные перемирия 1520 и 1522 годов оказались непрочными). И хотя война длилась четырнадцать лет, все ее решающие события произошли в 1514 году. В 1519 году на стороне Москвы выступил Тевтонский орден, а крымчаки постоянно с 1512 по 1527 год грабили то московские, то литовские украйны (об этом — отдельно). С июля по начало августа продолжалась интенсивная осада Смоленска. При содействии Глинского у Священной Римской империи были получены опытные пушкари и саперы — подрывники, 300 орудий непрерывно стреляли хотя и каменными ядрами, но покрытыми свинцовой оболочкой. 1 августа 1514 года Смоленск сдался, торжественно въехавший в его земляные валы Василий III назначил его воеводой Василия Васильевича Шуйского, чем кровно обидел Михаила Глинского. Захваченный с поличным — королевской охранной грамотой, — тот был, естественно, отстранен от дел и отправлен в застенок, где позднее и умер (точнее, прожил на свободе всего несколько лет, когда Елена Глинская стала женой Василия III).

Биография полководца

Щеня Даниил Васильевич. *Из рода Гедиминовичей князей Патрикиевых, правивших в Стародубе и часто в Новгороде Великом. Основатель рода в середине XIV века — Патрикий Наримантович. Его потомки (князь Александр Патрикиевич, например), имели право чеканки собственной монеты. На московскую службу перешли при Василии II Темном (1425—1462).*

Сам Даниил впервые упоминается в разрядной книге под 1475 годом. Боярин, придворный, дипломат, полководец. Первый поход — 1489 год, на Вятку, «за ихнеисправление». Участник войны со Швецией 1495 года. В войнах с Литвой — с 1493 года, взял Вязьму. Герой сражения на Ведроше 14 июля 1500 года. Далее— участник Ливонской войны 1501—1502 годов, в частности — сражения у озера Смолино. С 1506 года — официально главнокомандующий всеми российскими войсками, руководил обороной «казанской украины». Участник войны с Литвой 1507—1509 годов, но не на главном, хотя и успешном «фронте» (Торопец).

В первую смоленскую войну хотя и не возглавлял осаду Смоленска, но 31 июля 1514 года именно его Василий III послал принять капитуляцию литовского гарнизона. Это было признаком 20-летних трудов ратных «большого воеводы».

Поскольку даже в широком смысле слова (скажем, последствия) битва под Оршей к Брянщине и всему Подесенью и Северщине отношения не имеет, воздержимся от подробных комментариев ее хода. Отметим только, что Константин Острожский здесь с лихвой реабилитировался за поражение при Ведроше, а в военно-техническом плане здесь впервые была применена артиллерия на полевых подвижных лафетах (рис. 45), за год до Мариньяно, где она принесла победу французам.

Впрочем, вялотекущие столкновения на границе продолжались и после заключения последнего (1526 года) перемирия почти до смерти Василия III (последнее перемирие было подтверждено в 1532 году).

Биография полководца

Константин Острожский, *князь Константин Иванович (рис. 47, 48) родился в 1460 году и рано лишился родителей. О его отце, князе Иване Васильевиче, сохранилось мало известий. Известно лишь, что он неоднократно сражался с татарами и увеличивал свои владения покупкой новых поместий. Константин Иванович — внук Василия Федоровича, князя Острожского, и правнук святого Феодосия, в миру Федора Даниловича, князя Острожского.*

Константин Иванович получил воспитание под руководством отцовских бояр, а также старшего своего брата Михаила. В 1486 году братья Острожские живут в Вильне при дворе великого князя Литовского Казимира, где они вращаются в высшем кругу волынских панов — Гойского, князя Четвертинского, Хрептовича и других. В то же время князья Острожские начали приучаться и к государственным делам, поступив в свиту великого князя, и сопровождали его в переездах.

В 1500 году началась война с Русским государством. Несмотря на то что руководство Великого княжества Литовского прибегло к найму иностранцев, войска, достаточно сильного для успешного сопротивления московским силам, собрать не удалось. Во главе литовской армии был поставлен князь Константин Иванович. Между тем русские войска двумя отрядами вторглись в литовские области. Главные силы направились на Северскую область и, последовательно занимая города, дошли до Новгорода-Северского, второй же отряд под предводительством боярина Юрия Захарьина направился к Смоленску, заняв по пути Дорогобуж.

14 июля неприятели сошлись у реки Ведроши, где и произошел бой. Многочисленное литовское войско было разбито наголову русским войском во главе с боярином князем Даниилом Васильевичем Щеней. Острожский вместе со многими литовскими военачальниками попал в плен. Московские воеводы сразу выделили Острож-

ского из других знатных пленников: он был отвез в Москву, откуда его вскоре сослали в Вологду.

В 1506 году, через посредство вологодского дух венства, по Карамзину, под угрозой темницы кня согласился служить великому князю Московском Тотчас же ему был дан сан боярина, а 18 октяб 1506 года он принес присягу Василию III, утвержде ную поручительством митрополита Симона.

Под благовидным предлогом осмотра вверенных ем войск Острожский выехал из Москвы, приблизился московскому рубежу и через густые леса в сентяб 1507 года сбежал в Литву.

Возвращение князя Константина Ивановича совп ло по времени с известным процессом Глинских, т что великий князь не мог сразу заняться устро ством дел своего любимца. Но в самом непродолж тельном времени ему были возвращены его прежн староства (Брацлав, Винница, Звенигород), да важная в Литве должность старосты луцкого и ма шалка Волынской земли, благодаря чему Острожск сделался главным военным и гражданским начальн ком всей Волыни, а 26 ноября снова был утверж как гетман.

В 1508 году, когда снова началась война с Москво Острожский был вызван из Острога, где он привод в порядок имущественные дела, в Новгород-Северск где в то время находился великий князь, и постав во главе войска. Отсюда он двинулся через Минс Борисову и Орше, которую осаждали московские в воды. При приближении Острожского к Орше моск ское войско сняло осаду. Литовское войско по пят следовало за уходившим неприятелем и, наконе остановилось в Смоленске, откуда сначала было шено послать Острожского и Кишку с отдельны отрядами в московские области, но выполнение эт плана было на время отсрочено и благоприятный м мент утерян.

Только через некоторое время князь Констант Иванович двинулся на город Белый, взял его, занял

ропец и Дорогобуж и сильно опустошил окружающую область. Впрочем, в сентябре 1508 года Д.В. Щеня вернул захваченные Острожским города в подданство русскому государю. 8 октября 1508 года был заключен мир между Московским государством и Литвой. Князь Константин Иванович снова получил несколько крупных наград. Вскоре по заключении мира с Москвой татары снова сделали большой набег, и Острожвкому пришлось выступить против них. Татары были разбиты под Острогом.

Константин Иванович занялся устройством своих хозяйственных дел, так как во время войны с Москвой ему очень часто приходилось снаряжать войска и на свои деньги. К этому же времени относится и женитьба его на княжне Татьяне Семеновне Гольшанской. Новый набег татар заставил Острожского поехать в Луцк для приготовления обороны, но собрать он успел только 6 тысяч человек, и с этими небольшими силами ему удалось одержать победу над татарским отрядом при Вишневце. В награду за заслуги князя Константина Ивановича в борьбе с Москвой и татарами великий князь издал универсал о назначении его паном виленским, что для князя Острожского имело большое значение: он вошел в круг высшей литовской знати и с этого времени был уже не только волынским, но и литовским вельможей.

Глава VII
НА КРЫМСКОЙ УКРАЙНЕ

1. Укрепление новых границ, крымско-татарские набеги

Передышка, фактически наступившая в 20-х годах XVI века, была использована для укрепления новых границ, причем не только западных, но и значительно расширившихся степных. Появилась граница (точнее, широкая пограничная полоса — практически незаселенное Поле») с Крымским ханством. Ранее эти земли формаль-

но принадлежали Великому княжеству Литовскому, и именно через них проходили татары из Крыма и Азова грабить русские земли этого государства. Пока Крым был союзником Ивана III, Москву это не беспокоило. Но после присоединения обширных бывших литовских земель на юге и смерти великого политика крымчаки по традиции продолжили набеги на пограничные с ними русские территории, теперь принадлежавшие Москве. Тем более это соответствовало ордынской стратегии поддерживать слабейшего правителя, которым после перемирия 1503 года, безусловно, стала Литва.

Поэтому присоединения этого года добавили больших военных хлопот там, где их раньше не было. Крымский хан или выступал в поход сам, или посылал своего визиря — «калгу» (мог выставить (обобщая данные многих источников) от 30 до 40 тысяч воинов, если учесть всех «военнообязанных» старше пятнадцати лет, а с учетом вассалов, которые иногда действовали самостоятельно, — Ногайской орды и азовских татар, а также иногда присоединявшихся турецких отрядов, могло достигать 60, а то и 80 тысяч человек). Конечно, далеко не всегда в походы ходили сами ханы, чаще совершали набеги отдельные мурзы с отрядами в несколько тысяч всадников. Набеги были неожиданными, но обычно после сбора урожая яровых или озимых, поэтому их время отчасти можно было предвидеть и быть настороже. Кроме того, отчасти о подготовке набега могли сообщить русские агенты в Крыму или Азове, донские казаки, а вот с направлением было сложнее, тем более отдельные набеги с востока совершали ногайцы (в обход земель еще независимого до 1521 года Рязанского княжества) и до взятия Казани казанские татары. Дело облегчалось тем, что при кажущейся «ровности» степи и удобности ее для набегов на самом деле через нее вело ограниченное количество «шляхов», с учетом наличия «колодезей» — водопоев, балочной сети, переправ через реки. К Брянскому краю вела только одна постоянная дорога — Бакаев шлях, упиравшийся в Сейм в 40 верстах ниже Курска, у Городенского городища в Рыльском уезде. За Сеймом продолжением этой дороги, ведущей к Болхову

и Карачеву, являлся так называемый Свиной шлях. С него можно было попасть на Брянщину, повернув на восток от Оки, либо подняться вдоль Свапы от Рыльска на Севск. Был и другой — по правобережью Днепра, через Киев, далее либо на Остер и все равно на Сейм у Путивля (к нему можно было попасть и с востока, с Бакаева шляха) — ключевой крепости на русском порубежье. От Путивля старая, еще древнерусских времен, дорога вела через Глухов на Севск. Другой вариант этого пути от Остра шел к Чернигову, потом — к Новгороду-Северскому, с переправой здесь на левый берег Десны и далее — опять на Севск. Однако западный путь был малоприемлем по многим причинам: идти можно было только по правому берегу Днепра (слева в него впадало много полноводных рек, переправа через которые тормозила движение и лишала набег эффекта неожиданности), а затем переправляться почти у Киева через полноводную реку — реально это было лишь морозной зимой. По сообщению французского инженера Боплана, строителя крепости Кодак на днепровских порогах, татары зимой ходят на польские, а летом на русские земли. Но главным препятствием для набегов были находившиеся на этом пути начиная с Киева и Переяслава «старые» города — крепости с сильной артиллерией и, главное, гарнизонами, которые могли пересечь путь отступления степняков и отбить полон: а он был главной целью набегов крымцев, наряду с зерном. Крепости эти поддерживались в «рабочем» состоянии из-за прохождения в этих местах российско-литовской, затем — российско-польской границ и были снабжены всем необходимым одной из пограничных здесь сторон. Кроме того, сильно изрезанный овражной сетью рельеф правобережья Десны и густые леса левого ее берега также не способствовали набегам. В итоге если уж татары достигали Киева, то им было гораздо проще повернуть на запад, а не восток и грабить Подолье, а не Северщину. Этим путем крымские татары пользовались лишь при наличии договоренности с одной из двух сторон при условии конфликта последних (как, например, в 1480 или 1492 году), либо, например, по приглашению казацких гетманов во время

восстания Богдана Хмельницкого и последующей украинской «Руины». В итоге на Северщину вели два основных пути крымских или азовских набегов — через Курск или Рыльск и далее к Карачеву или Севску.

До смерти Менгли-Гирея, союзника Ивана III, отказавшего литовцам в «переориентации» своей политики, набеги совершались редко, без официальной санкции хана, хотя с 1507 года Крым официально перестал быть московским союзником. Впрочем, набеги имели место, и не только на Литву (1509) вплоть до Вильнюса, но и на Россию вплоть до Оки (1511), рубеж по которой прикрывала только одна крепость — Тула с дерево-каменным кремлем. В этом году татары «попленили» и ряд верховских городов, затем разорили окрестности Брянска, Стародуба, Путивля. Этот пока единичный набег вызвал первые меры по «обустройству» границы — создание первых засек, «сторожей», сбор даточных людей для их строительства.

И вовремя: в ходе первой смоленской войны, уже по договору с польско-литовским правительством, походы крымчаков на Россию и ее новую область — Северщину следовали один за другим. Правда, вначале, для пробы, одновременно с западным флангом русской обороны татары нападали и на восточную окраину оборонительных линий — на еще независимое Рязанское княжество — два раза за 1512 год. Это были попытки сорвать взятие Смоленска, что слишком усилило бы Москву даже с точки зрения ее «друга» Менгли-Гирея (правда, руководил походами все же не он, а его сын — Мухаммед-Гирей). Первый поход из-за принятых мер оказался не очень удачным, хотя отвлек от смоленского направления войско лучшего полководца — Данилы Щени. Зато это ему почти удалось: в 1513 году для обороны Тулы и линии реки Угра было выделено десять полков, еще один отправлен в Стародуб, что существенно ослабило русскую рать под Смоленском и помешало его взятию в этом году. Не рискнув напасть на северные линии, татары разорили находившиеся к югу от них линии Василия Шемячича и Василия Стародубского, то есть окрестности Брянска, Стародуба, Путивля. В 1514 году ситуация повторилась, татары пошли на Север-

щину, где к ним присоединились «польского короля люди с пушками и с пищалями». Правда, поход оказался неудачным: Смоленск уже пал (1 августа 1514 года), а «Мегмед-царевич» был разбит под Стародубом двумя Василиями — Стародубским и Шемячичем, которые захватили в плен даже некоторых «царевичей». Поход 1515 года Мухаммед-Гирея сопровождали польско-литовские войска во главе с киевским воеводой А. Немировичем, снабженные артиллерией для штурма городов — поляки решили поквитаться за Смоленск, заняв свои «старые» владения на Северщине. Однако даже наличие у войска хана «тяжелого наряда огнестрельного» не позволило ему взять здесь ни одного города за счет стойкости гарнизонов Чернигова, Новгорода-Северского, Стародуба. В их окрестностях было взято «рекордное» количество пленных, по данным поляков, 60 или даже 100 тысяч!

В правление Мухаммед-Гирея (1515—1525) набеги приобрели еще более постоянный и масштабный характер. Правда, вначале новый хан «торговался», кому дороже продать свое военное сотрудничество, и совершал походы на оба государства. Вначале даже, в продолжение традиций предшественника, большой поход был совершен против «старого» противника, а еще в прошлом году — союзника, вероятно не расплатившегося за услуги. В 1516 году 60-тысячное татарское войско вторглось в пределы короля Сигизмунда, сорвав его поход на Смоленск. Первый при новом хане крупный поход на Москву состоялся летом 1517 года, как и предыдущий — на Литву — якобы без ведома хана. Из 20 тысяч участников в Крым вернулось едва 5 тысяч! Успех был достигнут хорошей разведкой и умелым взаимодействием родов войск. Самый крупный, по данным русских информаторов в Бахчисарае, с участием 100, или, более реально, 50—60 тысяч человек, уже сам хан подготовил в 1521 году, когда еще шла первая смоленская война, и дошел до окрестностей Москвы и Владимира. Только подход великокняжеских войск, собранных даже в Новгороде Великом, и опасность удара в тыл отходившим войскам хана рати Ивана Воротынского и других князей, стоявшей у Серпухова, потери всего награбленного заста-

вили Мухаммед-Гирея отойти. Этот поход описан подробно, поскольку в Москве в этот момент было литовское посольство и посол императора С. Герберштейн, но таких походов было немало. В 1527 году калга Ислам-Гирей повел в поход 40 или 60 тысяч воинов. Когда же в поход выступали и союзники хана, например, в 1541 году с Сагиб-Гиреем, кроме крымцев, были и ногайцы «да турского царя люди и с пушками и с пищалями, и иных орд и земель прибыльные люди», их число достигло 70 или даже более 100 тысяч человек. Для борьбы с такими армиями необходимо было собирать основные силы войск России или Великого княжества Литовского (как у М. Глинского в 1506 году). Наиболее же опустошительным был поход хана Девлет-Гирея в 1571 году, когда в одной Москве погибли в пожаре около 100 тысяч жителей (впрочем, уже в следующем, 1572 году соединенное земско-опричное войско во главе с «земским» князем Михаилом Воротынским наголову разгромило повторившего поход хана при Молодях, надолго отбив вкус к его повторениям. Впрочем, гораздо чаще совершались набеги в 1000 или даже 500 всадников, как, например, на Одоев близ брянских рубежей в 1531 году.

2. Ответ России

Однако Брянский регион после завершения основных боевых действий первой смоленской войны от этих походов почти не страдал — татары, которым уже не нужно было увязывать свои планы с Сигизмундом, предпочли не воевать на хорошо укрепленной Северщине, где были разбиты местными князьями в 1514 году, а сразу проходить в центральные уезды России по степному языку, между Окой и верховьями Дона, по границам верховских и бывшего Рязанского княжеств (Рязань была взята москвичами в 1521 году). Именно здесь, в Туле, и был создан первый Разряд — особое пограничное военно-административное образование для постоянной защиты границ. С 1532 года на Оку — главный рубеж обороны от главных ханских сил — вывозились артиллерийские орудия, в том числе

большого калибра, стрелявшие картечью, размещавшиеся на наиболее вероятных направлениях переправ татар через реку. За Окой главное направление на Москву прикрывали Тула и Одоев, где стояли «большие полки», а в Одоеве — и войско местного «служилого князя». На прикрытие Северщины, в том числе и Брянского края, с востока вначале ресурсов не хватало — его защищали местные князья. Южнее находились отдельные города-крепости, самым крайним был Курск, затем построили Белгород, ставший в XVII веке центром одноименного Разряда. Между ними, особенно на переправах через реки, часто на старых городищах, создавались заставы-«сторожи», где находились сменные кони для быстрого оповещения о продвижениях противника. На этой линии в лесных массивах сооружались засеки, напоминавшие по значению «змиевы валы» железного века и пограничные линии Владимира Святого. Позднее, в середине XVI века, начала строиться и сплошная засечная черта, к середине XVII века протянувшаяся от Тамбова до Путивля.

3. Казаки

В Путивле создавался особый «укрепрайон», заселявшийся военизированными казаками-севрюками (из местного населения, особая этническая группа русских), была построена единственная на юге каменная крепость. Здесь находился «узел обороны», так перекрещивались несколько путей в степи, вглубь страны и в Литву.

Значимость Путивля была такой, что его не сдали Польше даже по Деулинскому перемирию 1618 года, передававшему ей почти всю Северщину. Кроме этой, самой западной, части крымской украйны казаки были, причем еще с середины XV века, в рязанских землях, где сразу выполняли именно пограничную службу. Казачьи станицы (разъезды) высылались в степи за линию «сторожей» для раннего предупреждения о набегах, служили «вожами» (проводниками) для отрядов детей боярских, отслеживали татарские «сакмы» (следы передвижения). Они были даже

под турецкими крепостями Азов и Каффа, сопровождали русские посольства и выполняли при них курьерскую службу. Постепенно, но все же еще не с эпохи Василия III, а только регенства его вдовы Елены российское правительство начинает привлекать, вначале тайно, для борьбы с татарами и стоящими за их спиной турками и казаков-«гультяев», вольных, даже «воровских», из которых создается и снабжается царским правительством Всевеликое войско Донское. Это было выгодно: в случае нападений их на татар (ногаев) Елена Глинская говорила, что знать ничего не знает и власти над ними не имеет. С середины XVI века начинают нанимать на службу за жалованье и так называемых «городовых казаков», как часть служилых людей «по прибору», составлявшую постоянную (в отличие от помещичьей) кавалерию гарнизонов пограничных городов-крепостей. Кроме собственно российских казаков фиксируются в это время (1527) и их украинские «коллеги» (казаки черкасские и каневские). Они вместе с путивльскими казаками совершали рейды против татар, на что хан даже жаловался королю. В этом же году именно черкасские казаки помогли своевременно оповестить Москву о готовящемся походе татар на ее владения.

4. Организация обороны

Крепости Путивля и Рыльска и «сторожи» на Сейме прикрывали брянское и северское направления, крепости которых в основном были ориентированы на отражение агрессии с запада. Особые воеводы-наместники со специализированными легкоконными «антитатарскими» отрядами прикрывали только «тылы» этого направления и были размещены в Новгороде-Северском и Одоеве, на южном и восточном периметрах Северщины. Последняя же первоначально вообще не включалась в общегосударственную антитатарскую оборонительную систему. Не только Иван, но и Василий III сохранил удельные княжества Трубецких, Семена Можайского (Стародуб, Любеч, Гомель), Василия Шемячича (Новгород-Северский, Рыльск), князей Одоев-

ских, Воротынских, Белевских. Мало того, Иван III предоставил уделы в этом регионе, на стыке верховских и брянских земель и четырем своим сыновьям. Брянск, в частности, был пожалован Юрию Ивановичу. Была надежда, что князья, защищая свои вотчины, защитят и государство. И он не прогадал. Уже во время первого крупного похода татар на Россию в ходе начавшейся первой смоленской войны в мае 1512 года именно своевременное сообщение Василия Ивановича Шемячича, сидевшего тогда в Стародубе, позволило принять своевременные и адекватные меры для отражения похода «пяти царевичей», которые «отступили от Мингирея». На помощь Василию было послано войско лучшего полководца Данилы Щени, татары изменили маршрут и пошли прямо на север, на «одоевские и белевские места», дойдя в итоге до Коломны. Правда, разгромить войско «царевичей» не удалось, и оно отошло в степи, повторив набег в июне против западного фланга обороны — Брянска, Стародуба, Путивля, пользуясь «стоянием» царских воевод на Оке. Ситуация повторилась и во время повторного похода татар в 1517 году, когда они хотели обойти тульскую линию обороны через северские земли и подошли к Путивлю, их нагнал и разбил, придя из Рыльска, князь Василий Иванович Шемячич. Однако, когда небольшой татарский отряд обманом пограбил в 1531 году северо-восточные окраины Северщины к западу от Одоева, включая Карачев, туда были введены небольшие подвижные отряды «быстрого реагирования», состоявшие из служилых татар, в том числе во главе с бывшим казанским «царем» под русской рукой Шиг-Али, а в Одоев и Новгород-Северский — наместники с отрядами. Построены каменные укрепления в Путивле, обновлена деревянная крепость Чернигова. К 1533 году сложилась стройная и продуманная система обороны, основанная на своевременной разведке и оперативном усилении угрожаемых участков. Сведения получали из разных источников, в частности, в 1533 году от карачевской полонянки, бежавшей из плена и предупредившей казака из рыльской станицы, тот — своего воеводу, тот послал весть новгород-северскому наместнику,

тот — государю, а Василий III непосредственно предупредил карачевского наместника, куда намечался набег, выделил ему дополнительные силы из детей боярских соседних уездов, названных поименно. Ему было приказано собрать в городе окрестных жителей с женами и детьми и регулярно оповещать соседних воевод.

5. Почему было нельзя взять Крым?

Конечно, было и радикальное решение «крымской проблемы» — такое же, как с Казанью и Астраханью. «Политическое» решение вопроса не было реально, так как постоянные набеги крымцев на русские земли Литвы и России коренились не в их тюрко-кочевническом менталитете или исламской идеологии, а в экономико-демографических причинах. Экономика Крыма, при частых засухах, не могла прокормить все возраставшее население, значительная часть которого при этом подражала в роскоши османской элите. Интенсифицировать производство гораздо сложнее, чем просто отобрать готовый «избыточный продукт» у соседей, а остальное получить путем постоянной массовой работорговли. Заставить татар измениться было невозможно, можно было только ликвидировать их военно-политические структуры. Это было в принципе несложно — они не умели не только брать, но и защищать крепости. Это многократно доказали различные русские отряды — и новгородцы, и вятичи, и москвичи, неоднократно, начиная со второй половины XIV века, бравшие Сарай и Казань. В прямом столкновении татары также не могли соперничать с русскими воинами, правда, поймать их в степи было проблематично. Крым с его узким перешейком давал в этом преимущество: заняв Перекоп, русские загоняли противника хоть и в очень просторную, но безвыходную западню.

Однако было две проблемы объективные и одна субъективная.

К первым относится географическое положение Крыма, отделенного поясом безводных степей от коренных терри-

торий и России, и Великого княжества Литовского. Но пояс этот был вполне преодолим при надлежащей подготовке похода и использовании такой водной артерии, как Днепр, устье которого близко подходит к Перекопу. Это неоднократно доказывали и литовцы (Ольгерд, Витовт) до и русские (Василий Голицын, фельдмаршал Миних) после описываемых событий XVI века.

Второе: Крымское ханство с 1475 года находилось под покровительством и сюзеренитетом Османской империи. И дело не в турецких крепостях, прикрывавших дальние подступы к Крыму и Очаков, и Азов самостоятельно брали и запорожские, и донские казаки без особых приспособлений, и даже не в гарнизоне янычар на Перекопе: его без труда преодолел Миних, правда с превосходящей по качеству армией. Другое дело — флот, на котором турки могли без опасения флотов России и Польши (их не было) подвозить подкрепления в блокированный Крым и высаживать десанты в тылу экспедиционной армии. Но главное: и в XVI, и в XVII веке Османская империя (до битвы под Веной и сражения при Зенте) все еще была сильнее и России, и Речи Посполитой (не говоря уже о Литве), взятых отдельно. А ведь они еще и воевали между собой, используя крымских татар друг против друга! И это уже субъективный, но самый важный фактор.

Впрочем, примеры и прецеденты сотрудничества были: основатель (1555) Запорожской Сечи по заданию польского короля Сигизмунда-Августа для препятствования походам татар на русские земли литовско-русский магнат, Рюрикович, Дмитрий Вишневецкий, после его осады здесь турецко-татарским войском, ушел сначала к «черкасским» казакам, а затем на службу Ивана Грозного и несколько лет воевал за российские интересы против общего врага, затем вернулся в Литву. И позднее, сталкиваясь с татарским «беспределом» и насилиями, литовские, польские и русские дипломаты не раз высказывались о желательности согласованных, если не совместных действий против «басурман». Но это были благие пожелания — в реальности же было непрекращающееся соперничество.

6. Стародубская война (1534—1536). Состав и вооружение армии

На этот раз подходящего момента ждали литовцы. И он наступил в 1534 году, после смерти Василия III и начала первого женского (Елены Глинской) правления в России. И это была одна из самых кровопролитных стародубская война, многие военные действия которой почти целиком проходили в межграничном регионе — Северщине.

Последняя война независимого (хотя и в унии с Польшей) Литовско-Русского государства с Россией, охватившая в основном Подесенье, проходила, в отличие от предыдущей, длительной, но малонасыщенной, очень ожесточенно и была полна событиями. Москвичам пришлось сражаться на трех фронтах: северном — Смоленск, Полоцк, Себеж; северском — Стародуб, Чернигов, Радогощ, Почеп; и татарском — в рязанских землях. Война состояла в основном из маневров, осад, штурмов. Лишь одно сражение — под Себежем, уже в конце войны, было полевым. Остановимся подробнее на событиях в нашем регионе.

В Северских землях прошли две насыщенные кампании — 1534 и 1535 годов, и весной — летом 1536 года — небольшой московский поход на Любеч.

Если поход 1534 года был изначально направлен на этот регион (параллельно с военными действиями на других фронтах), то в 1535 году вторгшаяся сюда основная польско-литовская армия сделала это, чтобы избежать столкновения с главной московской армией, действовавшей на 200 километров севернее.

Кампания 1534 года

Состав и численность войск. С польско-литовской стороны: литовское конное шляхетское ополчение, немецкие наемные пушкари и саперы. Татарская конница. Около 10 тысяч человек. С российской стороны: московские конные дворяне, гарнизонные войска Чернигова, Новгорода-Северского, Почепа, Брянска, Стародуба, состоявшие из городовых пушкарей, стрельцов, казаков. Вооруженные местные жители — 6,5 тысячи человек.

Командующие — с литовской стороны: киевский воевода Андрей Немирович (Немира); «конюший дворный» Василий Чиж. С российской стороны: воевода Стародуба, боярин Андрей Левин; наместник Стародуба, князь Андрей Кашин; воевода Чернигова князь Федор Мезецкий; воевода Радогоща князь Матвей Лыков (у остальных городов крупных военных действий не велось, литовцы и татары лишь разграбили их окрестности).

Опустошив окрестности Чернигова, Новгорода-Северского, Брянска, Почепа, литовцы подошли к Стародубу и сожгли его предместья. Но вылазки воеводы А. Левина помешала им. Россияне захватили несколько пушек с прислугой. Отойдя от Стародубской крепости, Немирович и Чиж осадили Радогощ. Воевода Лыков отверг предложение о сдаче и погиб в пожаре с большинством воинов. Возрожденный уже в XVII веке на этом месте город получил новое название — Погар. Последним действием литовцев в 1534 году стала осада и артиллерийский обстрел Чернигова. Но храбрый воевода Федор Мезецкий ответил метким артиллерийским огнем и дал литовцам подойти к стенам, а ночью совершил вылазку на спящий литовский лагерь. Поредевшее к тому времени и уставшее литовское войско пало духом и разбежалось, оставив гарнизону всю артиллерию и обоз. «С отчаянием и стыдом» Немировский и Чиж вернулись в Киев, завершив этим кампанию 1534 года.

Кампания 1535 года («Война трех воевод»)

Она прославила Стародуб (впрочем, не первый и не последний раз) и дала образцы как беззаветной храбрости и самоотверженности, так и трусости и неумения русских воевод. К ней литовцы готовились особенно тщательно, добавив к своему 20-тысячному шляхетскому ополчению и польские войска. Трудность для российских воевод была в том, что это войско, первоначально предназначавшееся для взятия Смоленска, повернуло на Северщину. Причина — литовско-польское командование узнало, что к Смоленску было отправлено основное московское войско во главе с князем Василием Васильевичем Шуйским, кроме того, планировался подход к Смоленску с севера новгородцев и

псковичей во главе с князем Борисом Горбатым и Михаилом Воронцовым. Резервное войско, предназначенное в случае чего прийти на помощь Севершине, не успело этого сделать, отражая набег 15-тысячной орды Ислам-Гирея на рязанские земли.

В итоге разрозненным и поредевшим за предыдущую кампанию гарнизонам северских городов противостояло основное польско-литовское войско во главе с коронным гетманом (главнокомандующим польской армией) Яном Тарновским. В этой ситуации многое зависело от храбрости и военного умения московских воевод и помощи местных жителей. Объектами наступления на этот раз стали Гомель, Стародуб и Почеп.

Соотношение сил: литовское шляхетское ополчение — до 10 тысяч; польские наемные пешие жолнеры — 5 тысяч; королевское войско — 1 тысяча тяжеловооруженных конников и 500 пехотинцев.

Гарнизоны Гомеля, Стародуба, Почепа, вооруженные жители — до 5 тысяч человек (структура освещена для кампании 1534 года).

Командующие: с польско-литовской стороны: коронный гетман Ян Тарновский; великий гетман Литвы Юрий Радзивилл; киевский воевода Андрей Немирович; московский перебежчик князь Семен Бельский; с российской стороны: наместник Гомеля князь Дмитрий Щепин-Оболенский; воевода Стародуба князь Федор Телепнев-Овчина-Оболенский; воевода Почепа боярин Федор Сукин.

Первым на пути поляков и литовцев оказался Гомель. После нескольких дней артиллерийской перестрелки командир гарнизона проявил трусость и вместе с гарнизоном и частью орудий ушел в Москву, где его бросили в застенок за измену. Местные жители, брошенные руководством и войсками, 16 июля сдали город: *«не храбр и страшлив [о Щепине-Оболенском], видев люди многие, и убоявся, из града побежал, дети боярские [дворяне] з ними и пищальники»*.

Стародуб, в котором успели собраться тысячи жителей окрестных сел и возглавляемый храбрым воеводой, сопротивлялся отчаянно и был взят только благодаря немецкой

взрывной технике (рис. 49). Когда королевские и гетманские войска ворвались, не только воины, но и местные жители предпочитали погибнуть в бою или огне, но не сдаваться врагу.

Лучше́ Карамзина не скажешь: *«Ужасный гром потряс город: дома запылали; неприятель сквозь дым ворвался в улицы. Князь Телепнев со своей дружиною показал геройство, топтал, гнал литовцев; два́ раза пробивался до их стана, но стесненный густыми толпами пехоты и конницы, в изнеможении сил, был взят в полон вместе с князем Ситцким. Знатный муж, Петр Ромодановский, пал в битве; Никита Колычев умер от раны чрез два дни. 13 000 граждан обоего пола изгибло от пламени или меча; спаслися немногие и своими рассказами навели ужас на всю землю Северскую».*

Город Почеп и его воевода занимают «среднее» место. Укреплен он был, в отличие от Гомеля и Стародуба, слабо, поэтому воевода Федор Сукин предпочел не испытывать военной удачи и не подвергать жителей ужасам штурма, сам сжег город дотла и с жителями и гарнизоном покинул его. Литовцам достались головешки. Наказан за это Федор Сукин не был.

В итоге сражений стародубской войны на Северщине литовцам достались «кучи пепла» на месте Радогоща и Почепа, руины Стародуба, целым к ним попал Гомель, который и затребовали к себе по миру 1537 года. Брянск и Трубчевск, не говоря о более восточных Карачеве и Севске, не пострадали. На Северщине за всю войну крупных полевых сражений не было, как, впрочем, и в ходе всей войны; стоит упомянуть лишь битву, произошедшую 27 февраля 1536 года у вновь построенного города Себеж, выигранную московским войском. В конце 1535 — первой половине 1536 года русские воеводы осаждали Мстиславль, Новогрудок, Любеч, Полоцк и другие, но все безуспешно. В итоге военные действия завершились «ничейным» результатом, лишь обессилив обе стороны, и весной 1537 года увенчались лишь пятилетним перемирием, в реальности растянувшимся на четверть века, вплоть до на-

чала литовского этапа Ливонской войны (осень 1562 года), имевшей на этот раз к Северщине весьма косвенное отношение. Придеснинские земли, впрочем, разорялись врагами дважды — в начале польско-литовского этапа Ливонской войны 1563—1565 годов, когда основные армии воевали в районе Полоцка и Вильнюса, и в ее конце (1579—1582). Однако в этих отвлекающе-грабительских рейдах участвовали лишь небольшие силы собственно литовцев, а в основном — запорожские и черкасские казаки, с привлечением на первом этапе к участию в грабежах и крымских татар. Руководили набегами глава запорожцев князь М. Вишневецкий (брат основателя Сечи) и киевский воевода К. Острожский (потомок «героя» Ведроши и Орши), оба — Рюриковичи и православные. Хотя им и удалось разорить несколько городов и сжечь их крепости, включая Почеп, Трубчевск, Стародуб и даже Брянск, но удержаться в этом крае литовцы даже не пытались, и он остался по окончании Ливонской войны в составе России. По итогам войны она не потеряла ни одной своей территории, кроме небольшого городка Велиж, хотя и обязалась освободить все еще занятые русскими войсками земли Ливонии и Литвы в ответ на отвод армии Стефана Батория из-под Пскова. В результате Ливонская война оставила след не столько в военной, сколько в литературной истории Придеснинского края: один из руководителей обороны региона — брянский воевода Б.В. Оболенский-Серебряный был родным братом героя романа А.К. Толстого «Князь Серебряный» и также действовал в годы опричнины, которая, однако, на этих окраинных землях отразилась даже положительно: сюда ссылали многих опальных бояр и княжат.

Биография полководца

***Федор Федорович Телепнев-Овчина-Оболенский** — русский князь, воевода. Сын князя Федора Васильевича Оболенского-Телепня, брат Ивана Федоровича, который при регентстве Елены Глинской и малолетнем царе Иване Грозном фактически возглавлял правительство.*

Во время войны с Литвой командовал одним из московских отрядов, действовавших в Северской земле.

В 1534 году он, действуя из Стародуба, разорял литовские земли в окрестностях Мозыря, Турова, Могилева и доходя до Новгорода Литовского. В следующем, 1535 году литовское войско, захватив Гомель, осадило Стародуб, оборону которого возглавлял Федор Федорович. Князь Федор мужественно защищался. Литовцы подвели подкопы, взорвали укрепления, в жестоком сражении Телепнев-Оболенский был взят в плен. С русской стороны погибло около 13 тысяч человек. Литовская сторона использовала его пленение, как повод для начала переговорного процесса с его братом князем Иваном. После заключения пятилетнего перемирия, в 1537 году, князь Федор вернулся в Москву.

7. Организация и вооружение русских войск в конце XV — первой половине XVI века

Специфика организации и вооружения российских войск в конце XV — первой трети XVI века определялась возросшими возможностями объединившегося государства и особенностями тактики и вооружения его противников на Западе и Востоке.

В конце XV века армия Ивана III состоит из нескольких частей и социально-организационно, и в аспекте военного использования. Это все еще отряды удельных или служилых князей, включавшие по традиции их двор и детей боярских. Приводили свои отряды и бояре-землевладельцы (не путать с думными боярами — по званию), но они состояли из «боевых холопов». Имел свой двор и детей боярских и великий князь, они составляли его гвардию и назывались московскими дворянами. Все они составляли тяжелую кавалерию. В отличие от западных рыцарей все они хорошо владели луком и стрелами, могли сражаться, стоя в стременах, по-восточному, но в то же время использовали и таранный удар копьем в первой лобовой сшибке. Действовали отдельными отрядами во главе со своими непосредственными сюзеренами. Оружие применяли тради-

ционное — копье, саблю, реже — западный меч, появляется и новое, ударно-проникающее — клевец или кончар, и ударно-дробящее — шестопер. Богатые могли иметь и новое, еще редкое оружие кавалерии — пистолеты (от итальянской Пистойи).

Защитное вооружение могло быть восточным — турецким или, позже, иранским, а также изготовленным мастерами Оружейной палаты. Старыми были кольчатые брони, с этого времени часто с плоскими кольцами — «байданы» и куяки. «Новомодными» были тюркские колонтари (без рукавов) и бехтерцы (с короткими рукавами) — доспехи из чередующихся пластинок и кольчужной ткани и персидские по происхождению юшманы — кольчуги с вплетенными узкими пластинками (до ста штук). Гораздо позже, к середине XVI века, появляется самый дорогой и надежный для отражения прямого удара рыцарским копьем доспех — «зерцало», имеющий в центре большую круглую выпуклую пластину, заменяющий кирасу. В то же время появляется и конский пластинчатый доспех — «чалдар». Утяжеление вооружения связано со столкновениями с тяжелой рыцарской конницей в «максимилиановских» гофрированных доспехах, распространившихся в первой четверти XVI века, а до этого — чуть более легких полных (без кольчужных участков) доспехов «армэ». Их имели немецкие и польские рыцари, а также богатые литовские магнаты. На «шеломах» появляются переносья-стрелки, пластинчатые назатыльники и нащечники (у кавалерии). Наиболее дорогие шлемы турецкого или иранского производства называются «иерихонками», их носят воеводы. Всякие виды забрал исчезают полностью. Встречаются, но в основном у тяжелой пехоты (а она почти полностью исчезает) и старые шатровидные шлемы с бармицами.

Вторая, организационно новая часть кавалерии — дворяне-помещики, появившаяся формально в 1483 году на землях бывших новгородских бояр.

Жили за счет крестьян, вооружались и экипировались самостоятельно, призывались в случае войны или на регулярные смотры со своими вооруженными слугами из холопов, в зависимости от количества земли и крестьян.

Позднее военной стороной их службы ведал Разрядный; земельной — Поместный приказ. Живя постоянно в поместьях, часто в пограничных уездах, хорошо знали будущий театр военных действий, особенно на степных границах. Вооружение — легкое, чаще только что появившиеся «тягилеи» — стеганные из хлопчато-бумажной материи кафтаны с ватой и вшитыми кусками кольчужной ткани. Восходит к татарскому «хуягу», но более удлинен. Более богатые могли иметь кольчуги или куяки. Аналогичны и шлемы — «шапки бумажные», хотя могли быть и металлические — трофейные или «дареные». Хороши в действиях против степняков или плохой пехоты, малопригодны в боях против регулярных войск. Особым оружием поместной конницы стала совня — древковое оружие с длинным широким и изогнутым лезвием, применялось против легконных татар, наряду с луком и стрелами. Были также сабли, передававшиеся по наследству или трофейные.

Все шире используются «национальные формирования» — сначала «касимовские» и иные служилые татары, после присоединения Казани — отряды народов Поволжья (мордва, черемисы: мари) во главе с их «князьками».

При создании первых элементов засечной черты в пограничные гарнизоны стали включать «служилых людей по прибору» (по найму) — конных казаков и пушкарей и крепостных пищальников — «затинщиков».

Пехота в этот период, с появлением огнестрельного оружия, стала самым слабым местом русской армии. Старое ополчение — «посошные» или «даточные люди» — никак не могло соперничать с наемными ландскнехтами: аркебузирами, пикинерами и мушкетерами, и даже с менее профессиональной, но умеющей владеть огнестрельным оружием польской шляхетской пехотой (все шляхтичи были обязаны служить, но не у всех хватало средств на хорошего боевого коня). У татар пехоты не было вовсе, в случае необходимости ее заменяли турецкие янычары или союзники-поляки, в середине XVII века — запорожские казаки. Русским без пехоты и хорошей полевой артиллерии (крепостная и осадная) было не обойтись, что особенно наглядно показало сражение под Оршей в 1514 году. Не-

мецкие наемники, впервые примененные при осаде Смоленска в 1514 году (по совету М. Глинского), при хронической нехватке средств лишь частично решали проблему. В ходе стародубской войны российские воеводы вообще старались избегать полевых сражений. Однако такая пехота (стрельцы) была создана лишь в середине XVI века, к началу Ливонской войны, и тут же доказала свое преимущество. Недаром все военные действия «регулярных» армий, кроме неудачной для поляков осады Пскова в конце войны, проходили для России на «чужих» политически, хотя не всегда этнически, территориях Прибалтики и Беларуси.

Глава VIII
СМУТА В БРЯНСКОМ КРАЕ (1603—1618)

1. Начало военных событий Смуты

Военный аспект Смуты в Подесенье (Северщине) (рис. 51) начал проявляться ранее, чем в других регионах России. Для этого были объективные причины — оно, как и сейчас, граничило сразу с двумя государствами — Речью Посполитой и Крымским ханством. Правительство сквозь пальцы смотрело на бегство сюда крепостных, здесь был значительный слой свободного и военно-служилого населения (дворцовые крестьяне Комарицкой волости со столицей в Севске, служилые люди по набору, городовые казаки). Недаром именно в Комарицкой волости и началось первое военное движение эпохи Смуты — восстание Хлопко. Отсюда повстанцы дошли до Москвы, где хоть и были разбиты, но с большим трудом (был убит воевода Иван Басманов). Как и в Риме, тела казненных вывешивали вдоль дорог, но не на крестах, а на деревьях.

Войска Лжедмитрия I (рис. 50), вошедшие в Северщину со стороны Киева поздней осенью 1604 года, насчитывали 4 тысячи польских шляхтичей и несколько тысяч казаков, соединившихся с ним еще в Сандомире. Это число вполне соответствует сумме, полученной монахом-расстри-

гой одного из киевских монастырей Григорием Отрепьевым от сандомирского воеводы Юрия Мнишека — 4 тысячи злотых.

Все северские города, кроме самого Новгорода-Северского, признали в Григории царевича Дмитрия и присягнули ему на верность. Армия его росла, правда только количественно — за счет крестьян Комарицкой волости, городовых казаков, мещан, служилых людей. Но ударный костяк его составляли несколько эскадронов польских крылатых гусаров и несколько тысяч легковооруженных польских и литовско-русских шляхтичей.

2. Добрыничи (Добрунь)

Осада Новгорода-Северского не увенчалась успехом. Дав около него символическое арьергардное сражение, Лжедмитрий ушел от подошедшей царской армии в наиболее верную Комарицкую волость, под Севск. Ставкой своей он сделал село Чемлыж, среди жителей которого от поколения к поколению передается молва об этих эпохальных событиях. Преследуя его, войска воевод Мстиславского и Шуйского числом от 35 до 70 тысяч человек дворянской конницы (рис. 55, 58), служилых татар и поволжских народов, нескольких тысяч стрельцов (рис. 54), роты немецких мушкетеров (рис. 53) Жака Маржерета и немецких рейтаров Вальтера фон Розена подошли с запада к соседнему с Чемлыжем селу Добрунь (Добрыничи). Здесь и произошло весьма известное в истории военного искусства и памяти местных жителей, но малоизвестное в истории России, даже краеведении, сражение. Сражение вошло в мировую военную историю, так как в нем впервые был применен залповый мушкетный огонь. Есть сражения, по причине применявшихся там новых тактических приемов или иных военных инноваций вошедшие даже в самые краткие учебники военной истории, и в то же самое время незаслуженно забытые в общих курсах истории. Это в полной мере относится и к крупнейшему по количеству участников сражению эпохи Смуты в России — битве при

Добрыничах 21 января 1605 года, где «впервые русская армия применила линейную тактику» и залповый огонь.

Надо сказать, что в этом плане Россия «запоздала» с эффективным применением новой тактики всего на 4,5 года даже по сравнению с самой передовой в то время в военном отношении страной — Голландией. Впервые построение мушкетеров (рис. 69) в три—шесть шеренг, поочередно ведущих залповый огонь, было применено крупнейшим военным реформатором Морицем Оранским (Нассауским), штатгальтером Голландии, в сражении против испанцев при Ньюпорте во Фландрии 2 июля 1600 года. Однако если в этом сражении залпы голландской пехоты против испанской кавалерии были лишь частным эпизодом сражения и не они решили его исход, то при Добрыничах именно этот тактический прием, по сути, и определил победу российской армии над войсками Лжедмитрия: русский эквивалент мушкета — пищаль, или ручница. Только стреляла она не с сошек — «фуршетов», которые имели только одну функцию, а с выгиба бердышей. Пищалями могли называться и покупные мушкеты и ручницы, изготовленные в Оружейной палате. Были пищали и гладкоствольные и нарезные.

Мушкетеры в бою имели более тяжелое вооружение — кирасу, латную юбку, которых стрельцы не имели, но наличие боевых касок («шапок железных») (рис. 54, 57:6) сближало стрельцов с мушкетерами-морионами (рис. 52) и кабассетами. Конных мушкетеров, в отличие от аркебузиров, также в Добрыничском сражении участвовавших, быть не могло, но к месту сражения они часто, будучи дворянами, добирались на конях.

Больший калибр, более длинный ствол (что давало большую начальную скорость полета свинцовой круглой пули) увеличивали пробойную силу мушкета в сравнении с аркебузой. Появление мушкета связано с последней попыткой рыцарства в первой четверти XVI века противостоять ручному огнестрельному оружию созданием более толстого и гофрированного «максимилиановского» доспеха, который свинцовые и тем более каменные пули аркебузиров пробивали лишь на очень близкой дистанции. Мушкет прошивал такой доспех насквозь с любого расстояния (ра-

зумеется, убойного для данного вида оружия — 150—200 метров). Кавалерия ответила введением более толстого, но лишь частично защищавшего тело воина полудоспеха, которым вооружались рейтары и польские крылатые гусары (рис. 59), позднее — только кирас и касок (с середины XVII века — кирасиры).

На поле Добрыничского сражения обнаружены свинцовые пули разного калибра, хотя всего два-три наконечника кавалерийских пик, хранящиеся в Севском музее.

Что касается самого боя, освещенного пятью видами источников — российских, немецких, французских, польских, даже шведских (П. Петрей) и голландских (И. Масса), то, несмотря на формальное участие в нем с двух сторон от 60 до 100 тысяч человек (Конрад фон Буссов только москвичей насчитывает 200 тысяч), реально исход его решался в самом начале утром 20 или 21 января 1605 года несколькими сотнями крылатых гусар, мушкетеров, конных аркебузиров и несколькими полками стрельцов. Что касается численности войск Лжедмитрия, то наиболее подробные данные о ней также содержатся именно у Петра Петрея. Вначале говорится, что Лжедмитрий на деньги папы и двух польских воевод (Острожского и Вишневецкого) «вооружил 12 тысяч человек и сразу направил их через русскую границу». Затем к нему присоединились 12 тысяч «донских казаков» и 8 тысяч «волжских казаков» из Путивля. Кроме того, по сообщению Петрея, уже во время осады новгород-северского воеводы Острожский и Вишневецкий съездили в Польшу и привели оттуда 2 тысячи «поляков». В итоге получается цифра в 34 тысячи воинов казачьего и польского, а также, скорее всего, и литовско-русского происхождения. Вычтем возможные потери при осаде Новгород-Северского, но добавим также пополнение за счет жителей Комарицкой волости, и остается примерно та же цифра.

Впрочем, Петрей упоминает о занятии Лжедмитрием, кроме Чернигова и Путивля, еще «пяти крепостей», что могло в силу конкретных обстоятельств либо пополнить войска самозванца за счет перешедших на его сторону гарнизонов (впрочем, состоявших частично из уже «учтенных» казаков), либо ослабить, если ему пришлось остав-

лять там свои гарнизоны. Минимальную цифру — 15 тысяч человек — для войск Лжедмитрия называет участник сражения, наемник Бориса Годунова, в дальнейшем — сторонник «царя Дмитрия», ненавидевший как Годунова, так и всех русских, определивший максимальное, фантастическое количество его воинов — 200 тысяч. Дипломат и тайный агент шведской короны Петр Петрей, хотя и не был участником и даже очевидцем сражения, зато обладал в силу профессии лучшими среди всех других аналитическими способностями. Его «Достоверная и правдивая реляция» была издана в ноябре 1608 года в Стокгольме и является все же более достоверным источником, чем дневник необразованного и явно тенденциозного наемника, тем более обработанный только в 1612 году другим человеком — рижским пастором М. Бером. Хотя и Петрей не был беспристрастен, ибо ненавидел поляков-«папистов» и сочувствовал русским, но его данные подтверждаются еще одним участником сражения. И не просто участником с российской стороны, а капитаном роты иностранных наемников, французом Жаком Маржеретом, издавшим в 1607 году свои записки под названием «Состояние Российской империи и великого княжества Московии» и посвятившим их королю Франции Генриху IV Бурбону, чьим неофициальным представителем в России он являлся.

По Маржерету, под Новгородом-Северским «армия Бориса» насчитывала от 40 до 50 тысяч человек и «крепла с каждым днем», в частности, в январе 1605 года к войскам Мстиславского присоединился Василий Шуйский с московскими дворянами и «гвардией» — царскими стольниками. С учетом потерь и оставленных в гарнизонах воинов именно эта цифра представляется наиболее объективной. Если подвести итог масштабного сражения, то со стороны российских войск в нем принимало участие примерно 50—100 тысяч воинов, скорее всего, в районе 60—70 тысяч человек. У Лжедмитрия I могло быть 20 с лишними тысяч сторонников, но не более 25—28 тысяч. В любом случае более ни в одном сражении Смуты такого количества воинов не сходилось ни на одном поле, кроме Добрыничского. В литературе, в том числе и новейшей, имеются иные циф-

ры, с источниками ни в коей мере не стыкующиеся, особенно в «московской» части. Так, у А.Е. Тараса указано следующее соотношение сил: у Самозванца 15—18 тысяч, царских войск — 23 тысячи. Потери также были значительными, но в основном, как это часто бывает в кратковременных сражениях, за счет избиения бегущих в панике воинов и казни пленных.

Российские источники также весьма фантастичны, называя две битвы под Добрунью, в одной из которых победил Самозванец, в другой московские воеводы князья Мстиславские, В.И. Шуйский и И.И. Годунов, который бил врага совсем сказочным манером «храбро и мужественно нападает и нападает и побивает врага, как улицы прорубает». Авторы «Иного сказания» в силу или характера их произведений, или положения при Василии Шуйском явно апологетизируют последнего, прямо или косвенно осуждают как Бориса Годунова и карательные действия его войск по его приказу, так и Григория Отрепьева. С одной стороны, бросается в глаза эпический характер описания действий в сражении Василия Ивановича Шуйского — истинного былинного богатыря, с другой — жуткий реализм при характеристике карательной операции войск Годунова (по его приказу) в Комарицкой волости после Добрыничского сражения.

На самом деле здесь смешаны две фазы боя, наиболее четко и реалистично отраженные у французского капитана мушкетера Жака де Маржерета. Десять эскадронов гусар и копейщиков, пробравшись ложбиной к московской поместной коннице, обратили ее в паническое бегство. Но затем залпы из 10 или 12 тысяч «аркебузных выстрелов» одновременно (то есть первый залп в истории, данный минимум десятью стрелецкими полками и двумя отрядами иностранных аркебузиров и мушкетеров во главе с де Маржеретом и лифляндцем Вальтером фон Розеном) буквально смели большую часть храбрецов с поля битвы и остальных заставили бежать. Есть, правда, варианты событий: стрельцов было 6 тысяч, но они дали два залпа (что вряд ли возможно с учетом скорости перезарядки пищалей), а также то, что на околице села смятение в ряды атакующих внесли выстрелы конных аркебузиров, а в центре села дело

довершил залп стрельцов, которые благодаря этой задержке успели выстроиться «за возами». Стрелявших «немцев» могло быть 600—700 человек, что немало, ибо всего в русской армии было 2500 иностранцев, включая греков и поляков, которых «немцами» не называли. Далее уже московская поместная конница во главе с вышепоименованными воеводами, мстя за собственный страх, бросилась рубить 15—20 тысяч шляхтичей, крестьян и казаков. Организованное сопротивление оказали, по словам ротмистра Борши, только казачьи артиллеристы, уничтоженные дворянской конницей. Голландский посланник Исаак Масса, правда с чужих слов, также отмечает отвагу казачьей пехоты и меткость их «стрелков». Взятые в плен русские были тут же повешены, зарублены, расстреляны и спущены под лед, иностранцы доставлены в Москву.

Что касается потерь мятежников, то наиболее подробные и дифференцированные сведения приводит тот же Маржерет. «Дмитрий потерял почти всю свою пехоту... пять или шесть тысяч человек убитыми, не считая пленных, из которых все оказавшиеся русскими были повешены среди армии, другие со знаменами и штандартами, трубами и барабанами были с триумфом уведены в город Москву». Эти данные контаминируют со сведениями Буссова о 8 тысячах убитых, а также тем, что часть армии уцелела — «Дмитрий с остатками своих войск ушел в Путивль». Этот «остаток» был не малый, ибо, кроме 400—500 казаков, ушедших в Кромы, Дмитрий в мае выступил из Путивля с шестью «отрядами» польской кавалерии, «то есть шестьсот человек», некоторым числом казаков с верховьев Дона и Днепра» и «немногими русскими». Он разделил армию на три части, «сам же с двумя тысячами человек отправился... к городу Москве». Таким образом, не считая разбежавшихся, от поражения при Добрыничах спаслось несколько тысяч человек, в том числе 600 поляков. С другой стороны, жертвами поражения стало гораздо больше людей, чем упоминают Маржерет и Буссов. Возможно, мятежники потеряли убитыми и пленными свыше половины войска, то есть более 10 тысяч человек (согласно разрядной записи, только на поле боя было найде-

но 11,5 тысячи трупов) плюс «репрессированные» местные жители. Потери москвичей были существенно меньше — 5 тысяч человек, хотя битва началась весьма плохо для них.

Конрад Буссов, хотя и воевавший при Добрыничах на стороне Бориса Годунова, но ненавидевший как его, так и Василия Шуйского, которого он называл «изменником» и «убийцей», и воспевавший великие достоинства «царя Дмитрия», «гордого и отважного героя», не преминул описать зверства карателей Годунова — Шуйского в Комарицкой волости, в которой «они повесили на деревьях за одну ногу несколько тысяч крестьян с женами и детьми и стреляли в них из луков и пищалей...».

Поскольку ни у Петрея, который много заимствовал у Буссова, в частности некоторые детали описания битвы, ни у Маржерета этого эпизода нет, можно было бы заподозрить немецкого рейтара в злопыхательстве, если бы в русском по происхождению и лояльном к Василию Шуйскому «Ином сказании» не говорилось о том же, но в еще более беспощадных к злодеяниям Бориса выражениях. Не исключено (хотя и не упомянуто напрямую) и участие как в погоне, так и в последующих карательных акциях и «национальных формирований» — легкой татарской («казанской») конницы, «черемисов», «мордвинов», «черкесов», общая численность которых в составе российской армии в целом, по Маржерету, превышала 30 тысяч человек, а за два с лишним месяца сбора армии они вполне могли к ней присоединиться. Есть и прямое свидетельство о приписке к полку Мстиславского 450 касимовских татар. Тем более что в составе армии, пришедшей из лагеря под Добрыничами для осады Кром, занятых казаками, корелы, татары упоминаются наряду с «немцами, московитами, шведами» и даже «казаками» и «поляками» (не все из них служили Самозванцу). Правда, командовал этой армией уже не князь Иван Мстиславский, как под Новгородом-Северским и Добрыничами, где он получил пятнадцать ранений, а князь Катырев, а затем герой обороны Новгорода-Северского — Петр Федорович Басманов, позднее изменивший Годуновым.

«Даточные люди», собиравшиеся лишь в случаях очень больших войн и осадных работ и составлявшие «обслужи-

вающий персонал», а не боевые части армии, во-первых, не упоминаются, а во-вторых, если некоторое число их и было, то в бою явно не участвовало. Артиллерия ни с одной стороны также не сыграла существенной роли, в отличие от огня стрельцов и аркебузиров, а все тринадцать пушек Лжедмитрия были захвачены еще в начале контратаки.

В итоге можно констатировать, что в грандиозном по числу и составу участников Добрыничском сражении приняли участие практически все сословия и многие народы России, представители Речи Посполитой, Германии, Франции и Швеции. В социальном аспекте в сражении участвовали российские князья, дворцовые чины, дворяне, боевые холопы, городовые казаки. Дворяне, в частности лифляндские (то есть немцы из состава Шведского королевства) были и в составе наемников, получавших не только жалованье, но и имевших земельные владения в России. Впрочем, тогда это касалось большинства иностранных наемников и недворянского происхождения, которых в войске было шестьсот—семьсот.

В войсках Самозванца преобладали казаки — черкасы (украинские и запорожские), казаки донские и «волжские», шляхта польская и русско-литовская, крестьяне дворцовой Комарицкой волости, то есть «полукрепостные». Были, возможно, и горожане Чернигова, Рыльска, Путивля и других.

В этническом плане русские и поляки были на обеих сторонах, но не в равной степени. У Самозванца были и белорусы (русско-литовская шляхта), и украинцы (казаки-«черкасы»). В московском войске достоверно были татары, возможно, и иные нерусские народы России, немцы, в том числе «шведские», и по крайней мере один француз.

Так что в этническом плане Добрыничское сражение вполне заслуживает названия «битва народов».

3. Восстание Болотникова. Лжедмитрий II в Подесенье

События, связанные с крестьянской войной Ивана Болотникова, мало касались Брянского края, да и Подесенья в более широком смысле слова. Однако мятежная Ко-

марицкая волость, еще помнившая карателей Мстиславского и Шуйского, явилась одним из источников боевых сил повстанцев. Сам Иван Болотников, судя по фамилии и титулу его бывшего хозяина, а затем и военного советника князь Телятевского, родом из Смоленщины, был боевым холопом князя, то есть относился к военному, хотя и рабскому сословию. Бежал, служил солдатом — наемником Венецианской республики.

Еще не закончилось восстание (а по сути — гражданская война) Ивана Болотникова, как на Брянщине появился второй самозванец, впервые признанный чудесно спасшимся законным царем Дмитрием, посаженным на трон и коронованным в городе Стародубе. Военных событий в Брянском крае с его именем не связано, так как города сдавались ему без боя, за исключением неудачной попытки взять Брянск по дороге на соединение с остатками повстанцев Болотникова, осажденными в Туле. На этот раз во время кратковременной осады города 9—15 декабря 1607 года стойкость и героизм проявили его жители и гарнизон, никогда, в отличие от других городов Деснинско-Северского региона, не бравших сторону самозванцев, и отряд москвичей князя Мосальского, пришедших на помощь брянцам через ледяную воду Десны. Подход отряда боярина Куракина заставил Лжедмитрия II вообще бежать из-под Брянска.

1608—1612 годы прошли как для Брянщины, так и Деснинско-Северского региона без существенных военных событий, переместившихся севернее, в регионы Москвы, Новгорода Великого, Ярославля, Новгорода Нижнего, Костромы, где выдающийся русский полководец М. Скопин-Шуйский (рис. 56) со своим другом и союзником, командиром шведского вспомогательного отряда Я. Делагарди успешно громил тушинцев и их польских покровителей, пока не был в 1608 году из зависти отравлен подозрительным В. Шуйским — бывшим «героем» Добрыничского сражения и расправы над комарицкими крестьянами. Это привело к осаде Лжедмитрием II Москвы, точнее, его длительному расположению в Тушинском лагере. Раскопки последнего дали обширный археологический материал о вооружении того времени: здесь встречена польская, рус-

ская, казачья конская упряжь и детали снаряжения всадника (стремена, шпоры), бронебойные четырехгранные наконечники пик, клинки и перекрестья сабель как русского производства, восходящие к турецким образцам, так и венгерско-польские «корабелы», торы универсальные, принадлежавшие сельским повстанцам, боевые секиры профессиональной пехоты (шляхты или казаков), кавалерийские топорики-чеканы, типично московские маленькие секировидные топорики, бердыши, наконечники стрел разных типов, свинцовые пули разных калибров, пулелейки, оружейные замки, подкурковые скобы, детали пороховниц, очень мало обрывков кольчуг. Среди пуль есть и обычные шарообразные, и цилиндрические «жеребья» особой разрушительной силы. Калибры, колеблющиеся от 4,2 грамма по весу до 13,8 грамма, указывают как на наличие пистолетов и кавалерийских «ручниц» малого калибра, так и обычных пищалей. В целом же набор вооружения вполне характерен для разнородного войска Тушинского вора. Не представлены также характерные для этой эпохи, хотя появившиеся еще в конце XV века в Венгрии бронебойные топорики-клевцы, один из которых зато найден в Брянской области на пути Лжедмитрия II от Стародуба к Брянску и мог принадлежать представителю феодальной военной аристократии, практически отсутствовавшей в лагере Самозванца. Впрочем, такие клевцы изображены и в руках казаков. А они проходили через Брянщину не только в составе войск Лжедмитрия II, но и позднее, под предводительством гетмана Конашевича-Сагайдачного. Характерно также полное отсутствие рогатин, вероятно, в пехоте к началу XVII века их заменили пики и бердыши.

4. Казаки во время Смуты. Рейд Лисовского и Брянский край

Значительную роль в последующих (и завершающих) военных действиях в регионе сыграли не регулярные войска, а казаки и «партизаны». К началу XVII века казаки в русских землях делились на четыре типа:

1. Казаки запорожские, формально — часть войск Речи Посполитой, получавшие от нее боеприпасы, оружие, продовольствие, иногда — жалованье, но абсолютно самостоятельные во внутренней жизни, вплоть до выбора кошевого атамана. Состав — интернациональный, хоть уроженцы Африки, но вот религия — только православная. Каких религиозных воззрений придерживался казак до вступления в Сечь — значения не имело. Сечь имела зависимую территорию, где казаки могли заниматься охотой, рыбной ловлей и промыслами, но не земледелием. Жениться казаки не могли, это был своеобразный «орден». Род войск — пехота, вооруженная пистолями, ручницами, саблями, короткими пиками, и «морская пехота» на речных и морских лодках — «чайках». Деление — четкое на курени, сотни, десятки, жившие совместно и начальников выбиравшие. Численность — до 10 тысяч. Основатель Сечи (1555 год) на одном из островов днепровских порогов — Хортице — православный князь, Рюрикович, Дмитрий Иванович Вишневецкий, казненный в плену турецким султаном Сулейманом Великолепным.

2. Низовские городовые и реестровые казаки. И вид населения и местечек (не город, но и не село), имевших выборно-назначаемого старосту в Черкассах (отсюда россияне и весь этот вид казаков называли в этот период черкасами). Численность, даже без учета семей, — несколько десятков тысяч. Эти казаки имели землю, их старшины — даже крепостных, они могли заниматься любым видом хозяйственной деятельности. По сути, это было непризнанное (пока) сословие Речи Посполитой. Из состава городовых казаков начиная с середины XVI века, но в основном со Стефана Батория комплектовались так называемые реестровые казаки как списочная (от слова «реестр», список) часть польской армии в составе нескольких сот — нескольких тысяч человек.

3. Казаки российские, вольные, донские. Их положение напоминало положение низовых городовых казаков — это и субэтнос, и особо организованная территория, и войско. У донских казаков была и пехота, и конница, и артиллерия. Именно они первыми поддержали Лжедмитрия I еще в Поль-

ше. Имели своих атаманов, административную и воинскую организацию. Участвовали в Смуте на обеих сторонах.

4. Городовые пограничные служилые казаки на польской и крымской украинах Московского государства. Их центрами были Путивль, Рыльск, Севск, Стародуб, Брянск. Особое сословие и вид вооруженных сил России в XVI—XVII веках. Участвовали во всех внутренних восстаниях, но не польской интервенции.

Казаки всех видов, кроме четвертого, наряду с польской и русско-литовской шляхтой и «крылатыми гусарами» входили в состав «партизанского» отряда из 1200 человек во главе с полковником Александром Лисовским. Отряд был сформирован во время обороны Смоленска от московских войск, для того чтобы глубоким рейдом в российские земли отвлечь часть царских войск от осады Смоленска. В его состав вначале вошли от 430 до 600 человек, по мере продвижения к Брянску его численность возрастала до 800, а максимум — до 1200 человек. Этнический состав был весьма разношерстным: поляки, литовцы, казаки запорожские и донские, татары, немцы — пятнадцать человек ирландских наемников, до этого служивших Швеции и Москве. Хотя члены отряда обязывались служить за добычу, по королевскому указу им перед походом «авансом» было выплачено трехмесячное жалованье. Из-под Смоленска отряд двинулся во второй половине февраля 1615 года, 13 марта подошел к Брянску. По дороге от него отделился отряд Я. Кишки, повернувший на Стародуб (результат неизвестен), но присоединились донские казаки Заруцкого. Ставка Лисовского расположилась в селе Хотылево в 20 километрах к западу от города. Откуда он в апреле писал гетману Ходкевичу, что разгромил под Брянском трехтысячный деблокирующий отряд (хотя никакой осады не было просто из-за нехватки сил) и просил подкреплений. В мае к полковнику подошли две роты польских подкреплений, еще «бродячие» наемники (ирландцы и шотландцы) и донские казаки, и численность достигла максимума (1200 человек). Узнав о приближении «деблокирующих» московских войск, «лисовчики» нанесли по ним упреждающий удар 9 июня на Карачев, атаковали лагерь Шахов-

ского под его стенами, затем взяли сам город и пленили князя Юрия Шаховского и карачевского воеводу Безобразова. Потери русских составили 1500 человек — практически все войско Шаховского и карачевский гарнизон. Пленных полководцев и десять взятых знамен отслали Ходкевичу, который в ответ опять послал подкрепление. Он снова попытался взять Брянск, но безуспешно (22 июня) и отошел на свою новую базу — Карачев. Сюда к нему подошли подкрепления от Ходкевича (наемники), 600 «конных черкасов» «от короля», разный сброд под командой Тышкевича, русские «воры» — дезертиры из войска Пожарского. В итоге он не только компенсировал потери, но и довел численность своего разношерстного войска до 1500 человек. При известии от дезертиров о приближении войск Дмитрия Пожарского, которые «в идеале» могли достигать 15 тысяч, в реальности были намного меньше, Александр Лисовский мимо Карачева увел отряд к Орлу, под которым произошло хоть и не очень упорное, но растянутое по времени сражение, едва не покончившее с карьерой полковника Лисовского. Но... именно едва. Рейд продолжался, несмотря на потери, но проходил он уже не по брянским землям. Пожарский следовал за Лисовским по пятам, но победы не одержал ни один из знаменитых полководцев. Это помешало Пожарскому помочь осадной армии под Смоленском, и город вернуть не удалось. Завершился рейд в ноябре 1615 года под Ржевом, где Лисовский сорвал подход русских подкреплений к осажденному Пскову. Получив от короля 10 тысяч флоринов на подготовку нового рейда, Лисовский от Гомеля пошел на Стародуб, затем в Комарицкую волость (возможно, надеясь поднять восстание), но нелепо погиб, упав с коня, 11 октября 1616 года.

Это был последний военный эпизод Смуты для центральной части «межграничного» региона — Брянщины, однако его восточные окраины подверглись превратностям военного времени еще раз — летом 1618 году, когда по их территории (через Ливны—Елец) повел 20 тысяч «черкасских» казаков на помощь королевичу Владиславу, осаждавшему Москву, гетман низового войска Петр Конаше-

вич-Сагайдачный, будущий герой Хотинского сражения с турками 1621 года.

Но Польша успела закончить войну с Россией выгодным для нее Деулинским перемирием 1618 года, когда почти весь деснинско-северский регион от Путивля до Стародуба, а также Смоленск отошли к ней. Но Брянск, Карачев, Трубчевск, Севск остались за Россией. Стародуб, в этом же году сожженный Конашевичем-Сагайдачным, получил наконец магдебургское право и стал самым крупным полковым центром низового (русского для Речи Посполитой) казачьего войска. Но это уже другая история.

Исторические источники о битве при Добрыничах (Добрунью)

«В январе москвиты выступили всей военной силой опять в поход, чтобы преследовать Дмитрия дальше. Набралось их свыше 200 тысяч человек, и 20 января, в День святого Фабиана и Севастьяна, они подошли к Добрыничам. Дмитрий тоже соединился со своими и собрал войско в 15 тысяч человек. С ними он напал 20 января на московское войско, смело врезался в него и побил их так, что они принуждены были отступать и обратиться в бегство. Он захватил всю их артиллерию, и на этот раз все поле сражение и победа остались за ним, если бы на него не напали выстроенные в стороне два эскадрона конников... Они с такой силой ударили на полки Дмитрия, что не только не смогли преследовать бегущих московитов, но даже вынуждены были снова бросить взятую артиллерию и обратиться в бегство... Они смело преследовали бегущее войско Дмитрия, стреляли во всадников и закололи всех, кого могли настичь и нагнать. Когда московиты увидели такую храбрость немцев и то, что те одни в поле боя и отогнали врага, они снова собрались с духом, и много тысяч их кинулось помогать немцам, преследовали врага 3 мили... Во время этого бегства Дмитрий был почти наголову разбит. Его царский конь под ним был ранен в бедро, а сам он едва спасся» (***Конрад фон Буссов, немецкий рейтар***).

«28 декабря Дмитрий Иоанович, видя, что ничего не сможет сделать, снял осаду Новгорода и ушел в Северскую землю, которая весьма плодородна, где большая часть поляков его покинула. Несмотря на это, он собрал все силы, какие смог, как русских, казаков, так и поляков и доброе число крестьян, которые приучались к оружию. Армия Бориса также крепла с каждым днем, хотя одна его армия находилась в стороне Кром и преследовала сказанного Дмитрия (но так медленно, что можно было бы подумать, что они не хотят встретиться). Наконец, миновав леса и чащи, через которые армию проводили в течение целого месяца, они снова приблизились к войскам Дмитрия, который, узнав, что его армия расположилась в деревне в такой тесноте, что невозможно было двинуться, решил напасть ночью врасплох и предать огню сказанную деревню при помощи нескольких крестьян, которые знали к ней подходы. Но они были со всех сторон обнаружены дозорами и так настороженно держались до утра; а это было утро 21 января 1605 года. Армии сблизились, и, после нескольких стычек, при пушечной стрельбе с обеих сторон, Дмитрий послал свою главную кавалерию вдоль ложбины, чтобы попытаться отрезать армию от деревни; узнав об этом, Мстиславский выдвинул вперед правое крыло с двумя отрядами иноземцев.

Поляк, видя, что его предупредили, пошел ва-банк, атаковав с какими-нибудь десятью отрядами кавалерии правое крыло с такой яростью, что после некоторого сопротивления, оказанного иноземцами, все обратились в бегство, кроме основной армии, которая была как в исступлении и не трогалась, словно потеряв всякую чувствительность. Он двинулся вправо к деревне, у которой находилась большая часть пехоты и несколько пушек. Пехота, видя поляков так близко, дала залп в десять или двенадцать тысяч аркебузных выстрелов, который произвел такой ужас среди поляков, что они в полном смятении обратились в бегство. Тем временем остаток их кавалерии и

*пехота приближались с возможно большим проворством, думая, что дело выиграно. Но, увидев своих, бегущих в таком беспорядке, пустились догонять; и пять или шесть тысяч всадников преследовали их более семи или восьми верст. Дмитрий потерял почти всю свою пехоту, пятнадцать знамен и штандартов, тринадцать пушек и пять или шесть тысяч человек убитыми, не считая пленных, из которых все, оказавшиеся русскими, были повешены среди армии, другие со знаменами и штандартами, трубами и барабанами были с триумфом уведены в город Москву. Дмитрий с остатком своих войск ушел в Путивль, где оставался до мая» (**Жак де Маржарет, капитан мушкетеров**).*

«А царь Борис, услыша, что Гришка Расстрига называет себя царевичем Дмитрием и многие города переходят к нему без боя, а стоит под Новым Северским городом, — и посылает из Москвы воевод на выручку града, князя Федора Ивановича Мстиславского, да князя Василия Ивановича, да князя Дмитрия Ивановича Шуйских и с ними многих воевод со многими войсками. Когда же подошли к городу и начали помогать осажденным, и войско с войском сошлись. И так сошлись два войска, и была великая сеча, рубились, друг друга хватали за руки, и был вопль и шум от человеческих голосов и такой грохот оружия, что земля задрожала, и нельзя было слышать, что один говорит другому. И битва была страшна, как и на Дону у великого князя Дмитрия с Мамаем, ужаса и страха была полна эта битва.

А Гришка с хитростью приготовился к бою: многие его люди и кони были обряжены в медвежьи шкуры и в овечьи шкуры, вывернутые наизнанку, у других коней по обе стороны — косы, и они режут людей в тесноте и творят много зла. И кони московского войска от тех коней отшатнулись и не пошли на врага. И они в том смятении начали еще больше убивать и одолевать, и так московское войско смешалось, и в этом смятении много людей побили, и дошли до само-

го воеводского знамени, и человеческими телами замостили землю, будто мостом, и по земле ручьями потекла человеческая кровь, и тяжело ранили самого воеводу князя Федора Ивановича Мстиславского. И так его Гришкино войско одолело, и Борисово войско побежало...»

О второй битве при Добрыничах

«И вновь не спит кровожадный лев, со своими зверями, как на брачный пир, стремится на кровопролитие, лакать христианскую кровь и поедать человеческую плоть, собирает полки воинских людей. Но и эти московские Борисовы воеводы не страшатся его зубов, но еще более дерзко выступают против него и с храбрыми сердцами ополчаются, чтобы отомстить ему за прежде пролитую христианскую кровь. Как ясные соколы на серых утят или как белые кречеты чистят клювы, чтобы клевать, и острые когти, чтобы вонзать в плоть, и расправляют крылья свои, и плечи готовят к убийству птичьему, так и христианские поборники православной веры облачаются в доспехи воеводы с христолюбивым своим войском против сатанина угодника и возлюбленного бесами его воинства, берут в руки оружие и щиты и призывают на помощь Бога и пречистую Богородицу, христианскую заступницу и помощницу, и московских чудотворцев и всех святых.

И начали сходиться при Добрыничах под Комарицкой волостью; через несколько дней после первой битвы выстроились оба войска, была вторая битва, более жестокая, чем первая. Стремились друг друга одолеть, и многое множество людей падало с обеих сторон, как деревья склонялись или как снопы валялись по оврагам, и ни один не хотел отступить от другого, но каждый хотел дрýгого поразить, и друг друга убивали. Страшно и ужасно было это видеть, стояла великая и жестокая битва, и много крови проливалось. И московский воевода князь Василий Иванович Шуйский не мог видеть проливаемой крови, взъярился

сердцем и умно и храбро со своим полком правой руки кинулся на войско сатанина угодника и, надвое разделив его, сек, как траву, опрокинул противостоящих, а те, кто испугался смерти, побежали от него и освободили ему путь. С полком левой руки также показал свое мужество Иван Иванович Годунов: храбро и мужественно нападает и побивает врага, как улицы прорубает, никто против него не может встать. Так и иные воеводы и головы не могли устоять, крепко и единодушно выступили и смяли все войско его, и те, показавши спину, побежали. И они их гнали и без милости рубили их сзади, и многое множество их побили и многих взяли живьем, и мало их спаслось. А самого треклятого врага Иван Татев увез к городу Рыльску, и оттуда он бежал в город Путивль. И если бы его тогда князь Иван Татев не спас, то и сам бы был тут убит. Но за наши грехи он остался в живых, чтобы вновь проливать христианскую кровь и победить царя Бориса.

И треклятый Гришка Отрепьев еще более страхом и великим трепетом был объят и, потеряв всякую надежду, начал помышлять о побеге в Литву. А царь Борис наполнился ярости и гнева на жителей Комарицкой волости и повелел ее великим пленом пленить и опустошить до конца за то, что предались и служат Расстриге, и всех православных христиан от мала и до велика посечь мечом, а иных мучить различными муками, что и было исполнено. И кто, даже имея камень вместо сердца, не заплакал и не застонал о том, как завоеваны были православные христиане Комарицкой волости царем Борисом? И поганые иноплеменные народы не могут сделать того, что сделал царь Борис, изливая свой гнев и ярость, многими мучениями без пощады мучал и убивал не только мужей, но и жен и невинных младенцев, сосущих молоко, и побил всех множество — от человека и до скота. И их имущество было разграблено, и дома их были разорены и сожжены огнем, все обращено в пепел, так что небывалое злое его пленение и описать невозможно (***русская летопись***).

Глава IX

ОТ СМУТЫ ДО АНДРУСОВА. РАЗДЕЛ ГЕТМАНСТВА, ПРИМИРЕНИЕ С РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ

Этот период в военной истории Брянского края отмечен борьбой за возвращение значительной его части в состав России. Но в отличие от предыдущих событий, кроме двух главных противников — Речи Посполитой (до этого Великого княжества Литовского) и России (до этого — Московского великого княжества), появляется и третий, практически самостоятельный «игрок» — Гетманство Русское, Запорожское (позднее — Украинское).

1. Брянский край после Деулинского перемирия: российская часть

Большая часть Подесенья, Северщины и Брянского края после 1618 года оказалась в составе Речи Посполитой, при этом север Подесенья со Стародубом вошел в состав Смоленского воеводства Великого княжества Литовского, а юг — Черниговского воеводства «короны Польской» (рис. 60), которое параллельно входило в состав и низового казачьего войска, население которого в России называли «черкасами». Во второй, восточной, российской части региона, сильно возросло значение оставшихся в ее составе крепостей — Брянска и особенно Севска. Южнее его, на крымской «украйне» оставалась только одна крепость — Путивль. В итоге севский «укрепрайон» стал ключевым в обороне юго-западных участков российско-польской границы, особенно до возвращения в состав России Трубчевска в 1645 году. Собственно, северская и польская (от слова «поле») украйны данного участка обороны Российского государства были обращены как к Речи Посполитой, так и к Крымскому ханству, от которого оба государства отделяло «Поле», колонизуемое как с севера, из России, так и с запада — «черкасами», подданными Речи Посполитой. Западный, северский участок был более спокойным

вплоть до Смоленской войны 1632—1634 годов, а вот на польский совершались постоянные набеги, но не крымскими татарами, а «воровскими черкасами». Тому было две причины: постоянное противостояние Речи Посполитой (в те годы — хотинская война) с Османской империей, последним вассалом которой было Крымское ханство.

В 1623 году Ибрагим-паша даже дал от имени крымского хана Мегмет-Гирея обязательство («шерть») не нападать на украинные российские города и пограничные «станицы», не убивать посланных от них в дозоры «ездоков» и «вожей». Причина понятна: в ходе постоянных войн с католиками Турции не имело смысла приобретать еще одного врага в лице православной России, а крымчаки могли удовлетворять свои грабительские «аппетиты» за счет русских, в том числе «черкасских», земель Речи Посполитой. Впрочем, в последнем случае большой вопрос, кто на кого нападал: с 1589 по 1647 год казацкие «чайки» буквально терроризировали турецкие крепости на всех берегах Черного моря, включая Трапезунд, Босфор и базу османов в Крыму — Кафу. При этом освобождались христианские пленники, которых было немало: по польским данным, только с 1605 по 1633 год татары угнали с русских земель Речи Посполитой и продали через Кафу 250 тысяч пленников, разорив около 200 городов и свыше 2 тысяч сел. Нападения иногда совершались до пяти раз в год. Татарские набеги продолжались вплоть до 1648 года, когда Богдан Хмельницкий заключил антипольский союз с крымским ханом.

С другой стороны, имелся и интерес Польши к заселению «Поля» своими подданными — «черкасами». В итоге из пятнадцати «сторожей», выдвинутых в степи от Белгородской засечной черты, двенадцати была поставлена задача предупреждений именно «черкасских» набегов на российские территории. Еще большему урону от них подвергся путивльский оборонительный район, «угловой» для двух «украйн».

Севский укрепрайон был в этом смысле самым «тыловым», однако и здесь военные столкновения с «черкасами» имели место. В частности, уже после Андрусовского перемирия, в 1618 году, черкасские казаки «баловались» в

Комарицкой волости в окрестностях Севска, пока не были изгнаны карачевскими «детьми боярскими». В 1619 году воевали с казаками в этих же местах и ратные люди брянского воеводы В. Борятинского. Воеводы русских пограничных городов, в том числе Брянска и Севска, получили в 1630 году предупреждение от лазутчиков о готовящемся нападении на пограничные земли «литовских людей» и «черкас» из Новгорода-Северского и Трубчевска. Польское правительство формально к этим «воровским» набегам отношения не имело, однако смотрело на них сквозь пальцы и тайно поощряло, тем более что по Деулинскому перемирию (не «мирному договору»!) хотя военные действия и прекращались, но Михаил Федорович законным царем Московии не признавался, им поляки все еще считали королевича Владислава.

По мере восстановления производительных сил страны воссоздавались и ее вооруженные силы, что хорошо видно на примере Севска, структуру которого хорошо изучил В.В. Крашенинников. Как и в Речи Посполитой, в России также были казаки, и не только «вольные, донские, но и служилые, или «городовые». Их отбирали из появившихся во время Смуты «охочих людей» (добровольцев), казаков «по прибору» (наемных). После 1618 года их поделили на три части: некоторых отсеяли, превратив в «гулящих людей» (безработных), лучших возвели почти до уровня помещиков, превратив в «верстаных поместных казаков», третья часть превращена, собственно, в «городовых казаков», довольствие которых состояло из трех частей: участка пахотной земли в 10 «четей»; хлебного довольствия; денежного жалованья по 2,5 рубля в год рядовым. Иногда, в том числе в Севске в 1630 году, казакам вместо хлебного довольствия удваивался размер земельного надела. Казаки несли конную службу, часто были в разъездах — до Путивля, а то и дальше в степи, в «сторожи» и «станицы». Их было немного: в Карачеве — 63 человека, в Севске — и того меньше (так, в 1626 году для несения сторожевой службы на реку Псел из Севска было отправлено только двадцать пять конных казаков с пищалями). Кроме того, по Севску есть данные о жалованье пятидесятников (3 ру-

бля с четвертью), но ничего нет о сотниках. Судя по количеству земли, выделенной в 1623 году для прокормления переселенных из Новгорода-Северского казаков, их было сто двадцать пять. Стрельцов, которых из-за финансового кризиса также перевели на самообеспечение, в это же время в Севском гарнизоне насчитывалось двести: им давалось вместо жалованья и довольствия по 24 чети пахоты, отобранной у местных крестьян, переселявшихся в другие деревни. По мере преодоления кризиса и приближения срока окончания перемирия количество стрельцов увеличивалось на пятьдесят человек за счет временно безработных переселенцев из отданных поляками деснинских крепостей («гулящих людей»), которые в 1631 году «били челом» о принятии их «в службу». Получали стрельцы по 2 рубля в год — меньше, чем казаки.

Кроме казаков и стрельцов, в состав гарнизона входили пушкари, «затинщики» (от «затинных пищалей»), а также люди невоенных профессий, но крепости необходимых: плотники, воротники, кузнецы и даже ямщики. Всем им также давалась пашня и один на всех смешанный лес размером 10 на 8 верст, «хоромный, дровяной» и с «бортными деревьями». В 1627 году к Севской крепости приписали и обширную «дворцовую» Комарицкую волость, ранее входившую в Брянский уезд. И это неудивительно: из небольшого острожка Севск превратился в мощную, состоявшую из нескольких площадок, дерево-земляную крепость с бастионами и раскатами. Она закрывала образовавшуюся между Брянском и Путивлем «дыру» в связи с передачей старых крепостей по линиям: Чернигов—Стародуб и Новгород-Северский—Трубчевск, а также Почеп, Мглин и другие. Правда, в 30-х годах XVII века в Севской крепости орудий калибром свыше 0,5 гривенки (25—35 миллиметров) было меньше, чем в «старых» Путивле и Брянске (соответственно, двадцать орудий, из них двенадцать полевых, в Севске, и по двадцать девять — в двух других крепостях). В случае военных действий крестьяне Комарицкой волости предоставляли «даточных людей» (вспомогательных военно-технический персонал), а Брянский уезд — конницу из дворян и «детей боярских» (рис. 55, 58) и их «боевых холопов»

2. Польская часть Брянского края после Деулинского перемирия

В западной части Брянского края, перешедшей к Речи Посполитой, никаких особых военных приготовлений не наблюдалось. Это государство было занято войной с основными силами Османской империи, да еще оказалось косвенно вовлеченным в общеевропейскую Тридцатилетнюю войну. Организовать защиту вновь приобретенных земель от татар было некогда. Кроме того, одержав в 1618 году победу над Россией, поляки были уверены в своих силах на востоке и полностью доверяли в этом черкасским (для Польши — «русским») казакам. Они переселялись лишь на земли, опустевшие после ухода московских служилых людей за новые пределы России. В итоге на Стародубщине и в целом польской части Севрщины появляется два слоя населения — «старые», еще с русским сознанием, крестьяне и новые поселенцы — «черкасы». Мещанство в городах было более монолитно, тем более что получало ряд привилегий, связанных с магдебургским правом. Административно «польская» часть Брянщины вошла в Стародубское староство Смоленского воеводства, на должности назначались как поляки, так и представители казацкой старшины. Последняя именно в 20-х годах испытывала наибольшие иллюзии в плане ее уравнения в правах с польской шляхтой и приобщения к высшей власти в королевстве путем включения ее в состав сейма и участия в выборах короля. Основания для таких надежд, особенно между Хотинской и Смоленской войнами, были. «Черкасы» во главе с гетманом Конашевичем-Сагайдачным, по сути, завершают Смуту в Московском государстве, совершив поход в помощь королевичу Владиславу, а в 1621 году вообще спасают польскую армию от турецко-татарского разгрома в многодневном сражении под Хотином. Здесь получил смертельное ранение и глава казаков — Конашевич-Сагайдачный. Король, кстати, был не против расширения прав казацкой старшины, надеясь не только сделать ее надежной военной силой, но и опереться на нее в борьбе с беспрестанно устраивающей «рокоши» «родной» шлях-

той, насчитывавшей до 10 процентов населения этнической Польши. Однако именно эта шляхта и была категорически против такого решения, а без одобрения сейма любое решение короля силы не имело. В 20-х годах для Сигизмунда III на первый план вышло военное противостояние уже не с Россией и Турцией, а со Швецией, на престол которой претендовал польский король — представитель шведской по происхождению династии Ваза. В войне с лучшей в мире армией Густава-Адольфа Сигизмунду в большей степени требовалась поддержка польской шляхты, чем запорожцев (так в Польше иногда называли всех казаков, а не только участников Запорожской Сечи).

Для простых казаков важнее было освобождение от налогов и назначение королевского жалованья, что давало включение в «реестр», который то увеличивался, то сокращался в зависимости от военной необходимости и финансовых возможностей государства. На период сразу после «московских войн», в 1619 году реестр достиг максимума: 10 600 человек, но к началу 20-х годов, несмотря на Хотинскую войну, его сократили до 2 тысяч, затем 4 тысяч. Недовольство казаков, внесших огромный вклад в войну с Турцией, заставило короля в 1625 году создать реестровое войско из шести полков (Белоцерковский, Каневский, Корсуньский, Переяславский, Черкасский и Чигиринский), по 1000 человек в каждом. Кроме полноправных казаков, вносимых в реестр, в боях участвовали «новички» — кандидаты в казаки, не участвовавшие в выборах старшины и в мирное время выполнявшие обязанности слуг у «настоящих» казаков. На 1628 год их соотношение было 1:3, а то и 1:5. Так, в Хотинском сражении на 40 тысяч войска Конашевича-Сагайдачного полноправных казаков (причем не все из них — реестровые, на жалованье) было всего 15 тысяч. Старшина распоряжалась «новичками», как своими слугами, если не рабами, применяя к ним «тяжкие кары» в случае провинностей. Последний раз, уже в преддверии Смоленской войны, реестр увеличили до 8 тысяч человек. Впрочем, стародубщины это не коснулось, так как хотя казаки здесь и были, но входили не в состав «полков» реестрового войска, а Стародубского «старшинства» Смо-

ленского воеводства. Часть украинских казаков начиная еще с конца XVI века переходила и на московскую «государеву службу», где получила наименование «нововыезжих черкас», в отличие от «воровских черкас», враждебных России и часто совершавших разбойные нападения на ее пограничные районы, в том числе в Подесенье. «Черкасами» всех украинских казаков называли по городу, где находилось «старшинство» казачьего реестра Речи Посполитой, — Черкасам. Расселялись «нововыезжие» вдоль крымской украйны от Белгорода до Севска и боролись в основном с татарами, хотя были столкновения и со своими «воровскими» сородичами, когда «лучших» из пленных отправляли в Москву, а остальных вешали.

3. Смоленская война — южный фронт

Ее можно рассматривать как часть Тридцатилетней войны, так как объективно Россия, отвлекая силы католической Польши, помогала победам протестантской коалиции. При этом как канцлер Оксеншерна, так и кардинал Ришелье прилагали усилия к тому, чтобы в 1629—1630 годах и формально вовлечь Михаила Федоровича в антигабсбургскую коалицию, апеллируя к аргументу, что Контрреформация угрожает не только протестантам, но и православным.

Особенно усердствовала в этом шведская пропаганда, развязавшая буквально «холодную войну» против католиков. Правда, что Россия на нее не поддалась и вступила в Смоленскую войну из-за своих национальных интересов, другое дело, что они в данный момент совпали с интересами Швеции (особенно после гибели Густава-Адольфа в битве при Люцене в 1632 году, когда угроза возобновления войны со стороны Польши была абсолютно реальной). Кроме того, именно Россия во время участия Швеции в Тридцатилетней войне была для нее основным поставщиком сырьевых ресурсов и зерна.

В войне за Смоленск была заинтересована Россия, а не Польша, поэтому момент для ее начала выбирало прави-

тельство Михаила Федоровича, точнее, патриарха Филарета. Причиной стала смерть Сигизмунда III и вынужденное «бескоролевье» — до выборов на сейме нового короля, Владислава IV. Повод же искать не пришлось — как раз истек срок Деулинского перемирия, и летом 1632 года Россия объявила войну Речи Посполитой.

Реальному началу военных действий помешали превентивные меры поляков: им удалось натравить крымских татар на рубежи России, причем были разграблены в том числе и Карачевский уезд и Комарицкая волость, где татары потерпели поражение.

Только осенью 1632 года главные русские силы подошли из Москвы к Смоленску. Их возглавлял герой обороны этого города во времена Смуты боярин М.Б. Шеин. Однако, как и в те годы, осада затянулась надолго, до начала 1634 года. За это время произошло много военных событий, причем большая их часть — в Подесенье и Брянском крае. Их можно разделить на три этапа: наступление московских войск; «народные» восстания и борьба с ними; контрнаступление поляков.

Первый этап длился с ноября 1632 года по конец января 1633 года. В отличие от смоленского похода, здесь были задействованы местные дворяне, служилые люди, городовые стрельцы и казаки, к которым присоединились и добровольцы — «охочие люди» из местных жителей. Численность войск была небольшой — несколько сот, от силы немного тысяч человек. На первом этапе координацию, а иногда и непосредственное руководство осуществляли карачевский воевода Г. Квашнин и севские воеводы Б. Болтин и Михаил Еропкин. Брянский воевода князь В. Ромодановский посылал отряды «ратных людей» под Почеп и Трубчевск (в последнем случае — во главе со стольником А. Зиновьевым, имение которого находилось в Бежичах и исследовано археологически). Уже в ноябре — начале декабря были взяты Новгород-Северский (из Севска), Трубчевск (соединенными силами в 2 тысячи человек), Почеп (из Брянска). В декабре в ходе отражения польского наступления на Почеп был взят Мглин. В начале января соединенные русские силы во главе с севским воеводой Ива-

ном Еропкиным (братом ранее упомянутого Михаила) и брянским Н. Аладьиным осадили Стародуб, который через короткое время капитулировал. Взятые в плен «польские и литовские люди» без «утеснений» отправлялись в Москву, попытки их грабежа по дороге пресекались.

Дело в том, что кроме регулярных войск к действиям привлекались и неплохо себя зарекомендовавшие, особенно крестьяне Комарицкой волости, «охочие люди», которые, при храбрости, не страдали избытком дисциплины. Поэтому, когда в военных действиях в конце января 1633 года наступила пауза, некоторые из них занялись грабежом местного, формально «завоеванного», населения.

4. «Балашовщина» и чертопрудовцы

Второй этап включает так называемую «балашовщину» под Стародубом (февраль — начало марта 1633 года) и движение «вольных казаков» Наумова (август 1633 — февраль 1634 года). Иван Балаш возглавил отряд «вольных казаков» разного социального состава числом 2 тысячи человек, который из-под Смоленска подошел к Стародубу и участвовал в его осаде. Здесь в его состав влились комарицкие крестьяне, и, усиленный ими, отряд совершил рискованный рейд на «польскую» территорию — на Гомель. Вернувшись под Стародуб, Балаш сделал своей вотчиной село Халевичи в нескольких верстах к северо-западу от города. Ободренный успехами и усиленный новыми группами «вольных казаков», жаждавших войны и добычи (и то и другое временно прекращалось), балашовцы стали «жечь и грабить» местные поселения. Московские воеводы пытались запретить произвол, но им подчинились и ушли от Балаша только «дети боярские». Остальные двинулись 1 марта на Дон мимо Стародуба, где добычу им преградили ратники стародубского гарнизона. После уговоров и столкновений часть восставших покинула Балаша, часть вместе с ними попала в плен или была убита, некоторым удалось прорваться в Комарицкую волость и под Новгород-Северский, оттуда часть позднее вернулась на

службу под Смоленск (впрочем, ненадолго), часть ушла на Дон (апрель 1633 года).

Второе движение также началось в августе—сентябре 1633 года в осаждавшей Смоленск армии — среди дезертиров из нее, в том числе бывших балашовцев, число которых достигло 5 тысяч. Костяком их на этот раз были «вольные казаки», которые через Рославль перешли в Брянский уезд, где начали грабить села дворян и «детей боярских». В этом деле к ним присоединились не только местные крестьяне, но и некоторые стрельцы брянского гарнизона. Дворянин Илья Наумов, который был послан Шеиным, чтобы стать их воеводой-атаманом, пытался остановить разбои и в итоге был заменен на атамана Чертопруда, который 19 февраля 1634 года захватил посад Брянска и несколько дней разрешал своим «воинам» его грабить. Затем, как до этого балашовцы, чертопрудовцы через Карачев ушли на восточные окраины, после чего часть вернулась на царскую службу, часть ушла на Дон.

Эти события показывают прежде всего финансово-экономические трудности, с которыми столкнулось правительство Михаила Федоровича при организации Смоленской войны. Поскольку платить было нечем, к боям привлекались «охочие люди», «вольные казаки», которые в итоге платили сами себе за счет местного населения, то есть занимались мародерством. И правительство вынуждено было использовать и их, посылая своих воевод (И. Наумов), пытавшихся их обуздать и использовать, и даже принимало их обратно на службу. Кстати, вполне понятно, почему дезертиры отходили именно в Подесенье. Под Смоленском, где находилась русская регулярная армия и велись активные боевые действия, «разгуляться» им было нельзя, в глубине страны их тут же объявили бы «ворами» и в итоге расправились. А вот в промежуточной зоне, второстепенных и небольших по масштабам боевых действий, на только что захваченной (или «освобожденной») у противника территории или пограничных землях России (Брянский уезд, Комарицкая волость) вполне можно было половить рыбку в мутной воде. Впрочем, денег иногда хватало и на небольшие отряды наемников-немцев, один из которых принимал участие в осаде Стародуба.

5. Оборонительные действия на юге Подесенья в ходе Смоленской войны

Ситуация еще больше осложнилась не только из-за нехватки средств и плохого снабжения смоленской осадной армии, но и из-за повторявшихся набегов крымских и ногайских татар на юго-восточные рубежи России. Часть «добросовестных» дворян и «детей боярских» была вынуждена покинуть осадную армию для защиты своих поместий и семей. В то же время новый польский король Владислав IV повел армию под Смоленск, и здесь началось противостояние основных сил двух армий, завершившееся в феврале 1634 года снятием осады Смоленска (за что ее руководитель боярин Шеин поплатился головой).

Еще в ходе его обороны, в марте 1633 года, польско-литовский отряд вместе с казаками пытался «изгоном» взять Стародуб, но был отбит его воеводой Еропкиным. В мае 1633 года уже большое польское войско во главе с униатом князем Рюриковичем Иеремией Вишневецким осадило крайний юго-западный пункт обороны России — Путивль. На этот раз для его деблокады потребовалось новое войско, включавшее как московских дворян и «всяких чинов» людей, так и северских дворян и «детей боярских» из состава гарнизонов Стародуба, Севска, Карачева во главе с Ф.М. Бутурлиным и Г.А. Алябьевым. Длившаяся месяц осада Путивля была снята, а русское войско отправилось отсюда под Смоленск на помощь войскам Шеина, а один из его воевод (Г Алябьев) был назначен воеводой в Стародуб. Эти войска не смогли помочь Шеину, который сам оказался в блокаде со стороны 15-тысячной отборной армии во главе с самим Владиславом IV, с другой стороны, уход «местных» войск под Смоленск ослабил оборону региона. В феврале 1634 года в обход крепостей Стародуба и Новгорода-Северского польско-литовское войско из Киева во главе с уже известным И. Вишневецким, будущим «героем» войн против Богдана Хмельницкого, и литовским гетманом Л. Жолкевским подошло к Батурину, где к нему присоединились запорожцы гетмана И. Бута. Отсюда, с юга, не прикрытого российскими крепостями (Путивль остался

восточнее, Новгород-Северский — западнее), это значительное (свыше 12 тысяч человек) войско двинулось к Севску, начав его осаду 1 марта 1634 года.

Целью похода была помощь королевскому войску под Смоленском (поход начался до получения известий о снятии осады войском Шеина, которое к тому времени от боевых потерь, но в большей степени от дезертирства тех же балашовцев и наумовцев, голода, болезней уменьшилось до 8 тысяч человек) людьми и продовольствием. Его, как показали «языки», должны были собрать по дороге из оставшихся к весне запасов в Комарицкой волости и Брянском уезде. Севск планировалось взять с ходу, неожиданно, что почти удалось: руководство обороной Севска во главе с воеводой Ф.Т. Пушкиным узнало о подходе противника всего за 2 часа, в итоге не успев укрыть за стенами комарицких крестьян. Однако взять крепость изгоном не удалось, заняли только посады и приступили к правильной осаде с использованием шанцев, туров, артиллерии, караульных рот и всего, что предполагала в таких случаях военная наука XVII века. Численность осадной армии, по разным источникам, было от 10 до 12 тысяч, включая двести немецких наемников, из этого числа более половины составляли «черкасы» во главе с гетманом Ильяшом и шестью полковниками, в том числе полтавским Яцко Острянином, будущим главой антипольского восстания 1638 года. Кстати, последний, потерпев поражение от поляков, сложил с себя гетманские полномочия и нашел убежище на московском пограничье, Слобожанщине, против которого ходил ранее в походы). Впрочем, по непонятным причинам, пленные «черкасы» в Москве доводили численность королевских войск, осаждавших Севск, до 30 тысяч человек с двадцатью «гарматами».

После того как ультиматум 6 марта был отвергнут, поляки, литовцы и «черкасы» начали частые приступы, использовали поджог «приметов» под башнями, пытались сделать подкоп, раскаты под стены, используя опыт немецких наемников — военных инженеров. Несмотря на немногочисленность, гарнизон делал постоянные вылазки, сводя на нет ухищрения противника. «Крепкостоятельство»

гарнизона убивало пыл «запорожских черкас», которые предпочли ходить в «загоны» для грабежа комарицких сел. Это вызвало ответную реакцию жителей, в частности, священник Иван Колошинский с отрядом «бедных сирот» из числа крестьян разбил литовский отряд и захватил «языков» в 20 верстах от Севска. Донесения из осажденной крепости достигли Карачева и далее — Разрядного приказа. Карачевские служилые люди дошли до Неруссы, где встретились с запорожским «загоном» и разбили его. Осада, продолжавшаяся до конца марта, закончилась безрезультатно. Новые укрепления Севска, сооруженные только в 1620-х годах, доказали свою эффективность, как и боевые качества гарнизона. После заключения Поляновского мира, сравнительной мягкости условий которого (проиграв войну, Россия не потеряла ничего, даже немного приобрела, да еще и добилась отказа Владислава IV от московской короны) способствовала и провалившаяся осада Севска, русское командование осознало стратегическое значение Комарицкой волости и ее столицы — Севска. Сразу после начала выполнения условий договора туда были отведены гарнизоны четырех возвращавшихся Польше городов — Рославля, Стародуба, Новгорода-Северского, Трубчевска. Его численность сразу после окончания осады составляла 417 человек (до нее было 516) и увеличилась до 807 воинов.

Роль Севска в Смоленской войне вполне сопоставима с ролью Пскова в Ливонской. Именно оборона этих городов во многом сделала возможным после проигранных войн заключение мира без территориальных потерь для России. В первом случае, правда, пришлось уступить маленький Велиж, во втором был даже приобретен не менее маленький Серпейск.

Сама же Смоленская война оказалась бессмысленной для обеих сторон. Россия, правда, ничего не потеряла, даже больше года владела рядом северских городов. Однако и для нее, как и Речи Посполитой, война означала немалые людские потери и разорение пограничных земель. Ошибка польской правящей элиты, допущенная после войны под давлением огромных расходов (Польша вела третью войну подряд: Турция, Швеция, Россия), еще более

усугубила отрицательные ее последствия в социальной сфере. Шляхта посчитала казаков ненадежными военными партнерами, в том числе и из-за действий под Севском. Был вновь сокращен казачий реестр, а вместо ожидаемого старшиной расширения ее сословных прав и привилегий последовало их сокращение в угоду польской шляхте, получившей право на приобретение земель на «казачьих» территориях. Получала туда доступ и католическая церковь — якобы для укрепления восточных рубежей Речи Посполитой. Реакция казаков последовала почти незамедлительно: после провала Сеймом их очередной петиции начались с 1637—1638 годов казацкие войны, завершившиеся «национальной революцией» Богдана Хмельницкого.

Победителями в этой войне были две стороны: Швеция и Крымское ханство. Первая избежала опасности войны с молодым и энергичным польским королем, который мог попытаться восстановить утраченные позиции в Лифляндии после того, как шведская армия увязла в Тридцатилетней войне и ее король погиб. Оказавшись же в стане победителей в Тридцатилетней войне, в результате Вестфальского мира 1648 года Швеция из рядового королевства перешла в разряд мировых держав, став мощной военизированной балтийской империей. Татарам же так понравилось практически безнаказанно грабить поочередно русские земли двух соперничающих держав, что они продолжали это и после окончания войны между ними, не нуждаясь в «просьбах» ни одной из них.

6. От Поляновского мира к Переяславской раде. Севский «укрепрайон» и крымская угроза

Период между двумя русско-польскими войнами (1634—1654), условно «мирный» для региона, можно разделить на три этапа. Первый — «залечивание» последствий Смоленской войны и отражение постоянных татарских набегов, а также размещение украинских «беженцев» — 1634—1645 годы; второй — структурные военные реформы, создание Севского «укрепрайона» — лето 1645 года (факти-

ческое присоединение Трубчевска) — лето 1648 года (присоединение западных брянских городов к восстанию Богдана Хмельницкого); 1648 — начало 1654 года (Брянщина в первый период «украинской национальной революции»; подготовка России к войне).

О том, что татарские набеги на Россию не были связаны с политикой Речи Посполитой, хотя они и начались в 1632 году, свидетельствует тот факт, что очередной набег начался уже после заключения Поляновского мира в конце июня 1634 года. Он был направлен на земли в верховьях Оки, под Болховом и Кромами, но затронул и восточную часть Комарицкой волости. Отряд в 2—3 тысячи татар при обходе в степи был атакован служилыми людьми из близлежащего «острожка» на переправе через реку и переходе через болото и потерял бóльшую часть полона. Интересна судьба одного из комаричан, отправленного турками гребцом на «каторгу» — галеру османского флота. Он и его товарищи во главе с бывшим стрельцом Семеновым захватили галеру, расковали двести гребцов, достигли на ней Италии и через Европу вернулись на родину уже в 1642 году. Их судьба напоминает ранние похождения «боевого холопа» Ивана Болотникова, который, правда, после бегства с галеры успел повоевать наемником Венецианской республики. Это небольшое столкновение показало эффективность новой тактики охраны именно степных, «татарских» границ. Против больших, имеющих разные рода войск польско-литовских отрядов такие «острожки» были бесполезны, а против кочевников — лучше крупных крепостей с неповоротливой пехотой. Однако в тот период строить новые «острожки» или «городки» возможностей еще не было (как убежища их сооружали сами крестьяне), надо было просто отбиваться от постоянных набегов.

Активизация набегов именно на российскую часть пограничных с «Полем» русских земель (польской и северской украйны) была отчасти связана с заключением в 1634 году мира Речи Посполитой с Османской империей, что автоматически локализовало набеги ее вассалов на Днепровском Левобережье. Особенно крупный поход крымских татар состоялся осенью (во время сбора урожая)

1637 года. Как всегда, татары прошли через Сейм Свиным шляхом и через Новосиль прорвались к Орлу, Карачеву и Комарицкой волости. Впрочем, потери комаричан, заблаговременно укрывшихся в острожках-убежищах, были невелики — тридцать человек, в Карачевском уезде — больше, двести человек, но основной полон ордынцы взяли еще в Новосильском уезде. Успеху способствовала передача Комарицкой волости в состав Севского уезда, что сделало более эффективной военно-оборонительную политику. К началу 1640-х годов до реки Ворскла «дотянули» Белгородскую засечную черту, что сделало Севский уезд ее достаточно глубоким «тылом». На рубеже 1630—1640-х годов давление татар на российские границы ослабело (только в 1639 году был набег на Рыльск) в связи с захватом и долгой обороной донскими и запорожскими (из Сечи) казаками турецкой крепости Азов в устье Дона. Возобновившиеся в 1643—1645 годах набеги иногда встречали согласованное противодействие российских и «польских» воевод, в том числе и Иеремии Вишневецкого, осаждавшего в свое время Севск. Эти походы совершали в основном крупные отряды крымских татар, причем часто одновременно и на литовские, и на московские участки русских границ. Брянских «мест» они достигли летом 1645 года, когда 16 тысяч татар напали на владения И. Вишневецкого, а через два месяца 40 тысяч татар, переправившись через Сейм в месте стыка российско-польских границ, далее пошли как на северо-запад, на Новгород-Северский и Трубчевск, так и на северо-восток — на Путивль, Рыльск, Севск, Карачев, Кромы. Войска воеводы Н. Нащокина встретили татар 27 августа к востоку от Севска и к городу не допустили, отбив часть полона, захваченного в Комарицкой волости. Однако до этого татары «повоевали» семнадцать селений и даже захватили четыре острожка, куда в осаду сбегались окрестные крестьяне. Даже татарские отряды вновь соединились, стали угонять в степи не меньше 10 тысяч жителей региона. Догнавшие их отряды русских служилых людей (до 3 тысяч человек) и польско-литовские войска не рискнули вступить в бой с превосходящим их противником.

Второй набег татар в конце декабря 1645 года относился к иному: он был скоротечным, неожиданным и лишь немного затронул восток Комарицкой волости, куда татары подошли от Рыльска по льду реки Свапа. «Повоевав» в Радогощском стане волости и у села Болдыж, татары, не взяв ни одного острожка, через неделю уже отступили по Свапе к Сейму. Отход их был столь быстрым, что русские воеводы, в том числе и севский, не успели собраться, как, впрочем, и войска князя «русского» И. Вишневецкого, киевского воеводы. Это был последний татарский набег на русские земли вплоть до начала восстания Богдана Хмельницкого.

Вновь возникшая в 1632 году и усилившаяся в 1644 году татарская угроза российским украйнам заставила, а наступившая передышка позволила провести структурные изменения, как военно-технические, так и социальные, в организации обороны Севского уезда.

Набеги временно прекратились из-за начала длительной османо-венецианской войны (1645—1669), в ходе которой турки достигли своего предпоследнего успеха — захватили остров Крит (последним была осада Вены в 1683 году, впрочем завершившаяся крахом турецкой армии под ударом «крылатых гусар» и казаков). Оттоманская порта в середине XVII века была уже слишком слаба, чтобы воевать на несколько фронтов (а ведь ее противником был еще и Иран), поэтому крымского хана удерживали от нападений и на Речь Посполитую, и на Россию, дабы не спровоцировать их на вступление в войну на стороне Венецианской республики. Разгром турок под Хотином и безуспешная, стоившая многих жертв, осада Азова, защищаемого немногочисленным казацким гарнизоном, заставили османское правительство уважать (еще не бояться) этих противников. Опасения Высокой Порты не были беспочвенны: в 1646 году разозленное московское правительство стало готовить ответный поход на Крым и собирать войска для этого. Представители Брянского региона уже были присоединены к ним, готовились переговоры с правительством Речи Посполитой о совместных действиях. Однако по «техническим причинам» в 1646 году поход не состоял-

ся, а через год перед обоими государствами встали совсем иные проблемы. К началу 1648 года на поле появился третий игрок: войско Запорожское, ставшее проводить во главе с вновь выбранным гетманом Богданом Хмельницким политику союза с Крымским ханством, а через него — и с Османской империей. Улучшение же польско-российских отношений на почве совместной антикрымской борьбы подвигло правительство Речи Посполитой передать летом 1645 года Трубчевский уезд России (договоренность об этом была достигнута в Варшаве еще в сентябре 1644 года). Это позволило полностью переориентировать Севский «укрепрайон» на специфику обороны именно от татарских быстрых наездов, а не медленной поступи польско-литовский армий. Восстанавливалась за государственный счет (а не как ранее, крестьянскими обществами) система «городков» и острожков как на старых городищах (Радогощ, например), так и на новых местах, в основном у бродов через реки. Под руководством воеводы З. Леонтьева за три месяца 1646 года было построено три городка, окруженные срубными стенами с заборолами и бойницами, и восемь острожков, окруженных частоколом. В них могло урываться население в случае набегов, а также находиться воинские люди для воспрепятствования татарам. На некоторых городищах обнаружены и пушки XVII века (Пьяновское). Правда, оно было и самым большим, имея свыше 300 метров по периметру. Второе мероприятие заключалось в том, что все жители дворцовой Комарицкой волости, которые лишь в случае войны предоставляли «даточных людей», были поверстаны в драгуны (сентябрь 1646 года). Они продолжали жить обычной жизнью, но периодически призывались на «караулы» и учения военному строю, проводившиеся немецкими командирами. Отрыв от хозяйства и непривычная дисциплина вызывали недовольство и бунт трехсот драгун против своего майора, который быстро подавили, впрочем не жестоко. Затем режим обучения и караулов упорядочили и смягчили, сделав разделение для «семьянистых» и одиноких (первых — с учетом обстоятельств, вторых — один день в неделю). И главное, для уравнения в службе было предложено особо «семьянистых»

расселять, оставляя по двое-трое взрослых мужчин на двор (службу нес один), а «малосемьянистых» соединять за счет подселения родственникам. Впрочем, население дворов этой категории наполнилось не только ими: сюда, несмотря на драгунскую службу, стали охотно переселяться крестьяне, в том числе беглые от помещиков (в волости их немало). Есть данные о переселенцах из семи близлежащих уездов, в том числе Карачевского и Брянского. В итоге количество драгун, вначале равнявшееся 5125 человек, к 1651 году выросло до 5594. Они были разделены на три полка, по шесть рот в каждом (рота — триста человек). Впрочем, драгунами их можно назвать условно: это была практически пехота, вооруженная саблями и рогатинами, лишь чуть более обученная, чем обычные ополченцы.

На западной части Брянщины, входившей в состав Речи Посполитой, стали отражаться процессы, связанные с положением запорожцев и реестровых казаков. Те с конца 1629 года перестали ладить как с поляками, так и между собой. Хотя и реестровое войско тоже имело самоназванное Запорожское (поляки чаще называли его Русским, или Низовским, россияне — Черкасским), его положение было абсолютно иным.

Запорожская Сечь, хотя и была построена в середине 50-х годов литовским полководцем князем Дмитрием Вишневецким (Байдой), чувствовала себя независимой, хотя и использовала поддержку польского правительства и иногда выполняла его «заказы». Реестровые казаки прямо находились на службе «короны Польской», хотя и пользовались определенной автономией и имели выборного гетмана. Как уже говорилось, «гетманские» казаки, особенно их старшина, добивались уравнения в правах со шляхтою, в том числе и в выборе короля. Сейм отверг их притязания, чем вызвал большое недовольство, особенно усилившееся из-за «невознагражденного» их участия в Хотинской и Смоленской войнах. Однако войну против королевских сел начали все же запорожцы, в 1629 году дошло даже до применения «гармат» друг против друга, а в 1635 году атаман морских походов на турок Иван Сулима взял и разрушил польскую крепость Кодак над порогами, построенную

французским инженером Бопланом. Тогда реестровые казаки еще выступали против него, а в 1637 году, когда восстание поднял кошевой атаман Запорожья Павел Бут (Павлюк), заняли уже нейтральную позицию.

Произвол польской шляхты и католического духовенства на казацких землях наконец исчерпал чашу терпения и «черкасских» казаков (далеко не все из них были в реестре). В 1638 году их восстание возглавил гетман Я. Острянин (в 1634 году — командир казаков, осаждавших Севск), а после его поражения и бегства на московские земли — новый гетман Д. Гуня. После его поражения войско потеряло внешнюю автономию, выборных гетманов (их заменили королевские комиссары), все инсигнии и регалии. Казачьих полковников заменили польские офицеры, сам реестр был вновь сокращен до 6 тысяч человек.

В те годы началось бегство «черкас» на земли России, в том числе и в Севский уезд. Как и в XV веке, царское правительство, несмотря на требование Польши, не выдавало ни рядовых переселенцев, ни руководителей восстания, таких как Я. Острянин. Их просто отселяли чуть дальше от границ, на так называемую слободскую украйну, а в 1651 году образовали там из этих переселенцев Слободское украинское казачье войско, в конце XVIII века преобразованное в гусарские полки.

Когда в начале 1648 года, договорившись с татарами, Богдан Хмельницкий занял Сечь и на его сторону стали переходить реестровые полки, это не вызвало немедленной реакции на российско-польском пограничье в Брянском крае. Военное командование обеих держав в этом регионе планировало совместный поход против татар. Еще 25 мая, когда уже вовсю бушевала казацко-польская война при участии на стороне запорожцев крымских татар, севские воеводы отправили в Киев польскому воеводе Адаму Киселю письмо из Посольского приказа о готовности русских войск к выступлению совместно с «литовскими людьми». Посланник севских воевод был задержан татарами близ Киева и передан Хмельницкому. Тот, естественно, письмо Киселю отобрал, а посланнику — жителю Стародуба — передали новое уже для царя Алексея Михайловича. Имен-

но от него и военное руководство Севска, а затем и Москва узнали о начавшемся восстании.

Оно вызвало большую тревогу и меры по укреплению обороны от татар и их союзников — «черкасов». Весть об их появлении вблизи от севских рубежей поступила уже 12 июня 1648 года из Новгорода-Северского, где укрылся убежавший от них князь Иеремия Вишневецкий. Была проведена мобилизация комарицких драгун, которые впервые встретились с пришедшими под Севск запорожскими казаками, «присланными для поиска поляков и жидов», закончившаяся мирно за неимением тех и других.

Правительство Алексея Михайловича приняло меры к запрету приема беглецов из Речи Посполитой, чтобы не спровоцировать казаков на нападение: своих забот хватало — в Москве произошел Соляной бунт, а затем работал Земский собор по принятию Соборного уложения — главного закона страны. Война была не нужна.

В западную, «польскую» часть Брянского края отзвуки восстания докатились в конце мая вместе с небольшими отрядами казаков, поднимавших бунт крестьян в обширных имениях Вишневецкого, Киселя, Потоцкого. Запылали усадьбы, стали погибать мелкие польские шляхтичи, иезуиты, другие католические священники, королевские «урядники» и «державцы» польского происхождения. Шляхта сбежалась в Новгород-Северский и Стародуб, ремонтировала укрепления — но уже 10 июня пал Новгород-Северский, немногие выжившие шляхтичи укрылись за границей — в Трубчевске. Вслед за этим казаки и крестьяне взяли Стародуб (рис. 62) и Почеп, причем в крепости первым ворота им открыл мещанин Павел Молявка, получивший за это от гетмана «власть» над селом Яуковичи (местное предание). Уцелевшие поляки бежали на запад, в ипутские леса, либо на восток, в московские пределы. Затем последовал приказ Хмельницкого об отводе казаков (якобы числом 30 тысяч) с Северщины за Днепр, ему в помощь. Начались мелкие столкновения местных жителей с возвращавшимися поляками, кое-кто этим пользовался и для обогащения. Так, из Почепа местные «будники» — люди, изготовлявшие в специальных местах — «будах» — поташ,

сырье для пороха, вывезли сто бочек этого материала за границу, в Брянск, для продажи. Брянский воевода возвращать их не стал, несмотря на жалобу своего польского коллеги.

Временное восстановление старых порядков произошло уже после заключения Белоцерковского мира между гетманом и правительством Речи Посполитой (28 сентября 1651 года), после поражения казаков под Берестечком. Северщина изымалась из состава гетманства (рис. 61), территория которого сокращалась до одного Киевского воеводства, а в Черниговское, включая Стародубщину, вновь вводились литовские войска и шляхта возвращалась в имения. После нового поражения поляков под Батогом, которые пытались преградить дорогу Тимошу Хмельницкому с татарами в Молдавское княжество, война возобновилась. Поскольку казачьи войска находились гораздо западнее, местные жители вновь сами стали «побивать» шляхту и «чиновников», а затем схватились и с «литовскими» гарнизонами. В летописи Самовидца говорится: «из Севера, то есть из Стародуба, Почепа, Мглина, Дрокова, жолнеров выгнало поспольство самих тех городов, много оных погромивши».

Последний раз поляки вошли в Северщину по приказу нового коронного гетмана Я. Радзивилла (предыдущий — Калиновский — погиб при Батоге) в феврале 1654 года, уже после принятия 8 января того же года казачьей Радой в Переяславле «московских статей» о воссоединении Украины с Россией, но до фактического начала российско-польской войны. Радзивилл пытался поместить армию на прокорм на российских границах, дабы «закрыть» их.

На Стародубщину вошел отряд полковника Корхова и начал расправляться с крестьянами, которые послали об этом весть нежинскому полковнику Ивану Золотаренко, к ведению которого относились эти земли и вся Северщина. Он готовился пойти на Корхова, но его опередил новый наказной полковник стародубский Афанасий Еремеенко. Больше поляков в качестве оккупантов здесь не было никогда. Этот полк был только что образован и до 1663 года являлся частью Нежинского полка. Стародубская часть

этого полка делилась на девять сотен: Стародубская (Полковая), Топальская, Бобовичская, Дроковская, Мглинская, Почепская, Шептаковская, Новгород-Северская, Погарская. Наибольшие размеры по территории имели самые северные Мглинская и Бобовичская сотни, включавшие Ипутьское и Клетнянское полесья, самой маленькой являлась Бакланьская, выделившаяся позднее на границе Почепской и Погарской (рис. 61). В настоящее время на территории современной Украины находится только две сотни — Шептановская и Новгород-Северская, остальные в Брянской области. Боевая численность казачьих полков того времени была разной — от 2 до 5 тысяч человек. Всего же в начале 1654 года Богдан Хмельницкий располагал 16—17 полками, стоявшими в трех бывших воеводствах Речи Посполитой — Брацлавском, Киевском, Черниговском. Реестровые списки уже не имели значения, ибо войско Запорожское стало частью России (или, как считали другие представители старшины и украинские историки, заключило военный союз с ней, сохраняя самостоятельность).

7. Подесенье в российско-польской войне 1654—1667 годов. Конотопская трагедия (1658). Оборона Глухова и Севска (1664), отступление Яна-Казимира

Россия долгое время старалась избежать втягивания в конфликт между правительством и казаками в Речи Посполитой. С одной стороны, комендантам пограничных крепостей запрещалось принимать у себя польских беженцев (на деле они не могли этого избежать) и обострять отношения с иногда переходившими границу казачьими «загонами», с другой — эти коменданты продолжали переписку с польскими «коллегами» по ту сторону границы (например, летом 1648 года между стародубским и севским воеводами). Российское правительство даже выступало посредником на переговорах между Богданом Хмельницким и Яном-Казимиром в Львове в 1653 году. С одной стороны, не могли «бросить» православных, с другой — эти же

православные в борьбе с теми же православными, хотя и униатами (И. Вишневецкий) или католиками, объединялись с крымскими татарами и шведами.

Действия Богдана Хмельницкого в этом отношении напоминали использование русскими князьями в международных войнах XII века «диких» половцев, Витовтом и Свидригайло — тевтонских и ливонских рыцарей. Да и «государь всея Руси» Иван Великий в конце XV века не брезговал использовать помощь крымских ханов в борьбе с Казимиром IV. В качестве «платы за услуги» татарам разрешалось угонять в Крым «польских» пленных и население, как делали раньше «союзные» половцы и татары на Руси. Кроме того, стратегические интересы России после Столбовского мира со Швецией в 1617 году и утери выхода к Балтике и интенсивных татарских набегов 1644—1645 годов на этих направлениях полностью, хоть и временно, совпадали с польскими.

Единственно, на что решилось царское правительство в 1651 году, — это создание из поселенных к югу от Белгородской черты беглецов из пределов Речи Посполитой Слободского казачьего войска, одновременно служившего дополнительной защитой южных рубежей России. Кроме того, беженцы с Украины, особенно после временного возвращения на Северщину польской администрации, заводили в Севском уезде «будное» дело по производству поташа — сырья для производства пороха (хотя и мыла тоже). Особенно массовым это явление стало в 1652 году, хотя переселенцы считали себя временными беженцами и в российское подданство вступать не спешили. Когда осенью 1652 года из-за «морового поветрия» границу закрыли, «а иные заставы обходят ночною порою лесами тайно и живут в будах, а иные в Комарицкой и Крупецкой волостях... живут безъявочно». Кроме того, через Севск часто проезжали посольства из Чигирина в Москву и обратно, поскольку переговоры Хмельницкого с царем стали тайно, иногда через патриарха Паисия, вестись практически сразу после первых крупных побед восставших.

Российское правительство тайно разрешило даже провести казацкие войска через территорию Брянского уезда

в июне 1651 года из Стародуба и Мглина на Рославль, после взятия которого против поляков поднялось население этого региона и Восточной Беларуси. Впрочем, нахождение в течение нескольких дней одного отряда на окраине Российской державы можно было всегда представить результатом самовольства или казаков, или, на худой конец, превышением полномочий местных властей.

К активным боевым действиям, да и то поначалу оборонительным, российские войска перешли только после провала переговоров в Львове летом 1653 года, угроз Хмельницкого перейти под турецкое подданство, выработки условий московского договора, его одобрения Земским собором 1 октября 1653 года и Переяславской радой 8 января 1654 года.

Письменный договор («Статьи Богдана Хмельницкого») датируется 21 марта 1654 года. В нем много существенных моментов, и самый главный: «И великий государь нам его царское величество... хотя православную христианскую веру и всех православных христиан от гонителей... от латин оборонити, под свою высокую государеву руку вас принял». Гетманской власти разрешалось принимать послов и вести переговоры с дружественными державами, лишь после оповещения царя. Прямо запрещались всякие сношения лишь с польским королем и турецким султаном. Доходы с городов, собираемые местными воеводами и царскими урядниками, должны идти в государеву казну. На эти средства должно содержаться 60-тысячное войско Запорожское (даже по Зборовскому договору Хмельницкому удалось «вырвать» у поляков 40 тысяч), при оплате от полковника 100 ефимков («иоахимсталеров» весом 28 граммов серебра) до 30 польских злотых на родового казака. Ради присоединения Украины и пополнения казны в 1654 году была даже проведена денежная реформа: весовая норма рубля с 51 грамма была снижена до 28 граммов — веса имевших хождение на Украине талеров».

Представителем государя при дворе гетмана назначается боярин и наместник тверской Василий Васильевич Бутурлин, была обещана военная помощь «для вашие обороны». «Царское величество изволил на неприятеля своего, на

польского короля, идти сам, и бояр, и воевод послать со многими ратьми по просуху, как конские кормы учнут быть». Крымская «орда» от дел устранялась, нападать на нее было не велено (и «донцам» также), но в случае нападения крымцев «над ними промысел чинить». Хмельницкий пошел на это, ибо татары уже не раз его предавали, последний раз под Жванцем уже в 1653 году. Первая просьба о помощи против поляков поступила севскому воеводе Бутурлину еще 26 февраля от нежинского полковника Ивана Золотаренко, но тогда стародубские казаки успели управиться сами, хотя царь отдал воеводе приказ идти им на помощь.

Военные действия, связанные с российско-польской (1654—1667), а затем и российско-турецкой (1673—1681) войнами, перемежавшиеся столкновениями с враждебными России гетманами и татарами, можно разделить на пять этапов, каждый из которых в разной степени затрагивал Брянский край.

1-й этап: наступление русско-казацких войск в 1654—1655 годах;

2-й этап: временное перемирие России с Польшей, война со Швецией, столкновения (включая Конотопскую битву) с гетманом Выговским и татарами (1656—1659);

3-й этап: наступление поляков на Россию, в том числе Подесенье (1660—1664);

4-й этап: борьба с украинскими повстанцами гетманов Брюховецкого и Многогрешного и татарами (1668 — начало 1669 года);

5-й этап: активные действия российско-турецкой войны (Чигиринские походы), борьба против турок и гетмана Дорошенко в союзе с поляками (1674—1678).

Военные действия на территории Брянского края разворачивались лишь во время третьего и четвертого этапа казацких войн, однако выходцы как из русской, так и украинской частей края как воевали совместно, так и противостояли друг другу на всех этапах военной эпопеи 1654—1678 годов.

На первом этапе, в феврале 1654 года, имела место попытка поляков продвинуться к освобожденному от них в

1652 году Стародубу, но она была отбита новым наказным полковником Афанасием Еремеенко. Затем в наступление переходят русские — весной 1654 года основная армия во главе с князем А.Н. Трубецким, потомком брянских Гедиминовичей, через Брянск движется в Белоруссию. По дороге к ней присоединяются местные дворяне, дети боярские, городовые стрельцы и казаки, комарицкие драгуны, «новые» стародубские казаки, только что отразившие польский поход.

Успехи российских войск были огромны — были взяты Смоленск, Полоцк, столица Литвы — Вильнюс, военные действия, совместные в Белоруссии с казачьим полковником Нежинского полка Золотаренко, переместились к границам этнической Польши. Но... Русские вдруг наступление остановили и начали войну со Швецией.

Во время перемирия с Польшей, заключенного в октябре 1656 года, и русско-шведской войны 1656—1658 (1661) годов, весьма выгодной Польше и спасающей ее от гибели, обострились отношения русских властей с казаками. Выбранный осенью 1657 года на пост гетмана после Б. Хмельницкого представитель казачьей старшины Иван Выговской, пользуясь занятостью и Польши, и России в войне со Швецией, пытался получить практическую независимость, заключив союзы со Швецией и Крымским ханством. После победы Речи Посполитой в тяжелейшей войне со Швецией, Бранденбургом и Трансильванией он воспользовался ее военными ослаблениями и заключил с Яном-Казимиром Гадячским трактат сентября 1658 года. Великое княжество Русское во главе с ним, своим сеймом, армией, признавалось полноправной частью триединой монархии наряду с Польшей и Литвой. Казачья старшина уравнивалась со шляхтой и могла принять участие в выборах короля. Современные украинские исследователи называют Гадячский трактат «первой европейской конституцией», увенчавшей «буржуазно-демократическую казачью революцию». Однако сейм не утвердил решение короля, а московское правительство расценило действия Выговского как измену. Она открылась еще до заключения Гадячского договора, когда в 1658 году отдельные казачьи полковники

прекратили взаимодействие с расквартированными на Украине и в Белоруссии российскими воеводами, и вновь были призваны татары. Для поддержки немногочисленных русских войск и их казацких сторонников (сначала полтавского полковника Мартина Пушкаря, затем — Ивана Беспалого) в июне 1658 года в Киев были введены дополнительные войска, и вовремя. 23 августа к городу подошли 20 тысяч казаков — мятежников и татар, которые были отбиты усиленным гарнизоном В.Б. Шереметева. В составе отряда Шереметева было 400 комарицких драгун Вилима Эглина из действующего состава полка в 1800 человек, остальные «в полк не поехали» и частично подались в «гулящие люди». Для их сыска были посланы стрельцы брянского стольника Ф. Зеновьева, который часть их вернул на место службы, и позднее они присоединились к шедшему на Украину войску князя Трубецкого.

После военных действий против Швеции (август 1658 года) и отказа Выговского от российского подданства, на Украину была двинута новая армия во главе с тремя князьями (Пожарский, Куракин, Львов), собравшаяся в Севске 25 сентября, а служилым людям со всей Северщины было приказано «идти в осаду». Это было сделано вовремя — всю осень и начало зимы 1658 года мятежные «черкасы» из Глухова вновь, как в конце XVI — начале XVII века разбойничали и полонили людей в Севском уезде. В январе 1659 года собранное в Севске войско двинулось на Украину, где на западной оконечности Белгородского уезда, у Лохвицы, соединилось с собранным в городах этого разряда войском князя Ромодановского. И наконец, в середине января к Севску двинулось из Москвы третье войско — во главе также с князем А.Н. Трубецким, состоявшее из «гвардейских частей» московских дворян и детей боярских, к которым уже присоединился и севский гарнизон. В марте все войска, во главе которых встал «пятый князь» — Трубецкой, сосредоточились у последней российской крепости — Путивля. Здесь к ним присоединились пришедшие из Ромен несколько тысяч украинских казаков «альтернативного» гетмана Ивана Беспалого, сохранивших верность Алексею Михайловичу. После этого русские армии вошли на терри-

торию гетманства, соединив все свои части вокруг крепости Конотоп. Их численность противоречиво оценивается в источниках и исторической литературе — от максимум 150—100 тысяч до 30 тысяч (без казаков Беспалого), имеется и промежуточная точка зрения — около 50 тысяч, причем у некоторых современных украинских исследователей поля битвы, и у более «нейтральных» белорусских. О большой численности войска свидетельствует тот факт, что Трубецкой практически «оголил» южные уезды, и это позволило «черкасам» и «татарам» совершить в марте 1659 года набег на Чемлыжский стан Севского уезда из Новгорода-Северского и, захватив добычу и пленных, уйти безнаказанными. Последние две цифры не противоречат друг другу, так как в 50 тысяч включаются и казаки Беспалого, участие которых делало эту войну «гражданской», при участии «интервентов» с обеих сторон, а не российско-украинской, как это иногда хотят представить.

Брянские и карачевские дворяне и дети боярские входили в состав первой рати, прошедшей по этим уездам — «трех князей» (возглавлял ее в битве князь Пожарский), севские ратники, в том числе и комарицкие драгуны, были включены в войско князя Трубецкого.

В Конотопской крепости и городе им противостоял 4-тысячный гарнизон, состоявший из казаков Нежинского полка во главе с «полковником Нежинским и всего «Севера» Григорием Гуляницким (его брат Иван к тому времени покинул пост «наказного полковника Стародубского (Северского)», будучи недовольным новой политикой. Участвовала ли в обороне Конотопа стародубско-северская часть Нежинского полка — вопрос пока не изученный наверняка. Но не исключено, что жители двух частей Брянского края могли противостоять друг другу под Конотопом.

Гетман И. Выговской располагал частью сил нескольких полков. Многие из них разделились внутри себя и их казаки были у Беспалого, а до этого — у Мартина Пушкаря (только при борьбе с Выговским полегло 15 тысяч человек).

Под Конотопом он располагал силами Каневского, Черкасского, Чигиринского, Корсуньского полков, до этого

сражавшихся с войсками Ромодановского у Лохвицы. С севера Конотоп прикрывали Прилуцкий (полковник Дорошенко) и Черниговский полки. Общее число казаков было сравнительно невелико — 16 тысяч человек плюс 4 тысячи польской помощи и немецких наемников. Больше всего было крымских татар — до 35 тысяч во главе с самим ханом Мухаммед-Гиреем (кстати, только благодаря им в мае 1658 года был разбит М. Пушкарь).

Сохранилось много описаний хода и исхода битвы, в том числе и его участниками (Самойло Величко), часто противоречащих друг другу. С одной стороны, пишется, что бой 7 июля (27 июня) 1659 года начала казацкая кавалерия, совершившая рейд на один из трех «московских» лагерей (Пожарского и Львова), с другой — именно стойкое сопротивление и действие из засад казацкой пехоты против московской кавалерии решило исход боя, а удар татар во фланг и тыл войск Пожарского решили исход боя. «Реконструкция» особенностей поля боя сумскими археологами во главе с В.В. Приймаком несколько прояснила картину всего сражения (и не только боя 7—8 июля (27—28 июня) 1659 года).

Осада Конотопа и его артиллерийский обстрел начались 21 (29) апреля 1659 года и длились около (или свыше) 70 дней. Московско-казацкое войско «облегло» с юга, тремя лагерями. Самый западный возглавлял князь Трубецкой (в том числе с севцами), центральный — князь Ромодановский (с казаками Беспалого), в восточном, наиболее близком к реке Куколке, находились дворянские конники Пожарского и Львова. С севера Котоноп прикрывала обширная заболоченная пойма Сейма. «Заманивающий» удар через реку Куколку нанесла немногочисленная казачья кавалерия, а когда конница Пожарского с присоединившимися конными казаками Беспалого бросилась их преследовать и перешла эту реку «обратно», их встретил ружейный огонь казацкой пехоты, укрывавшейся до этого в древнерусском городище в урочище Пустая Торговица.

Кавалерия, увязнув в бою с пехотой (у казаков она, кстати, как показали еще Добрыничская битва и сражения с поляками, была немного лучше конницы), открыла свой

левый фланг и тыл, оторвавшись от укрепленного лагеря на 8 километрах. В этот разрыв после нескольких часов боя ударила тайно перешедшая Куколку гораздо южнее крымская конница. Цвет русской дворянской (в том числе и брянской) конницы был окружен в тонкой пойме Куколки, вырваться удалось лишь пятистам всадникам. Погибло, по разным данным, от 5 до 20 тысяч дворян и детей боярских, 2 тысячи казаков (все, кто пошел в пре́следование). Был взят в плен и убит за «несдержанное поведение» татарами князь Пожарский, но было казнено (что необычно) и несколько тысяч простых пленников. Возможно, это было связано с тем, что бой еще продолжался — у русских было еще две рати (Ромодановского и Трубецкого), и охранять 5—6 тысяч пленных дворян посчитали рискованным. Собственно, так же поступили англичане с плененными во время первого этапа битвы при Азенкуре (1415) французскими рыцарями.

И действительно, битва продолжалась еще сутки в форме атак на оба оставшихся русских лагеря, разделенные руслом Куколки. Войска Ромодановского и уцелевшие казаки Беспалого в итоге сконцентрировались в самом западном лагере Трубецкого, за руслом Куколки. Отсюда началось организованное отступление армии Трубецкого, сохранившей обозы, артиллерию, знамена. 6 июля по старому стилю войска достигли Сейма, а 10 июля — Путивля. Потери при обороне лагерей и отходе к Сейму русских войск и казаков Беспалого были несравненно меньше, чем при несчастной атаке Пожарского и Львова — наоборот, большой урон (до 7 тысяч человек) понесли войска противника.

Вряд ли число убитых и пленных в 25 тысяч дворянской конницы и казаков во время атаки Пожарского соответствует действительности, однако погибли многие из московских «элитных» полков, в том числе два князя, воевода Белгородского разряда, государевы стольники, включая сына севского воеводы Бутурлина. В Москве впечатление от поражения было потрясающим, по некоторым данным, ее даже начали укреплять, однако паники не было. На помощь Трубецкому из Калуги к Севску было двинуто новое

войско, но оно не потребовалось — на Украине все «утишилось» самостоятельно и неожиданно быстро: Выговской рассорился с крымским ханом, ушедшим в Крым, и, хотя татарские отряды большими силами летом 1659 года продолжили «тревожить» Севский и иные южные уезды, организованной военной силы они уже не представляли. Потерпели сторонники Выговского поражение при попытке взять Киев. Но главное, от них отвернулись широкие массы казаков, не получившие ничего за то, что часть из них отвернулась от Москвы, что признают и украинские историки. Когда выяснилось, что жалованье им не платят не московские «чиновники», как утверждала пропаганда Выговского, а собственная старшина, казачьи полки во главе с командирами один за другим вновь начали присягать царю, начиная с Киевского, Переяславского, Черниговского и Нежинского (со стародубско-северским «филиалом»). К ним присоединились мещане и «вся чернь», избивавшая «изменников» — сторонников «аристократа» Выговского. Уже в конце августа он был изгнан, а в гетманы выбрали Юрия Хмельницкого, тут же заявившего о готовности служить Алексею Михайловичу.

Поворот был абсолютно неожиданным после конотопского «триумфа». Эта битва, как, например, и Добрыничское сражение, относится к тому типу чисто военных событий, которые, будучи весьма масштабными по количеству и составу участников, степени кровопролития и интереса тактических решений, не имеют никаких ни «ближних», ни «дальних» последствий. Недаром о ней пишет не только советская (что понятно), но и весьма сдержанно упоминает польская и даже украинская научная историография, рассматривая ее военно-тактические, а не морально-политические аспекты. Тогда их просто не было — была борьба сил внутри Украины, часть которых опиралась на Москву, часть — на Польшу и Крым. Чисто военный проигрыш привел к политической победе. Ни о каком «столкновении цивилизаций», где И. Выговской выступает лидером «европейской» против «азиатской» цивилизации, не может быть и речи, несмотря на то что большую часть «европейского» воинства составляли татары.

Для современников же событий это было настолько очевидно, что, когда после избрания Юрия Хмельницкого на Украину в октябре 1659 года (и опять через Севск и Путивль) вступили московские полки, их ожидала вполне мирная и торжественная встреча. 17 октября в Переяславле герой Конотопа А.Н. Трубецкой и ряд других князей — Рюриковичей, Гедиминовичей и даже Чингизидов — приняли присягу гетмана от имени всех жителей Украины, «чтоб им быть под его Великого Государя высокою самодержавною рукою на веки, неотступно». Поворот к Польше, проводимый частью элиты, провалился, и не по военным причинам.

Военные события на театре военных действий в 1660—1664 годах связаны с неожиданно победоносным для Речи Посполитой завершением войны со Швецией и ее союзниками («Польского потопа») и заключением Оливского мира 3 мая 1660 года. Впрочем, военные действия между российскими и польскими войсками возобновились еще ранее, летом 1658 года, когда обе стороны еще находились в состоянии войны со Швецией. Но велись они в основном на литовской части Речи Посполитой, в районах Вильнюса и Гродно. Местные жители, долгое время находившиеся под властью царских наместников, на этот раз, забыв про религиозные противоречия, выступали на стороне литовских войск. Да и казаки Золотаренко вели себя в Белоруссии не лучшим образом. В итоге зимой 1658/59 года произошли антимосковские переговоры в нескольких городах Белоруссии, включая близкие к Брянщине Рославль, Мстиславль, Кричев, появились партизанские отряды. Однако московские войска, пользуясь перемирием со Швецией (а поляки еще продолжали войну с ней, официально 8 октября 1658 года отобрав у нее Курляндию), а также российской победой под Вильнюсом над коронным гетманом Гонсевским, попавшим в плен в этот же день (8 октября), и не встречая более польского сопротивления, вернули весной 1659 года все эти города под свою власть, завершив этот процесс взятием Бреста в январе 1660 года. Россия могла торжествовать — Украина вернулась к ней, поляки были разбиты повсеместно, войска князя Хован-

ского вошли в этническую Польшу (Подляшье, где, кстати, тоже имелся город «Брянеск», и Любельское воеводство).

В 1660—1662 годах вновь велись масштабные боевые действия между основными силами поляков и москвичей на территории как Великого княжества Литовского (в основном), так и Украины. Казаки В. Золотаренко и П. Рославца (казацкий стародубский полковник) воевали на стороне москвичей, в том числе и в Литве. Местные же «партизаны» и мещане часто поддерживали, наоборот, литовские войска. Все это дополнилось борьбой между отдельными группировками самостоятельного Стародубского полка во главе с Петром Рославцем (1663), отражавшим до этого польский рейд на Стародуб. В остальном же Брянского края касались события не в литовской, а в украинской части Речи Посполитой, и то в связи с набегами крымских татар.

С одной стороны, в эти годы неоднократно приходилось отражать их набеги — вначале как неудачных «помощников» Юрия Хмельницкого, затем — как прямых союзников Речи Посполитой. Кроме того, стародубские казаки, брянские, карачевские и севские служилые люди разных чинов, включая комарицких драгун, участвовали в походах московских воевод на Украину (поход августа 1660 года Шереметева и Щербатова на Львов, завершившийся «Чудовской катастрофой»). Ситуация осложнилась в конце августа 1661 года, когда Юрий Хмельницкий вновь присягнул Польше, Левобережная Украина отказалась ему подчиняться и он привел к ее городам — Переяславлю, Нежину — крымских татар (зима 1661 года). Затем татары стали уже самостоятельно разорять эти территории, особенно крупные походы, в том числе под руководством самого хана, состоялись в конце 1661 — начале 1662 года. Удачные действия князя Куракина позволили разбить татар мурзы Ширинского, разорявших карачевские и севские места (январь 1662 года), а севский воевода Г.Ф. Бутурлин даже взял в плен самого мурзу и освободил 20 тысяч пленных его ордой местных жителей.

Встретив достойный отпор, татары отошли в Крым. Ю. Хмельницкий лишился их поддержки и, как «неудачник» и ненадежный человек, был лишен поляками своего

поста. Левобережье, в свою очередь, не подчинилось новому польскому ставленнику — Павло Тетере и в итоге на «широкой», «черной» раде в Нежине избрало «мужика», кошевого атамана Запорожской Сечи Ивана Брюховецкого (июнь 1663 года). Он был, безусловно, промосковски настроенным (и иным быть не мог, отражая чаяния «черных людей»), но при этом изрядным авторитетом и беспринципным человеком. В процессе выборов было убито несколько его «оппонентов», в том числе нежинский полковник, герой боев в Белоруссии В. Золотаренко, временный наказной гетман Я. Сомко. Но у российского правительства выбора не было — и оно приняло решение Рады, и вовремя. Осенью 1663 года генеральный поход на Левобережную Украину и прилегающие юго-западные уезды России предпринимал сам Ян-Казимир с основными силами. К этому времени поляки добились существенных успехов в литовской части государства, освободив Вильнюс и взяв (в очередной раз) еще некоторые города. Но дальше стоял неприступный Смоленск, где продвижение на восток затормозилось. Король решил обойти его с юга, через Украину и Северщину, для чего собрал почти стотысячную армию.

Кроме шляхтичей польского «посполитого рушения» (конных и пеших), частных отрядов польских и литовских магнатов, немецкой наемной пехоты общим числом 50 тысяч, в его войско вошло 20 тысяч казаков П. Тетери и 20 тысяч татар. В состав кавалерии входила как легковооруженная шляхта, так и «средние» по вооружению драгуны, и панцирные «крылатые гусары», и немецкие рейтары. Пехоту составляли польские и литовские жолнежи, немецкие мушкетеры, казаки с ручницами и пистолями. Татары обладали как «средней», так и преимущественно легкой конницей.

Параллельно с основной армией на Брянск через Рославль двигается отряд М. Паца, мимо Стародуба на Трубчевск — Г Полубинского. Им противостояли местные гарнизоны из казаков Брюховецкого и российских служилых людей, а также три русские армии: в Калуге, Путивле и на Белгородской черте (с последней соединились казачьи

полки И. Брюховецкого). Кроме того, в тылу Яна-Казимира оставались русские и казачьи гарнизоны Киева, Чернигова, Нежина, Переяслава, Гадяча, а затем Батурина, мощные укрепления которого войска короля просто обошли (здесь был и сам Брюховецкий). Военные действия начались с неудачной осады Глухова и подходом под Брянск отряда Михаила Паца (конец января — начало февраля 1664 года).

Осада Глухова надолго затормозила продвижение королевской армии: потеряв под ним, по достоверным данным французского наемника, от 5 до 8 тысяч человек при двух штурмах, Ян-Казимир 1 февраля снял его осаду и двинулся к Севску, в окрестностях которого остановился на две недели. Неудачная осада Глухова принесла, кроме существенных боевых, и иные потери. Разочарованные в перспективах получения добычи татары пошли самостоятельно разорять Северщину, а казаки наказного (походного) гетмана Ивана Богуна (сподвижника еще Богдана Хмельницкого) отказались идти на второй штурм города, а после расстрела поляками своего предводителя вообще покинули польский лагерь.

Не взяв Глухова, Ян-Казимир не решился на штурм более мощной крепости Севска, решив дождаться здесь подхода отряда М. Паца с севера и Г Полубинского — с запада. И это неудивительно, судя по описанию крепостных сооружений Севска, сделанных летом 1655 года, всего за девять лет до похода Яна-Казимира, путешественником Павлом Алеппским, сопровождавшим антиохийского патриарха Макария. Приводим это описание полностью (по В.В. Крашенинникову) из-за его уникальности — крепость была разобрана и перестроена в 1674—1675 годах. «Крепость величественная, с чрезвычайно прочными башнями и многочисленными большими пушками, размещенными одна над другой, с широкими и глубокими рвами, скаты которых обложены деревом, с деревянною двойною стеной. Мы дивились на эти укрепления и постройки, ибо крепость эта прочнее каменной... Затем нас ввезли во вторую крепость, также со стенами, башнями, рвами, потом в третью, которая еще больше, крепче и неприступнее

первых двух; в ней есть потайная дверь, через которую сходят к... большой реке черпать воду, ибо крепость стоит на верху высокого холма... Мы видели на обоих краях рвов удивительные приспособления из заостренных, связанных между собою бревен, к которым человеку невозможно приблизиться; мы видели также высокие круглые башни и большую реку... которая течет вокруг крепостной горы. За городом еще две деревянных стены для задержки конницы». Три пояса укреплений, один из которых на горе, отделенной рекой (Марицей), идеально защищали город даже от противника, снабженного артиллерией.

Тем временем русские предприняли ответные действия. Авангард 40-тысячной, расквартированной в Калуге армии князя Я.К. Черкасского, во главе с окольничим князем Ю.Н. Барятинским, подошел к Брянску и помешал его штурму отрядом М. Паца (15 тысяч человек). Тот повернул на юг, на соединение с королем. Вторая часть армии Черкасского вступила в Карачев, преградив прямую дорогу от Брянска на Москву, и выслала разведку к Севску.

Вторая армия Белгородского разряда в начале февраля соединилась в Батурине с силами гетмана Брюховецкого и пошла по следам королевского войска по направлению к Севску, встав лагерем напротив Новгорода-Северского, у местечка Воронеж, отрезав тем самым Яна-Казимира от тыловых коммуникаций. Вскоре в этом же направлении из Путивля двинулась и третья армия — Шереметева.

Разведка из-под Карачева в середине февраля достигла острожка на городище Радогощь на реке Нерусса, но дальше проехать в Севск, чтобы оповестить защитников о подходе царских войск, не смогла. Мало того, в резиденцию Яна-Казимира в селе Юшино прибыло московское посольство для переговоров о прекращении войны. Находившийся при короле литовский канцлер Х. Пац (брат гетмана Михаила Паца) согласился на переговоры в ближайшем будущем и выказал недовольство вмешательством представителя крымского хана при короле, потребовавшем своего участия в этих переговорах. После его отъезда канцлер прямо заявил российскому посланнику о желательности мира «между великими государями», дабы обратить

оружие против «этих басурман». В ближайшем будущем это желание было реализовано. А пока в ставку Яна-Казимира прибыл из-под Брянска отряд бывшего смоленского воеводы и польского гетмана литовского Михаила Паца и прорвавшийся мимо Трубчевска Г Полубинский, но желание штурмовать Севск и тем более идти на Москву у короля уже пропало. Надо было возвращаться по прямой дороге, еще не занятой неприятелем, — по Севу и Неруссе на Трубчевск, далее на Погар, но туда отправили только один отряд, которому не удалось взять даже Погар, не говоря о Трубчевске с его новыми, сооруженными в 1659 году укреплениями.

В итоге король пошел обратным путем — на Новгород-Северский, где у местечка Воронеж стояла вторая (белгородская) русская армия князя Ромодановского и казаки Брюховецкого. Поляки прорвались за Десну, «потеряв много людей», но Новгород-Северский не открыл королю ворота, и его армия разделилась — польская ее часть отходила на юг вдоль Десны и далее — на Правобережную Украину гетмана П. Тетери. Литовская во главе с королем пошла на северо-запад, мимо Стародуба и Мглина, не пытаясь взять эти казачьи города. Началась ранняя весна, вскрылись реки, пришлось бросать обозы и артиллерию. Местное население убивало фуражиров, в итоге хлеба не было даже на столе у короля (по сообщению французского наемника Грамона), сдохло 40 тысяч лошадей (по его же словам).

За две недели отступления от Новгорода-Северского до Кричева по разным причинам «сгинуло» свыше 8 тысяч воинов Яна-Казимира — с учетом более ранних потерь и ухода части войска южным путем — почти треть или даже половина остававшейся армии. Воевода Черкасский из Брянска, чьи передовые отряды уже заняли Почеп, мог без труда, при небольшом «поспешании», выйти на пути отхода потрепанных войск у Мглина и разгромить их. Но сделано это не было, за Мглином лишь настигли арьергард М. Паца и захватили обоз и триста пленных. Впрочем, Алексей Михайлович не очень-то и «порицал» за это воевод, вероятно уже настроившись на мир с Польшей. Хотя

польские войска в кампанию 1664 года первый (и единственный) раз были на «юридически» и этнически российской территории (все бои до этого проходили «юридически», по международному праву, на землях Речи Посполитой) и не особенно «зверствовали», что отметил в своей грамоте Алексей Михайлович («повоевали пустое»), все же села грабились и сжигались (даже резиденция Яна-Казимира Юшино), население убегало (или его уводили татары), и многие поселки запустели. Впрочем, поскольку и для россиян, и для поляков военные действия велись на этнически «чуждых» территориях и противоборствующие стороны особой вражды друг к другу не испытывали, то они часто обмениваясь пленными. Московских пленных при Конотопе казнили не полки, а татары и даже «черкасы», польских жителей и «жидов» также избивали не российские войска (их там практически не было), а казаки.

8. Андрусово: итоги и последствия российско-польской войны. Изменение военно-политических доминант. Судьбы Украины и земель региона

В итоге уже летом 1664 года начались переговоры, которые, правда, тянулись долго из-за территориальных споров (разрешенных в итоге в пользу России, чьи войска все еще занимали многие города Речи Посполитой), однако на этот период военные действия прекратились. Стороны просто устали от войны, да и испытывали огромные финансовые трудности (вспомнить хотя бы Медный бунт в Москве). В итоге в январе 1667 года в селе Андрусово на новой литовско-российской границе было заключено перемирие на 13 лет, закрепленное «вечным миром» 1686 года. Андрусовское перемирие лишь юридически оформило ту ситуацию, которая фактически сложилась уже в 1654 году: возвращение России утерянных ею в 1618 году русских, в том числе, за крошечным исключением, всех брянских земель, и половины Украины.

Крупнейшим военно-административным событием в регионе в финальный период российско-польской войны,

кроме обособления Стародубского полка от Нежинского (1663) в его украинской части, стало образование Севского разряда в 1664 году. Разряд — военно-административный округ в пограничных регионах. Первым стал Тульский, образованный в XVI веке. Севский находился на стыке Белгородского, направленного против Крыма, и Смоленского на «польском» направлении (хотя, по терминологии того времени, оно называлось «литовским», а польская украйна находилась южнее Белгородской черты, и на ней было образовано Слободское войско в 1651 году). Севск многократно являлся пунктом сбора войск в 50-х — начале 60-х годов XVII века и мог защищать одновременно и от татар, и от «литовских людей». Вряд ли его образованием могли заняться до прекращения военных действий и начала переговоров в 1664 году, а вот сразу после этого — было самое время. И действительно, первая роспись городов, относящихся к Севскому разряду, датируется ноябрем 1664 года. Это — Путивль, Рыльск, Брянск, Белев, Болхов, Лихвин. В 1665 году к ним добавились Карачев, Орел, Кромы, Недригайлов. По размерам Севский разряд равнялся более поздней губернии или нескольким современным областям. Чуть позднее к Севскому разряду добавили Трубчевский уезд во главе с воеводой (как и другие уезды). До своей смерти этой территорией на правах вотчины типа удельного княжества (хотя юридически последних уже не было) управлял князь А.Н. Трубецкой, пожалуй, наряду с Хованским, главный полководец российско-польской войны 1654—1667 годов.

Причиной кратковременных, но опасных для России военных событий в Украине в целом (раньше, еще осенью 1666 года они начались в Правобережной ее части) и в общих регионах (украинском и российском) Брянского края стали те статьи Андрусовского договора, которые касались гетманства и Запорожской Сечи.

Во-первых, на переговоры не были приглашены ни Петр Дорошенко, гетман Правобережной Украины с 1665 года, ни Левобережной — верный «боярин» Москвы Иван Брюховецкий, ни представители Крымского ханства, так на этом настаивавшие. Определение границ казачьих «субгосу-

дарств» — гетманств и их статуса и в Речи Посполитой, и в России были признаны внутренним делом этих стран. Фактически это был раздел Украины без участия ее представителей, так постоянное лавирование гетманов надоели и королю, и царю, а претензии крымского хана вызывали только возмущение в обоих государствах. Запорожская Сечь объявлялась совладением обеих стран, дабы не дать ей перейти в сферу влияния Османской империи. Оба гетмана — «левобережный» и «правобережный» — мечтали владеть всей Украиной, не важно, под чьей рукой, и Андрусовское перемирие ставило крест на этих проектах.

Петр Дорошенко «отдался» под власть Крыма и начал войну с Польшей еще осенью 1666 года, чем ускорил переговоры и сделал их более благоприятными для России. Иван Брюховецкий подготовил заговор и начал его реализацию лишь через год после заключения перемирия, надеясь все же на «милость» царя и в то же время выжидая накопления недовольства «московским» владычеством.

Недовольство гетманов понятно, власть же старшины ограничивалась введением института воевод для «посполь-ства» (не казаков) с правом собирать с них налоги и судить. Этим также ограничивались права городского самоуправления, которые были достаточно широкими в Речи Посполитой. Петр Дорошенко первым отверг андрусовские условия, в то же время предложив себя Москве в качестве гетмана — но «обеих сторон Днепра», если нет, то принять подданство любой страны, признающей единство Украины. Недовольные соединенным польско-российским контролем запорожцы сразу приступили к практическим действиям, перебив московское посольство в Крым. 1 января 1668 года наступил черед Брюховецкого, давшего задание старшине организовать изгнание и избиение царских воевод и их ратных людей и предположившего ей передать «Малую Россию» под власть «государя турецкого».

В феврале началось тайно подготовленное восстание — уцелеть и отсидеться «в осаде» удалось немногим воеводам и их ратникам. Погиб и стародубский воевода князь Ю.Г Волконский, наступавший на имущественные права старшины. Весной 1668 года «изменники черкасы» вновь

стали воспринимать восточных соседей как врагов и объект грабежа: пострадали многие села комарицких драгун, были убиты несколько их жителей. В то же время в резиденцию Брюховецкого — Гадяч — прибыли послы турецкого султана и крымского хана и с ними вспомогательный отряд в 7 тысяч татар. Замаячил призрак турецко-татарского господства над Левобережьем Днепра. Однако именно только «призрак» — от Белгородской черты уже были двинуты на Украину российские войска, помогла и вражда между гетманами. П. Дорошенко переправился через Днепр и потребовал от Брюховецкого передать ему гетманские клейноды (символы власти) и всю артиллерию. Последний решил оказать сопротивление Дорошенко, но был убит собственными казаками. Для последних, в отличие от старшины и даже мещан, «московское владычество» не являлось столь большой проблемой, как польское и турецко-татарское. Тем более, пока суд да дело, татарский отряд, прибывший на помощь Брюховецкому, самостоятельно напал на Путивль и Рыльск, затем поднялся по Свапе до Севска и начал грабить уезд, но в июле был разбит севским воеводой. Это были единственные военные действия в данный период (1668 — начало 1669 года). Вошедшим на Украину войскам Г Ромодановского сопротивления никто не оказал, даже П. Дорошенко избегал прямой конфронтации. Однако кратковременное восстание доставило хлопот и жителям Комарицкой волости. Если после Андрусовского перемирия число выставленных ими драгун сократили до 3 тысяч (было 5 тысяч), то в 1668 году вновь мобилизовали 4,5 тысячи.

Поэтому в принципе неплохого политического деятеля, каким был Петр Дорошенко, на Левобережье поддержали только некоторые города и три полка, включая Полтавский, а также Запорожская Сечь. Рядовые казаки и часть старшины во главе с Демьяном Многогрешным предпочла повиниться перед царем и вновь «отдаться» под его руку, при одном условии: не присылать царских воевод.

На созванной в марте 1669 года по указу царя Раде в Глухове без споров был выбран Многогрешный. При подписании же нового договора, текст которого разрабатывал

боярин Артамон Матвеев, а князь Г Ромодановский осуществлял военное «прикрытие» делегации от возможных «изменников», возник спор и с гетманом, и со старшиной. Аргументы Г Ромодановского оказались убедительными, «Глуховские статьи» одобрены Радой, новый гетман заступил на пост, а вся Рада приведена к присяге на верность Алексею Михайловичу.

9 марта, вернувшись в Севск, военный глава делегации Г. Ромодановский известил П. Дорошенко о необходимости отвода его войск с Левобережья «во избежание кровопролития», что тот и выполнил, будучи реалистом. Таким образом, в марте 1669 года конфликт, так и не переросший в прямые военные действия (за исключением набега запорожцев, затем татар на Комарицкую волость), был исчерпан. И вовремя — в 1670 году разразилось восстание Степана Разина, правда никак не затронувшее Брянский край.

Конечно, мобилизация правительственных сил на подавление восстания не могла не затронуть такие «военизированные» регионы, как Севский и Белгородский разряды, которые, несмотря на тяготы, вызванные только завершившимися «польскими» войнами, выставили 4,5 тысячи человек разного типа ратников.

Их возглавил «усмиритель» восстания И. Брюховецкого, глава одновременно обоих разрядов (с резиденцией в Севске) князь Г.Г Ромодановский. Однако реально это войско в подавлении вряд ли участвовало, ибо уже по дороге к театру военных действий начало разбегаться. Наверняка его достигли только 324 дворянина и городовых казака, связанные честью, землями, жалованьем. Вряд ли полностью добрались до Волги и 1,5 тысячи казаков-украинцев Сумского полка Слободского войска.

Что же касается комарицких драгун, число которых равнялось 1485 человек (треть войска) под командованием «полуполковника» Варфоломея Ронорта, то они, по сообщению Ромодановского, «збежали все до одного человека». Однако кризис армии достиг такой силы, что попытку повторили весной 1671 года, хотя сначала хотели даже исключить комарицких драгун из числа посылаемых на Дон, но больше было некого...

Благодаря бесконечным войнам и походам запорожцев и татар на волость (последние в 1668 году) комаричане нищали и неоднократно просили вообще освободить их от воинской повинности. Достигли они того, что драгунскую службу для них в 1679 году действительно отменили, но всех превратили... в «солдатов». Впрочем, не питая иллюзий об их боевых качествах, военной службы от них требовать перестали, возложив дополнительные натуральные повинности для обеспечения армии. Но и они оказались тяжелы для них — началось бегство из волости в боярские вотчины, поместья и на монастырские земли, где «солдаты» превращались в крепостных. Часть (200 семей из 3 тысяч) вернуть удалось, но далее предпочли в столь ответственном регионе заменить их новой армией — «выборным солдатским полком» генерала А. Шепелева.

Произошло это в 1681 году, в том же году, когда завершилась Бахчисарайским миром и 1-я Русско-турецкая война. Она знаменовала собой полное изменение внешней, в том числе военной, активности России. Вместо войн с Речью Посполитой Россия стала поддерживать ее в борьбе с Османской империей и ее вассалом на Правобережной Украине — гетманом Петром Дорошенко, а затем и со Швецией. Но это уже другая страница военной истории России и «вечно пограничного» Деснинско-Брянского региона, которая, начавшись в январе 1674 года, завершилась (но только по «турецкому» направлению) лишь в годы Первой мировой войны. Войны же в дальнейшем обходили эти земли стороной с 1708 по 1919, а по большому счету — до 1941 года. Но их представители, уроженцы, принимали участие во всех войнах России, в том числе и за ее рубежами, и в этот «мирный» для бывшего (и будущего) пограничья период и внесли свой вклад в «копилку» воинской славы державы.

Список литературы

К изданию в целом

Восточная Европа в Древности и Средневековье: Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти В.Т. Пашуто. М.: РАН, 2012.

История Брянского края. Ч. I. С древнейших времен до конца XIX века / Отв. ред. В.В. Крашенинников. Брянск: БГПУ, 2000; Изд. 2. 2001.

К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин о войне и армии: Сб. пр. М., 1982.

Клаузевиц К. О войне. М., 1997

Котенев В.А. Законы войны и проблема индивидуальной ответственности за их нарушение в конце XIX — начала XX в. // Проблемы государства, права, культуры и образования в современном мире. Тамбов, 2006. С. 51—62.

Кузьмин А.И. Военная героика в русском народно-поэтическом творчестве: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1981.

Мир/Peace: Альтернативы войне от античности до конца Второй мировой войны: Антология / Отв. ред. Ч. Чэтфилд, Р.М. Илюхина. М.: Наука, 1993.

Митюков Н.В. Имитационное моделирование в военной истории. М.: ЛКИ, 2007

Новікаў Я. Ваенна гісто́рия Беларускіх земляў (да канца XII ст.) Т. 1. Минск, 2007

Поляков Г.П., Чубур А.А. История Брянского края. С древнейших времен до конца XVIII века: Уч. пособие для 8-го класса. Брянск: Курсив, 2012.

Поляков Л.Е. Цена войны. Демографический аспект. М.: Финансы и статистика, 1985.

Чубур А.А., Чернышов С.В. Летопись Брянщины. Т. 1. Смоленск; Брянск: Эверест, 2011.

Шинаков Е.А. Элитные воинские формирования и власть (Древность и Средневековье) // Викинги между Скандинавией и Русью. М., 2009. С. 177—198.

Шинаков Е.А. Что такое войны, их происхождение и типология. Война и политогенез. Общие принципы классификации военных механизмов // Военная история Брянского края (от древности до включения в состав Древнерусского государства): Уч. пособие. Брянск: Курсив, 2012.

Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н., Чубур А.А. Погребальный обряд Среднего Подесенья как источник для исторических реконструкций. Брянск: Курсив, 2011.

Шинаков Е.А., Лупоядов В.Н. Важнейшие военные сражения в истории Брянского края: Уч. пособие. Брянск: Курсив, 2013. Гл. I —VI.

Aron, Peace and War: A Theory of International Relations (Malabar, FL: R.E. Krieger Publishers, 1981). P. 116.

Ganzha A., Shinakov E. Was the War Caused by the Circumscription the Only Way to the State? // Social Evolution and History. Studies in the Evolution of Human Societies. 10th Anniversary issue. Vol. 11, № 2. / September. Moscow, 2012. P. 48—51.

Guidi A. Carneiro and the Archaeology of War: A Comment from a Prehistorian // Social Evolution and History. Studies in the Evolution of Human Societies. 10th Anniversary issue. Vol. 11, № 2. / September. Moscow, 2012. P. 56—58.

Morgenthau H. J. Politics among Nations. New York, 1992.

Wight M. Wars of Jain, Fear and Doctrine. Ed. by L. Freedman. Oxford, 1994.

К главе 1

Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху Средневековья / Под ред. С.А. Плетневой. М.: Наука, 1981. С. 10—23.

Артеменко И.И. Культуры шнуровой керамики: среднеднепровская, подкарпатская, городоцко-здолбицкая, стжижовская // Эпоха бронзы лесной полосы СССР (Археология СССР). М.: Наука, 1987 С. 35—50.

Ахмедов И.Р., Казанский М.М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст. Культурные трансформации и взаимодействия в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб., 2004.

Ахмедов И.Р. Короткие однолезвийные мечи из Никитинского могильника // Germania—Sarmatia. Т. II. Калининград—Курск, 2010. С. 319—343.

Бохан Ю.М. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV —конца XVI ст. Минск, 2002.

Брюсов А.Ю., Зимина М.П. Каменные сверленые боевые топоры на территории европейской части СССР. М.: Наука, 1966.

Вальчак С.Б. Хронология и генезис мечей и кинжалов с рукоятями округлого сечения в предскифский период (VIII—VII вв. до нашей эры) // Военная археология: Сб. мат-лов семинара при Государственном Историческом музее. Вып. 1. М., 2008. С. 6—26.

Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М., 2007

Геродот. История: В 9 кн. Л.: Наука, 1972.

Еременко В.Е. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции этнополитических процессов III—I вв. до н. э. в Центральной и Восточной Европе. СПб.: Изд-во СПБГУ, 1997

Зорин А.В, Стародубцев Г.Ю., Чубур А.А., Шпилев А.Г Курский край сквозь века. Курск: Полстар, 2014.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997

Казакявичюс В. Оружие балтских племен II—VIII веков на территории Литвы. Вильнюс, 1988.

Казанский М.М. «Вождеские» погребения гуннского времени с мечами // Краеугольный камень. Археология, история, исскуство, культура России и сопредельных стран: В 2 т. Т. 1 / Под ред. Е.Н. Носова, С.В. Белецкого. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 307—320.

Каравайко Д.В. Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. Киев: ИА НАН Украины, 2012.

Кирпичников А.Н. Раннесредневековые золоченые шлемы. Новые находки и наблюдения. СПб.: ИПК «Вести», 2009.

Маврикий. Стратегикон. М., 2004.

Мельниковская О.Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.: Наука, 1967

Негин А.Е. Позднеримские шлемы: проблемы гензиса // AntiqvitasAeterna. The Volga Region Journal of classical studies. Issue 2. War, army and military affairs in classical world.. Saratov: University Press, 2007. P. 335—360.

Негин А.Е. Позднеримские шлемы с продольным гребнем Германия — Сарматия (Germania —Sarmatia). II: Сб. науч. статей по археологии Центральной и Восточной Европы, посвящ. памяти М.Б. Щукина. Ред. О.А. Щеглова и др. Калининград; Курск, 2010. С. 343—357

Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. нашей эры. М.; Сумы, 1991.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III — первая половина V в.). М.: Наука, 2002.

Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. М., 1996.

Радюш О.А., Щеглова О.А. Волниковский «клад» и Курское Посемье в эпоху Великого переселения народов. Курск, 2012.

Радюш О.А. Шлемы эпохи переселения народов из Поднепровья // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего Латена до позднего Средневековья. Тула: Куликово поле, 2014. С. 40—54.

Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до нашей эры — первой половине I тысячелетия нашей эры / Под ред. Б.А. Рыбакова, И.П. Русановой, Э.А. Сымоновича. М.: Наука, 1993.

Смирнов А.С. Неолит верхней и средней Десны. М.: Институт археологии АН СССР, 1991.

Падин В.А. Курганы эпохи бронзы около Трубчевска // Советская археология. 1963. № 1. С. 289—293.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966.

Федоров Г.Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. // Материалы и исследования по археологии СССР № 89. М.: АН СССР, 1960.

Федосов А.В. Готские и славянские предгосударственные образования III—IV вв. Брянск, 2015.

Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Серия: Археология СССР. М. 1987 С. 84—105.

Чубур А.А. Каменные сверленые топоры на территории Брянщины // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы VIII конференции. Калуга, 2001. С. 27—30.

Чубур А.А. Случайные находки эпохи бронзы на северо-западе и западе Брянской области // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: Мат-лы науч. конф. СПб., 2008.

Чубур А.А. Топоры бронзового века из собрания Трубчевского краеведческого музея // Русский сборник. Вып. 6. Брянск: РИО БГУ, 2011. С. 17—21.

Чубур А.А. Скарб доби пізньої бронзи з околиць Путивля // Путивльський краєзнавчий збірник. Вип. 7 Суми: Університетська книга, 2015. С. 4—8.

Чубур А.А. Поздний бронзовый век нижней Судости по материалам микрорегиона Курово // Деснинские древности — VIII: Мат-лы межгос. науч. конф., посв. памяти брянского археолога и краеведа, заслуженного работника культуры РСФСР Ф.М. Заверняева (28.II.1919—18.VI.1994). Брянск, 2016. С. 46—64.

Чубур А.А., Шинаков Е.А. Неолит нижнего течения Судости // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. Междун. конф. к 100-летию Н.Н. Гуриной. СПб., 2012. С. 241—251.

Шаги К. Остроготы (остготы) в окрестностях оз. Балатон // Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII веков, eds. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели, М., 1982. С. 50—64.

Шинаков Е.А., Миненко В.В., Грачев С.Ю., Пискунов В.О., Соболев А.В., Чубур А.А Средневековые копья Среднего Подесенья (VI—XV вв.) // Русский сборник 5. 2009. С. 84—98.

Шафенкова Ю.В. Сверлёные топоры бронзового века из Севского краеведческого музея: штрих к культурно-исторической картине Среднедеснинского региона // Региональные аспекты современных историко-правовых, филолого-культурологических, психолого-педагогических, естественно-научных и экономических исследований. Сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. Брянск, 2015. С. 179—183. Ч. 2.

Шафенкова Ю.В. Металлические ножи-кинжалы бронзового века с территории Брянской области // Деснинские древности — VIII: Мат-лы межгос. науч. конф., посв. памяти брянского археолога и краеведа, заслуженного работника культуры РСФСР Ф.М. Заверняева (28.II.1919—18.VI.1994). Брянск, 2016. С. 41—45.

Шафенкова Ю. Каменные и бронзовые топоры из Суземского полесья // Древности Средне-Западной России и сопредельных территорий: Мат-лы XXXII междунар. студ. археолого-этнолог. конф. 21—23 мая 2016 г. Брянск: РИО БГУ, 2016. С. 104—107.

Щеглова О.А. Еще раз о функциях «мартыновских фигурок» // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: В 2 т. Т. 2 / Под ред. Е.Н. Носова, С.В. Белецкого. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 520—539.

Шинаков Е.А. От пращи до скрамасакса. На пути к державе Рюриковичей. Военная история Брянщины. СПб.; Брянск, 1995.

Шинаков Е.А. Многослойное поселение Борки III под Погаром // Русский сборник. Вып. 2—3. Брянск: РИО БГУ, 2007 С. 55—68.

Шинаков Е. Болгарские тамги из средневековых сел на р. Десна // Труды совместной музейно-археологической экспедиции. Вып. 2. Брянск; Пловдив, 2014. С. 20—27

Шинаков Е.А. Конская упряжь и детали шпангенхельма «темных веков» из Брянского Подесенья // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2013 г. Брянск: РИО БГУ, 2015. С. 111—125.

Шинаков Е.А., Чернышов С.В. Ранние этапы заселения Брянского края славянами // Проблемы отечественной истории и всеобщей истории: Сб. ст. памяти Н.И. Платунова. Брянск, 2007

Шинаков Е.А., Чубур А.А. Клады, найденные дважды // Наследие народов Российской Федерации. 2014. № 2.

Шмидт Е.А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепро-двинские племена (VIII в. до нашей эры — III в. нашей эры). М., 1992.

Щукин М.Б. На рубеже Эр. СПб.: Фарн, 1994.

Щукин М.Б. Рождение славян // Стратум: структуры и катастрофы: Сб. символической индоевропейской истории. СПб., 1997

Щукин М.Б. Готский путь. СПб., 2005.

Böhner K. Die frühmittelalterlichen Spangenhelme und die nordischen Helme der Vendelzeit, Jahrbuch Des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 41.2., 1994. P. 471—549.

Dekan J. Veĺká Morava. Doba a umenie, Bratislava. 1976.

Escher K. Les Burgondes (Ier-VIe siècles apr. J.-C.), Paris. 2006.

Glad D. Chronotypologie, origine et diffusion de l'armement défensif corporel en Mediterranée Orientale (IVe-VIIIe siecles), BAR Series 1921, Oxford. 2009.

Glad D. TheEmpire's influence on the barbarian elites from the Pontic region to the Rhine (5th — 7th centuries): A case study of Lamellar weapons and segmental helmet, [in:] The Pontic-Danubian Realm in the Period of the Great Migration, eds. V Ivanievič, M. Kazanski, Paris—Belgrad, 2012. P. 349—362.

Kokowski Andrzej. Archeologia Gotow. Lublin, 1999.

Lebedynsky I. Armes et guerriers barbares au temps des grandes invasions. 2001.

Menghin W. Das Schwert im frühen Mittelalter. Chronologisch-typologische Untersuchungen zu Langschwerten aus germanischen Gräbern des 5. Bis. 7 Jahrhunderts n. Chr., Wissentschaftlichen Beibände zum Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums 1. Stutgart. 1983.

De Paor L. Some vine scrolls and other patterns in embossed metal from Dumfriesshire, Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland 94,1960—1961. P. 184—196.

Schlette F. Germanen zwischen Thorsberg und Ravenna, Leipzig—Jena—Berlin. 1980.

Shinakov E., Fedosov A. Military evidences of Great Migrations in Eastern Europe (the Desna Region) // Programme (with Abstracts) of the International Conference "Interethnic Relations in Transylvania. Militaria Mediaevalia in Central and South —Eastern Europe" Sibiu, October 15th—18th, 2015. P. 7

Steuer H. Helm und Ringschwert. Prunkbewaffnung und Rangabzeichen germanischer Krieger: eine Übersicht, Studien zur Sachsenforschung 6, Freiburg. 1987

Tejral J. Mähren im 5. Jarhundert, Praha. 1973.

Vagalinski L. Ein neuer spätantiker Segmenthelm aus Voivoda, Schumengebeit (Nordostbulgarien), Archaeologia Bulgarica 1, 1998. P. 96—106.

Vinski Z. Nachtragungen zu den Helmen vom Typ Narona / Baldenheim, Starohrvarska prosvjeta 14, 1984. P. 95—106.

Vogt M. Spangenhelme: Baldenheim und verwandte Typen, Mainz. 2006.

Werner J. Neues zur Herkunft der frühmittelalterlichen Spangenhelme von Baldenheimer Typus, Germania 66/2, 1988. P. 521—528.

К главе 2

Горский А.А. Древнерусская дружина. М., 1989.

Ерохин А.С., Шинаков Е.А. Война как фактор государствогенеза в раннесредневековой Англии и Древней Руси // Вестник БГУ. 2015. № 2. С. 154—158.

Ибн Мискавейх. Книга испытаний народов и осуществления заданий // Древняя Русь в свете зарубежных источников; Хрестоматия. Т. III. Восточные источники. М.: РАН, 2009. С. 100—105.

Ипатьевская летопись // ПРСЛ. Т. 2. М.: Восточная литература, 1962.

Каинов С.Ю. Начальные этапы формирования древнерусского комплекса боевых средств // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего Латена до позднего Средневековья. Тула: Куликово поле, 2014. С. 97—102.

Каргалов В.В. Полководцы X—XVI вв. М., 1989. Гл. 1, 2.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX—XIII вв. // САИ. Вып. Е1—36. М.; Л.: Наука, 1966.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв. // САИ. Вып. Е1—36. М.: Наука, 1966.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв. // САИ. Вып. Е1—36. М.: Наука, 1971.

Кирпичников А.Н. Раннесредневековые золоченые шлемы. Новые находки и наблюдения. СПб., 2009.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. // САИ. Вып. Е1—36. М.; Л.: Наука, 1973.

Лаврентьевская летопись // ПРСЛ. Т. 1. М.; Л.: Восточная литература, 1962.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005.

Лев Диакон. История. М.: Наука, 1988.

Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Под. ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.

Радзивиловская летопись // ПРСЛ. Т. 38. Л.: Наука, 1989.

Чубур А.А. Глеб и Борис — небесные покровители рода Давыдовичей в Чернигово-Северской земле: археологические свидетельства // История в подробностях. 2015. № 7(61) Святые Борис и Глеб. С. 62—67

Шинаков Е.А. Дружинная культура и русско-северянское противостояние в Брянском Подесенье (на рубеже X—XI вв.) // Военная история Брянского края (от древности до включения в состав Древнерусского государства): Уч. пособие. Брянск: БГУ, 2012. С. 108—113.

Шинаков Е.А. Дружинное государство в Польше и на Руси // Восточная Европа в Древности и Средневековье. X чтения к 80-летию В.Т. Пашуто. М.: РАН, 1998. С. 128—132.

Шинаков Е.А. От пращи до скрамасакса: на пути к державе Рюриковичей. СПб.; Брянск, 1995. Ч. II.

Шинаков Е.А., Рябчевский Н.Г Чубур А.А., Лобанов Г.В. О работах на комплексе памятников в урочище «Чашин Курган» // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2016 г. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2016. С. 90—94.

Arbman H. The Vikings. L., 1962.

Health I., McBride A. Byzantine Armies 886 — 1118. Ed. M. Windrow. L; Ospley PLtd, 1988.

Nadolski A. Broń i strój rycerstwa polskiego w średniowieczu. Wrocław: Ossolineumń, 1979.

Shinakov E.A. The Mechanisms of the Old Russian State Genesis // Social Evolution and History. Vol. 6, № 2. / September 2006. M: Uchitel. P. 121—150.

К главе 3

Археология СССР. Т. 15. Древняя Русь. Город. Замок. Село / Г.В. Борисевич [и др.]; Отв. ред. Б.А. Колчин; Редкол.: Б.А. Рыбаков (гл. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1985.

Ипатьевская летопись // ПРСЛ. Т. 2. М.: Восточная литература, 1962.

Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М.: Высшая школа, 1967 Гл. I.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX—XIII вв. // САИ. Вып. Е1—36. М.; Л.: Наука, 1966.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв. // САИ. Вып. Е1—36. М.: Наука, 1966.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв. // САИ. Вып. Е1—36. М.: Наука, 1971.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. // САИ. Вып. Е1—36. М.; Л.: Наука, 1973.

Лаврентьевская летопись // ПРСЛ. Т. 1. М.; Л.: Восточная литература, 1962.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. // САИ. Вып. Е1—36. М.: Наука, 1971.

Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Под. ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.

Поляков Г.П., Чубур А.А. Летописные леса Северской земли. Меж Десной и Окой // Экология антропогенных ландшафтов: тенденции изменения, проблема сохранения биоразнообразия Калужского края: Мат-лы науч. симпозиума 5—7 апреля 2011 г. Калуга, 2012. С. 56—62.

Радзивиловская летопись // ПРСЛ. Т. 38. Л.: Наука, 1989.

Чубур А.А. Древнерусская ладья — однодеревка из летописного Вщижа // Российская археология, 2004. № 3.

Чубур А.А., Журавлёва Ю.Б. Средневековое судостроение в Юго-Восточной Руси (бассейны Десны и Оки) по археологическим источникам // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII—XIV веках. Тула, 2005. С. 176—191.

Чубур А.А., Чубур Ю.Б. Половцы в Подесенье. Археологический аспект // Слово о полку Ігоревім та його епоха. Вип. 2. Збірник наукових праць / За ред. В.Б. Звагельського. Сумы, 2008.

Шинаков Е.А. Пути формирования городов в Деснинском регионе Древней Руси // Русский сборник. Вып. 4. Брянск: БГУ, 2008. С. 86—105.

Шинаков Е.А., Миненко В.В., Грачев С.Ю., Пискунов В.О., Соболев А.В., Чубур А.А. Средневековые копья Среднего Подесенья // Русский сборник. Вып. 5. Брянск: БГУ, 2009. С. 84—98.

Шинаков Е.А., Пискунов В.О. Снаряжение всадника с поселения Большая Дубрава (Староселье): к вопросу о его социальной атрибуции // Деснинские древности. Вып. VIII. Материалы межгосударственной конференции «История и археология Подесенья», посвященная памяти Ф.М. Заверняева. Брянск, 2016. С. 102—110.

Шинаков Е.А., Пискунов В.О. Топоры X—XIV веков из Чернигово-Брянского Подесенья // Русский сборник. Вып. 7 Брянск: БГУ, 2013. С. 102—109.

К главе 4

Артемьев А.Р. Вооружение татаро-монгольских воинов в походе на Волжскую Булгарию и Русь в 1236—1241 гг. // Данилов С.В. (отв. ред.). 100 лет гуннской археологии. Номадизм — прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Тезисы докладов. Ч. 1. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. С. 87—88.

Артемьев А.Р. Проблемы выделения монголо-татарского комплекса вооружения среди древнерусских материалов XIII в. // Макаров Н.А., Чернецов А.В., Лопатин Н.В. (ред.). Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М.: Наука, 2004. С. 143—152.

Грачев С.Ю., Пискунов В.О. Ордынское присутствие в Подесенье в XIII—XV веках // Русский сборник. Вып. 8. Т. 1. Брянск: РИО БГУ, 2016. С. 44—50.

Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.

Гурьянов В.Н., Шинаков Е.А. Вооружение конца XII — начала XIV в. с территории Среднего Подесенья и кросс-культурные контакты (в свете монгольского нашествия) // StratumPlus: Археология и культурная антропология. № 5. 2016. Нашествие. Пределы катастрофы XIII века. Отв. ред. Р.А. Рабинович. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. 2016. С.143—155.

История монголов / Сост. А. Лактионов. М., 2005.

Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М.: Высшая школа, 1967 Гл. II, III.

Каргалов В.В. Полководцы X—XVI вв. М., 1989. Гл. 3—5.

Кирпичников А.Н. Военное дело Древней Руси XIII—XV вв. М., 1976.

Кучкин В.А. Русь под игом: как это было? М., 1991.

Мизун Ю.В., Мизун Ю.Г. Ханы и князья. Золотая Орда и русские княжества. М.: Вече, 2005.

Никольская Т.Н. Городище Слободка XII—XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей. М.: Наука, 1987

Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII вв. М.: Наука, 1981.

Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1977.

Терський С.В. З історії української зброї XIII—XVIII: сорики-бердиші та алебарди. Вісник Національного університету «Львівська політехника». Серія: Держава та армія 528, 2005. С. 16—27

Храпачевский Р.П. Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М.: Квадрига, 2011.

Чубур А.А. Леса Воронокские, Гусин брод и слободы Ахматовы. Об исторической географии Курского Посемья и его округи в XIII—XV веках // История в подробностях: Золотая Орда. 2013. № 8 (38).

Чубур А.А. К исторической географии Посемья в период феодальной зависимости от Золотой Орды // Studia internationalia: Мат-лы II междун. науч. конф. «Западный регион России в международных отношениях X—XX вв.». 28—30 ноября 2013 г. Брянск: РИО БГУ, 2013. С. 47—55.

Шинаков Е.А. Еще одно материальное свидетельство татарского военного присутствия в Центре Подесенья // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 2. Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; Институт археологии РАН, Москва; Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск. 2011.

Шинаков Е.А. Монголо-татары и Подесенье в XIII в. // Studia Internationalia. Мат-лы III Междунар. науч. конф. «Западный регион России в международных отношениях X—XX вв.» Брянск: РИО БГУ, 2014. С. 24—34.

Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н. О границе Новгород-Северского и Черниговского княжеств в XII—XIII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как

фактор политогенеза. XXVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 314—322.

Широкорад А.Б. Русь и Орда. М.: Вече, 2008. Гл. 1—7

Jasiński T. Przerwany hejnał. Warszawa, 1988.

Kotowicz P.N. Przemianywuzbrojeniuplemiennym Iwczesnopanstwowym (VI — pol. XIIIw.) w Polskiejczesci Dawnychksiestw Ruskich—wybraneprzyklady // Вісник Національного університету «Львівська Політехнка». № 571. Державатаармія. Від. ред. Л.Э. Дещинський. Львів, 2006. С. 18—39.

Nicolle D. Arms and Armour of the Crusading Era, 1050—1350. Western Europe and the Crusader. 1999.

К главе 5, раздел 1

Буганов В.И. Куликовская битва. М.: Педагогика, 1980.

Бохан Ю.М. Узбраенне насельніцтва Беларускіх зямель у XIV—XVI стагодзях. Мінск: Беларусь, 2012.

Бугис П. Находка панцирных пластин на территории великокняжеского замка исторического Вильно // Военная археология. Сб. мат-лов семинара при Государственном историческом музее. Вып. 1. М., 2008. С. 118—124.

Двуреченский О.В. Масштабы Донского побоища по данным палеографии и военной археологии // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего Латена до Позднего Средневековья. Тула: Куликово поле, 2014. С. 124—130.

Жуков К.А. К истории шатровидных шлемов на Руси XIII—XV вв. // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII—XIV веках. Тула, 2005. С. 216—234.

Задонщина; Летописная повесть о Куликовской битве; Сказание о Мамаевом побоище; Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича // Памятники литературы Древней Руси XIV — середина XV века. М.: Художественная литература, 1981. С. 96—230.

Каргалов В.В. Полководцы X—XVI веков. М., 1989.

Кирпичников А.Н. Военное дело Древней Руси XIII—XV вв. М., 1976

Кирпичников А.Н. Куликовская битва и исторические судьбы Руси (общенародное войско городов и земель — преобразующий фактор русской истории XIV века) // Генезис и развитие феодализма в России. Л.: ЛГУ, 1988. С. 154—165.

Коровкин Д.С. Элементы ламинарной конструкции в защитном снаряжении кочевников Восточноевропейских степей в XIII—

XV вв. // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII—XIV веках. Тула, 2005. С. 235— 243.

Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (материалы юбилейной научной конференции). М.: МГУ, 1983.

Мизун Ю.В., Мизун Ю.Г Ханы и князья. Золотая Орда и русские княжества. М.: Вече, 2005.

Митяев А.В. Ветры Куликова поля. Рассказы о воинской доблести предков. М.: Детская литература, 1986.

Поляков Г.П. Брянское княжество в составе Великого княжества Литовского и Русского. К истории потери независимости и прекращения существования Брянского княжества // Русское наследие в странах Центральной и Восточной Европы. Брянск: БГУ — фонд «Русский мир». 2010. С. 438—444.

Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. М., 2010.

Шинаков Е.А. Между Синими Водами и Грюнвальдом: центрально-восточные окраины литовско-русских земель в военно-политических событиях второй половины XIV — начала XV в. // Русское наследие в странах Центральной и Восточной Европы. Брянск: БГУ — фонд «Русский мир». 2010. С. 303—309.

Шинаков Е.А. О времени и процессе включения Брянска в состав Великого княжества Литовского // Studiainternationalia: Матлы V Междун. конф. «Западный регион России в международных отношениях X—XX вв.». Брянск: РИО БГУ, 2016. С. 41—56.

Широкорад А.Б. Русь и Орда. М.: Вече, 2008. Гл. 9—10.

Kusnierz J. Znaleziska wczesnosredniowiecznych militari owwmiedzyrzeczu Wisly I Bugujako materialne slady konflikt owzbrojnychna pograniczu polsko — ruskim// Pogranicze Polsko — Ruskiewe Wczesnym Sredniowieczyna Lubelsczyznie. Pod red. E. Banasiewicz — Szykuly. Lublin, 2009. S. 139—166.

К главе 5, раздел 2

Бохан Н.Ю. Баявыя нагалоуі у Вялікімкнястве Літоускім у другой палове XIV — канцы XVI стагоддзя // Гістарычна — археалагічны зборнік. № 10. Укл. А.М. Мядзведзев, А.А. Мяцельскі. Минск, 1996. С.89—112.

Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. Гл. 7, 8.

Гудавичус Э. История Литвы. С древнейших времен до 1569 года. М., 2005. Гл. III.

Дворниченко А.Ю. Князь Свидригайло и западнорусские городские общины // Генезис и развитие феодализма в России. Л.: ЛГУ, 1988. С. 146—154.

Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991.

Івакін Г.Ю. Київ доби Олельковичів // Історія Русі — України (історико-археологічний збірник). Київ: Інститут археології НАН України, 1998. С. 281—288.

Козубовський Г.А. Київське князівство при Володимирі Ольгердовичі за пам'ятками нумізматики. «Старожитності південної Русі», Чн., Сіверянська думка, 1993 р. С. 131—137

Кирпичников А.Н. Военное дело Древней Руси XIII—XV вв. М., 1976.

Кушнеж Е. Находки мечей и топоров XIV—XV вв. в пограничной зоне Червонной Руси и Польского Королевства на фоне вооруженных конфликтов Венгрии, Польши и Литвы за Русь и войны с Тевтонским орденом в 1410 году // Русское наследие в странах Восточной Европы: Мат-лы межгос. конф., приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде. Брянск: БГУ — фонд «Русский мир». 2010. С. 327—340.

Мыц В.Л. Битва на Синей Воде 1363 г. в историографии средневекового Крыма // Археологічний літопис Лівобережної України. 2002. № 1. С. 107—112.

Пусь В.М. Стародубская земля и Грюнвальдская битва: военно-политический аспект // Русское наследие в странах Восточной Европы. Материалы межгосударственной конференции, приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде. Брянск: БГУ — фонд «Русский мир». 2010. С. 458—461.

Радзивилловская летопись: В 2 т. Отв. ред. М.В. Кукушкина. Т. 1 Факс. воспроизв. Рукописи. М.: Искусство, 1994.

Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в средние века и раннее новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге): Мат-лы междунар. науч. конф. СПб.: СПбГУ, 2010.

Тарасов К. Погоня на Грюнвальд. Минск, 1991.

Хорошкевич А.Л. Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV — начале XVI в. // *Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М.: Наука, 1982. С. 69—150.

Шеков А.В. Верховские княжества (Краткий очерк политической истории. XIII — середина XVI в.) // Труды Тульской археологической экспедиции. Вып. 1. Тула, 1993.

Шинаков Е.А. Военные события на центрально-восточных окраинах Великого княжества Литовского в конце XIV — начале XV века и их политические последствия // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: выбор пути русскими землями и народами Вос-

точной Европы в средние века и ранее новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде (Танненберге). Мат-лы междунар. науч. конф. (22—24. 10.2010 г.). СПб.: СПбГУ — Любавич, 2010. С. 369—373.

Шинаков Е.А. Особый тип топоров, обнаруженных в Брянском крае, Польше, болгарском Поморье // Деснинские древности. Вып. VI. Мат-лы межгос. науч. конф. «История и археология Подесенья», посвященной памяти Ф.М. Заверняева. Брянск, 2012. С. 12—23.

Шинаков Е.А., Попов С. Еще один «немой свидетель» битвы при Варне? // Известия на националния археологически институт, XL, 2012. Inhonoreprofessorts. Димитър Овчаров / Под. ред. Б. Петрунова и В. Григорова. София, 2012. С. 315—327

Широкорад А.Б. Русь и Орда. М.: Вече, 2008. Гл. 12—14.

Mikołajczak W. Grunwald 1410. O krok od klęski. Zakrzewo, 2007

Muller H., Kolling H. Europaische Hieb — und stichwaffen aus der Sammlung des Museums fur Deutsche Geschichte.Berlin: Militarferlag der Deutscher Demokratischer Republik (VEB), 1982.

Nowakowki A. Wojskowość w średniowiecznej Polsce. Malbork, 2005.

Uzbrojeniew Polsce Sredniowiecznej 1350—1450. Pod red. A. Nadolskiego. Lodz: Polska Akademia Nauk, Instytut Kultury Materialnej, 1990.

К главам 6 и 7

Алексеев Ю.Г Под знаменами Москвы. Борьба за единство Руси. М.: Мысль, 1992.

Бохан Ю.М. Вайсковая справа у Вялікім Княстве Літоускім у другой палове XIV — канцы XVI ст. Мінск: Беларуская навука, 2008.

Бохан Ю.Н. Шеломы «русского» типа из Мстиславля // Военная археология: Сб. мат-лов семинара при Государственном историческом музее. Вып. 1. М., 2008. С. 124—129.

Герберштейн С. Записки о московитских делах // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев / Под ред. Ю.А. Лимонова. Л., 1986. С. 31—150, 531—533.

Двуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV—XVII веков. Тула: Куликово поле, 2015.

Дмитриева Р.П. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955.

Каргалов В.В. На степной границе. Оборона «Крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М.: Наука, 1974.

Каргалов В.В. Полководцы X—XVI вв. М., 1989. Гл. 7, 9.

Каргалов В.В. Московские воеводы XVI—XVII вв. М.: Русское слово, 2002. Гл. 2.

Карпов Д.А. Крупные крепости Северской земли в начале XVI века // Проблемы истории Центральной и Восточной Европы. Брянск: БГУ, 2009. С. 55—59.

Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. Изд. 2. М., 2010.

Кром М.М. Стародубская война 1534—1537 Из истории русско-литовских отношений. М., 2008.

Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.. МГУ, 1994.

Сигизмунд Герберштейн. Записки о московских делах // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 31—151, 531—533.

Тарас А.Е. Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV—XVII веках. М.; Минск, 2006. Ч. I. Гл. 4, 5.

Флоря Б.Н. Древнерусские традиции и борьба восточнославянских народов за воссоединение // *Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М.: Наука, 1982. С. 281—288.

Хорошкевич А.Л. Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV — начале XVI века // *Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М.: Наука, 1982. С. 69—150.

Glosek M. Poznosredniowieczna bron obuchowa wzbiorach polskich. Warszawa — Lodz: Instytut Archeologii I Ethnologii Polskiej Akademii Nauk, 1996.

Russian Arms and Armour. Ed by.Y. Miller. Leningrad, 1982.

К главе 8

Гордеев Н.В. Русский оборонительный доспех // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954.

Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие XVII века // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954.

Двуреченский О.В. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лаге-

ря // Военная археология. Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее. Вып. 1. М., 2008. С. 55—93.

Двуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства веков. Тула: Куликово поле, 2015.

Зорин А.В. Орловская битва и начальный этап рейда Александра Лисовского // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего Латена до позднего Средневековья. Тула: Куликово поле, 2014. С. 203—213.

«*Иное* сказание» // *Плигузов А., Тихонюк И.* Смута в Московском государстве. Россия начала XVII столетия в записках современников. М.: Современник, 1989.

Каргалов В.В. Московские воеводы XVI—XVII вв. М.: Русское слово, 2002. Гл. 6—8.

Люди Смуты. История народного подвига / Под ред. А. Ананьиной. М.: Достоинство, 2012.

Маржерет Жак. Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Смута в Московском государстве. М., 1989.

Петрей Петр. Достоверная и правдивая реляция // *Плигузов А., Тихонюк И.* Смута в Московском государстве. Россия начала XVII столетия в записках современников. М.: Современник, 1989.

Скрынников Р.Г Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, 1990.

Станиславский А.Л. Гражданская война в России в XVII в. Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990.

Тарас А.Е. Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV—XVII веках. М.; Минск, 2006.Ч. III.

Чубур А.А., Чернышов С.В. Государь Дмитрий II Иоаннович: самозванец-неудачник или нереализованная европейская альтернатива Российского государства? // Начало Русской государственности в IX веке и ее возрождение в первой четверти XVII века. Мат-лы междунар. науч. конф. 25—27 ноября 2012 г. Брянск: Курсив, 2012. С. 86—95.

Muller H., Kunter F. Europaische Helmeausder Sammlungdes Museums für Deutscher Geschichte. Berlin: Militarferlag der Deutschen Demokratischen Republik (VEB), 1984.

Wisner H. Rokosz Zebrzydowskiego. Krakow, 1989.

К главе 9

Горелов М.Є., Моця О.П., Рафальский О.О. Цивілізаційна історія Україні. Нариси. Київ: НАН України, 2006.

Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Т. 1. СПб., 1899—1902.

Історія Українського війська (Від княжих часів до 20-х років XX ст.). Львів: Світ, 1992.

Карпов Д.А. Артиллерийское вооружение крепостей русского порубежья в 30-е годы XVII века // Русский сборник. Вып. 5. Брянск: БГУ, 2009.

Крашенинников В.В. История Севска и окрестных мест. Т. 1. Брянск, 2011.

Лазаревский А.Л. Описание старой Малороссии. Полк Стародубский. Т. 1. Белые Берега: Десяточка, 2008.

Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI — первая половина XVII века) / Под ред. А.Л. Хоромкович. Белгород, 2004.

Приймак В.В., Осадчий Є.М. Північний Схід Дніпровського Лівобережжя у кінці XVI—XVII ст. (історико-археологічні нариси). Полтава, 2006.

Рафальский О.О. Переяславський договір України з Росією 1654 року. Ретроспективний аналіз. Київ: НАН України, 2003.

Трифанков Я.Ю., Трифанков Ю.Т. История Северского и Стародубского казачества (XVI—XVII вв.). Брянск: БГТУ, 2016.

Украина и соседние государства в XVII веке. Мат-лы междунар. конф. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.

Шинаков Е.А. Форма государственности украинского Гетманства XVII в. // Ukrainica Petropolitana. Вып. 1 / Под ред. Т.Г Яковлевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 97—108.

Gorski T. Flotyllekazackiewsłużbie Jagiellonówi Wazów. Gdańsk, 2003.

Wójcik Z. Wojnykozackiewdawnej Polsce. Dzieje narodu i państwa polskiego, T. I i II. Krakow, 1989.

Zbroje karacenowe. Panstwowe zbiory sztuki na Wawelu. Warszawa: krajowa Agencjia Wydawnicza, 1981.

Персоналии

Александр Михайлович Тверской (1301—1339)— великий князь Тверской и великий князь Владимирский.

Александр Патрикиевич (?—1402) — князь Стародубский.

Александр Пересвет (?—1380) — легендарный монах-воин, инок Троице-Сергиевского монастыря, участвовал в Куликовской битве и сразил в единоборстве богатыря Темир-Мирзу, погибнув при этом сам.

Александр Ярославич Невский (1220—1263) — князь Новгородский (1236—1240, 1241—1252 и 1257—1259), великий князь Киевский (1249—1263), великий князь Владимирский (1252—1263), полководец времен Киевской Руси.

Андрей Ольгердович (1320—1399) — князь Псковский, Полоцкий, Трубчевский.

Андрей Юрьевич Боголюбский (1111—1174) — князь Вышгородский (1149, 1155), Дорогобужский (1150—1151), Рязанский (1153), великий князь Владимирский (1157—1174), сын Юрия Владимировича Долгорукого.

Ахмат (?—1481) — хан Большой Орды, участник Стояния на Угре.

Батый Хан (1209—1255) — монгольский полководец и государственный деятель, внук Чингисхана.

Бисмарк Отто фон (1815—1898) — политик, первый канцлер Германской империи, прозван «железным канцлером», объединил немецкие княжества в единое национальное государство.

Болотников Иван Исаевич (?—1608) — первоначально служилый холоп, после освобождения из турецкого плена и возвращения в Россию в 1606 году — глава восстания, называвшийся воеводой царя Дмитрия.

Бутурлин Василий Васильевич (?—1656) — боярин, в 1654 году уполномоченный России в Переяславе для принятия в подданство гетмана Б. Хмельницкого и Украины.

Василий II Васильевич Тёмный (1415—1462) — великий князь Московский с 1425 года.

Василий III Иванович (1479—1533) — великий князь Владимирский и Московский.

Василько Романович (1203—1269) — князь Луцкий, Волынский, сын Романа Мстиславича.

Витовт (1350—1430) — великий князь Литовский с 1392 года, князь Гродненский в 1370—1382 годах, Луцкий в 1387—1389 годах, Трокский в 1382—1413 годах, сын Кейстута.

Владимир Андреевич Серпуховский (1353—1410) — князь Серпуховской (1358—1410), Дмитровский, Галицкий, Боровский и Углицкий, имел прозвище Храбрый.

Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125) — внук Ярослава Мудрого, занимал Ростовский, Переяславский, Черниговский столы, в итоге стал киевским князем, автор литературного памятника «Поучение детям».

Владимир Давыдович (?—1151) — князь Черниговский (1139—1151), сын Давыда Святославича.

Владимир Мстиславич (1132—1171) — князь Дорогобужский (1152—1154, 1170—1171), князь Владимиро-Волынский (1154—1157), князь Слуцкий (1162), князь Трипольский (1162—1168), великий князь Киевский (1171).

Владимир Святославич (960—1015) — князь Новгородский и Киевский, в 988 году сделал христианство государственной религией Киевской Руси.

Волчий Хвост (?) — воевода Владимира Святого и его сына Святополка Окаянного.

Всеволод Святославич Трубчевский Буй-Тур (1155—1196) — князь Трубчевский и Курский (1180—1196), один из героев Слова о полку Игореве, участник битвы на Калке.

Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154—1212) — великий князь Владимирский с 1176 года. Десятый сын Юрия Долгорукого, младший брат Андрея Боголюбского. При нем Великое княжество Владимирское достигло наивысшего могущества. Имел большое потомство, поэтому получил прозвище Большое Гнездо.

Гедимин (1275—1341) — великий князь Литовский с 1316 по 1341 год, основатель династии Гедиминовичей.

Глеб Юрьевич (?—1171) — князь Переяславский и Киевский, сын Юрия Долгорукого.

Глинский Михаил Львович (1470—1534) — князь из рода Глинских, военачальник и государственный деятель Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского.

Голицын Василий Васильевич (1643—1714) — князь, боярин, государственный и военный деятель.

Гумилёв Лев Николаевич (1912—1992) — советский историк-этнолог, археолог, востоковед, писатель, переводчик, автор работ по истории кочевых народов Евразии.

Давыд Святославич (1050—1123) — князь Переяславский, князь Муромский, князь Смоленский, князь Новгородский, князь Черниговский.

Даниил Романович Галицкий (1200—1264) — князь Галицкий, Волынский, великий князь Киевский, выдающийся политический деятель и полководец, участник битвы на Калке.

Дмитрий I Иванович (1350—1389) — получил прозвище Донской за победу в Куликовской битве (1380), князь Московский (с 1359) и великий князь Владимирский (с 1363).

Дмитрий Ольгердович (?—1399) — князь Брянский, Стародубский и Трубчевский из династии Гедиминовичей, родоначальник князей Трубецких, сын великого князя Литовского Ольгерда, участник Куликовской битвы.

Довмонт (?—1299) — происходит из литовских князей, князь Псковский, выдающийся полководец, участник Раковорской битвы (1268).

Едигей (1352—1419) — темник Золотой Орды, участник сражения на Ворскле.

Иван I Данилович Калита (1280—1341) — князь Московский, великий князь Владимирский, князь Новгородский.

Иван III Васильевич (1440—1505) — великий князь Московский с 1462 по 1505 год.

Иван Ростиславич (?—1162) — звенигородский и галицкий князь. Ему дано прозвище Берладник по молдавскому городу Берладу, центру территории Берладь.

Игорь Рюрикович (878—945) — древнерусский князь, великий князь Киевский с 912 года.

Игорь Святославич (1151—1201) — князь Новгород-Северский (1180—1198), князь Черниговский (1198—1201), главный герой Слова о полку Игореве.

Изяслав Давыдович (?—1161) — князь Стародубский (1146—1147), черниговский князь и великий князь Киевский, третий сын черниговского князя Давыда Святославича.

Изяслав Мстиславич (1097—1154) — князь Курский, Полоцкий, Туровский, Волынский, Переяславский и великий князь Киевский.

Казимир I Восстановитель (1016—1058) — святейший князь, представитель династии Пястов.

Казимир IV (1427—1492) — великий князь Литовский с 1440 года и король Польский с 1447 года, сын короля Польского Владислава II Ягайло.

Каргалов Вадим Викторович (1932—2009) — советский и российский историк, писатель, доктор исторических наук, академик РАЕН и Международной славянской академии.

Кейстут (1297—1382) — великий князь Литовский (1381—1382), князь Трокский (1337—1382), сын Гедимина.

Кирпичников Анатолий Николаевич (р. 1929) — советский и российский археолог, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, автор работ по вооружению Древнерусского государства.

Конашевич-Сагайдачный Пётр (1577—1622) — гетман Войска Запорожского, предводитель реестровых казаков, православный шляхтич, организатор успешных походов реестровых казаков против Крымского ханства, Османской империи, меценат православных школ.

Константин VII Багрянородный (905—959) — византийский император из Македонской династии, автор сочинения «Об управлении империей».

Корибут Ольгердович (1350—1404) — в православии Дмитрий, князь из династии Гедиминовичей, сын князя Литовского Ольгерда, князь Новгород-Северский, Брянский, Трубчевский.

Лжедмитрий I (?—1606) — один из вождей гражданской войны в начале XVII века, вероятно беглый монах Григорий Отрепьев.

Лжедмитрий II (?—1610) — самозванец, выдававший себя за сына Ивана IV Грозного, царевича Дмитрия и, соответственно, за будто бы чудом спасшегося царя Лжедмитрия I, имел прозвище Тушинский вор.

Мамай (1335—1380) — беклербек и темник Золотой Орды.

Михаил Всеволодович Черниговский (1179—1246) — князь Переяславский (1206), Новгородский (1224—1229), Черниговский (1223—1246), Галицкий (1235—1239), великий князь Киевский (1238—1239, 1241—1243).

Мстислав Галицкий (?—1228) — князь Трепольский (1193—1203), Торопецкий (1206—1213), Новгородский, Галицкий, Торчесский, участник битвы на Калке, имел прозвище Удатный.

Мстислав Изяславич (1125—1170) — князь Переяславский, Луцкий, Волынский и великий князь Киевский, сын Изяслава Мстиславича.

Мстислав Храбрый (983—1036) — сын Владимира Святого, князь Тмутараканский.

Ницше Фридрих (1844—1900) — немецкий мыслитель, филолог, поэт, создатель самобытного философского учения.

Ногай (?—1300) — золотоордынский беклербек (управляющий государственной администрацией в Золотой Орде).

Олег Вещий (?—912) — князь Новгородский (с 879) и великий князь Киевский (с 882), регент Игоря Рюриковича.

Олег Иванович Рязанский (?—1402) — великий князь Рязанский с 1350.

Олег Святославич (1053—1115) — князь Волынский, Тмутараканский, Черниговский, Новгород-Северский, получил прозвище Гориславич.

Олег Святославич Северский (1137—1180) — князь Путивльский (1157—1159), Курский (1159—1164), Новгород-Северский (с 1164).

Ольга (920—969) — княгиня, правившая Древнерусским государством с 945 до 960 год после гибели ее мужа, киевского князя Игоря Рюриковича. Первая из правителей Руси приняла христианство еще до крещения Руси.

Ольгерд (1296—1377) — великий князь Литовский, сын Гедимина, брат Кейстута, в период своего правления с 1345 по 1377 год значительно расширил границы своего государства.

Остей (?—1382) — один из князей династии Гедиминовичей на московской службе, участник борьбы против Золотой Орды в правление Дмитрия Донского.

Острожский Константин Иванович (1460—1530) — военный и государственный деятель Великого княжества Литовского, князь.

Плетнёва Светлана Александровна (1926—2008) — советский и российский историк и археолог, доктор исторических наук, профессор, крупнейший специалист по археологии, истории и культуре кочевых народов Средневековья.

Рашид ад-Дин (1247—1318) — персидский государственный деятель, врач и ученый-энциклопедист.

Роман Михайлович Старый (?—1288) — князь Брянский.

Роман Ростиславич Смоленский (?—1180) — сын Ростислава Мстиславича, князь Смоленский, Новгородский и великий князь Киевский.

Ростислав Мстиславич (1108—1167) — князь Смоленский (1127—1167), князь Новгородский (1154), великий князь Киевский, сын Мстислава, внук Владимира Мономаха.

Рыбаков Борис Александрович (1908—2001) — советский и российский археолог, исследователь славянской культуры и истории Древней Руси, академик РАН.

Салах ад-Дин (1137—1193) — султан Египта и Сирии, полководец, мусульманский лидер XII века, основатель династии Айюбидов.

Свидригайло (1370—1452) — князь Витебский, Подольский и Жидачевский, Новгород-Северский, Черниговский и Брянский, великий князь Литовский, князь Волынский, сын великого князя Литовского Ольгерда Гедиминовича, младший брат князя Ягайло.

Святослав Владимирович (?—1167) — князь Вщижский (1157—1167), сын Владимира Давыдовича Черниговского.

Святослав Всеволодович (1123—1194) — князь Новгородский (1140), Туровский (1142, 1154—1155), Волынский (1142—1146), Новгород-Северский (1157—1164), Черниговский (1164—1180), великий князь Киевский.

Святослав Всеволодович Трубчевский (?) — князь Трубчевский, участник битвы на Калке.

Святослав Игоревич (942—972) — князь Новгородский и Киевский, прославился как полководец.

Святослав Ольгович (1107—1164) — князь Новгородский (1136—1138, 1139—1141), Курский (1138—1139), Стародубский и Белгородский (1141—1146), Новгород-Северский (1146—1157), Туровский (1149—1151), Черниговский (1157—1164), сын Черниговского князя Олега Святославича (Гориславича).

Симеон Иванович Московский (1317—1353) — князь Московский и великий князь Владимирский (с 1340), князь Новгородский (с 1346), старший сын Ивана Калиты, получил прозвище Гордый.

Скиргайло Ольгердович (1354—1397) — сын великого князя Литовского Ольгерда, брат Ягайло, князь Трокский, Полоцкий (1387—1397), Киевский (1395—1397).

Тамерлан (1336—1405) — среднеазиатский полководец и завоеватель, сыгравший существенную роль в истории Азии, а также Руси, основатель империи Тимуридов.

Телепнев-Овчина-Оболенский Федор Федорович (?—1539) — русский князь, воевода, боярин.

Тохтамыш (?—1406) — хан Золотой Орды в 1380—1395 годах.

Фрейд Зигмунд (1856—1939) — австрийский психоаналитик, психиатр и невролог, основатель психоанализа.

Хан Изай Билюкович (?) — половецкий хан бурчевичей.

Хан Кобяк (?) — половецкий хан, производивший набеги на Русскую землю, также участвовал в междоусобных войнах русских князей.

Хан Кончак (?—1203) — половецкий хан, сын хана Атрака.

Хан Осолук (?) — половецкий хан бурчевичей.

Чингисхан (1150—1227) — основатель и первый великий хан Монгольской империи, полководец, участник битвы на Калке.

Щеня Даниил Васильевич (?—1519) — князь, знаменитый русский полководец времен Ивана III и Василия III, родоначальник князей Щенятевых.

Юрий Владимирович Долгорукий (1090—1157) — князь Ростово-Суздальский и великий князь Киевский, сын Владимира Всеволодовича Мономаха.

Юрий Дмитриевич Звенигородский (1374—1434) — звенигородский и галицкий князь.

Ягайло (1362—1434) — князь Витебский, великий князь Литовский, король Польский (с 1386 года) под именем Владислав.

Ян Жижка (1360—1424) — знаменитый вождь гуситов, полководец, участник Грюнвальдской битвы.

Ярополк Святославич (955—978) — великий князь Киевский.

Ярослав Владимирович Осмомысл (1130—1187) — князь Галицкий (1153—1187).

Список сражений и войн, связанных с территорией Подесенья

Поход Олега на Царьград (907) — радимичи, северяне, кривичи и вятичи входили в состав войска Олега.

Поход Святослава на вятичей (964—965) — поход Святослава на вятичей и донскую часть Хазарии, проходивший через Подесенье.

Сражение на реке Пищань (984) — воевода Владимира по прозвищу Волчий Хвост разбил радимичей.

Лиственская битва (осень 1024) — войско Ярослава Мудрого, состоявшее в основном из варягов, приведенных им с севера, выступило против Мстислава Храброго, пришедшего из Тмутаракани и занявшего Чернигов, на стороне которого сражались местные северяне, кавказские касоги и хазары. Длительное кровопролитное сражение и победа Мстислава при Листвене в юго-западной части Подесенья. Раздел Руси (1026) между двумя князьями, по которому все Подесенье досталось Мстиславу Храброму (до 1036 года).

Первый поход половцев на Брянщину (1078—1080) — взятие Стародуба в результате похода, разгром и казнь половецких ханов Асадука и Саука Владимиром Мономахом, освобождение стародубского полона.

Осада Стародуба (1096) — 33-дневная осада Олега Святославича в городе войсками Владимира Мономаха.

Междоусобная война на Руси (1146—1155) — участие стародубских и черниговских князей в сражениях, постоянные переходы войск других князей через земли Подесенья.

Сражение под Карачевом (16 января 1147) — сражение Изяслава Давыдовича и Святослава Ольговича и победа последнего.

Вщижские войны (1156—1161) — борьба за власть в княжествах, вызванная недовольством размерами своих уделов различных князей.

Первая осада Вщижа (1160) — попытка захватить Вщиж войсками черниговских князей во главе со Святославом Ольговичем. Осада снята при известии о подходе на помощь Святославу Владимировичу Вщижскому войск, посланных Андреем Боголюбским во главе с его сыном Изяславом и бывшим черниговским князем, дядей Святослава Изяславом Давыдовичем. Святослав Владимирович женится на дочери Андрея.

1161 — вторая, пятинедельная осада Вщижа коалицией черниговских и смоленских князей, при участии полочан, галичан и даже киевлян, присланных великим князем Ростиславом Мстиславичем Смоленским. Голод и отсутствие помощи со стороны тестя заставили Святослава Владимировича капитулировать, в результате чего ему удалось сохранить стол, но под сюзеренитетом не Андрея Владимиро-Суздальского, а в составе Великого княжества Черниговского.

Стародубские войны (1167 и 1176) — войны были затеяны для передела границ между Черниговским и Новгород-Северским княжествами; поводом для первой из них стала смерть Святослава Вщижского.

Поход Игоря Святославича на половцев (1185) — неудачный поход объединенного войска князя Игоря, в состав которого входили новгород-северские и трубчевско-курские дружины (последние — во главе с Буй-Тур Всеволодом Святославичем), а также черниговские ковуи.

Битва на Калке (1223) — столкновение с монголами на реке Калка, в котором приняла участие дружина трубчевского князя Святослава Всеволодовича.

Северный поход Батыя (1237—1240) — вторжение войск татаро-монгол на территории княжеств Руси, разграбление городов Подесенья.

Взятие Вщижа (апрель 1238) — взятие Осовика, Вщижа и Серенска в северной части Черниговского княжества и в Смоленском Подесенье монголо-татарами во время Северного похода Батыя.

Перенос столицы Черниговского княжества (1256) — столица Великого княжества Черниговского перенесена в Брянск.

Литовский поход (1263) — поход литовских войск на Брянское княжество, их поражение от Романа Брянского и его новоиспеченного зятя Владимира Васильковича Волынского (князья ринулись в бой прямо из-за свадебного стола и за него же и успели вернуться после победы).

1274 (1275) — совместный поход татар и «заднепровских» князей, в том числе Романа I Брянского, его сына Олега и Глеба Смоленского, на «поганую» (языческую) Литву по просьбе Льва Даниловича Волынского. В походе наиболее отличился Олег Романович.

1283, 1287 — походы русских князей, в том числе Романа Брянского, вместе с татарами, на «Ляхов» (христианскую Польшу) по принуждению ордынских ханов.

Ахматова замятня (1283—1284, или 1287, или 1289—1290) — разорение юго-восточной части Черниговской земли и Подесенья — Рыльского и Курского Посемья — баскаком Ахматом, последовавшая усобица князей, вызвавшая бегство населения на северо-запад, в Карачевское, Трубчевское и Брянское княжества.

Поход на Смоленск (1285) князя Романа I Брянского.

Взятие Брянска татарами (2 апреля 1310) — сражение Святослава Глебовича между Брянском и Карачевом с объединенным войском татар и Василия Александровича, закончилось поражением и гибелью Святослава и его личной дружины. Брянское ополчение отступило в город, который сдался без боя и избежал большого разгрома, в том числе и благодаря заступничеству митрополита Малой Руси Петра (будущего первого московского святого).

Битва на реке Ирпень (1321) — сражение, в котором литовская армия под предводительством Гедимина разгромила дружины киевского князя Станислава и его союзников из Подесенья, прежде всего Романа II Брянского и нашедшего убежище при его дворе Льва Луцкого. Эта победа положила начало попыткам Великого княжества Литовского оторвать южнорусские (в том числе и подесенские) земли от Орды.

1333 — поход брянского князя Дмитрия (Романовича?) с двумя татарскими темниками на Смоленск, князь которого решил сменить ордынское подданство на литовское.

1340, 1357 — народные восстания («злые крамольники», «лихие люди») в Брянске. В 1340 году по решению веча был убит князь Глеб Святославич, в 1357 году была устроена «замятня» после смерти князя Василия Ивановича Смоленского, подозрительно быстро скончавшегося после получения брянского престола.

Взятие Брянска Симеоном Гордым (1351) — поход и последующее взятие Смоленска и Брянска войсками московского князя Симеона Ивановича Гордого.

Неудачный поход великого Литовского князя Ольгерда на Смоленск и Брянск в 1356 году. Переход Мстиславля под власть Литвы.

Осада Мстиславля (1359) — осада смоленскими войсками под командованием князя Святослава Мстиславля, обороной которого руководил князь Коригайло Ольгердович. Смоляне были разбиты.

Битва на Синих Водах (между 24 сентября и 25 декабря 1362) — сражение между войсками великого князя Литовского Ольгерда, в составе которых были представители Подесенья, и тремя татарскими ханами. Литовско-русское войско одержало первую крупную победу над ордынцами в полевом сражении, а Подесенье перешло в сферу влияния Литвы.

1370 —первая Московско-Литовская война на территории Подесенья.

1379 — поход Дмитрия Донского в Подесенье, в результате которого к нему присоединился князь Трубчевский и Брянский Дмитрий Ольгердович.

Куликовская битва (8 сентября 1380) — решающее сражение между войском Мамая и объединенным русским войском во главе с Дмитрием Ивановичем, в которое входил также князь Брянский Дмитрий Ольгердович, командовавший «полком правой руки» (а возможно, и бывшие брянские князья Роман и Глеб). Победа русских князей.

1386 — 2-я осада Мстиславля смоленскими войсками и их разгром русско-литовским князем Симеоном-Лугвением, что привело к установлению зависимости Смоленска от Литвы.

1397—1401 Роман II Михайлович Брянский (с брянскими боярами) —литовский наместник в Смоленске.

Сражение на Ворскле (12 августа 1399) — сражение объединенного Литовско-Польско-Русского войска, в которое входил князь Дмитрий Ольгердович и иные правители региона, под командованием Витовта против войск Едигея и Менгу-Тимура. Победа татаро-монгол и гибель пятидесяти, в том числе деснинских, князей. Провал планов Витовта поставить в Орде «своего» (Тохтамыш) хана.

Антилитовские восстания в Смоленске (1401) — восстание смолян, недовольных литовским правлением, в результате были убиты князь Роман II Брянский и брянские бояре, составлявшие «литовский» гарнизон города.

Сражение под Любутском (1401/02) — битва между Литовским князем Симеоном-Лугвением Мстиславским, в подчинении у которого находились и брянцы, и рязанским князем Радославом, шедшим на помощь восставшим против литовского владычества смолянам, в результате которой Радослав был разбит и взят в плен, а Подесенье надолго закреплено за Великим княжеством Литовским.

Московско-Литовская война (1406—1408) — война между Василием I и Витовтом, вызванная присоединением Смоленска к Литве и началом военных действий Витовта против Пскова. В ходе войны часть литовско-русских магнатов, включая шесть смоленско-придеснинских князей, во главе со Свидригайло Брянским перешли на сторону Московы.

Первое стояние на Угре (1408) — противостояние между литовским и русским войском, в ходе которого ни одна из сторон не предприняла никаких действий, стояние завершилось заключением «вечного мира», который продлился до 1492 года.

1408, осень — взятие Брянска татарским отрядом по «заказу» Василия Дмитриевича Московского во время Первого стояния на Угре.

Грюнвальдская битва (15 июля 1410) — битва между войском Тевтонского ордена, поддержанного рыцарями из Германии, Англии и Эльзаса и объединенными польско-русско-литовскими войсками, а также чехами и татарами. В составе литовской части союзной армии (Витовта) находились три хоругви (Стародубская, Мстиславская, Новгород-Северская) под командованием Симеона-Лугвения Мстиславского, состоявших из воинов Подесенья. Победа союзников над Тевтонским орденом окончательно остановила немецкий «дранг нах остен».

Гуситские войны (1419—1434) — военные действия с участием последователей Яна Гуса, а также между ними, в Чехии, участие в которых принимали русско-литовские отряды под командованием князя Сигизмунда Корибутовича Трубчевско-Северского, который с 1422 по 1427 год был то наместником Витовта, то избранным гуситами королем Чехии и главнокомандующим их армией. В 1430—1434 годах предводитель силезских гуситов. После сражения при Липанах вернулся в Великое княжество Литовское, где стал сподвижником «князя Русского» Свидригайло.

Сражение при реке Швянтойя (1 сентября 1435) — сражение между войсками двух претендентов на пост великого князя Литовского — Сигизмунда Кейстутовича Стародубского, поддержанного поляками, и Свидригайло Ольгердовича Брянского, в составе войск которого были представлены отряды из Подесенья во главе с бывшим королем Чехии Сигизмундом Корибутовичем Новгород-Северским, ливонские рыцари и отряд таборитов. Завершилось победой князя Сигизмунда Кейстутовича и католической («польской») партии в Литве. Поражение привело к провалу планов Свидригайло о создании Русско-Литовского королевства в качестве альтернативы как Польше, так и Москве.

1444—1445 — Московско-литовская война, военные действия которой проходили в северной части Подесенья. Набег «служилых татар» Василия II на Брянск, Вязьму, Смоленск (1444), осада литовцами Козельска (1445).

Бежавшие в Литву сторонники Василия Темного получили от Казимира во владение Брянск, Мстиславль, Стародуб. Накопив силы и используя Подесенье в качестве опорной базы, войска Василия Боровского и С.И. Оболенского собрались в крепости Пацинь на границе Брянской и Смоленской земель, откуда двинулись на Москву восстанавливать на ее троне Василия II, что им успешно и удалось (1446).

Междоусобная война за престол великого князя Литовского, развязанная князем Стародубским (с 1449) Юрием Лугвеньевичем, захватившим столицу «княжества Русского» — Киев в союзе с Симеоном Олельковичем. Потерпев поражение, Юрий отступает в Брянск, откуда бежит в Москву, где и умирает в одном из монастырей от отравы.

Второе стояние на Угре (осень 1480) — военные действия между ханом Большой Орды Ахматом и великим князем Московским Иваном III. Победа русского войска, свержение ордынского ига.

«Пробная» (для Ивана III) пограничная война с великим литовским князем Александром II — 1492—1494. Скоротечные военные действия (конец лета — осень 1492) и длительные переговоры до начала 1494 года завершились переходом Вязьмы, Воротынского и Одоевского верховских княжеств под власть Москвы и женитьбой Александра на дочери Ивана Елене. Некоторые верховские и придеснинские князья сохраняют двойное подданство.

Русско-литовская война (1500—1503) — война между Русским государством и Великим княжеством Литовским, вызванная переходом ряда удельных литовско-русских князей (Рюриковичей и Гедиминовичей) на службу к «государю всея Руси» Ивану Великому.

Битва на реке Ведроше (14 июля 1500) — битва между войсками Русского государства под руководством Гедиминовича, потомка стародубских Патрикиевых, воеводы Даниила Щени, а также перешедших на сторону Москвы придеснинских князей и объединенной армией Великого княжества Литовского и Королевства Польского во главе с литовским гетманом, Рюриковичем Константином Острожским. Окончилась разгромом литовско-польского войска и фактически решила исход всей войны.

Второе сражение под Мстиславлем (4 ноября 1501) — победа российских войск во главе с перешедшими на сторону Мо-

сквы северско-деснинскими князьями С.И. Можайским (владевшим Стародубом, Черниговом, Гомелем и др.) и В.И. Шемячичем (правителем Новгорода-Северского и Рыльска) над литовцами.

1508 — первый набег крымских татар на северо-восточные окраины Севрщины — верховские города Одоев и Воротынск.

Русско-литовская война (1512—1522) — война между Русским государством и объединенными силами Великого княжества Литовского и Польского королевства. Завершилась присоединением к Русскому государству Смоленщины.

Битва под Оршей (8 сентября 1514) — русское войско во главе с воеводами Иваном Челядниным и Михаилом Булгаковым-Голицей противостояло войскам Великого княжества Литовского и Королевства Польского под командованием великого гетмана литовского Константина Острожского. Битва окончилась победой польско-литовского войска и отступлением русской армии к Смоленску.

1512—1515 — постоянные походы крымских татар на российскую Севрщину, в том числе в 1514 и 1515 годах — совместно с польским артиллерийским «нарядом» и войсками. Разгром Мегмета-царевича под Стародубом князьями Василием Стародубским и Василием Шемячичем (1514), взятие в плен нескольких мурз.

1533 — завершение формирования Северского «укрепрайона» от Стародуба до Курска и от Путивля до Брянска с западным (литовским) и южным (крымским) фасами. Создание на крымской украйне системы засек, «сторожей», «станиц».

Первый набег крымских татар во главе с самим ханом Сахиб-Гиреем на Придеснинские земли (май 1534).

Стародубская война (1534—1536) — война между Русским государством и Великим княжеством Литовским, почти полностью проходившая на территории Брянского края, была вызвана стремлением Литвы вернуть себе смоленские и все утраченные в 1503 году земли.

Героическая оборона Стародуба во главе с князем Ф.В. Овчиной-Телепневым-Оболенским от польско-литовских войск во главе с коронным гетманом Тарановским (30 июня — 29 августа 1535).

Походы литовских отрядов и черкасских казаков во главе с киевским воеводой И. Вишневецким и московским перебежчиком А. Курбским на Чернигов и иные города Северской земли от Стародуба до Брянска, поддержанные набегами крымских татар — 1564—1565.

1579—1580 — поход литовского гетмана К.К. Острожского в Северскую землю, до Стародуба и Почепа, на финальном этапе

Ливонской войны, других воевод — на Смоленск. Города взяты не были, но разорены их окрестности.

Смутное время (1603—1618) — период в истории России, ознаменованный гражданской войной, войной с поляками, массовыми выступлениями и восстаниями народа, где земли Подесенья играли немаловажную роль, так как находились ближе всего к границам.

Восстание Хлопко (1603) — восстание атамана Хлопко в Комарицкой волости (часть Брянской и Курской областей), ставшее первым массовым выступлением в период Смутного времени.

Битва при Добрыничах (21 января 1605) — сражение Лжедмитрия I и воевод Мстиславского и Шуйского. В сражении впервые в мире применен залповый мушкетный и пищальный огонь, что вызвало разгром и отступление войск Лжедмитрия, а также карательные акции в Комарицкой волости.

Осада Брянска Лжедмитрием II (9—15 декабря 1607) — неудачная осада города войсками Лжедмитрия II.

1615—1616 — набеги на Подесенье и Северщину «партизанских» отрядов полковника А. Лисовского из-под осажденного московским войском Смоленска. Неудачная осада Брянска, сражение с войском Д. Пожарского под Орлом.

1618 — поход гетмана П. Конашевича-Сагайдачного через восточную часть Северщины (Ливны) на помощь осаждавшему Москву польскому войску — последний военный эпизод Смуты.

Смоленская война (1632—1634) — война между Российским государством и Речью Посполитой за восстановление контроля над Смоленском и прилежащими территориями.

Кампания 1633 года в Подесенье знаменуется освобождением российскими войсками из Брянска и Севска ряда городов Северщины (Новгород-Северский, Стародуб, Трубчевск, Почеп, Погар, Мглин), которые, однако, после поражения войск Шеина под Смоленском вынуждены были вернуть Речи Посполитой.

Балашовщина (февраль—март 1633) — крестьянско-казацкое восстание на Смоленщине, организованное дезертирами из осаждавшей Смоленск армии, распространившееся на брянские земли, на Стародубщину в первую очередь, под руководством Ивана Балаша.

1—7 марта 1634 — первая героическая оборона Севска от польско-литовских войск во главе с князем Русским И. Вишневецким и литовским гетманом Жолкевским, заставившая, наряду с другими факторами, Речь Посполитую пойти на мирные переговоры.

1632—1639 — крымско-татарские и «черкасские» набеги на земли региона (от Комарицкой волости и Карачева на западе до

Курска на востоке). Завершение создания засечной черты к началу 1640-х годов.

Движение Наумова (август 1633 — февраль 1634) — движение «вольных казаков» под Брянском, возглавляемое дворянином и воеводой Ильей Наумовым, а затем, после его убийства, — атаманом Чертопрудом.

Набеги «воровских черкас» (украинских казаков) на пограничные земли — до 1647 года.

Возобновление крымско-татарских походов в 1643—1645 годах на российские и польские «украйны», впервые вызвавшие согласованное противодействие им со стороны российских и польских пограничных воевод.

Русско-польская война (1654—1667) — война между Русским государством и Речью Посполитой за контроль над землями в районах Подесенья и Поднепровья.

Борьба между казаками и поляками за Северщину (Новгород-Северский, Стародуб, Почеп, Погар), начатая в мае 1648 года и завершенная изгнанием последних летом 1649 года.

После Белоцерковского договора поляки вновь сидят в Стародубе — 1651—1652.

1651 — образование на юго-западных рубежах России, к югу от засечной черты, Слободского Украинского казачьего войска из состава беглецов с польской части Украины и Подесенья.

1654 (февраль) — попытка поляков вновь занять Северщину, отраженная первым стародубским «наказным полковником» Еремеенко.

1654—1663 — существование Стародубского полка гетманства в составе Нежинского полка, под управлением особых «наказных полковников».

1654 (весна) — поход войск князя Трубецкого через Брянск на Белоруссию, взятие и разгром Мстиславля.

1658 (сентябрь) — заключение Гадячского трактата между гетманом И. Выговским и правительством Речи Посполитой и возврат казаков в ее состав на правах автономии.

Конотопская битва (28 июня (8 июля) 1659) — осаждавшее крепость русское войско князя Алексея Трубецкого противостояло войскам гетмана Ивана Выговского. Высланные навстречу дворянская конница князей Пожарского и Львова и отряд казаков наказного гетмана Ивана Беспалого, попав в засаду, потерпели поражение, после чего главным силам Трубецкого пришлось отступить в Путивль.

Поход крымских татар на Карачев и Севск (конец 1661 года), их разгром местными воеводами Куракиным и Бутурлиным в январе 1662 года.

1663 — выделение из состава Нежинского самостоятельного Стародубского полка гетманства (войска Запорожского), ставшего самой крупной военно-административной единицей последнего. Первый полковник — Петр Рославец.

1664 — создание Севского разряда — особого пограничного военно-территориального образования в пределах от Брянска до Орла и Путивля.

Осень 1666 — передача гетманом правобережной части войска Запорожского П. Дорошенко своих «владений» под протекторат Крымского ханства, а через него и Оттоманской империи и начало его военных действий и против Польши, и против России.

20 (30) января 1667 — Деулинское перемирие между Россией и Речью Посполитой, открыто (Дорошенко) и тайно (Брюховецкий) не признанное обоими гетманами Украины. В его результате все Подесенье и Северщина, наряду со смоленскими землями, полностью возвращаются в состав России.

1668 (февраль) — антимосковское восстание «левобережного» гетмана И. Брюховецкого, пытавшегося перейти под власть Турецкой (Османской) империи. Гибель последнего в борьбе с другим претендентом на общеукраинское гетманство П. Дорошенко.

1673—1681 — 1-я Русско-турецкая война, центральным событием которой стали Чигиринские походы 1674—1676 годов, в которых российские и польские войска координировали свои действия, а результатом стало восстановление контроля Речи Посполитой над Правобережной Украиной и пленение москвичами турецкого ставленника гетмана П. Дорошенко.

1679 — упразднение «комарицких драгун» — особой полувоенной пограничной организации, до этого практически саботировавших свое участие в подавлении восстания С. Разина. Преобразование их в «солдатов», однако в военных действиях не участвовавших (в отличие от «драгун»).

Заключение в селе Поляново «вечного мира» с Польшей (26 апреля (6 мая) 1686 года), по которому не только Левобережная Украина с Подесеньем и Северщиной, но и Киев признавались «навечно» неотъемлемой территорией России. Присоединение последней к Священной лиге христианских держав (Речи Посполитой, Священной Римской (фактически — Австрийской) империи, Венецианской республике), направленной против Османской Порты, следствием чего были «голицынские» походы в Крым, главной операционной базой для которых служило Подесенье.

Для возрастной категории 16+

Шинаков Евгений Александрович

ОТ ЧЕРНИГОВА ДО СМОЛЕНСКА

Военная история юго-западного русского порубежья с древнейших времен до XVII в.

Художественный редактор *Е.Ю. Шурлапова*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректоры *А.В. Максименко, О.А. Левина*

Подписано в печать 20.03.2018.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская. Гарнитура «LiteraturnayaC».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.
Уч.-изд. л. 19,92 + вклейка = 20,06.
Тираж 2 000 экз. Заказ №К-3269.

ООО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Е.А. ШИНАКОВ

ОТ ЧЕРНИГОВА ДО СМОЛЕНСКА

Военная история юго-западного русского порубежья с древнейших времен до XVII в.

В работе профессора Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, доктора исторических наук Е.А. Шинакова на основе анализа широкого круга археологических и письменных источников рассматривается история вооружения и воинской культуры одного из самых «беспокойных» регионов России, всегда находившегося в пограничье различных этно-культурных и государственных ареалов и даже сейчас остающегося на стыке сразу трех стран. Российскую часть этого большого исторического региона сейчас занимает Брянская и частично — Смоленская и Калужская области, украинскую — Черниговская и Сумская, белорусскую — Гомельская и Могилевская области. Своеобразной осью этого региона от Смоленщины до Черниговщины является река Десна с ее притоками, поэтому его называют «Подесенье». Хронологические рамки работы — от древности, момента зарождения оружия и военных конфликтов, до конца XVII в., когда Подесенье фактически перестало быть беспокойным военным пограничьем.

1-16 Чел. Читай-город РЧ
14.04.2018 ООО "ГРАМОТА"
От Чернигова до Смоленска Военная истс
ия юго-зап. русского порубежья. (мНовИс
9785227080318 ВК:
Цена 312 руб.
Микроарти
145515
Код
2644799
ТБК
11-7122

Выпуск 10